Ч
Л-89

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. С. Львов

Очерки по лексике памятников старославянской письменности

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в.в. виноградова

www.ruslang.ru

61711

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. С. ЛЬВОВ

Очерки по лексике памятников старославянской письменности

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1966

Ч
Л-89
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
20 61711

7-1-1
376-66

Предисловие

Данная работа посвящена изучению лексических вариантов в памятниках старославянской письменности, передающих одно и то же греческое слово. Часть очерков (глав), включенных в эту работу, опубликована [1]. Однако в процессе дальнейших разысканий вскрылись новые данные, требующие изменения некоторых положений, зафиксированных в опубликованных частях работы. Так, в опубликованных частях нигде не говорится о лексических моравизмах, поскольку эта проблема автору была не вполне ясной. Дальнейшие разыскания убедили, что в Моравии в процессе переводов новых памятников, а также редакционного пересмотра (правки) в лексику ранее переведенных памятников внесены изменения.

Таким образом, в данной работе представляет новую редакцию то, что опубликовано ранее. Отдельные очерки, сравнительно с напечатанными, значительно изменились и дополнились, см., например: **бадии — краѹь, блюдо — миса, дрьколь — жрьдь, жаль — гробиште, кладязь — стоуденьць** и др.

Решение проблемы лексических вариантов памятников старославянской письменности очень сложно. Возможно, что отдельные положения автора в связи с этим будут спорны. Автор будет весьма признателен тем, кто своей критикой окажет ему помощь в дальнейшей работе.

Работа была завершена в 1961 г., печатание же ее несколько задержалось. К указанному времени из печати вышли первые

---

[1] См.: «Из старославянската лексика». — «Български език», 1957, год. VII, кн. I; «Старославянское **напроути — напитѣти**». — «Slavia», 1956, roč. XXV, seš. 2; «Из наблюдений над лексическими вариантами памятников старославянской письменности». — Там же, 1959, roč. XXVIII, seš. 4; «Старославянское **година — часъ**». — КСИС АН СССР, 1958, вып. 25; «Старославянское **кънигы — боукъви**». — Там же, 1960, вып. 28; «Старославянское **ашютъ — спѣіти — тоуне**». — «Докл. и сооб. Ин-та языкознания АН СССР», 1959, вып. XII; «Очерки по лексике памятников старославянской письменности». — «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., 1961.

три выпуска Slovník'a jazyka staroslověnského, издаваемого Академией наук Чехословацкой социалистической республики. До марта 1966 г. в свет вышло уже 11 выпусков названного словаря. В нем опубликован материал, на который следовало бы ссылаться, хотя этот лексический материал не привносит ничего, что заставляло бы менять высказанные в данной книге положения. Ввиду сказанного читателя не должно удивлять отсутствие ссылки в данной работе на Slovník jazyka staroslověnského.

В 1961 г. отмечалось 1100-летие старославянской письменности. Юбилей этот вызвал много трудов, изданных в разных странах, но среди этой значительной по объему литературы, к сожалению, почти не обнаруживаем работ, посвященных анализу лексики памятников старославянской письменности. Задачей должно явиться продолжение исследований лексических вариантов в памятниках старославянской письменности, так плодотворно начатое в свое время В. Ягичем. Авторитет Ягича в данном вопросе до сих пор признается непререкаемым. Однако значительная часть его работ по интересующему вопросу, по нашему мнению, все же требует критической переоценки. С целью привлечения внимания мы порою несколько заостренно оцениваем труды этого маститого ученого, что, разумеется, не должно умалять имя этого известного всем ученого в истории славистики.

Введение

Первый исследователь лексики церковных книг И. Добровский живо интересовался словарными соответствиями старославянских текстов с лексикой живых славянских языков. Порою, не находя параллелей к словам из церковных книг в существовавших в его время словарях живых славянских языков, Добровский в поисках таких соответствий вступал в переписку с отдельными лицами. Так, в 1806 г. он обратился к одному харьковскому знакомому с просьбой, чтобы последний разъяснил происхождение слов: кумиръ, конобъ, отокъ, токъ (на гумне), крупа или корупа, пожда, благожелъца, кружилица, свинецъ, сунъ[1].

Результаты своих исследований лексики церковных книг И. Добровский изложил в весьма объемистом труде «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris»[2]. Вся первая часть (более 200 стр.) отведена словарю, который выбран из рукописей и старопечатных церковных книг. Обширный список непроизводных и производных слов старославянских памятников автор сопровождает соответствиями из живых славянских языков. Правда, ко многим словам эти параллели отсутствуют, вероятно, потому, что они не были найдены исследователем. Добровский же пользовался памятниками весьма поздних списков, лексика которых сильно отличается от лексики так называемых классических памятников старославянской письменности. Кроме того, Добровский был ограничен словарными данными живых славянских языков, в частности, он не мог пользоваться в работе даже таким трудом, как «Словарь Академии Российской», не говоря уже о том, что в его распоряжении не было данных о лексике болгарского языка ввиду отсутствия в то время каких-либо лексикографических трудов по этому языку.

---

[1] См.: А. В. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, ч. I. Варшава, 1912, стр. XXVI и след.

[2] Этот труд, вышедший в Вене в 1822 г., переведен на русский язык и издан под заглавием: «Грамматика языка славянского по древнему наречию». СПб., 1833.

И. Добровского интересовали и лексические варианты изученных им памятников. Так, в введении к «Грамматике языка славянского по древнему наречию», перечисляя рукописи, которыми он пользовался, И. Добровский писал: «Два бумажных кодекса — пражские евангелия у Грисбаха 4 и 7, описали кратко. В первом из рода сербских в Королевской публичной библиотеке находятся слова древнейших кодексов: година вм. ѵас, иτер вм. нѣкъи, книгъı вм. писание, опона вм. завѣса, вдѣ вм. вложи, неѵю вм. неѵвѣдѣ, отежѵены вм. отягчены и проч.»[3].

Автор не объяснял причины появления подобных лексических вариантов. А. Х. Востоков в знаменитом труде «Рассуждение о славянском языке» (1820) одновременно и независимо от Добровского высказал мнение, что переписчики старых рукописей «имели свои причины переменять или, по их мнению, поправлять язык уже мертвый, в книгах только сохранившийся. Одни почитали нужным заменять невразумительные для них слова или окончания употребительными в их время и на их диалекте, чтобы быть понятными для народа, среди коего писали. Другие самопроизвольными переменами думали придать правильность языку, который в доставшихся им книгах, может быть, действительно был искажен неучеными переписчиками или коего древние, правильные формы могли показаться им ошибками переписчиков, когда они в их время были неупотребительны, и притом еще, когда они не подходили под правила греческой и латинской грамматики»[4].

То, что приписывает А. Востоков писцам, едва ли целиком соответствует действительности. Как известно, писцы, дорожа ценностью переписываемого памятника, старались скопировать его точно и, не будучи уверенными в том, что это им полностью удалось, обычно в послесловиях просили читателей не проклинать их за невольные ошибки, а, исправив их, пользоваться книгой. Ср., например, слова дьякона Григория, переписавшего евангелие для новгородского посадника Остромира: **молю же кьсѣхъ поучитающихъ. не мозѣте клати. нъ исправльше. поучитите**. Подобных просьб, обращенных к читателям, можно привести много. Тем не менее в приведенных высказываниях А. Востокова много такого, что заслуживает внимания. Дело в том, что рукописи дошедших до нас памятников сильно разнятся друг от друга не только лексическими вариантами, но и в морфологии и синтаксисе. Все эти изменения могли ввести в те или иные рукописи прежде всего редакторы и правщики, сверявшие наличный текст с греческим оригиналом перед тем, как его переписывать. Не исключено, что в процессе сверки

---

[3] J. Dobrowski. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Vindobonae, 1822, стр. XVII и след.

[4] А. Востоков. Филологические наблюдения. СПб., 1865, стр. 5.

редакторы вполне сознательно могли заменять одно слово другим, одну форму другой именно с целью, как утверждает А. Востоков, «быть понятным для народа, среди коего писали».

Выяснение подобных изменений требует сравнительно-исторического изучения памятников старославянской письменности, при котором данные живых славянских языков несомненно должны играть определенную роль. В этом отношении высказывания И. Добровского и А. Востокова несомненно плодотворны.

С самого начала изучения памятников старославянской письменности их лексические данные использовались для доказательства народной основы языка исследуемых рукописей. И. Добровский, как известно, придерживался мнения, что лексика памятников близко совпадает с лексикой сербского языка[5]. Б. Копитар главным образом на основании таких латинских и германских слов, как **црькъı**, **олътарь**, **постъ**, **попъ**, **цѣсарь**, **кънязь** и т. п.[6], утверждал, что эта лексика могла войти в язык памятников старославянской письменности там, где славянское население граничило с Римской империей и немцами. Такой территорией, по его мнению, могла быть только древняя Паннония, населенная в основном предками современных словенцев.

Разумеется, наличие подобных слов в самых первых переводах евангелия и псалтыри, как полагают, выполненных где-то на юге, на язык солунских славян, едва ли объяснимо. Если же придерживаться в общем правильной мысли А. Х. Востокова, подобные слова возможно признать введенными позже, скажем, на территории Моравии или Паннонии. Однако это допущение требует специальных разысканий.

П. Шафарик в работе «О происхождении и родине глаголитизма»[7] пришел к выводу, что в памятниках, написанных кириллицей, слова, характерные для глаголических памятников, заменены другими. Такие явления наблюдаются, и они могут свидетельствовать о том, что многие памятники, написанные кириллицей, относятся к особой редакции. Однако П. Шафарик, непомерно преувеличив это явление, считал, что глаголические памятники написаны на древнесловенском языке. В доказательство им приведен список около 100 слов, якобы характерных только для глаголических памятников, которым в кирилловских всегда соответствуют другие слова. Например, **крижь** характерно только

---

[5] См.: J. Dobrovský. Über die altslovenische Sprache. «Slavin» Prag, 1806.

[6] См.: B. Kopitar. Glagolita Clozianus. Vindobonae, 1836, глава IX и след.

[7] См.: «Чтения в Об-ве истории и древностей российских», кн. 4. М., 1864.

глаголическим памятникам, а крьстъ — кирилловским. На самом деле первое слово появляется только в поздних списках памятников, а в древних списках известно только крьстъ. Соответственно ошибочно отнесение только к глаголическим братръ, окришьлъ, локва, мисл, цѣста и т. п.

Расхождение в лексике памятников разных списков, в том числе и глаголических, — несомненный факт. Имеются отличия в лексике глаголических и кирилловских памятников, все это обязывает исследователя доискаться причин, приведших к изменению словарного состава памятников. При этом следует руководствоваться все же тем, что в этом меньше всего были повинны писцы или переписчики.

Ягич, так много сделавший в деле регистрации лексических вариантов, извлеченных из памятников, свое исследование лексики памятников старославянской письменности начал с реализации положений Шафарика. Поэтому, например, анализ лексики Ассеманиева ев. он проводил в плане противопоставления лексических особенностей этого памятника Остромирову евангелию как памятнику, написанному кириллицей[8].

Позже Ягич отказался противопоставлять глаголические памятники кирилловским, потому что на основании фактических данных пришел к убеждению, что замена одних слов другими касается и самих глаголических памятников. При этом исследуя лексические варианты, передающие одно и то же греческое слово, он натолкнулся на явления, заслуживающие внимания. Приведем несколько цитат из сочинения Ягича, иллюстрирующих высказанное мнение.

«**Въмѣтати** (βάλλω) также **помѣтати** изредка заменяется **вълагати** или **полагати**, напр., Мф. VII, 6 **помѣтаите** в Мар., Зогр., Асс.; **полагаите** в Сав., там же XXVII, 6; Мрк. VII, 33; Ио. XIII, 2 **вложити**; Ио. VII, 44 **възложи**; Ио. XV, 6 **въмѣтаѭтъ** в Остр., **вълагаѭтъ** в Асс., Зогр., Мар.; Ио. XX, 25 **вложѫ**, там же 27 **вложи**. Зачастую βάλλω передается также глаголом **крѣшти — кръгѫ** и **въкрѣшти — въкръгѫ**. Вызывает восхищение тонкость языкового чутья переводчиков в передаче этого греч. глагола общеизвестным значением. Например, когда речь идет о слове **вино** греч. слово βάλλω передается словом **въливати** (Мф. IX, 17; Мрк. II, 22; Лук. V, 37, 38; Ио. XIII, 5; ср. Мф. XXVI, 2 **възльѣвъши**), и там, где речь идет о заключении в тюрьму, переводчик употребляет глагол **въсадити** (Мф. XVIII, 30; Лук. XII, 58; XXIII, 25; Ио. III, 24). Весьма примечательно, что Лук. XIII, 8 греч. βάλλω κόπρια передано оригинальным славянским речением **осъиплѫ гноемь** (в Срец. **посъиплѫ**), ср. также Лук. XIV, 35 **исъиплетъ сѧ** (вар. **исъиплѭтъ**). Таким же обра-

[8] См.: «Assemanov ili Vatikanski evangelistar». Zagreb, 1865, стр. LX и след.

зом Ио. XVIII, 11 метко **вънь3и** во всех старших текстах, но в Сав. **къзкрати»** [9].

В другом месте читаем: «**исѧкнѫти** (ξηραίνομαι) Мрк. V, 29 в Мар., Зогр., Асс., Галч.; **исъхнѫти** в Юрьев., см. словарь Амфилохия, последнее, впрочем, является обыкновенным переводом, которое находится в старших текстах Мф. XIII, 6; XXI, 19; Ио. XV, 6 рядом **оусъхнѫти**, например, Мф. XXI, 20; Мрк. IV, 6; Лук. VIII, 6 **оусъше**; Мрк. XI, 20 **оусъхъшѫ**. Эта особенность характеризует тонкое языковое чутье переводчиков, которые на первом месте, где идет речь о кровотечении, предпочитают слово **исѧкнѫти**, а не **исъхнѫти**» (Entst. 353).

«В передаче греч. πηγή употребляются оба слова: Ио. IV, 6 **стоудєнєць**, **на стоудєньци** в Мар., Трнов; **кладѧзь**, **на кладѧзи** в Зогр.; πηγή передается еще словом **источьникъ** Мрк. V, 29; Ио. IV, 14. Причем можно констатировать тонкую разницу в употреблении этих слов. Так, можно говорить только **источьникъ кръкє** и **источьникъ водъı**, но нельзя — **стоудєньць кръвє** или **стоудєньць водъı**» (Entst. 397—398).

Таким образом, Ягичем замечена исключительно характерная черта в деятельности первых переводчиков, которые одно и то же греческое слово на славянском передавали разными словами в зависимости от того, какое славянское слово лучше и точнее соответствовало оттенку значения переводимого слова. Заметив эту характерную особенность в деятельности первых славянских переводчиков, Ягич не продолжил поиска в этом направлении. В основном весь его исследовательский опыт был направлен на то, чтобы в наличных синонимах или лексических парах, передающих одно и то же греческое слово, найти то слово, которое употребляли первые переводчики. При этом остается неразъясненным, почему, например, **мисa** следует считать первичным, т. е. употребленным первыми переводчиками, а **блюдо** — вторичным словом, т. е. употребленным поздними переписчиками взамен первичного, или почему **година**, **искони**, **искръ**, **ѭдро** — первичные слова, а **ѵасъ**, **испрьва**, **близъ**, **скоро** — вторичные слова?

В целом следует считать правильными приемы установления лексических вариантов Ягича, что и позволило ему выявить большой список первичных и вторичных слов в различных списках евангелий, псалтыри, Апостола и Апокалипсиса, разделив их на три группы: 1) «Варианты лексики. Отступления при производстве от одного и того же корня» (Entst. 281 и след.); 2) «Непереведенные выражения и их заменители» (Там же, 299 и след.); 3) «Варианты лексики. III. Отклоняющиеся слова

---

[9] V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 333. В дальнейшем Entst., цифра указывает страницу.

и выражения при передаче одного и того же греческого слова» (Там же, 321 и след.).

Если наличие весьма тонкого языкового чутья у первых переводчиков не вызывало сомнений, то, по-видимому, необходимы были такие разыскания, в результате которых появился бы ответ на вопрос: на основании каких данных нельзя тот или иной лексический вариант считать не принадлежащим к первичному переводу? В таком случае, естественно, то или иное слово, никак не входящее в это понятие, казалось бы включенным в текст церковных книг позже при сверке и правке согласно греческим каноническим текстам. К сожалению, это необходимое звено отсутствует в работах Ягича.

В ряде случаев Ягич наличие первичных и вторичных слов устанавливает без учета данных всех памятников собственно старославянской письменности. Так, **безоумьнъ**, которое у него первичное, **несмъıсльнъ**, которое у него вторичное, устанавливается только по данным Апостола, списки которых не старше XII в. В том же плане рассмотрены **благоличити** и **благокеличати**, **бѣлъ** и **серенъ**, **веселие** и **радость**, **видѣти** и **зьрѣти** и т. д.

За исключением весьма редких случаев Ягич не учитывает данные таких памятников, как Клоц. сб., Син. трб., Супр. рук., Киев. лл. и нек. др. Нам кажется, что без учета всех основных памятников старославянской письменности невозможно представить специфику лексики этого языка.

Ягич не уделял должного внимания значению слов в контексте, вместо этого ограничивался констатацией того, в каких местах греческое слово передано различными словами. Для решения такой важной проблемы, какую поставил перед собой Ягич, этого едва ли достаточно.

Хотя Ягич сделал очень много в деле изучения словообразовательных вариантов и вообще лексических вариантов — в этом его бесспорная заслуга, но в ряде случаев его комментарии к тем или иным лексическим вариантам, наряду с отдельными бесспорно правильными положениями, содержат много спорного и неясного. Все это требует критического подхода к трудам Ягича. Но его труды были признаны образцовыми, на которые можно положиться вне всякого сомнения.

Так, П. А. Лавров писал: «Чрезвычайно важное значение получает та часть его книги (т. е. Entst. — *А. Л.*), в которой он дает разбор перевода св. писания. Во 2-м издании оно занимает почти половину всей книги, по его словам, представляет не только распространение объема материалов, но и углубление в самую суть вопроса. Лексические варианты распределяются на три группы... Эта часть, конечно, долго будет служить пособием всем, кто в будущем займется таким же анализом новых текстов. Они, разумеется, дадут возможность расширить

материал, собранный Ягичем, как об этом мы можем судить по собственному опыту»[10].

Труды В. Погорелова о редакциях псалтыри[11], И. Евсеева[12], А. Михайлова[13], И. Курца[14], К. Горалека[15] и других при анализе лексики исходят из выводов Ягича, не подвергая их критическому пересмотру.

В 1900 г. А. И. Соболевский, анализируя отдельные памятники церковно-славянской письменности, пришел к выводу, что некоторые из них переведены на славянский язык в Моравии с латинского языка. Свое убеждение о месте перевода он основал на том, что в ряде памятников употребляются такие слова, которых нет в так называемых кирилло-мефодиевских переводах, а если даже они есть, то употребляются с другим значением. Эта группа слов, по мнению Соболевского, характерна для западнославянских языков. В числе таких памятников, в частности, находятся Беседы папы Григория римского на евангелие[16]. «Имеющиеся здесь многочисленные западнославянизмы (= моравизмы), — пишет Соболевский, — вполне разрешают наш вопрос о происхождении этого памятника, снабжают нас богатым материалом и дают ключ к пониманию и оценке данных древних переводов с латинского».

«Богатый материал «Бесед», — продолжает Соболевский, — о котором мы упомянули, как данные других затронутых нами памятников, не принадлежат ни фонетике, ни морфологии. Материал, которому мы придаем значение, — словарь. Хотя переписчики касались и его, но, во-первых, далеко не все, а во-вторых, лишь в немногих особенных случаях. За редкими исключениями, словарь списка совсем или почти совсем не отличается от словаря оригинала. Поэтому только словарным материалом мы и будем пользоваться»[17].

---

[10] П. А. Лавров. Кирилло-мефодиевские вопросы в трудах Ягича. «Изв. ОРЯС АН СССР», 1924, т. 28, стр. 384.

[11] В. Погорелов. Псалтыри. М., 1901; Он же. Толкования Феодорита Киррского на псалтырь в древнеболгарском переводе. Варшава. 1910.

[12] И. Евсеев. Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. СПб., 1897; Он же. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.

[13] А. Б. Михайлов. Опыт изучения книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912.

[14] J. Kurz. K Sografskému evangeliu. «Slavia», 1932, roč. XI, seš. 3—4.

[15] K. Horálek. Význam Savviny knigy pro rekonstrukci stsl. překladu evangelia. Praha, 1948; Он же. Fvangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954.

[16] А. Соболевский. Церковнославянские тексты моравского происхождения. — РФВ, 1900, № 1—2, стр. 150 и след.

[17] Там же, стр. 153—154.

Соболевский допускает, что фонетические явления, отраженные в том или ином памятнике, не являются убедительными доводами при решении вопроса о народной основе языка церковных книг, так как при переписке они, фонетические явления, сознательно и без особого труда могли быть изменены. Тем самым Соболевский присоединяется к мнению М. Прохазки, Б. Копитара и других, утверждавших, что такие фонетические явления, как ꙁ и ц или *жд* и *шт*, а также trat, trět и другие, легко могли быть внесены при переписке памятников в западных и южных славянских землях. Так же могли быть внесены кое-какие коррективы в морфологию и даже лексику. Однако, по мнению Соболевского, лексика памятников могла остаться более устойчивой, потому что в том или ином славянском языке не ко всем словам текста могли быть подобраны слова-заменители.

Соболевский считает, что большая часть лексики «Бесед» — это слова, которые находятся в кирилло-мефодиевском переводе евангелий, апостола и псалтыри, как например: **алъканье**, **бесѣдовати**, **бисьръ**, **ближика** и т. п. Меньшая же часть лексики этого памятника, по Соболевскому, или совсем не встречается в вышеназванных переводах, или эти слова встречаются в них с другими значениями. К таким словам Соболевский относит: **каровати**, **каровьнъ**, чеш. varovati, varovný; **келѣти**, veleti, **кластьнъ**, vlastní; **кѣсть**, věstý; **кѣдѣние**, vedení; **гризъ**, hryz; **долѣ**, dole; **законьникъ**, zákonník; **изколити**, zvoliti; **казати**, kázati (говорить); **каание**, káni; **ключьнъ**, klíčný; **малъчькъ**, malíček; **молитвьница**, modlitebnice; **намѣстие** (наследство), náměstek; **печа**, péče; **рачити**, ráčiti; **распачати сѧ**, rozpačiti se; **рѣчь**, чешской параллели Соболевский не находит, поэтому ссылается на польск. rzecz, **снага**, **снажьнъ**, snaha, snažný; **строусъ**, pštros, польск. struś (страус); **едасчо**, ledaco, ledakterý (кое-как); **поневаже**, poněvadž; **толькѣка**, kolvěk.

Далее в статье говорится, что несколько глаголов имеют западнославянскую приставку **къı-**, ср.: **къıлести**, **къıлазити**, **къıходити**, **къıгънати** и т. п.

В. Ф. Мареш, подготовивший этот памятник к изданию по рукописям, хранящимся в Москве и Ленинграде, подробно проанализировал те черты языка, которые по праву могут считаться моравизмами или чехизмами. Его исследование полностью подтверждает мысли Соболевского о переводе памятника с латинского языка западнославянскими книжниками. Помимо того, Мареш, опираясь на другие исследования, представил достаточно убедительный материал, вскрывающий черты моравизмов не только в лексике, но и в фонетике языка памятника [18].

[18] F. V. Mareš. Česká redakce církevní slovanštiny v světle Besěd Řehoře Velikého (Dvojeslova). «Slavia», 1963, roč. XXXII, seš. 3, стр. 417—451.

К группе памятников, которые переведены с латинского западнославянскими книжниками, Соболевский относит еще Никодимово евангелие, Киев. лл., а также оригинальные Легенды о св. Вячеславе (Вацлаве) и нек. др.

Соболевский правильно отметил, что лексика «Бесед» и некоторых других памятников по существующим данным не согласуется с южнославянским словарем, поэтому он локализировал их на территории западных славян. Исследование М. Вайнгарта подтвердило суждение Соболевского. Вайнгарт специальным исследованием установил характерные черты языка в лексическом, фонетическом и морфологическом отношениях этих переводов[19]. Наблюдения над текстом житий Константина и Мефодия и других оригинальных и переводных памятников обнаружили характерные западнославянские черты не только в словаре, но и словосочетаниях[20].

Плодотворные мысли и предложения А. Соболевского не получили дальнейшего развития в исследовании лексики памятников старославянской письменности. Так, В. Погорелов в своем исследовании о Сав. кн. приводит список так называемых западнославянизмов, вроде **прошѫ**, **неджгъ**, **животъ**, **къниджѫ**, **сънидѫ**, **желаѫ**, **къньтрь**, **двьрь** и т. п., которые, якобы, как западнославянизмы заменены редактором Сав. кн. болгаризмами: **молѫ**, **болѣзнь**, **жизнь** и проч.[21] На I съезде славистов Погорелов в обоснование наличия западнославянизмов в лексике памятников старославянской письменности, конспективно повторив изложенные выше доводы Соболевского, привел такой список слов, которые должны считаться моравизмами: **ашоуть**, **варъ**, **вънити—сънити**, **вьсь миръ**, **година**, **гории**, **градьць**, **грознь**, **дрьколь**, **древле**, **еда**, **заповѣдати**, **исказити—прокаженъ**, **исполинъ**, **мрѫзити**, **налѫцати**, **оскрѫдъ**, **отрокъ**, **палица**, **пастъирь**, **приткоръ**, **просити**, **пѣнязь**, **спѧти**, **стоуденьць**, **съньмъ**, **съръ̀тение**, **оусньнѣнъ**, **оумѣти**, **хрьбетъ** и, как говорит автор, еще «некоторые другие»[22].

Автором не приведены доводы, убеждающие читателя, что действительно эти слова являются западнославянизмами. Кроме

---

[19] См.: M. Weingart. Československý typ cirkevnej slovančiny. Bratislava, 1949.

[20] См.: П. Лавров. Кирило та Методій в давньослов'янскому письменстві. Київ, 1928, стр. 91 и след.; J. Vašica. Jazyková povaha Zakona suedného Ijudem. «Slavia», 1958, roč. XXVII, seš. 4; А. С. Львов. Някои въпроси от Кирило-методиевската проблематика. «Български език», год. X, кн. 4. София, 1960.

[21] См.: В. Погорелов. Опыт изучения текста Саввиной книги. «Sborník filosofické faculty University Komenského», roč. V. Bratislava, 1927, стр. 77.

[22] См.: В. Погорелов. Западно-славянские элементы в кирилло-мефодиевской лексике. «Sborník praci I. sjezdu slovanských filologů v Praze», 1929, svazek II. Praha, 1932, стр. 667.

этого, не показано, каким образом эти западнославянизмы могли оказаться в южнославянских переводах памятников старославянской письменности.

Некоторые основы для исследования данной проблемы дал В. Вондрак. Наблюдая над особенностями языка апракосов и тетров той части, которые не входили в апракосы, Вондрак пришел к выводу, что в последних появляются слова, отсутствовавшие в первых, например: **боукъви** вм. **кънигъı**, **отъпоустити** (**грѣхъı**) вм. **оставлѣти**; **пира** вм. **мошьна** и т. п. Эти и другие факты дали основание Вондраку констатировать, что так называемые комплекторные части тетра переведены лицами, не участвовавшими в переводе апракоса. В Моравии слили воедино оба перевода, не согласовав их по языку, поэтому-то в евангелиях появились двоякие выражения. Еще позже, по мнению Вондрака, работа над текстами евангелий вылилась в то, что стали дословно сближать их с каноническими греческими текстами. В связи с этим первоначальный более или менее вольный или сделанный по смыслу перевод кое-где даже потерял и смысл [23].

Механическое слияние апракоса с так называемыми комплекторными частями тетра при составлении последних подтверждается и последующими исследователями [24].

Все это является основанием для поисков причин того, почему в комплекторных частях тетра появляются другие слова и выражения. Поскольку тетры дошли до нас в глаголических списках с теми же архаическими чертами языка, что и глаголические апракосы, возможно a priori считать несомненным, что евангелие-тетр составлено в Моравии, где особых изменений, например, в морфологию не вносили. Деятельность славянских просветителей в Моравии в основном под руководством Мефодия продолжалась почти четверть века. За это время ими была подготовлена целая плеяда священнослужителей из местного населения, среди них, надо полагать, оказались и такие, которые были способны заниматься переводческой деятельностью. На основании изучения всех доступных материалов должно попытаться ответить на вопрос: не приспособляли ли переводчики и редакторы Моравии язык церковных книг в какой-то степени к местной речи?

Проблема западнославянизмов в языке памятников старославянской письменности так или иначе должна быть разрешена.

Б. Цонев в работе «Къи новобългарски говори стоят найблизу до старобългарски в лексикално отношение» пытается дока-

---

[23] V. Vondrák. O cksl. překladu evangelia v jeho dvou různých částech a jak se nám zachoval v hlavnějších rukopisech. «Даничићев зборник». Београд—Љубљана, 1925, стр. 9 и след.

[24] J. Vrana. O tipovima, redakcijama i međusobnom odnosu staroslovjenskih evanđelja. «Slavia», 1960, roč. XXIX, seš. 4, стр. 552.

зать, что лексика памятников старославянской письменности согласуется с лексикой рупско-родопских говоров болгарского языка. С этой целью около 250 слов, выбранных не из так называемых классических памятников старославянской письменности, а из труда Миклошича «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum», он сопоставляет с данными указанных говоров[25].

С. Кульбакин в работе «О речничкој страни старословенског језика» справедливо указал на слабость и неубедительность ряда положений в исследовании Цонева. Правда, сам Кульбакин, поставивший целью доказать, что по лексическим данным говор македонских славян был наиблизким сербо-хорватской и словенской группе языков, не показал это вполне убедительно. С. Кульбакин в своей работе не проявил достаточной научной объективности, помимо того, он ограничился перечислением более 700 слов, не подвергая их анализу в контексте, а также в связи с данными живых славянских языков[26].

Одним словом, работы Б. Цонева и С. Кульбакина не внесли чего-либо существенного в исследование лексики памятников старославянской письменности. В частности, об общеславянском словарном фонде старославянского языка, поднятом С. Кульбакиным в названной работе, почти за 50 лет до него более основательно писал А. С. Будилович[27]. Автор «О речничкој страни...» не воспользовался данными последнего.

А. Мейе причисляет лексику старославянского языка к диалектной[28]. Вместе с тем он признает, что разница между лексикой старославянского языка и лексикой остальных славянских языков не очень велика. Наши наблюдения подтверждают последнюю мысль Мейе[29].

Наличие значительного количества лексических вариантов в памятниках, передающих одно и то же греческое слово, надо полагать, в какой-то степени объясняется приспособлением текста церковных книг к языку той славянской страны, где так или иначе проводилась переводческая и редакторская работа. К таким странам прежде всего по имеющимся данным относится Моравия и восточная Болгария. В результате пересмотра текстов первоначального перевода апракоса и псалтыри в Моравии,

---

[25] См.: «Списание на българската Академия на науките», кн. XI, № 7. София, 1915, стр. 1 и след. Упомянутая работа позже перепечатана с незначительными изменениями в книге: Б. Цонев. История на български език, т. I. София, 1919, стр. 89 и след.

[26] См.: «Глас Српске краљевске Академије», CXXXVIII, други разред, 73. Београд, 1930, стр. 87 и след.

[27] См.: А. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным, ч. I. Киев, 1878.

[28] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 7, 395.

[29] См.: А. С. Львов. Из наблюдений над лексикой старославянских памятников. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 1954, т. IX, стр. 139 и след.

а затем в восточной Болгарии несомненно во многом нарушилась специфика языка первичного перевода. Таково убеждение почти всех исследователей. Это убеждение и привело к мысли о необходимости реконструировать текст первоначального перевода евангелий и псалтыри. Первый съезд славистов в Праге 1929 г. вынес решение на основе известных рукописей создать реконструированный текст старославянских евангелий [30]. Выполнять это решение стал И. Вайс [31]. Работа Вайса никого не удовлетворила. Для выполнения такой работы отсутствуют удовлетворяющие всех исследования лексики, не говоря о том, что отсутствует анализ синтаксиса да и вообще сравнительно-историческое изучение славянских текстов памятников между собой, а также в соответствии с данными греческих текстов.

Положительной стороной работы Вайса по реконструкции текста евангелий явилось все же то, что она вызвала ряд новых исследований. К ним, пожалуй, прежде всего относятся работы К. Горалека [32]. В своих исследованиях Горалек проделал большую работу по сличению отдельных списков славянских евангелий, а также изучил их отношение к греческим или латинским текстам. Оказалось, что Сав. по лексическому составу и синтаксическим особенностям ближе к Зогр. и Мар., чем Асс. и Остр. Последние, по мнению автора, во многом потеряли высокие качества первичного перевода, якобы сохранившегося лучше в Зогр. и Мар., с чем, кстати сказать, полностью согласиться невозможно. Обращено внимание на расхождение апракосов от тетр.

Целиком опираясь на исследования Ягича как на бесспорные, Горалек в ряде случаев пришел к неоправданным выводам. Так, на основе конкретных данных он пришел к заключению, что Сав. гораздо ближе к тетрам, но из этого не сделал соответствующих выводов. Несомненно, что Сав. прошла неоднократную правку и лишь полное выявление всех пластов изменений может показать судьбу текста Сав. кн.

При изучении текстов апракосов важно обратить еще внимание на то, что многие из них составлялись из разных источников, особенно ярким примером в этом отношении является Архангельское евангелие, делящееся на две части не только по почеркам, но и по лексике и языку в целом [33]. Изучая особенности лексики Остр., мы натолкнулись на факты, когда повто-

---

[30] См.: J. Vajs. K charakteristice nejstarších evang. rukopisů staroslověnských. «Byzantinoslavica», roč. V. Praha, 1933—1934, стр. 113.

[31] См.: «Evangelium sv. Matouše». Praha, 1935; «Evangelium sv. Marka». Praha, 1935; «Evangelium sv. Lukáše». Praha, 1936; «Evangelium sv. Jana». Praha, 1936.

[32] См.: K. Horálek. Význam Savviny knigy...; Он же. Evangeliáře a čtveroevangelia.

[33] См.: М. А. Соколова. К истории русского языка в XI в. «Изв. ОРЯС АН СССР», 1930, т. III, кн. 1.

ряющиеся в разных местах тексты одного евангелиста отличаются друг от друга по языку: одни несомненно ближе или почти отражают текст апракоса, другие — тетра[34]. То же наблюдается, правда, в меньшей степени в Асс. Так, Ио. III, 22—32 находятся бесспорные восточноболгаризмы, то же Мф. XII, 30—37 и в некоторых других местах, тогда как эта рукопись в целом не свидетельствует о том, что она подверглась специальной правке в восточной Болгарии.

При изучении лексики, особенно лексических вариантов, невозможно пройти мимо подобных фактов. Горалек пришел к выводу, что «носителем динамического развития ст.-сл. перевода были апракосы, притом, прежде всего, со стороны языка»[35]. И это понятно, потому что они были более необходимы в церковной службе, их требовалось больше, чем тетров. По всей видимости, их больше всего старались сделать понятными тому населению, среди которого проводилась церковная служба.

Словом, изучение лексических вариантов не может ограничиться только разысканиями так называемых первичных и вторичных слов на основе сопоставлений памятников, а оно должно объяснять любой вариант на основе глубокого и всестороннего изучения текстов. Только тогда мы будем в состоянии судить об истории развития старославянской лексики. Поэтому прав А. Достал, констатируя: «Точно утверждать, что то или иное слово сохранилось в старославянских памятниках, трудно — для этого пришлось бы подробно исследовать все памятники и разобраться в неясных местах текста; еще труднее безоговорочно утверждать, что то или иное слово не входило в состав старославянского языка»[36]. Многие труды, в частности Ягича, Горалека и других, исходят, например, из убеждения, что **непрѣзнь** в передаче ὁ πονηρός — первичное слово, а **лѫкавъıи** на его месте — вторичное (Entst. 369, K. Horálek, Ev. 84). Как увидим ниже в специальной главе, дело обстоит не так просто и на основании данных весь вопрос следует рассматривать иначе. Другой пример. Ягич констатировал, что Мрк. VII, 32 на месте греч. μογιλάλος в одних рукописях читается **гѫгънивъ**, в других — **нѣмъ**, в третьих **нѣмъ гѫгънивъ** (Entst. 338). Не исследовав вопроса, Горалек признал третье чтение за первичное, но, как увидим ниже, **нѣмъ** бесспорно относится к первичному переводу, если исходить из контекста Мрк. VII, 32—35, в котором при составлении тетра **нѣмъ** исправлен на **гѫгънивъ**.

В евангелиях старших списков греч. δωρεάν — передано словом **спѣıти**, а в Син. пс., кроме того, и словом **лшıть**. В Остр.

---

[34] См.: А. С. Львов. Особенности в лексиката на Остромировото евангелие. «Български език», 1958, год. VIII, кн. 3.

[35] K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 282.

[36] А. Достал. Вопросы изучения словарного состава старославянского языка. — ВЯ, 1960, № 6, стр. 3.

ББК 19
www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ЯЗЫКОЗНАНИЯ
17

Ио. XV, 25 вместо **спѣти** употреблено **безоумѣ**, ср. **възненавидѣша мѧ безоумѣ** (лл. 22 и 270); в Син. пс. в таком же предложении XXXIV, 19 читается **лишѣть**, а XVIII, 5 — **спѣти**; **безоумѣ** встречается один раз в Клоц. сб. в предложении: **безоумѣ сѧ пріѹмштаѣши жрьтвѣ** (строки 505—506). В Софийском и Бухарестском списках псалтыри также вместо **спѣти** и **лишѣть** изредка употребляется слово **безоумѣ**. В Супр. рук. нет **спѣти** и **лишѣть**, вместо которых находим **безоумѣ** или **бездобь**.

Едва ли можно понять спорадическое появление слова **безоумѣ** в таких памятниках, как Остр. и Клоц. сб., если оставить в стороне данные Супр. рук. и некоторые другие среднеболгарские списки церковных книг.

В Асс., Мар., Сав. употребляется слово **плащѣница**, а в Зогр. вместо него и в том же значении находим **понѣвица**. В псалтыри не встречается ни то, ни другое слово. В Син. трб., Супр. рук., Арх. ев. находим оба упомянутых слова, но с разными значениями. Едва ли возможны какие-либо суждения об этих словах, если оставить вне внимания данные последних памятников.

В евангелиях старшего списка строго различаются по значению **година** и **ѹасъ**, но в Зогр. в ряде мест вместо первого употребляется второе слово, а в Син. трб. и Супр. рук. **ѹасъ** находим преимущественно в том же значении, как **година** в евангелиях. Таким образом, в Зогр. в употреблении слова **ѹасъ** в значении **година** других списков евангелий проявляется та тенденция, которая в Син. трб. и Супр. рук. превратилась в определенную систему.

Из сказанного следует, что лексические варианты должны анализироваться на основании данных контекста не только одного типа памятников, а всего круга памятников старославянской письменности, по крайней мере старших списков. Вместе с тем они должны быть рассмотрены и в свете данных лексики современных славянских языков.

Руководствуясь сказанным, мы пользовались следующими памятниками старославянской письменности:

1. Ассеманиево евангелие. Изд: Evangelarium Assemani, codex vaticanus 3, Slavicus glag., t. I; prolegomena, tabulae. Pragae, 1929; t. II, Praha, 1955. Ссылки в тексте сокращенно Асс. По принятой системе при цитировании евангельских текстов обозначается: Мф. = Матфей, Мрк. = Марк, Лук. = Лука, Ио. = Иоанн; римская цифра обозначает главу, арабская — стих.

2. Архангельское евангелие. Изд. фотоцинкографическое. М., 1912. Ссылки: Арх.

3. Врачанское евангелие. Изд.: Б. Цонев. Врачанско евангеле, 1914. София, 1914. Ссылки: Врач.

4. Зографское евангелие. Изд. И. В. Ягича. Berolini, 1879. Ссылки: Зогр.

5. Мариинское евангелие. Изд. И. В. Ягича. СПб., 1883. Ссылки: Мар.

6. Остромирово евангелие. Изд. А. Х. Востокова. СПб., 1843. Ссылки: Остр.

7. Саввина книга. Изд. В. Щепкина. СПб., 1903. Ссылки: Сав.

8. Синайская псалтырь. Изд. С. Северьянова. Пг., 1922. Ссылки: Син. пс., далее римская цифра — псалом, арабская — стих. В необходимых случаях учитываются данные и других списков псалтыри по изд. Ягича: «Psalterium Bononsiense». Berolini, 1907.

9. Синайский требник. Изд.: L. Geitler. Euchologium glagolski spomenik manastira Sinai brda. Zagreb, 1882; Euchologium sinaiticum starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Izdajo priredil Rajko Nachtigal, d. II. Ljubljana, 1942, XX. Ссылки: Син. трб., первая цифра указывает лист, вторая — строки.

10. Клоцов сборник. Изд.: Glagolita Clozův, vydál V. Vondrák. Praha, 1893; Clozianus, codex palaeoslovenicus glagoliticus, tridentis et oenipontanus. Edidit A. Dostál. Praha, 1959. Ссылка: Клоц. сб., римская цифра I указывает часть, которая вошла в издание Б. Копитара, II — часть, которая не вошла в издание Б. Копитара; арабская — строки.

11. Супрасльская рукопись. Изд. С. Северьянова. СПб., 1904. Ссылки: Супр. рук., первая цифра обозначает страницу, вторая — строку.

12. Киевские листки. Пользуемся фотоснимками, имеющимися в распоряжении автора. Ссылки: Киев. лл., римская цифра обозначает лист, арабская — строки.

Ссылки на другие памятники в тексте или в сносках.

Памятники, приведенные под 2, 3 и 6, не относятся к так называемым классическим старославянским. 2 и 6 признаны памятниками русского, восточнославянского извода, а 3 — болгарского. Они важны именно в том отношении, сколько в них сохранилось от так называемой старины, или от предполагаемого первичного перевода.

Так как одна из задач настоящего исследования — углубить, а в необходимых случаях пересмотреть исследования Ягича, в целях сохранения точности в большинстве случаев цитируем его сочинения. Мы не считаем нужным распределять анализируемые слова в отличные группы, как это сделано Ягичем, а располагаем их по алфавиту, считая, что классификация их по рубрикам в данном случае не играет какой-либо роли.

Сохраняя приемы изложения Ягича, в заголовке каждой статьи приводим пару или порою три и более слов, одно из которых в большинстве случаев им признано за первичное, а другое или другие — за вторичное. Термины «первичное слово», «вторичное слово» впредь будут употребляться только в указанных значениях.

Ѧшютъ — спѣти — тоуне

Слово ѧшютъ встречается только в двух памятниках старших списков: в Син. пс. 2 раза, в Клоц. сб. (тоже 2 раза). Приведем примеры:

И ѧнглъ гнѣ поганѣѭ и/хъ/ ѣко ѧшоуть съкрѣшѧ мнѣ пагоубѫ сѣти своеѭ: въсоуѣ поносишѧ дши моеи: да прідетъ емоу сѣть еѭ же не свѣстъ: и лесть ѭже съкрѣ обѧметъ і: и въ сѣть да въпадетъ въ ниж (XXXIV, 7—8).

В других списках псалтыри в приведенном тексте на месте ѧшоуть: в Погод. — то же слово, Болон. — спѣти, Бух. — тоуне, Соф. — безоума.

Слову ѧшоуть в греч. тексте соответствует δωρεάν 'даром', 'без причины', 'напрасно'. Однако если исходить из контекста псалма XXXIV, то затруднительно применить какое-либо из приведенных значений к ѧшютъ, потому что тут говорится: да... постѣдѣѭтъ сѧ мѣслѧщіи мѧнѣ зѣла (4), а зло заключается в том, что ѧшоуть съкрѣшѧ мнѣ пагоубѫ сѣти своеѭ. въсоуе поносишѧ дши моеи. Сети же пагубы, разумеется, можно скрыть только 'умышленно', 'преднамеренно'.

Да не порадоуѭтъ ми сѧ вражьдоуѭщіи на мѧ. Бес правъдъі: ненавидѧщіи мене ѧшоуть: і помиѕѣѭще оуима: ѣко мнѣ оубо мирьно глаахж. и на гнѣвъ лъсти помъішлаахж. Рашириши на мѧ оуста своѣ (XXXIV, 19—21).

На месте ѧшоуть в Погод. — то же слово, Болон. — спѣти. Бух. и Соф. — безоума.

В этой цитате ѧшоуть употреблено в значении 'без причины', так как ненавидеть невозможно ни преднамеренно, ни умышленно, но только без основания. Тут должно находиться не слово ѧшоуть, а спѣти, как LXVIII, 5: оумъножишѧ сѧ паче власъ главъі моеѭ ненавідѧштеі мене спѣти. Здесь и написание ненавідѧштеі орфографически отражает более древнее употребление і (ѩ), тогда как в примере из XXXIV, 19 написание и (ѕ)появилось в результате неумения пользоваться указан-

ными буквами[1]. В XVIII, 5 находим написание шт, а в XXXIV, 19 — позднее начертание этой аффрикаты в виде щ[2].

В Клоц. сб.: **обратіте сръдца ваша къ чадомъ. і не съмѣжіте очью вашею къ істинѣ. аште ли есте тіжде самі. і ашютъ есте лоукч/ъ/ше младѣнецъ ті камъ бждтъ сждьм по гноу словесі** (I, 3—7). В Супр. рук. подобный же текст читается так: **обратите срьдьца ваша къ чадомъ своимъ. а не съмѣжаите очию си противж истинѣ. аште ли тижде кстє. да ни слъишаште слъишите. ни видаште видите. ти безоума гнѣваѥте са на младеништа** (325, 7—12).

Таким образом, в Супр. рук. на месте **ашютъ** находится слово **безоума**.

Слову **ашютъ** Клоц. сб. в греч. соответствует μάτην 'напрасно', 'тщетно', 'безрассудно', 'ложно'. В приведенном тексте из Клоц. сб. **ашютъ** может соответствовать последним двум значениям μάτην. Точнее: **ашютъ** здесь следует понимать как 'преднамеренно', 'с умыслом', потому что лишь в таком значении должно быть нарушение христианских догматов, за что и должен последовать строгий суд. Говоря иначе, в приведенном тексте **ашютъ** по значению совпадает со значением того же слова Син. пс. XXXIV, 7.

Аште бо і тъмж імамъ добръіхъ дѣлъ. гнѣвъ же дръжімъ. кысе късоуе і ашютъ. і никоегоже спсенье сімі можемъ обрѣсті (I, 537—540). В Супр. рук.: **аште бо и тъмамъ правьдъі ти памативи ксмъ зълоу. кысе то безоума и къташте. и ничсоже о тѣхъ на спасеник. словеси плодъ сътворити можетъ** (424, 4—8).

Сочетанием слов **късоуе і ашютъ** переведено греч. ἐιχῆ καὶ μάτην; в приведенном контексте это сочетание несомненно передает понятие 'без причины', 'напрасно' и 'безрассудно': «Если при наличии множества добрых дел без причины и безрассудно сохраняем гнев (зло), то никакого спасения ими (такими поступками) невозможно обрести». Говоря иначе, в данном примере слово **ашютъ** в семантике близко к значению того же слова предыдущей цитаты.

Срезневский приводит из Пандектов Антиоха по сп. XI в. **спъіти и ашютъ** (ἐιχῆ και μάτην), и это сочетание, надо полагать, равно по значению **късоуе и ашютъ** Клоц. сб.

В словах Григория Назианзина по списку XI в. читаем: **и бе-словесе носимоу. ꙗко ни единомоу сщими. обладаижщіж и само ли са о себѣ движетъ: ꙗко же непьщюють немждрии ашютъ.**

[1] V. Tkadlčík. Trojí hlaholské ι v Kyjevských listech. «Slavia», 1956, roč, XXV, seš. 2, стр. 200 и след.

[2] Думаем, правы те, кто полагает, что в первоначальной глаголице буквы Ѱ (ψ) не было.

носими отъ дх҃а мрачьнааго и вечиньнааго (305б, 1—8), т. е. 'ложно', 'ошибочно'.

Обращает на себя внимание памятник, который чаще других употребляет слово ашють, это — «Беседы папы Григория римского на евангелие», переведенные с латинского на церковнославянский язык западнославянскими книжниками. В данном памятнике русского списка XIII в. лат. frustra почти всюду передается словом ашють. Приведем примеры из рукописи списка XIII в., хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифром «Погод. 70». ни знамении не имоуть. чюдомь творити. ако ашоуть. чюдо къньоудоу имлакть сѧ (12а, 10—13)[3]. По-видимому, ашють здесь означает 'нарочно'. крѣма покаанию погоубить ашють. прѣдъ цр҃ьствиа двери (53а, 19—22). Здесь ашоуть 'бесцельно', 'по-пустому', а может быть даже 'безрассудно'. ашють бо тѣло постить сѧ (82в, 15—16). ашють — 'напрасно', 'зря'. разоумомь разоумѣкте. не мьню. ашють сътворено вѣроукте (169б, 15—18). Тут ашють 'нарочно', 'с умыслом'. рѣх҃ъ. что шшоуть льстиши (45г, 11—12), т. е. 'по-пустому', 'зря'.

Таким образом, ашють в памятниках собственно старославянской письменности известно в значениях 'умышленно', 'преднамеренно', 'безрассудно' (эти же оттенки значений отмечаются и в поздних памятниках церковнославянской литературы), но оно встречается и в значении спѣти. В этом нет ничего удивительного, так как в дошедших до нас списках памятников старославянской письменности замена одних слов другими, близкими по значению, таких, например, как искони — испрьва, ѭдро — скоро, година — часъ и т. п., — явление обычное (см. о них ниже в специальных главах).

Перейдем к спѣти. В Син. пс. это слово встречается 4 раза. оумъножишѧ сѧ паче власъ главъı моеѧ ненавидѧштеі мене спѣти (LXVIII, 5). В Погод., Болон. и Соф. — то же слово, а в Бух. безоумa. Значение спѣти здесь 'без основания', 'без причины'. възглашѧ на мѧ ѩзъıкомъ льстівомъ: и словесъı ненавидѣнънъı обіджь мѧ: и брашѧ сѧ со мноѧ спѣти: вь любьві мѣсто облъıгаахѫ мѧ (CVIII, 3—4). Во всех других упомянутых списках псалтыри — это же слово. Значение разбираемого слова то же, что и в предыдущем примере: 'без основания', 'без причины' (дрались, боролись со мною). борѣахѫ сѧ со мноѫ спѣти (CXIX, 7). В Соф. тоуне, в остальных как в Син. пс. Значение спѣти то же, что и в предыдущем примере. къньѧsи погънашѧ спѣти: і отъ словесъ твоіхъ не оустраши сѧ ср҃це

[3] Буква «а» означает лицевой лист, первый столбец, «б» — лицевой лист, второй столбец, «в» — лист оборотный, первый столбец, «г» — лист оборотный, второй столбец; последующие цифры указывают строки.

моє (CXVIII, 161). В Погод. и Болон. — то же слово, Соф. — испъıти, Бух. — тоуне. Судя по контексту, значение разбираемого слова не расходится со значением спъıти предыдущих примеров.

Во всех приведенных примерах словом спъıти передано греч. δωρεάν.

В Клоц. сб. спъıти не встречается, но здесь находим безоума, которое по смыслу текста означает 'напрасно', 'зря'; ср.: тъı же не іспрàвлѣеші міра, безоума сѧ прічаштаеші жрътвѣ і исправленье непольꙁьно ті бы҃с (I, 505—507).

В евангелиях: і вьꙁненàвидѣшѧ. і мене і о҃ца моего. нъ да съвьжденъ сѧ слово. п҃саное въ законѣ іхъ. ѣко вьꙁненàвидѣшѧ мѧ спъıти (Ио. XV, 24—25). Так в Зогр., Мар., Асс., Сав., но в Остр. здесь безоума.

Спъıти встречается еще один раз в Зогр. ев. Мф. V, 22 в предложении: àꙁъ же гл҃ж вамъ. ѣко гнѣваі сѧ на брата своего спъıти повиненъ естъ сѫдоу. Интересующим нас словом здесь передано греч. εἰκῇ, но значение его то же, что и в предыдущем примере: 'без основания', 'без причины'. В других списках упомянутых выше евангелий нет этого места: в Мар. утеряны листы, а в апракосы оно не входило.

Приведенными данными исчерпываются примеры, в которых встречаются слова ѧшють и спъıти в памятниках старославянской письменности более ранних списков. Как видно из приведенных данных, ѧшють и спъıти в своих значениях близки друг к другу, за исключением того, что в спъıти невозможно предусмотреть оттенка значения 'умышленно', 'преднамеренно' и 'безрассудно'. По-видимому, последние оттенки значения и отделяли ѧшють от спъıти, если оба эти слова находились в первоначальном переводе.

Тоуне на месте греч. δωρεάν встречается дважды только в одном месте евангелий в примере: болàштаѧ іцѣлите. мрътвъıѧ въскрѣшаите. прокаженъıѧ очиштаите. бѣсъı изгоните. тоуне прıѧсте. тоуне же дàдите (Мф. X, 8). В данном примере тоуне 'даром', 'бескорыстно'.

Встречается это слово один раз в Клоц. сб.: тоуне пріде х҃е пролітъ кръве своеѧ за въсь вьселенъıѫ. о неі же тъı съвѣтъ твориші і бестоудънъıѫ коуплѫ (I, 233—236).

Такое же место находим и в Супр. рук. чⷮо вьꙁемлеши л҃ сьребрьникъ ѡ иудо. тоуне приде х҃с. за вьсь миръ пролиꙗти кръвь своѫ. о ѥ҆ѫже тъı съвѣштаваѥши сѧ и мѣнѫ твориши бестоудьче (415, 12—16).

В приведенных примерах словом тоуне передано греч. δωρεάν, значение же его, как могли заметить, 'даром', 'бескорыстно'.

В Супр. рук. еще один раз встречается разбираемое слово в предложении: вѣдита ꙗкоже тоуне цѣсарьство небесьскоѥ

дакть ми богъ (300, 12—13). И здесь тоуне 'даром', 'бескорыстно'. В этом памятнике нет слов ашють и спъıти, вместо них здесь употребляется безоума. Часть примеров привели выше, ср. еще: молиша дѣвица и придоша и тлъкняша и ıсе. къ поустошъ и безоума (378, 17—18), в греч. μάτην.

Выше было отмечено, что безоума встречается еще в Остр. и Клоц. сб. В Син. трб. и Киев. лл. интересующие нас слова не встречаются.

Проследив за употреблением приведенных слов в разных текстах, Ягич дал такое обобщение:

«Спъıти (δωρεὰν) засвидетельствовано в евангельском тексте Ио. XV, 25, но Мф. X, 8 вместо него находится тоуне; последнее слово почти исключительно употребляется в Апостоле (Деян. III, 24; II посл. к кор. XI, 17; к гал. II, 21; II посл. к фес. III, 8) и в Апокалипсисе XXI, 6; XXII, 17. В псалтыри спъıти встречается XXXIV, 7, 19 в Болон., так же CVIII, 3, в последнем месте уже во всех списках (в Син., Болон., Погод., Соф.), дальше CXVIII, 161, CXIX, 7 в Болон., Погод., Соф. В Остр. Ио. XV, 25 ни спъıти и ни тоуне, а безоума; это же слово встречается в псалтыри XXXIV, 7 в Соф. и XXXIV, 19 в Соф. и Бух. Третьим словом, употребляющимся на месте δωρεάν, является ашють (вар. ашоутъ, ашоуть), которое в евангельских текстах не встречается, но оно изредка употреблено в псалтыри, так XXXIV, 7, 19 в Погод. и Син., впрочем, только в позднейшей Бух. XXXIV, 7; CXVIII, 61; CXIX, 7 читается тоуне. Употребление ашють в псалтыри свидетельствует о моравско-паннонском происхождении этого слова, потому что оно согласуется с данными чешско-моравского языка. На месте μάτην в ев. и пс. последовательно пишется късоуе: Мф. XV, 9, Мрк., VII, 7, пс. XXXIV, 7, XXXVIII, 7 (здесь 1 раз в Пог. къ бездобь), XXXVIII, 12; LXII, 10; CXXVI, 1, 2 и XL, 7 соуе без къ. Наконец на месте εἰκῇ уже Мф. V, 22 безоума в Мар.[4] (в Зогр. здесь написано спъıти), также безоума в Посл. к римл. XIII, 4 (в Карп. — тоуне, в Охр. — испъıти, в Слепч. — безоума), в Гал. III, 4 (в Слепч., Гилф. Новг. I ашоуть, в Карп. къıцıе, къıцıетж), но в I посл. к кор. XV, 2 — късоуе в хрıст., в Карп. и Гал. IV, 11, в колос. II, 18 ашоуть в Шиш. (късоуѥ в Христ. на первом месте, но ошоуть — на втором). Карп. к гал. IV, 11 пишет безоума, Слепч. ашютъ, к колос. II, 18 соуѥ в Карп. (?), ашють, в Слепч., спъıти в Гильф., Новг. I; безоума в Гильф., Новг. II. На месте εἰκῇ пишется испъıти к римл. XIII, 4 не только в Охр., но с различными ошибками также и в других текстах» (Entst. 396—397).

[4] Здесь какое-то недоразумение, так как этого места нет в Мар ев. ввиду утери начальных листов. Ягич в своем издании Мар. ев. дополнил утраченные листы отрывком из Дечянского ев., в котором Мф. V, 22 действительно находится безоума.

Из приведенной цитаты видно, что на месте μάτην и εἰκῆ, кроме **въсоуе**, употребляются еще **лшють**, **спъıти**, **тоуне**, **безоумл**, **въткыіе**, т. е. те же слова, которыми передаются и δωρεάν.

Слово **лшють** признано Ягичем вошедшим в текст церковных книг в Моравии или Паннонии. Это мнение разделяется и Селищевым[5]. Где, в какой стране и когда вошло в текст церковных книг слово **безоумл**, Ягичем ничего не сказано. Остается также неясным, почему **спъıти** следует признавать первичным словом. Правда, ранее, в 1884 г., Ягич писал, что последнее слово первичное в славянских переводных текстах потому, что моравско-паннонское[6]. Однако этот довод Ягича в пользу первичности слова **спъıти** в приведенной аргументации нельзя считать ни бесспорным, ни убедительным, так как более вероятно, что паннонско-моравское слово должно быть вторичным, потому что, сколько можно представить из дошедших до нас свидетельств, в Моравию и Паннонию был принесен по крайней мере перевод апракоса.

Употребление четырех, точнее, пожалуй, трех слов: **лшють**, **спъıти** и **тоуне** на месте различных греческих слов не может явиться основанием для допущения, что в первичном тексте могло быть только одно из названных слов. Правда, здесь бросается в глаза, что словом **лшють** передаются греч. δωρεάν, μάτην, εἰκῆ. Те же греческие слова передаются и словами **спъıти** и **тоуне**, не говоря о **безоумл**. Но этот факт сам по себе еще ни о чем не свидетельствует, так как одно и то же слово может быть переведено различными словами в зависимости от оттенка значения. Как видно из анализа примеров, слова **лшють**, **спъıти** и **тоуне** имеют различия в значениях. Лишь **безоумл** употребляется безразлично то в значении, передаваемом **лшють**, то в значении, передаваемом **спъıти**. Употребление одного слова вместо другого или даже других наблюдается также в поздних списках псалтыри.

Однако рассмотрим каждое слово в отдельности.

Лшють (избранное нами правописание вытекает из написаний **лшоуть**, **лшюгъ** и **лшють**, примеры см. выше), как видно из приведенного материала, в памятниках старославянской письменности старших списков встречается реже сравнительно с **спъıти**. В русских списках церковных книг вместо **лшють** пишется **ошоуть**, **ошоути** (см. Срезн. Мат. II, 851), но последние не встречаются в оригинальных сочинениях, написанных древнерусскими книжниками. По-видимому, написанием **ошоуть**, **ошоути** русские писцы избавлялись от непривычного для нас *а*

[5] А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I. М. Учпедгиз, 1951, стр. 25.

[6] См.: И. В. Ягич. Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884, стр. 45.

в начале слова, так же как, например, в собственных именах вроде *Ондрѣи* вместо *Андрѣи*, *Олексѣи*, *Олександръ* и т. п.

Слово **ѧшють** ныне находит себе соответствие в чешском языке, в памятниках письменности которого начиная с XIV в. встречаются ješut, ješutenstvie, ješutnost, ješutny[7]. В псалтырях разных списков XIV—XVI вв., писанных чехами латиницей, почти безраздельно господствует ješut там, где в Син. и Пог. и других встречались **спѣти**, **тоуне**, **безоума**.

Исходя из этих данных, на первый взгляд, как будто имеются основания для предположения, что слово **ѧшють** могло войти в текст церковных книг при редактировании или переписке их в Моравии или, быть может, и в Паннонии и в древней Чехии.

Кроме того, памятники старославянской письменности, в которых встречается слово **ѧшють**, имеют явные черты того, что они были в употреблении в западнославянском крае. Так, Синайская псалтырь фиксирует: **некѣзестка** (XXIV, 7) вм. **некѣждьства**, в Пог. и Болон. **невѣдениа**, **освѧце домоу** (XXIX, 1), в Погод. и Болон. **освѧ̃ениик домоу**; **къкрѫже словеса** (XLIX, 17), в Пог. и Бол. **извкрѫже**; **къгонѧштеі мѧ** (CXVIII, 157), в Погод. и Болон.: **изгонѧіеи мѧ**. В Син. пс. 5 раз употреблено **къгънати**, 3 раза **къринжти**. В Клоц. сб.: **розьство** (I, 878), **по розьствоу** (I, 878), **розьствоу** (I, 879), **къінесе** (II, 137).

Таким образом, Син. пс. и Клоц. сб., по приведенным данным, были переписываемы в западнославянском крае, но где они переведены — не выяснено. В чешском языке ныне известно слово ješitný (из ješutný) 'напрасный', 'бесполезный', 'тщеславный' и т. д.

Начальное *а* в слове **ѧшють** с XII в. или позже в чешском языке перед мягким *ш* законно должно было перейти в *е*, перед которым или раньше перехода *а* > *е* в начале этого же слова развился *j*, — явление также обычное для чешского языка[8].

Таким образом, разбираемое старославянское слово **ѧшють** ныне не имеет соответствий в живых славянских языках, кроме чешского.

Однако приведенные данные едва ли могут быть бесспорным доводом в пользу того, что слово **ѧшють**, действительно, попало в памятники старославянской письменности в Моравии или Паннонии взамен **спѣти**. Поскольку **ѧшють** в значении имеет некоторые отличия, есть основания признать, что оно введено в церковные книги первыми переводчиками для передачи тонких оттенков в значении переводимых греческих слов.

[7] См.: J. Gebauer. Slovník staročeský, d. I. Praha, 1903, стр. 638—639.

[8] См.: J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, d. I. Praha, 1894, § 99, стр 97 и след.

Отсутствие соответствий к разбираемому слову в других славянских языках затрудняет выяснение его происхождения и употребления в отдельных славянских языках. Голуб и Копечный сближают чеш. ješitný со словацким jašit'sa, jašo 'вертопрах'[9]. При этом добавляют: «Может быть, в каком-либо отношении к *ja* (старочеш. *jaz*)?» Думаем, что едва ли возможно сближение ашють с *я*, *язъ*. Другие попытки проникнуть в первоначальный состав и значение последнего слова в большинстве своем окончились неудачей.

Ф. Миклошич в этимологическом словаре под словом šutŭ, приводя к нему параллели: слов. štula из šutula 'безрогий', болг. *шут* то же значение, *шуто* 'недостаточный', 'неудовлетворительный', серб. *шут* 'безрогий', чеш. šuta-koza bezroha, польск. szuty, диалектный siuty, укр. *сута*, *цсута*, при этом не приведено русск. *шутый* (юж. и зап.) 'комолый', 'безрогий', — утверждает, что от šutъ должно быть ашють (*a-* — приставка) 'ошибочно', 'напрасно'[10]. Следует отметить, что наличие в славянских языках в прошлом приставки *a-* нигде не засвидетельствовано.

Бернекер, соглашаясь с Миклошичем, пишет, что «ашоуть, вероятно, от šutъ 'безрогий'. Первоначально возможно 'ошибочно', 'напрасно', 'бесполезно'. Оно образовано от **ot-šuti* (приставка *otъ-* и род. п. ед. ч. šuti, от имен. *šutь); потом *o-šuti(ъ)* как ст.-болг. ošьdъ, ošьlъ из *ot-šьdъ*, *ot-ʂьlъ*. Из ošutь, должно быть, удлинением начального звука получилось ašutь и jašutь»[11].

Надо полагать, что сближение *шут* 'безрогий' и ашють 'напрасно' — ошибочное. По крайней мере, автором не приведены основания, которые убедили бы, что возможны сочетания типа otšutь. Ссылка на ošьdъ, ošьlъ в данном случае не повод, так как естественно присоединение приставки *o-* к глагольным формам, но слова otšutiti как будто бы нет.

В силу сказанного этимология Бернекера не является убедительной.

Интересовался этимологией разбираемого слова и А. Соболевский, который писал: «Ц-сл. *ашють*, *ашютъ* 'попусту', 'напрасно', 'даром', чеш. ješutný, ješitný 'суетной', 'ничтожный', ст.-польск. jeszutnosć (Флор. псалт.: чехизм?), вероятно, близко родственный с потерявшими начальный гласный, велкрус. *шут*, *шутка*, *шутить* 'сказано в шутку' — 'я пошутил' и т. п., а также

---

[9] J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 152. — Однако у А. В. Исаченко («Slovensko-ruský prekladový slovník», t. I. Bratislava, 1950, стр. 345) *jašo* 'трусишка'; в «Slovnik'e slovenského jazyka» (d. I, Bratislava, 1959, стр. 636) *jašo* 'шальной', 'очумелый', 'вертопрах'.

[10] См.: F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 345.

[11] E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913, стр. 33.

шустать 'сбивать' (зерно и т. п.), *ошустать* 'обмануть', *шустрый* 'бойкий', 'проворный' (о человеке).

Родство с лат. as-tus 'хитрость', 'коварство', 'вероломный'. Суф. *-ут-* в серб. *кошута* 'коза', польск. kogut, чеш. kohout 'петух' и др.»[12].

Сближение Соболевским ѧшютъ с русским *шут*, *шутка*, *шутить* едва ли имеет основание. *Шут* 'человек, занимающийся остротами', 'клоун', 'потешник', т. е. 'говорящий напраслину', а также 'нечистый дух', 'леший' и т. п. Возможно, что последние значения древнее первых.

Шутка 'напраслина, сказанная ради потехи'. Следует при этом иметь в виду, что русскому языку была известна и форма *шуть*. Об этом свидетельствует наречие *шутём*, получившееся от формы творительного падежа по типу *путем* из *путьмь*. Ср.: *Я тебе шутем, а ты сердце имеешь* (олн.)[13]; *Ну, уш тут не шутем задумался наш поп* (с. Груздево, Костром. уезда)[14]. У Даля: *шутем* 'легко', 'шутя'. *Шутить* (кроме 'говорить напраслину ради потехи') 'насмехаться', 'обманывать зря', 'дурить', 'морочить' и т. п. Иначе говоря, в основе приведенных слов, действительно, заключено понятие 'напрасно'.

Слабым местом в точке зрения Соболевского является все же утверждение об отпадении начального *а* в русских словах *шуть*, *шутить*, *шутка* и т. д., так как такое явление не подтверждено каким-либо фактом. В связи с этим и выделение суффикса *-ут* из слова *шут* становится призрачным.

Следует еще заметить, что в приведенном выше тексте: ѣко. ѧшоу҃тъ. съкрѣшиꙗ мнѣ пагоубѫ сѣти своеꙗ късоуѥ поносишꙗ дши моеи слово ѧшоу҃тъ употреблено в значении 'преднамеренно', 'умышленно', а не 'напрасно', 'без причины'. Этот факт как будто ставит слово ѧшютъ в ряд со словами *ошустать* 'обманывать', с укр. *ошуста* 'обманщик', 'плут', польск. oszusta с тем же значением. В словах *ошустать*, *ошуста* сочетание *-ст-* может быть истолковано из *-тт-* так же, как в словах: *плести*, *мести*, *гнести* и т. п. Однако для фонетического сближения ѧшютъ с *ошуста* необходимо установить точно, произошло ли сочетание *-ст-* в последнем слове из *тт*. Наличный материал не дает твердых оснований для признания, что слово *ошуста* по образованию типа *глиста* (из *glit-ta*), *верста* (из *vьrt-ta*) и т. п. Кроме того, в слове *ошуста о* вернее всего — префикс, а не составная часть корня. Иначе говоря, *ошуста* из *от-шут-и-ти* или *о-шут-и-ти*, а это теряет основу для сближения ѧшютъ с *ошуста*.

[12] «Slavia», 1927, roč. V, seš. 3, стр. 441.

[13] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия СПб., 1898, стр. 139.

[14] Из материалов картотеки Словаря современного русского литературного языка Ин-та русского языка АН СССР.

Если правильно сближение Голубом и Копечным чеш. ješitný с словц. jašit'sa, jašo[15], то оказывается возможным выделить из **лшють** суффикс *-utь*, наличие которого в славянских языках показал Миклошич[16]. Словц. jašit'sa 'суетиться' семантически близко к ст.-слав. **лшють** в значении 'безрассудно' и к чеш. ješitný 'бесполезный', 'напрасный'. Нет между ними и фонетических расхождений, препятствующих сближению.

Суффикс *-utь* ныне встречается в очень немногих словах, вроде чеш. perut, kohout и нек. др. С помощью суффикса *-utь* образуются существительные женского рода. Если **лшють** действительно имеет в своем составе суффикс *-utь*, то из этого следует, что оно когда-то было существительным.

А. Х. Востоков приводит из Минеи Зографской больницы по изданию Григоровича следующую цитату: **мжченикъ крѣпокъ ѥви сѧ богомждрѣ—нечьстиваго лшюта изгънавъ**, где **лшюта** (вин. п. ед. ч.) действительно является существительным, прямая форма которого должна быть **лшютъ**[17], образование на *-ŏ*. Значение этого существительного не совсем ясно. Наличие, правда, в поздних памятниках, формы *ощути*, по-видимому, также указывает на древнее существительное в каком-то косвенном падеже. В таком случае **лшють** следует рассматривать как наречие типа: **жтрь**, **испрь** (**въспрь**), **близь** и т. п., которые также были существительными.

Соболевский сближает **лшють** в корне с лат. astus, astutus 'хитрость', 'лукавство', 'хитрый', 'лукавый'. Вальде делает попытку сблизить разбираемые латинские слова с ācere (из **ac-s-tu-s*) 'стать кислым', 'хмурый', греч. ὀξύς 'острый' и т. д.[18], корень которых восходит к и.-е. **ак-*, **ок-* в значении 'острый', 'угловатый'; 'камень'[19]. Сюда же относят русск. *острый*, ст.-сл. **осла**, чеш. osina 'ость', 'щетина', рус. *оселок*, *осока*, *осот* и др.

Теоретически корнем **лшють**, если оно действительно содержит в своем составе суф. *-utь*, должно быть **asi-*. Но каким образом из основы **asi-* в значении 'острый' через существительное **asiutь* (видимо, в значении 'острота'), перешедшего в наречие, могло появиться новое значение 'преднамеренно', 'умышленно', 'без-

[15] По мнению В. Махека, словц. jašo, польск. jasio, jaś 'ужас' от имени Jan, Janek, чеш. диалектное Jaš, польск. Jasiek. Трудно допустить, чтобы словц. jaša 'дикий вол', jašit 'пугать', польск. jasio, jaś 'ужас' могли развиться от названия собственного имени. — См.: V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 172.

[16] F. Miklosich. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, стр. 201 и след.

[17] А. Х. Востоков. Словарь церковнославянского языка, т. I. СПб., 1858, стр. 7.

[18] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1910, стр. 66.

[19] См.: J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951, стр. 18 и след.

рассудно'? Словом, если и можно фонетически вывести ашють из **asi-uti̯ь*, то семантическое его развитие при этом все же остается неразгаданным, поэтому сближение Соболевского ашють с лат. astus пока выглядит недостаточно убедительным.

Таким образом, достоверно пока одно: слово ашють имеет бесспорное соответствие только в чеш. ješitný, стар. ješut.

Было ли оно изначала только чешско-моравским или шире — только западнославянским словом, при имеющихся данных ответить трудно. Правда, если предположить, например, что перевод псалтыри выполнен в Моравии, то вероятно допущение, что первые переводчики для передачи греч. δωρεάν, εἰκῇ, μάτην на славянский язык в значениях 'преднамеренно', 'умышленно', 'безрассудно' могли использовать местное слово ašuti̯ь.

В памятниках восточноболгарской редакции вместо ашють, а также спѣти, как видели, употребляется другое слово безоумл. Супр. рук. совсем не знает первых слов, а последнее слово находится также в Клоц. сб. и Остр. ев. Оригинальные памятники древнерусской письменности не употребляют ни одно из названных трех слов, а в русских списках церковных книг ашють переделывают на ошють. Все эти факты свидетельствуют о том, что восточноболгарские и древнерусские диалекты в XI в. этого слова не знали.

Возможно, что ашють не было общеславянским словом, так как при обратном предположении следовало бы ожидать его наличие хотя бы в виде какого-либо пережитка и в других славянских языках, кроме чешского, словацкого и польского, чего пока не обнаружено. При этом одно ясно, что слово ашють не включено в памятники старославянской письменности поздними редакторами взамен другого слова. Едва ли возможно ожидать от слова, включенного в памятники письменности поздними редакторами и переписчиками взамен употребленного первыми переводчиками слова, какого-то специфического значения. Факты, как не раз увидим ниже, свидетельствуют об обратном: поздние редакторы и переписчики, будучи не в состоянии отличить специфику в значениях в двух синонимах, устраняли одно из них.

Все сказанное ведет к тому предположению, что слово ашють было известно первым переводчикам, которые употребляли его в упомянутых выше значениях. В этом смысле, если даже ашють оказалось бы западнославянским словом, то и в этом случае его нельзя относить к группе вторичных слов, потому что вторичные слова обычно вводились не для передачи отдельного значения, а для замены им другого слова в том же значении.

Спѣти. Анализ примеров, в которых встречается слово спѣти, показывает, что оно имеет свое собственное, притом устойчивое значение и встречается в таких характерных для первых переводов памятниках, как евангелия и псалтырь. Лишь

такой памятник, как Супр. рук., бесспорно являющийся восточноболгарской редакцией XI в., игнорирует его. Все это убеждает нас в том, что спъıти могло быть словом, употребленным первыми переводчиками.

Неясно происхождение и этого слова. В этимологическом словаре Миклошича читаем: «ст.-сл. spyti, ispyti 'напрасно', 'бесполезно', spytьnъ 'напрасный', н.-сл. (т. е. словенское. — *А. Л.*) zpitnich Фрейзинг.: spytьnyichъ. Spoitimar (собств. имя) = Spytiměrъ. Ср. spitek 'болезненное дитя'. Ošpiten 'весьма малый'»[20]. Как видно из приведенной цитаты, Миклошич не делает никаких выводов об этимологии разбираемого им слова, ограничившись лишь сближением разных слов. Притом остается неясным, восходят ли spitek и ošpiten, действительно, к спъıти или же их корни имеют другие генетические связи.

А. Брюкнер, так же как и Миклошич, сближает спъıти с первой частью сложных собственных имен, известных и употребляемых в памятниках западнославянской письменности: Spytihněv, Spyciegniev, Spytek (по мнению Брюкнера, сокращенное Spytihněv), Spycimir. Как указывает А. Брюкнер, Spoitimir (должно быть Spytiměrъ) встречается в латинских записях польских слов уже в IX в.[21]

Однако, правомерно ли такое сближение, пока еще не совсем ясно. В других славянских языках разбираемое слово не имеет никаких соответствий. Брюкнер считает, что русское диалектное *пыщий* (тамб.) означает 'тощий'; *пыщее зерно* 'тощее, незрелое зерно'[22] относится сюда же, но такое допущение не имеет серьезных оснований, так как русск. *пыща* (смол.) 'конопляная мякина'[23], надо полагать, отсюда и прилагательное *пыщий* в корне должно восходить к **pust-* > **pūst-*. Иначе говоря, *пыща*, *пыщий* того же корня, что и *пустой*, но с долгим *u* в корне, причем *пыща* — существительное с основой на *-ja*: *pūst-ja* > *пыща*. Если это и не так, тем не менее сближение спъıти и *пыща* < **pūst* или **pūsk* неправомерно, даже при допущении *пыща* < *pūst-ja* < **put-t-ja*. Что такое тогда *put-*? Откуда *s* в слове спъıти? Если из pyть форма род. п. ед. ч., почему тогда не съпъıти?

А. Вайан высказал мнение, что спъıти в памятниках старославянской письменности является моравизмом, внесенным в болгаромакедонские тексты в западнославянском крае. Он признает, что разбираемое слово могло быть когда-то общеславянским, но в ряде славянских языков, кроме западнославянских,

---

[20] F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch. . ., стр. 318.

[21] A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 510.

[22] «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858, стр. 222. В дальнейшем: ДОП, цифра указывает страницу.

[23] «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 185. В дальнейшем: «Оп.», цифра указывает страницу.

рано вышедшим из употребления. Слав. spyti, по мнению Вайана, заимствовано из германских языков, в которых корень *spō- дал в др.-в.-нем. spuot 'процветать', 'скорость' (роста), а также мог в результате чередования коренного гласного звучать как *spē-, откуда ст.-сл. 'поспевать', 'успеть'[24]. Для обоснования своей точки зрения Вайан цитату из Мф. V, 22, гнѣваѥсѧ... спѣти толкует как 'гневаться быстро, спешно', откуда-де и 'необдуманно'. На самом же деле в указанной цитате речь несомненно идет о беспричинном, необоснованном гневе, не имеющем отношения к необдуманности.

Сам Вайан признает, что сближение слав. spyti со ст.-сакс. spōd, др.-в.-нем. spuod натянуто и что оно возможно лишь при наличии *spōdi в значении 'процветание', 'скорость' (роста). Готск. *spōdi с очень долгим закрытым *o*, близким к *u*, могло, по мнению Вайана, дать в славянском spyti. Семантическое сближение или выведение spyti из **spōdi* 'процветание', 'скорость' (роста) — натянуто.

Фонетическое выведение из **spō-* > *spy-* также натянуто, как признает это и сам Вайан. Кроме того, с точки зрения исторической, общеславянское spyti из гот. *spōdi мало оправданно, так как слова из готского языка отсутствуют в западнославянских, особенно чешско-моравских и словацких диалектах.

Следует считать недосказанным мнение Вайана и о том, что спѣти могло войти в тексты памятников старославянской письменности в Моравии, потому что от слова, внесенного в памятники позже, взамен первичных болгаро-македонских, едва ли возможно ожидать специфического для него значения, а спѣти, как видим, имеет устойчивое значение 'беспричинно', 'без основания' и этим своим значением отделяется от лишѣ и тоуѥ.

Таким образом, оказывается натянутой и этимология спѣти, предложенная А. Вайаном.

В Путятиной Минее списка XI в. встречается прилагательное съпѣтьно; ср.: кръвь твою ико авелева зоветь соуѣшти правьдьна. покмлоуѣшти на ирода пр҃ѣ оубийство съпѣтьно (л. 70, стр. 10—12)[25]. Здесь интересующее нас прилагательное употреблено в значении 'безвинно', 'несправедливо'.

Указанное написание как будто делает несколько более обоснованной этимологию Брюкнера, но это написание съпѣтьно с ъ после *с*, по всей видимости, искусственное: оно не отра-

[24] См.: A. Vaillant. Etymologica (Veux slave *spyti* et *tunje*, pol. *tani*). «Die Welt der Slaven», Jahrg. I, H. 2. Wiesbaden, 1956, стр. 140 и след.

[25] Цитируем по рукописи, хранящейся в Государственной публичной биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром «Соф. 202». Данная цитата приведена впервые А. Х. Востоковым в «Словаре церковно-славянского языка» (т. II, СПб., 1861, стр. 424—425); отсюда она внесена Миклошичем в его «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum» (Vindobonae, 1862—1865, стр. 872).

жает древнего произношения. В пользу высказанного мнения можно привести следующие доводы:

1. Рукопись данной Минеи, списанная, как указано на листе 136 (строки 7—8), Путятой (ср.: **поутата писалъ, даче криво да исправите не кльните**), скопирована им с оригинала восточноболгарской редакции, о чем свидетельствуют написания: **слъзы** (2 об., стк. 8) вм. **сльзы**, **слъзьнъимь** (96, 11), **същьство** (54 б., 2) вм. **сщьство**, **помощънице** (81, 1), **дъждъ** (111, 11) с **ъ** после шипящих, **об'нокации** (107, 14), **оумрьщвенаго** (122 об., (14 без эпентетического *л* и т. п. Как и в других памятниках восточноболгарской редакции, здесь употребляется **съборъ** (26, 15; 69 об., 2; 82 об., 73; 85 об., 16; 102, 17; 134, 4) вм. **сънъмъ** (посднее в рукописи не встречается), **безоума** (117, 6) вм. **спъти** или **ашють** (последние в рукописи не встречаются) и др.

В оригинале, с которого сделан Путятой дошедший до нас список, редуцированные пропускались, о чем можно догадаться по таким написаниям, как: **сподоби** (20 об., 6), **злодѣи** (22 об., 3), **множаиша** (23, 3), **зломъ** (23 об., 14), **злобоу** (25 об., 15), **ксм** (32 об., 2), **кельгласно** (37 об., 4), **многобожьноуіж** (45 об., 17), **сповѣдающіе** (81, 9), **прѣкрасно** (125, 8), **оупразникъ** (46, 8), **крстоwбразно** (100, 4) и т. д., а также **трепетьно** (34 об., 12), **любови** (101 об., 15), где употреблены *е* и *о* вм. **ь** и **ъ**.

В речи самого Путяты редуцированные, очевидно, произносились. Он, как видно, вставлял **ъ** и **ь** на месте пропуска редуцированного, в результате чего получились написания: **зъложьши** (18, 15) вм. **съл-**. **закълаіж сѧ** (93, 9) при **заклати** (133, 17), **низъложьши** (18, 14), **низъложи** (29 об., 1) при **низложи** (60 об., 3—4), **низъкъръжьнъ** (117, 3—4), **обьтече** (60 об., 15—16) при написаниях: **обнажикъ** (23 об., 14), **къзкѣси сѧ** (27, 17), **из божиіаго** (51, 13), **не къзможеть** (54, 5), **из молитъкы** (90 об., 17), **бес порока** (25, 1) и т. п.

Желание Путяты употреблять **ъ** в начальных слогах слов, о чем свидетельствуют многочисленные примеры, в том числе такие: **съконьцала кси** (20 об., 1), **съмѣренша** (66 об., 10), **съподоби** (64 об., 10, 11), **съблазнъı** (67, 2), **сътвори** (67 об., 2), **събытик** (81, 2), **съликъствоуіи** (84, 1—2), **съхожденіѧ** (85, 8) и т. д., по-видимому, и обусловило написание **съпытьно** вм. **спытьно**. Едва ли возможны тут другие объяснения, так как последнее слово в русском языке не употреблялось.

2. В дошедших до нас памятниках собственно старославянской письменности ни разу не встречается написание **съпъти**, там находим только **спъти**.

Эти данные склоняют к мысли, что в приведенном сочетании слов **оубиство съпытьно** последнее слово в начертании **съп** не отражает древнего произношения и написания. Иначе говоря, мы не имеем таких достоверных данных, которые позволили бы признать начальное *с* в слове **спъти** приставкой или предлогом.

В Фрейзингенских отрывках читаем: Eſe iezem uuede ztuoril. ili neuuede nudmi ili lnbmi zpe ili bde. U zpitnih rotah. U liſnih. refih. v tatbinah (отрывок III, строки 30—35)[26], т. е. eže jesem vede stvoril, ili nevede, nudmi ili lubmi, spe ili bde, spitnich rotach, v ližnich rečich, v tatbinach. Если все это vпередать кириллицей с учетом фонетического строя старослaвянского языка, то должно получиться следующее: **кѫе ксмь вѣдѣ съткорилъ или не вѣдѣ. ноудьми или любьли, сьпѫ или бъдѫ. къ спытьнъıихъ ротахъ. къ лъжьнъıихъ рѣчьхъ. къ татьбинахъ.** Здесь членное прилагательное spitnich (**спытьнъıихъ**) употреблено в значении 'пустая' или 'напрасная', 'беспричинная' (клятва).

Наличие форм прилагательных **съпытьно**, zpitnicu свидетельствует о том, что они образованы от существительного *spyt̨, так как прилагательные на **-ьнъ** образовались от существительных. При этом более чем вероятно, что существительное *spyt̨ относилось к основам на *-i̯*. Форма наречия **спъıти** подкрепляет это допущение, потому что по происхождению она представляет форму какого-то косвенного падежа, вероятно местного.

В памятниках западнославянской письменности зафиксированы собственные имена, содержащие в своем составе *spyt-*, ср.: Spita, Spitata, Spitko, Spitliš, Spitoslav, Spytihněv, Spytogniew, Spitimir, Spicimir, Spoitimar[27] и др. Многие из них такого же типа образования, как *Мьстиславъ*, *Владиславъ*, *Владимѣръ*, *Добиславъ*, другие образованы по типу: *Святославъ*, *Мирославъ*, *Добромиръ* и т. п., третьи — по типу: *Ратьмиръ* или *Людьмила*. По всей вероятности, в таких именах, как Spytihněv, Spitimir, в первой части содержится существительное, а в других, как Spytoslav, первая часть представляет прилагательное. Иначе говоря, в первом случае *spyt̨*, а во втором *spytъ*, по типу: **чѧсть, жѧлъть**.

Сказанное дает основание для выделения суффикса *-ti̯-* из *spyt̨. Следует иметь в виду и то, что у существительных с основой на *-i̯*, оканчивающихся на *-t̨*, это *-t̨* обычно является суффиксом; ср.: **кѣсть, власть, дѣть (благодѣть), масть, мошть, сласть, страсть, чьсть, чѧсть** и т. п. Корень этих слов чаще всего обозначает действие или явление.

Приведенные данные позволяют возводить корень **спъıти** к **spū-*. Славянское **spū-*, судя по имеющимся данным, означало 'пустота', 'пустой', откуда и 'напрасный', 'беспричинный'.

В приведенных выше примерах из памятников старославянской письменности **спъıти** встречается в таких словосочета-

[26] См.: V. Vondrák. Frisinské památky jich vznik a význam v slovenském písemnictví. Praha, 1896, прилож. табл. 7.

[27] См.: М. Морошкин. Славянский именослов. СПб., 1867 стр. 183.

ниях: ненавидѣшите мене спѫти, възненавидѣша ма спѫти, брашꙗ сѧ со многѫ спѫти, борѣахѫ сѧ со мьногѫ спѫти, погънашꙗ спѫти, гнѣваꙗ сѧ спѫти. Во всех этих примерах значение спѫти 'впустую' (откуда — 'без причины', 'без основания') явно ощутительно. По-видимому, собственное имя Spitliš значило 'пустой лишек', Spytoslav — 'пустослав', Spytiměr — 'пустомер' и т. д. Все эти данные укрепляют в мнении, что корень **spū-* мог означать 'пустота', 'пустой', иначе — 'лишенный содержания'.

В указанном значении корень **spū-* в других индоевропейских языках как будто не встречается. Так, А. Вальде и Ю. Покорный фиксируют *spēu-* только в значении 'объем' или 'наполнение'[28].

Таким образом, хотя и удается выделить корень из спѫти, спѫтьно и установить его значение, но бесспорные индоевропейские связи корня **spū-* пока не обнаруживаются.

Очевидно, что спѫти очень древнее наречие; оно, например, бесспорно вышло из употребления в восточноболгарских говорах в X—XI вв. Ничем иным нельзя объяснить систематическую замену спѫти другими словами в памятниках старославянской письменности восточноболгарской редакции.

Это старинное наречие, как и ашють, судя по всему, могли употребить только первые переводчики, и на этот счет едва ли могут быть другие мнения.

В подтверждение того, что спѫти древнейшее наречие от корня **spū-*, можно привести еще следующее. Славянские pustъ pustota, pustošь, восходящие к общеиндоевропейскому корню **paus-*, в первоначальном значении 'расхлябать', 'спускать', а также 'переставать', 'оставить'[29], в своей современной семантике являются вторичными. Характерно, что pustiti и в настоящее время не употребляется в значении 'пустошить' (хотя и в этом значении оно изредка в прошлом фиксировалось[30]), однако с древних пор оно известно в значениях 'послать', 'отправить', 'прислать', 'бросить' и т. д.[31]

Все эти данные говорят в пользу того, что до утверждения в современной семантике слова pustъ в славянских языках могло употребляться иное слово в значении 'пустой'. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что в этом значении имелись слова от корня **spū-*, остатки которого находим в спѫтьнъıи и спѫти.

[28] См.: A. Walde, J. Pokorny. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Bd. II. Berlin—Leipzig, 1927, стр. 659.

[29] A. Walde, J. Pokorny. Указ. соч.

[30] См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стб. 1728.

[31] Там же, стб. 1726 и след.

Представляется несомненным то, что спѣти, так же как и дшють, в памятниках восточноболгарской редакции заменено другим словом безоума. Об этом свидетельствуют Супр. рук., Остр. ев., Софийская псалтырь, Дечянское ев. и др. Один раз безоума, как было отмечено выше, встречается и в Клоц. сб. В. Вондрак, основываясь на ряде фактов, в том числе на совпадении редакций Сав. кн. и Клоц. сб., признал, что безоума в последний памятник включено в восточной Болгарии[32].

Безоума является наречием, образовавшимся из существительного оумъ в род. п. ед. ч. с предлогом безъ.

Современные словари славянских языков, кроме болгарских словарей, не фиксируют слова *безума* в значении 'напрасно', 'попусту'. В «Словаре болгарского языка» А. Дювернуа читаем следующее: «Безума, нар. — напрасно, даром: *О, не безума азъ излѣпихъ образотъ Петровъ*»[33]. Пример извлечен автором словаря из произведения «Райна, българска царкиня», переведенного с русского языка.

Н. Геров не приводит словарной статьи на *безума*, но в его словаре в статье на *безумный* дается такой пример: *Безум пойде, безумен си дойде*[34]. По значению здесь слово *безум* совпадает с наречием *безума*. Эта поговорка встречается в «Болгарском толковом словаре» С. Младенова, где к *безум* в скобках дан вариант *безума*. В последнем словаре имеется статья на слово *безума*. Кроме приведенных примеров, в ней находим еще: *Това не е безума, продума жаловито* («Райна»)[35].

Тот факт, что безоума характерно для памятников восточноболгарской редакции, не противоречит следующему допущению: слово безоума на месте греч. δωρεὰν и μάτην — вторичное, включенное в памятники старославянской письменности в восточной Болгарии не ранее X в.

Надо полагать, что перевод греч. δωρεὰν словом тоуне является первичным. Это слово находит себе ныне соответствие во многих славянских языках. Не приводя этого слова из памятников древнерусской письменности, в которых оно обычно как в книжных оборотах речи, так и в некнижных, мы сошлемся здесь на данные современных диалектов русского языка: *туне* 'втуне', 'ни при чем'; *в тунности* 'втуне', 'без пользы'[36]; *тунно* 'напрасно', 'даром', 'попусту'; *тунные сборы* 'сборы сверх поло-

---

[32] См.: V. Vondrák. Glagolita Clozův. Praha, 1893, стр. 12.

[33] А. Дювернуа. Словарь болгарского языка. М., 1887—1889, стр. 75.

[34] Н. Геров. Речник на българский язык, ч. I. Пловдив, 1895, стр. 36.

[35] С. Младенов. Български тълковен речник, т. I. София, 1951, стр. 132.

[36] В. Г. Богораз. Областной словарь Колымского русского наречия. СПб., 1901, стр. 144.

женного', 'незаконные, но вошедшие в обычай'[37]; *тунно* 'втуне', 'напрасно', 'попусту'[38]; *тунно* (ирк., камч.) 'даром', 'напрасно', 'попусту' (Оп. 234); *тунить* (пск.) 'туманить', 'стараться внушить что-либо ложное', 'сбивать с толку' (Доп. 272). Приведенные примеры, количество которых можно увеличить, свидетельствуют, что в русском языке употреблялись слова *туне*, *тунность*, *тунно*, *тунный*, *тунить*.

Ф. Миклошич к слову тоуне приводит следующие соответствия из живых славянских языков: болг. *тун* 'ошибочный', 'ложный', *туне* 'напрасный' (последнее зафиксировано Геровым в его «Речнике», ч. V, стр. 386); см. также *туна-беда* 'напраслина' (Там же, стр. 380); хорв. stunje ostun словарями приводятся из глаголических памятников хорватского списка; словн. stunj 'даром'; укр. *туний* (в Словаре Гринченко нет); белр. *тунный* 'пустой' (в Словаре Носовича нет)[39].

Из приведенных данных видно, что слова с основой *tun-* были распространены в восточных и южных славянских языках. Известно оно и западнославянским языкам, ср. вост.-лужиц. tuni 'дешевый'. В польск. основа имеет форму *tan-*, ср. tani 'дешевый', tanio 'дешево', tanieć 'дешеветь', potanić 'подешеветь', potanienie 'удешевление'[40]. Этот факт показывает, что в корне слова *а*, который в славянских языках чередуется с *и*, ср. chmara и chmura, в частности русск. *хмурый*, *пасмурный*[41]; русск. диал. *сапить* 'треножить', 'путать' (лошадь), *сап* 'путо', *засапить* 'завязать узлом'[42] и польск. supeł 'узел' и др.

Ст.-сл. тоуне представляет собою наречие, образованное от сравнительной степени прилагательного типа: лбие, оуне, вѣше и т. п.[43] В памятниках старославянской письменности самого прилагательного тоунъ не находим. Надо полагать, что оно вышло из употребления. Корнем его является и.-е. **tā-/təu-* в значениях: 'расплавить', 'растопить'; 'уменьшаться', 'исчезать'; 'мягкая вещь' (масса)[44]. Объяснение чередования *а/и* таким образом обусловлено различной огласовкой гласного в корне. Само собой понятно зафиксированное значение **ta-n-/*tu-n-*

---

[37] См.: П. А. Ровинский. Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь. Красноярск, 1873.

[38] См.: Е. Анучин. Материалы к областному словарю сибирского наречия. — «Изв. Красноярского подотдела вост.-сиб. отд. РГО» 1904, т. I, вып. 6.

[39] См.: F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch..., стр. 365.

[40] См.: A. Brückner. Słovnik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, стр. 655; A. Vaillant. Etymologica..., стр. 141.

[41] См.: J. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Heidelberg, 1913, стр. 107.

[42] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. I, стр. 663; т. IV, стр. 137.

[43] См.: А. Лескин. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915, стр. 207 и след.

[44] См.: J. Pokorny. Указ. соч., стр. 1053.

'бескорыстно', 'даром'; 'дешево' — вторичные, развившиеся из 'уменьшаться', 'исчезать'.

Слова с основой *tan-/tun-* были общеславянскими, о чем свидетельствует наличие данных основ во всех славянских языках.

Изложенное дает основание на следующие выводы:

1. Первые переводчики греческих церковных книг на славянский язык, как отметил Ягич, действительно замечали тончайшие оттенки в значении переводимых слов и поэтому использовали при переводе δωρεάν различные слова: **тоуне**, если оно обозначало 'даром', 'бескорыстно'; **спѣти**, если оно обозначало понятие 'без основания', 'без причины'; **лшють**, если оно обозначало понятие 'преднамеренно', 'умышленно', 'безрассудно', Теми же словами, особенно двумя последними, переводились μάτην и εἰκῇ в соответствующих значениях. Правда, εἰκῇ преимущественно передается словом **соуѥ**, **въсоуѥ**.

Тоуне было общеславянским словом и, по-видимому, в середине IX в. его понимали все славяне. Слово **спѣти** невозможно признать западнославянским, хотя его основа и сохранилась в западнославянских личных именах. Дело в том, что во всех апракосах довосточноболгарской редакции Ио. XV, 25 читается это слово. Перевод апракоса все же, надо полагать, был завершен до моравской миссии. Этот факт дает основание полагать, что данное слово было известно и македонским славянам. Что же касается слова **лшють**, его возможно признать моравизмом, если перевод или систематический редакционный просмотр псалтыри производился в Моравии. Но, как отметили, и при этих условиях его нельзя признавать вторичным словом, употребленным взамен **спѣти**, как думает Ягич. Слово **лшють** могли употреблять только первые переводчики в указанных выше значениях.

Дошедшие списки памятников старо- и церковнославянской письменности свидетельствуют о том, что со временем все три слова стали употребляться одно вместо другого, а также заменяться, особенно **лшють** и **спѣти**, новым, отсутствовавшим в первых переводах словом **безоума**. В Син. пс. XXXIV, 19 читается **лшоуть** вм. **спѣти**, а в Пандектах Антиоха (XI в.) в той же цитате находим **тоуне** (см. л. 117 об.).

На эту особенность перевода и употребления слов Ягич не обращал внимания, поэтому, руководствуясь в основном большей употребительностью слова в более старших списках памятников, он зачислил **спѣти** в разряд первичных слов, т. е. употребленных первыми переводчиками, а все остальные слова ошибочно отнес к числу вторичных, внесенных взамен **спѣти** позднейшими переписчиками.

2. Слово **безоума** находится на месте **лшють** и **спѣти** в восточноболгарских редакциях церковных книг. Этот факт

может свидетельствовать о том, что последние два слова в X—XI вв. не были употребительны в восточноболгарских говорах, поэтому редакторы могли заменять их на употребительное в их речи безоума. Следы наличия в отдельных диалектах болгарского языка наречия безоума фиксируются отдельными словарями и поныне. Кроме безоума, на месте указанных слов употреблялся в восточной Болгарии и бездобь, ср.: бездобь молиши сѧ. никтоже бо от' сьде пришедъшиихъ исходитъ. или отъпоуштаютъ сѧ (Супр. рук. 167, 4—6), в греч. μάτην. По контексту бездобь либо на месте спъıти, либо соуе.

3. В восточноболгарских списках церковных книг слово тоуне встречается и на месте спъıти или ашють. Кроме того, употребление тоуне в восточноболгарских списках памятников ограничено количественно. Так, напр., в Супр. рук. оно встречается всего два раза (300, 12; 415, 13). По-видимому, и это слово было там мало употребительно.

Балии — врачь

В евангелии первое слово встречается только в Мар. Приведем из него примеры: Мрк. II, 17: не трѣбоуıжтъ сьдравии балиѫ нъ болѧщеи, Зогр. врачекъ, в Асс., Сав. и Остр. — врача. Мрк. V, 26: (жена) много пострадакъши отъ мъногъ балии. і иждивъши вьсе свое. і ни единоѫ польза обрѣтъши. В Зогр., Сав. и Остр. врачевъ, в Асс.: врачеи, кроме того, вместо иждивъши в последнем читается издавъши, что, видимо, точнее. Лук. IV, 23: балии исцѣли сѧ самъ. В Зогр. и Сав. нет этого места, а в Асс. и Остр. врачю (в последнем написано врачѫ). Лук. VIII, 43: балиѣмъ издавъши вьсе имѣниѣ. ни отъ единого же не може исцѣлѣти, в остальных врачемъ. Однако Мф. IX, 12: не трѣбоуıжтъ съдравии врача. нъ болѧщеи. В Зогр. нет этого места, в Асс., Сав. и Остр. так же, как в Мар. Это же предложение повторяется Лук. V, 31. В Зогр. здесь читается врачевъ, в Асс. и Остр., так же как в Мар. — врача. В Сав. нет этого места.

Таким образом, в Мар. употреблено 4 раза балии и 2 раза врачь. Остальные списки евангелий знают только второе слово.

В Син. пс. лишь один раз встречается балии, а второго слова в ней нет. Ср.: еда мрьтвъıмь сътвориши чюдеса. ли балиѫ въскрѣсıатъ (LXXXVII, 11). В Погод. и Соф. то же слово, но в Болон. и Бух. врачеве.

В Син. трб. встречаются оба слова. Ср.: кто плача сѧ і припадаѫ. къ врачеви семоу. не оубалоуетъ сѧ. съдѣтелю вс҃ѣмъ. бали неджьнъıмъ г҃і. дажи до конца не погыбнѫ спи҃ мѧ (84а, 2—6). Кроме приведенных бали, оубалоуетъ сѧ, здесь находим еще: бальство: неджомъ бальство (5а, 5; 6б, 19), балованье: да имѫтъ... къ балованью врѣдомъ (5а, 16—18).

В этом памятнике **врачь** встречается чаще слова **балии**, см. 24б, 1; 25б, 18; 38б, 10; 68а, 9; 84а, 3; 103б, 17. Несмотря на это, в данном памятнике не находим производных образований от **врачь**, вроде **врачевати, врачьство** и т. п.

Дважды встречается слово **бальство** в Киев. лл.: **чьстімъ на бальство наше** (4б, 21—22). **Съвѣстоуемъ нъи. ѣко бальство є̑стъ тѡ̀ живота вѣчьнаго** (6а, 6—8).

В Клоц. сб. дважды употреблено **балі**, один раз **бальство** и один же раз **оубалоуеши**, ср.: **аште лі онъ не въсхотѣ пріѧти бальства. балі не повінънь** (I, 200—201); **троуді сѧ въ спс̑нье чко̑мъ тварь. і крс̑тъ пріше дъ балі сѧ ѣви** (I, 590—592); **неджжънъиѧ оубалоуеші** (II, 118).

В Фрейзинг. отр.: Naſ gosbod zueticruz iſegeſt balı teleznaſſih izpaſıtel duſnaſſih ton bozzledıne baluovanı.... (II, 89—92), т. е: **нашь господь сватъıи крьстъ иже кстъ бальи тѣлесъ нашихъ тъ н(ъı) послѣдьнее балованье.**

В Супр. рук. находим только **врачь** и производные от него, причем **врачь** встречается здесь 14 раз, например: **приде къ болаштиимъ врачь** (251, 19), **врачь бъıлик прилагактъ** (251, 3—4), **мрьтвьць мрьтвьцемъ врачъ** (436, 27) и т. п.

Кроме того, здесь уже употребляются и производные **врачевати приходаштам к немоу** (549, 2—3); **николиже сеи ази извračоукмѣ бъıвати** (556, 29); **напрасно врачьбж полоучаахж** (Там же); **не врачево то съгрѣшеник** (414, 6); **врачевьстии** (430, 13); **врачъбьнѣи** (431, 20); **врачевьнаго ищѣленьıа** (556, 25); **врачьбно** (314, 13).

Таким образом, одни рукописи, как Киев. лл., Клоц. сб., Син. пс., знают только **балии**. Другие, как Асс., Зогр., Сав., Остр., Супр. рук., наоборот, употребляют только **врачь**. Третьи, как Мар. ев. и Син. трб., употребляют и то и другое слово.

Памятники, относимые к восточноболгарской редакции (Сав., Супр. рук., Остр.), употребляют слово **врачь** и производные от него. Памятники же, характеризуемые как македонские (Асс., Зогр., Син. трб.), одни употребляют только **врачь**, а другие (Син. трб.) **балии** и **врачь**.

Клоц. сб., в котором, как отметили выше, Вондрак находит явные следы восточноболгарской редакции, но дошедший до нас список, по мнению исследователя, сделан где-то на территории Сербии или Хорватии с восточноболгарского оригинала, знает только **балі**, кроме того, греч. θεραπεύειν передает словом **оубаловати**. Наряду с этими словами в этом памятнике находятся слова **исцѣление** (I, 461), **іісцѣлі** (I, 460). В евангелиях, как известно, греч. θεραπεύειν передается только словами **исцѣлити, цѣлити**. Ср, например: **і привѣсъ і къ оученикомъ твоимъ. і не могж его исцѣлити** (Мф. XVII, 16. Мар.); **цѣлити неджгъı** (Мрк. III, 15, Мар.).

По мнению Ягича, «слово **балии** (ἰατρός) встречается в нашем тексте (т. е. в Мар. ев. — *А. Л.*) Мрк. II, 17; V, 26; Лук. IV, 23; VIII, 43; **врачь** только в Мф. IX, 12; Лук. V, 31. Зогр., Асс., Остр., Сав., Ник. первого слова вовсе не знают, но оно опирается на свидетельство таких памятников, как Фрейзингенские отрывки и Клоцовы листки, мы, стало быть, вправе предположить, что слово **балии** встречалось действительно в первом переводе евангелия, но очень рано было вытеснено обыкновенным **врачь**. В Киевском отрывке читается принадлежащее сюда **бальство** два раза»[1]. В доказательство того, что **балии** могло быть первичным, а **врачь** — вторичным словом, Ягич ссылается еще на то, что от первого слова известны производные **бальство** и **оубаловати**, тогда как **врачьство** и **оубрачевати** отсутствуют в древних памятниках (Ensts. 324).

К. Горалек соглашается с Ягичем[2].

Не лишне указать на то, что, например, в Син. трб. наряду с **бальство**, употребленным всего один раз, 3 раза находим слово **цѣление** в том же значении, что и в евангелиях. Ср.: **дас емоу цѣленью постъ** (103б, 18—19); **има твое цѣленью далъ еси** (39а, 15—16).

Вместо **оубаловати** все без исключения памятники чаще употребляют **исцѣлити** Думаем, что нет оснований признавать слова **цѣление** и **исцѣлити** вторичными, включенными в текст церковных книг вместо **бальство** и **оубаловати**. Вероятным должно быть предположение, что первые два слова были употребительны с самого начала при переводе евангелия-апракоса на славянский язык.

Памятники письменности, характеризуемые как македонские, предпочитают слово **врачь**. Из них в Зогр., оцениваемом Ягичем так: «Между всеми до сих пор известными памятниками первое место занимает Зогр. ев., подходя лучше всех к идеальному церковнославянскому или старославянскому языку»[3], — ни разу не встречается «первичное» **балии**.

Почерк Мар. моложе почерка Зогр. Буквы в последнем пишутся так, что в большинстве случаев элементы, составляющие их, легко различимы, тогда как в Мар. в большинстве случаев элементы буквы не различаются, в почерке последнего заметно чувствуются черты будущей скорописи. Разумеется, почерк может не иметь какого-либо серьезного значения на изменение словарного состава, но все же общеизвестно, что в более поздних памятниках чаще наблюдаются словарные замены.

[1] И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие. С примечаниями и приложениями СПб , 1883, стр. 468.

[2] См : K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954, стр. 106

[3] И В Ягич Мариинское четвероевангелие, стр. 423.

Таким образом, точка зрения Ягича на первичность слова **влии** остается необъясненной. Остается неясным и то, для чего следовало редакторам или писцам заменять **влии** словом **врачь** в таких памятниках, как Зогр. и Асс. Именно в них следовало бы ожидать наличие первичных слов.

Указав на то, что **влии** или производные от него употребляются в Киев. лл., Мар. и в ряде других памятников, Р. Нахтигаль допускает, что оно моравско-паннонское слово, вошедшее в памятники старославянской письменности в указанных краях взамен первичного **врачь**[4].

Это противоположное мнение аргументировано также слабо, потому что в большинстве памятников, где употребляется **влии**, встречаются и производные от него, тогда как производные от **врачь** отсутствуют, за исключением Супр. рук., при этом остается невыясненным, для чего следовало заменять, например, **исцѣлити** словом **оуѕдравовати**, **исцѣление** — **здравьство** и т. д.

По мнению Соболевского, часть врачевальных молитв из Син. трб., в частности, «**Слово болѧщихъ ради**», переведена в Моравии тем же лицом, которым переводились и Киев. лл. В молитве «**Слово болѧщихъ ради**» несколько раз употреблено слово **врачь**[5]. По мнению Соболевского, Беседы на евангелие папы Григория римского, дошедшие до нас, правда, только в списке XIII в., также переведены в Чехо-Моравии и в том же переводческом кружке, в котором переводились Киев. лл. Это мнение Соболевского считается вполне убедительным. В этом памятнике 1 раз встречается **влии** (214б, 9), дважды **врачь** (224а, 24; 321, 5) и дважды **врачьство** (238в, 18; 319в, 7). Никодимово евангелие также признается чешско-моравским переводом с латинского языка. В этом памятнике списка XIV в. также находим слово **влии**[6].

Книжники, трудившиеся в Моравии, возможно, после изгнания оттуда большинства учеников Константина и Мефодия переводили не на чешско-моравский, а на старославянский язык, которым, как показывают названные переводы, они владели удовлетворительно. Употребление этими переводчиками слов **влии** и **врачь** может быть одним из вероятных показателей того, что в памятниках старославянской письменности, которые они изучали, находилось и то и другое слово.

Характерно, что апракосы не знают слова **влии** и производных от него. В них греч. ἰατρός последовательно передается словом **врачь**, а θεραπεύειν — **цѣлити**, **исцѣлити**. При этом важно

[4] См.: «Euchologium sinaiticum starocerkvenoslovanski glagolski spomenik». Izdajo priredil Rajko Nachtigal, d. II. Ljubjana, 1942, стр. 258.

[5] А. И. Соболевский, Словарный материал двух памятников чешского происхождения. «Сб. ОРЯС», т. 88, № 3. СПб., 1910, стр. 100 и след.

[6] Там же, стр. 81.

заметить, что **исцѣлити** несомненно является южнославянским словом по наличию в нем префикса **из-**. Асс., в отличие от Остр. и Сав., не содержит вполне выдержанных черт восточноболгарской редакции. Правда, в нем находим 1 раз слово **послоуш-ствоуетъ** вм. **съвѣдѣтельствоуетъ** (Ио. III, 32); **вълѣзьше** (Ио. VI, 17), **вълѣзѫ** (Там же, 24); **вълѣзъшю** (Мф. VII, 23) вм. **къниг-**; **хоула** дважды (Мф. XII, 31) вм. **власкимѣ** других мест; **единочѧдъ** (Лук. VII, 12; VIII, 42; Ио. III, 16) вм. **иночѧдъ** других мест; **скоро** (Мф. XXVIII, 7) вм. **ѩдро**; **писание** (Ио. XIX, 37) вм. **къниги** других мест; порою пропускается *l* epentheticum, как, например: **не оставѫ** (Ио. XIV, 18); **вьзлюбень** (Там же, 21, 30а). Но все это не представляет определенной системы, а создает впечатление какой-то случайности; часть из этих особенностей мог внести переписчик дошедшей до нас рукописи. Другая часть, по-видимому, попала сюда из других рукописей, включенных взамен утерянных листов. К таким можно отнести, например, Ио. III и VI.

Если слово **балии** было бы в первичном тексте апракоса, оно бы употреблялось в Асс., при этом вполне вероятно, что в отдельных случаях заменялось бы словом **врачь**. Однако ничего подобного мы не ходим, а этот факт позволяет считать, что передача греч. ἰατρός словом **врачь**, θεραπεύειν — **цѣлити**, **исцѣлити** в Асс. может быть отнесена к чертам первоначального перевода апракоса.

Син. пс., правда, всего только один раз греч. ἰατρός передает словом **балии**, то же наблюдаем в Погод. и Соф. списках, но Болон. и Бух. списки, особенно характерные восточноболгарскими чертами языка, употребляют уже **врачеве**. Как отметили выше (см. предыдущую главу), в Син. пс. отражаются явные западнославянские фонетические черты. Клоц. сб., содержащий такие же специфические черты, знает только **балі(и)**, причем в этом памятнике на месте греч. θεραπεύειν находим то **оубалоуєшї** (II, 118—119), то **ісцѣлі** (I, 460). Кроме того, тут появилась и форма **балъства** (I, 200). Киев. лл. с бесспорными западнославянскими чертами языка употребляют дважды **бальство**. К этой группе памятников относятся и Фрейзингенские отрывки.

Далее идут памятники, знающие и **врачь** и **балии** в передаче ἰατρός, это — Мар. и Син. трб. В последнем, кроме того, находим ряд производных второго слова: **бальство**, **баловань**, **оубалоуєть сѧ**.

Наконец, Зогр. по системе передачи ἰατρός и θεραπεύειν относится к той же группе, что и апракосы, но в этом памятнике имеются явные следы восточноболгарской редакции.

Таким образом, данные склоняют к мысли, что при переводе апракосы не употребляли **балии** для передачи греч. ἰατρός и **оубаловати** для передачи θεραπεύειν. Другие допущения тут едва ли возможны. В самом деле, Асс. не имеет бесспорных

следов восточноболгарской редакции, вместе с тем в нем нет слова **баліи**. Если на время согласиться с Ягичем в вопросе о первичности последнего слова, то тут же возникает вопрос: где же и при каких условиях в Асс. «первичное» **баліи** могло замениться «вторичным» **врачь**? Ответить на этот вопрос невозможно.

Памятники же с явными чертами восточноболгарской редакции также не знают, правда, слова **баліи**. В этих памятниках **баліи** ἰατρός могли сознательно заменять словом **врачь**, потому что в восточной Болгарии **баліи**, по имеющимся данным, употреблялось в значении 'заклинатель', 'колдун', ср.: **нѣсть мъıдръıхъ, влъхвъ, ни баліи газариньскъ. сила съвѣстити црю**, в греч. на месте **баліи** ἐπαοιδῶν[7]; **валтасаре, къняже балиискъ. его же азъ разоумѣхъ**, в греч. ὁ ἀρχων τῶν ἐπαοιδῶς[8].

Слова **баліи, балиискъ** в указанном значении встречаются и в Малых пророках списка Упыря Лихого. Иначе говоря, в начале XI в. эти слова, бесспорно, употреблялись в только что приведенном значении. При этих условиях, разумеется, восточноболгарские редакторы не могли оставлять в текстах церковных книг **баліи** на месте греч. ἰατρός.

Допустимо, что в псалтырь слово **баліи** для передачи греч. ἰατρός включено уже в Моравии, так же как и в комплекторные части тетра ἰατρός передавали тем же словом. В результате в апракосных чтениях Мар. осталось **врачь**, а в комплекторных — **баліи**. Это явление, надо полагать, того же порядка, как употребление в Мар. 3 раза **распѧти**, как в апракосах, при преобладании употребления **пропѧти** (см. ниже). В этом памятнике далее обнаруживается выдержанное употребление **собота**, вероятно, передающее лат. sabbata. Сохранились в нем **жаль** на месте μνημεῖον (Мф. VIII, 29). Употребить это слово могли только при переводе апракоса, потому что этот несомненный языческий термин впоследствии был заменен словом **гробиште**, хотя последнее, собственно, не передавало точно значения греч. μνημεῖον. Наконец, в нем имеются и фонетические западнославянизмы **розьство** (Мф. XIV, 6), **визжь** (Ио. XX, 27). Говоря иначе, этот памятник содержит в языке черты самые древние и черты, которые могли появиться в Моравии.

Такие памятники, как Клоц. сб., Киев. лл., Син. трб., могли быть переведенными в Моравии. Фрейзингенские отрывки могли возникнуть либо в Моравии, либо в Паннонии. Все перечисленные памятники употребляют слово **баліи** и производные от него. Правда, в Син. трб. находим и **врачь**. Известно, что в ряде случаев рядом с введенным в Моравии словом в памятниках

[7] И. Евсеев. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе М., 1905, стр. 18.

[8] Там же, стр. 70.

западнославянского перевода, как показывают факты, употребляли и старое слово, бытовавшее в памятниках до включения в них нового слова.

Ни в одном из современных славянских словарей не фиксируется слово balij (Болгарская, а также и русская фамилия *Балиев*, по-видимому, образована не от этого существительного). А. И. Соболевский считает, что слово *балий* имеет в своем составе суф. *-лий*, так же как и русск. слово *дуралей*[9]. Однако слово *дуралей* фиксируется только с XVIII в. и, по всей видимости, представляет позднее образование и едва ли содержит в своем составе искомый Соболевским суффикс. Думаем, что прав Бернекер, считающий, что balij образовано присоединением суф. *-ий* (*-ьjь*) к основе *bal-*[10]. Наличие последней свидетельствуют такие данные: русск. *балы* 'забавный разговор', *балагур* (из *бало-гур*) 'шутник', *балабола* (из *бал-о-бал-а*) 'болтун', 'пустомеля', *балагурить* (из *бал-о-гур-и-ти*) 'беседовать' и т. д.; укр. *бали* 'разговоры', 'росказни', *балувати* 'быть опытным в чем-либо'; белр. *бал* 'вздор', 'ложь'; серб.-хорв. *баловати* 'болтать', 'молоть чепуху'; словн. balovati 'пустословить', 'молоть вздор', balusati 'болтать', словц. balachat 'нести чепуху', 'морочить кого-либо' и т. п.

Данные свидетельствуют о том, что *l* в основе *bal-* является именным суффиксом, так же как и в словах **жзлъ**, **жьзлъ**, **тълъ** и т. п.[11]

Словом, вне сомнения, что **балии** по модели образования такого же типа, что и **сѫдии**, имеющий суф. *-ии*. Производные от **балии**, как **бальство**, **оубаллокати** и др., показывают, что все они от основы **бал-**. Хотя этимологи убеждены в том, что **балии** восходит к корню *ба-* (*баять*) 'говорить', но в образовании значения 'лекарь', видимо, в каком-то отношении оказало влияние лат. balineae, balneae, balneum и др.[12] Поскольку слово **балии** и его производные употребляются в памятниках несомненно переведенных или составленных в Моравии и Паннонии (Киев. лл., Клоц. сб., Фрейзинг. отр. и др.), то допущение влияния латинского языка на оформление значения **балии** не исключено.

Современные западнославянские языки не имеют следов и от основы *vrak-* или *wrok-*, от которой образовано слово **врачь**. Правда, отсутствие в современных западнославянских языках слов с основой *vrak-*, *wrok-* не бесспорный довод в пользу того, что их не было там в прошлом. Тем не менее отсутствие какого-

[9] См.: А. И. Соболевский. Лингвистические и археологические наблюдения, вып. II. Варшава, 1912, стр. 29.

[10] См.: E. Berneker. Указ. соч. Heidelberg, 1908—1913, стр. 42.

[11] См.: W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I. Göttingen, 1906, стр. 434.

[12] См.: И. С. Вахрос. К истории *бани* в свете ее наименований в славянских языках. «Scando-slavica», t. IX. Copenhagen, 1963, стр. 153 и след.

либо следа существования слов с указанными основами необходимо признать все же за свидетельство очень раннего выхода из употребления таких слов, если эти слова, так сказать, праславянские.

Слово **врачь** находит соответствия во всех южнославянских языках, ср.: болг. *врач* 'ворожея', 'знахарь', *врачба* 'ворожба', 'колдовство', *врачка* 'гадалка', 'ворожея', 'знахарка', *врачувам* 'ворожить', 'гадать', 'колдовать'; серб. *врач* 'колдун', 'чародей', 'лекарь', *врачар* 'колдун', *врачати* 'колдовать'; словен. vrač 'лекарь', диал. 'колдун', vračati 'лечить', 'колдовать'. Отметим, что все образования восходят к основе имени *vrač-*.

Из восточнославянских языков только в диалектах русского языка фиксируется *врачь* 'враль', 'обманщик', *вракать* (олонц.) 'врать', 'лгать'; *вракают* (арх.) 'говорят', 'слух идет' (Оп. 29). Слово же *врач* в значении 'лекарь' в русском языке признается церковнославянским. Надо полагать, что диалектное *врач* является существительным на *-jo*, образованное от *врак-* (ср. *враки*), причем оно, должно быть, находится в связи с *врать*, восходящим к *вьрати*, ср. *завираться*, корень *vьr-*.

Южнославянское vrač С. Младенов вслед за другими сближает с лат. verbum, гот. waúrd, нем. Wort, литов. vardas 'имя'[13]. То же мы наблюдаем у Вальде, который лат. verbum $<$ **u̯er-*, **su̯er-* 'говорить' сближает с гот. waurd, др.-в.-н. Wort, литов. vardas, др.-прус. Wird, ст.-сл. **врачь**, русск. *вру*, *врать*[14].

К. Штрекель, специально интересовавшийся этимологией **врачь**, считает, что русск. *вру*, *врать*, *врун*, *враль*, также *врач* восходит к корню *ver-* и что в ст.-сл. следовало бы ожидать поэтому написание ***вьврачь**[15].

Русское *вру* (из *вьру*), *врать* (из *вьрати*), *врун* (из *вьрунъ*), *враль* (из *вьраль*) образованы от корня *vьr-* $<$ *vi̯r-*.

Устойчивое же написание **врачь** в памятниках старославянской письменности без **ь** между **вр** показывает, что оно не является образованием от корня *vьr-*. Ст.-сл. **врачь** — существительное с основой на *-jo* (***vrak-jo*). По внешним показателям оно такого же типа образования, как и **зракъ** (из ***zor-kъ*), **злакъ** (из ***zol-kъ*), **бракъ** (из ***bor-kъ*), **мракъ** (из ***mor-kъ*)[16].

Южнославянское **врачь** по модели образования должно относиться к таким же типам, как tъkač ot *tъka-(ti)*, orač ot *ora-(ti)*, korač ot *kora- (ti)* и т. п. Рядом с такими именами

[13] С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 78.

[14] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1910, стр. 820. См. также: А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910—1914, стр. 100.

[15] См.: «Archiv für slavische Philologie», t. XXVIII. Berlin, 1906, стр. 505—506.

[16] См.: А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II, стр. 60.

обычно сохраняются и глаголы, от основы которых они образовались. Но у слова **врачь** на южнославянской почве отсутствует глагол, от основы которого оно образовано. Глагол **vrati*, от основы которого могло быть образовано существительное **врачь**, должен относиться к типам **брати — бороши**, **клати — колеши** и проч. Ссылаются на русск. *врать* < *vьrati. Русское *вьрати* относится к типам **бьрати**, **дьрати** в корнях с чередующимся *e/o*, ср.: **берж — боржь**, **держ — въздоръ** и проч.

Фактически, если такой глагол был, то он едва ли мог выйти из употребления. Дело в том, что предполагаемый южнославянский глагол должен был иметь развитую семантику: 'говорить', 'заговаривать' (боль) и 'лечить'. Едва ли реально исчезновение такого глагола при сохранении образовавшегося от его основы существительного.

Все сказанное ведет к предположению, что ст.-сл. **врачь**, возможно, не исконнославянское, а заимствованное слово [17].

Изложенное дает право на такие выводы:

1. Имеющиеся данные склоняют к мысли, что слово **балии** не употреблялось при переводе евангелия-апракоса. Там греч. ἰατρός последовательно переводилось бытовавшем в южнославянских языках словом **врачь**. При этом греч. θεραπεύω переводилось словами **цѣлити**, **исцѣлити**.

2. Слово **балии**, сколько можно судить об этом на основании данных памятников, впервые вошло в тексты церковных книг при редактировании псалтыри в Моравии. Затем оно было введено и в тетроевангелия. Кроме приведенных выше доводов, в пользу высказанного следует еще сослаться на то, что западнославянским языкам было чуждо слово **врачь**. Памятники, переведенные в Моравии, как Киев. лл., Клоц. сб., знают **балии**, **бальство**, но в них не встречается **врачь**. То же следует сказать о Фрейзинг. отр. Характерно еще и то, что в указанных памятниках встречаются и производные: **бальство**, **балование**, **оубаловати** и т. д. По типу этих слов позже в памятниках появляются и **врачьство**, **врачевати** и т. п.

3. Поскольку для передачи греч. ἰατρός и лат. medicus появилось два слова: **врачь** и **балии**, то в таком памятнике, как Син. трб., переведенным, надо полагать, в разное время и разными лицами, стали фигурировать оба слова. В частности, в этом памятнике получается такая пестрота, что употребляются на равных, так сказать, правах не только **врачь**, **цѣлитель**, **исцѣлѣти**, но и **балии**, **оубаловати** и т. д., ср.: **никътоже бо тамь врѣдъ скои. а не покажеть врачю. ти ищѣлѣетъ. нъ прилежъно ищи цѣлителѣ** (68а, 9), **аще которъіи сѫщникъ съ гнѣвомъ сѫ-**

[17] См.: О. Н. Трубачев. Заметки по старославянской этимологии. «Этимологические исследования по русск. яз.», вып. IV. МГУ, 1963, стр. 163 и след.

жетъ чка. ли кръвъ пролѣетъ. да проситъ врача (103б, 15—16); кто плача сѧ і припадаѣ къ врачеви семоу. не оубалоуетъ сѧ. съдѣтелю всѣмъ. і бали неджжънъімъ гї (84а, 2—6).

В апракосах, тетрах и псалтыри не встречаемся с подобным, так сказать, «вольным» словоупотреблением.

4. Не подтверждается мнение Ягича и его последователей о первичности **балии** в том смысле, что это слово было в самых первых переводах. Ни Киев. лл., ни Фрейзинг. отр. не могут быть взяты за основу для суждения о первичности этого слова. Лишь данные евангелий-апракосов, особенно тех списков, которые не носят систематических следов восточноболгарской редакции, могут быть серьезным доводом, притом не в пользу первичности **балии**, а, наоборот, — в пользу первичности **врачь**. Первое же слово, как показывают факты, введено в тексты церковных книг, возможно, первыми же переводчиками в Моравии. Употребление в памятниках **бальство**, **оубаловати** рядом **цѣлъ бъıти**, **цѣлити**, **исцѣлѣти**, **исцѣлити** (последнее употребляется выдержанно не только в апракосах, но и в тетрах) может свидетельствовать только о том, что слова с основой *bal-* вошли в памятники позднее, чем **врачь**, и стали вытеснять другие слова, употребленные при самых первых переводах.

5. Изложенное позволяет, правда, предположительно относить слово **балии** и производные от него к моравизмам в памятниках старославянской письменности.

Близъ — искрь

Приведем мнение Ягича об этих словах, а также производных от них: «**Искрь** (πλησίον) и **искрьнии** (ὁ πλησίον) суть характерные слова для старших памятников, которым в поздних текстах противостоят **близъ** и **ближьнии**. Правда, эта замена встречается очень рано, например, Ио. IV, 5: **искрь вьси** (πλησίον τοῦ χωρίον) в Мар., Зогр., Асс., но в Остр., Трнв. **близъ вьси**. На месте ὁ πλησίον в Мар. и Асс. повсюду стоит **искрьнии** (Мф. V, 43; XIX, 19; XXII, 39; Мрк. XII, 31, 33; Лук. X, 27, 29, 36), а в Остр. столь же последовательно — **ближьнии**, в Сав. 1 раз **искрьнии**, в остальных — **ближьнии**. Странным образом Зогр. наряду с **искрьнии** употребляет еще слово **подроугъ** (Мрк. XII, 31; Лук. XVI, 27)[1], но не **ближьнии**. Также в Апостоле последовательно читается **искрьнии** в таких текстах, как в Шиш. Христ. (к римл. XIII, 9, 10; к гал. V, 4, к евр. VIII, 11, к ефес. IV, 25, посл. Иак. II, 8). Равным образом в псалтыри в привлеченных мною списках преобладает **искрьнии**, только XXXIV, 14. Бух. пишется

[1] Здесь ошибочно вместо Лук. X, 27. Кроме того, Ягич пропустил Мф. V, 43, где также **подроугъ**.

ближнемоу и Соф. С, 5 — ближнѣго. Кроме того, достойно упоминания еще то, что XXXVII, 12 во всех списках пишется ближикъı, только Бух. ближни, а также CXXI, 8 Погод. и Болон. ближикъı. Приведенными данными гарантируется приоритет слов искрь и искрьнии» (Entst. 351).

В таких памятниках, как Мар. и Асс. ев., Син. пс. и Апостолы, предпочтительно употребляется слово искрьнии вм. ближьнии. На основании этих данных Ягич слова искрь, искрьнии в значении πλησίον и ὁ πλησίον относит к первичным, а все остальные перечисленные им синонимы к искрь, искрьнии — к вторичным, вошедшим в тексты церковных книг при поздней их переписке. Таким образом, частота употребления в данном случае для Ягича явилась основанием для зачисления слова в первичные.

Слово искрь встречается в евангелиях всего один раз: вънидѣ исъ въ градъ самарѣискъ. наріцаемъıи соухарь. искрь вьсі ижже дастъ иаковъ иосифоу сноу своемоу (Ио. IV, 5, Асс.). В Мар. и Зогр. приде вм. вънидѣ, в остальном текст совпадает за исключением употребления отдельных букв, напр., в последних пишутся вьси. В этом месте в Остр. читается близъ вьси, в Сав. этого места нет.

Кроме этого, слово искрь встречается в Син. трб.: гла искрь (см. 58б, 15; 105б, 5).

Таким образом, слово искрь отсутствует в Остр., Сав., Син. пс., Супр. рук. и Киев лл., которые вместо этого слова употребляют только близъ для передачи греч. πλησίον, а также ἐγγύς 'близ', 'близко'. Причем слово близъ употребляется в пространственном и временном значениях. Соответствующие примеры иллюстрируют высказанное положение:

1. В пространственном значении: тъ бѣ близъ їлма (Лук. XIX, 11, Зогр.); близъ мѣста идеже ѣсм хлѣбъı (Ио. VI, 23, Мар.); близъ естъ при двьрехъ (Мрк. XIII, 29, Мар.); близъ насъ бжді гі просимь тıа (Киев. лл. 2об., 19); стоıа близъ олътра. идеже стоıатъ пѣвци (Син. трб. 101а, 7—8); близъ есі тъı гі (Син. пс. CXVIII, 151); отъ манастырѣ есмь сьде близъ сжштааго (Супр. рук. 515, 25—26); дошьдьшоу же цѣсароу кдного града близъ доуиава (Супр. рук. 196, 8—10).

2. Во временном значении: врѣма мое близъ естъ (Мф. XXVI, 18, Зогр.); вѣсте ѣко близъ естъ жатва (Мрк. XIII, 28, Мар.); и близъ бѣ пасха июденска (Ио. II, 13, Асс.); братиѣ нъıнѣ ближе (нмъ съпн)ие (Киев. лл. Iа, 1).

К сожалению, примеров, где встречается слово искрь, исключительно мало. Из предложения, приведенного выше из Ио. IV, 5, нельзя установить разницы между искрь и близъ. На месте искрь вьси ижже дастъ иаковъ иосифоу в греч. читается: πλησίον τοῦ χωρίου, а на месте близъ мѣста идеже ѣшм хлѣбъı (Ио. VI,

23, Остр.) в греч. находим: ἐγγύς τοῦ τόπου. На современный русский язык первое пришлось бы переводить: «рядом с селением», или «у селения», а второе: «недалеко от места».

В Син. трб. читаем: **и чьтетъ чьць — апо. пѣвѣ але: гла искрь б** (58б, 14—15), т. е.: **и чьтетъчьтьць апостолъ. пѣвець аллилоуѣиѣрии** (греч. ἀλλουιάριον) **гласомь искрь. б**. Последние два слова передают греч. ἦχος πλησίον 'близко к звучному голосу', но думают, что πλησίον здесь вместо πλάγιον 'слабый'[2]. И в том и в другом случае **искрь** передает понятие 'рядом (с звучным голосом)'.

Соболевский приводит из Бесед на евангелие папы Григория римского **искрь пѫти**, передающий лат. juxta viam 'рядом-с дорогой', **смьрть искрь назнаменаєть**, передающего лат. mor tem, vicinam designat[3].

В словаре Срезневского находим такие примеры: повелѣ ю приказати искрѣ колесъ; ємѹ же присѣдаше искрѣ своѧ жена, поюще пѣсни и др. (Мат. I, 1120), которые ясно передают понятие 'рядом'.

Таким образом, слово **искрь** употребляется для передачи понятия 'рядом', 'подле', в смысле 'тесно примыкающее' (греч. πλησίον), а **близъ** 'около', 'невдалеке', но не 'рядом' (греч. ἐγγύς).

В восточной Болгарии эта семантическая разница между **искрь** и **близъ** перестала осознаваться, поэтому там первое слово всюду стало заменяться вторым как более распространенным и известным.

К слову **искрь** бесспорная параллель имеется в словенском языке: isker 'очень близко' (knapp neben): isker obrezati 'стричь наголо'; iskre-isker, knapp: vrata se iskre zapirajo[4] 'плотно закрыть'.

Словари серб. и хорв. языков фиксируют: серб. *искрај*, предл. с род., 'около края'. *Стража искрај поља*[5]. «Rječnik, hrvatskoga ili srpskoga jezika» приводит iskr = iskraj, причем делается помета, что iskr — слово старославянское. Далее iskraj, предлог с род.: iskraj dvora, iskraj grada[6].

Миклошич считает, что ст.-сл. **искрь**, слово isker, iskre образованы присоединением к слову *край* приставки *из-*, в доказательство высказанного предположения он ссылается на терб. и хорв. iskraj. По его мнению, слово kraj могло иметь форму krej,

---

[2] См. «Euchologium sinaiticum. . .», d. II, стр. 149.

[3] См.: А. Соболевский. Словарный материал двух древних памятников чешского происхождения. Сб. ОРЯС, т. 88, № 3 и СПб., 1910, стр. 64.

[4] M. Pleteršnik. Slovensko-nêmški slovar, d. I. Ljubljana, 1894, стр. 297.

[5] В. Караџић. Српски рјечник. Београд, 1935, стр. 243.

[6] «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», d. III. Zagreb, 1887—1891, стр. 896.

kri. Последнее предположение подкрепляется ссылкой на iskrennij[7], а также на русские диалекты *край*, *кри*. Однако следует заметить, что переход в древности на почве южных и восточных славянских языков $a > e$ проблематичен.

Бернекер слово **искрь** возводит к корню *(s)kri-s*, который он находит в следующих словах: латыш. krija 'кора дерева', krejůt 'снимать сливки', kréims 'сливки', krîts 'сачок для рыб', kriját 'сдирать кожу'; литов. krijà, skrijos 'край ободка решета, сделанного из лубка', krýtis 'сачок для рыб'. По мнению Бернекера, основным значением корня приведенных слов является 'касаться', 'делать полосу'. Значение 'близ', 'около' в этом корне развилось из конкретного 'касаться', результатом чего и явилось слово iskrь[8].

Бернекером опущены восточнославянские соответствия. Ср.: русск. *крей* (яросл.) 'подле' (Оп. 92); *кри* (ряз.) то же значение: *Кри озера* (Оп. 93); возможно сюда же *кренуть* (вят.) 'тронуть', 'сдвинуть с места' (Там же, 92); укр. *крій* 'подле' (Гринч. II, 309).

Крей фонетически получилось из **krьj*, а *кри* — из **krьi-*, последнее подтверждается укр. *крій*[9].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что корень **krь-* был общеславянским. Образование же *iz-krь*, по-видимому, было только южнославянским. В пользу этого говорят такие факты, как отсутствие форм *искрей*, *искри* в русском языке, *искрій* — в украинском. Наличные словари западнославянских языков не фиксируют слов iskr, iskrenyj.

Таким образом, по существующим данным, следует считать, что в форме **искрь** отражается южнославянское словообразование, хотя по корню это слово и является общеславянским.

Близъ и поныне имеет соответствия во всех славянских языках. Правда, у М. Плетершника bliz, blizu приведены с пометой prim. stsl. *bliz*, что значит: обратить внимание на старославянское **близъ**, **близоу**, которые поясняют слова bliz, blizu[10]. По какой-то причине, видимо, словн. bliz, blizu ныне приобрели книжный оттенок. Может быть, оттого, что в словенском сохранились и являются общеупотребительным isker, iskre, а bliz и blizu выходят из употребления?

Перейдем к производному от **искрь** слову **искрьнии**.

В памятниках собственно старославянской письменности это слово встречается довольно часто в Мар. и Асс., в первом оно зафиксировано 8 раз, а **ближьнии** в этом памятнике встречается всего 2 раза. В Зогр., если исключить часть рукописи

---

[7] F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 173.

[8] E. Berneker. Указ. соч., стр. 434.

[9] См.: Г. Ильинский. Малорусское *крій* 'близъ'. — РФВ, 1911, т. XV, стр. 230 и след.

[10] См.: M. Pleteršnik. Указ. соч., d. I, стр. XII.

почерка XII в., слово **искрьнии** встречается 3 раза: Мрк. XII, 33; Лук. X, 29, 36 слово **ближьнии** 2 раза в тех же местах, что и в Мар. ев.: Мф. XIV, 15; Мрк. I, 38, и, наконец, 3 раза употреблено здесь **подроугъ**: Мф. V, 43; Мрк. XII, 31; Лук. X, 27. Как уже отмечено Ягичем, Остр. не употребляет слова **искрьнии**, в нем только **ближьнии**, а в Сав. лишь 1 раз встречается **искрьнии** и 5 раз **ближьнии**.

В Син. пс. 8 раз употреблено **искрьнии**, 2 раза **ближьнии** и 2 раза **ближика**.

В Син. трб. **искрьнии** не встречается, **ближьнии** и **ближика** употреблены в этом памятнике в следующем тексте: **дроузи мои і ближикъі моѧ прѣмо мнѣ приближиша сѧ и сташа, ближьнии мои далече сташа** (76б, 2—5). Эта цитата из псалма XXXVII, 12.

В Клоц. сб. дважды употреблено **искрьнии**, в нем совсем отсутствуют **близъ, ближьнии, ближика**.

В Киев. лл. по одному разу встречаются **блізъ** и **ближе**, но в этом памятнике употреблено **подроугъ** во фразе: **къ іноκости подроугъ. къ исповѣді оученікъ** (1б, 19).

В Супр. рук. слово **ближьнии** употреблено 8 раз, **ближика** — 1 раз, в этом памятнике отсутствуют слова **искрь, искрьнии**.

Разницу в значениях между **искрьнии** и **ближьнии** наглядно иллюстрируют следующие примеры: **възлюбиши... искрьнѣаго твоего ѣко самъ сѧ** (Лук. X, 27, Мар.), в Зогр. здесь **подроугa своего**, в Асс. так же как в Мар., но в Сав. и Остр. **ближьнаго**, в греч. τὸν πλησίον. **къто есть іскрьніі ми** (Лук. X, 29, Зогр.), в Мар. так же, но вм. **ми** читается **мои**. В Асс: как в Мар. В Сав. и Остр. **ближьнии**, в греч. οἱ πλησίον. **отъпоусти народы. да шедъше въ ближьнаѧ градьца коупатъ брашьна себѣ** (Мф. XIV, 15, Мар.), так же в Зогр. и Асс., в последнем вместо **градьца** читается **градъı**. Сав. и Остр. на месте **ближьнаѧ** написано **окрьстьнаѧ**, в Сав. вместо **градьца** написано **вьси. Идѣмъ въ ближьнаѧ вьси и градъı. да тоу проповѣмъ** (Мрк. I, 38, Зогр.) в Мар., Асс. и Остр. так же, в Сав. нет этого места.

Ближьнии, являвшееся синонимом **окрьстьнии**, значило 'находящийся невдалеке'. Наоборот, **искрьнии** 'самый близкий'. Эта разница наглядно ощущается в притче о самаритянине, привезшем избитого разбойника в гостиницу и заботившемся о нем. Ранее самаритянина, избитого разбойниками, видели иерей и левгит, но они, не обратив на него внимания, прошли мимо. В заключение спрашивается: **къто оубо тѣхъ тріи. іскрьніі мьнитъ ти сѧ бъıти. въпадъшюмоу въ разбоіникъı. онъ же рече. сътворıı милостъıнıж съ нимь** (Лук. X, 36—37, Зогр.). Это место также читается в Асс., Мар. и Сав., но в Остр. **ближьнии**. Речь здесь о том, кто самый близкий пострадавшему от разбойников. Понятие тесной близости выражено здесь словом **искрьнии**.

Как видно из приведенных данных, в Сав. и Остр. вместо **искрьнии** употреблено слово **ближьнии**. Лишь всего один раз в Сав. осталось незамененным **искрьнии**.

Таким образом, ясна разница в значениях слов **искрьнии** и **ближьнии**. Первым переводилось ὁ πλησίον, а вторым — ὁ ἔγγιστα. Позже, в восточноболгарской редакции памятников старославянской письменности, как свидетельствуют о том Сав., Остр. и Супр. рук., **искрьнии** заменено на **ближьнии**.

Ныне **искрьнии** находит себе соответствия в словн. iskrnji — прилагательное от isker, хрв. iskrnji (в Дубровнике)[11]. Поскольку в старославянских памятниках, характеризуемых как македонские, слово **искрьнии** не подвергается замене на **ближьнии**, то мы имеем право предполагать, что в Македонии оно было употребительно и в тот период, к которому относятся дошедшие до нас списки Асс. и Зогр.

В русском языке слово *искренний*, так же как и в других славянских языках, употребляемое ныне в значении 'чистосердечный', является церковнославянизмом.

В Зогр. ев., как отметили, трижды употребляется **подроугъ** вместо **искрьнии**. **подроугъ** в значении 'ближний', 'товарищ', как отметили, встречается в таких фразах: **възлюбиши подроуга своего і възненавидиши врагы своѭ** (Мф. V, 43), **възлюбиши подроуга своего ѣкъı самъ сѧ** (Мрк. XII, 31), последняя фраза повторяется Лук. X, 27, в греч. ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου.

В Супр. рук.: **отълѫчикъше и разно. да не слъıшита къждо кю къпрашанига подроуга си** (258, 17—19), в греч. ἕτερος 'один из двух'; **съıне дїаколь. подроуже огню. жжико тьмѣ. поч'то мжчиши... раба... артемона** (233, 8—11), греч. σύντροφος 'сотоварищ'.

Имеется разница в значениях слова **подроугъ**, употребленного в Зогр. и Супр. рук. В первом **подроугъ** 'близкий', 'ближний', а во втором, как видно из примеров, 'сопровождающий'.

В Сав. же слово **подроугъ** употреблено вместо **клевретъ**, которым передается греч. σύνδουλος 'служащий вместе', 'соневольник', ср.: **и шъдъ рабъ тъ обрѣте единого подрѫгъ своихъ. иже бѣ длъжънъ емоу р̄-мъ пѣнязъ. и имъ. его бияше. и гл҃а къздаждъ ми иліже еси длъжънъ. падъ же подроугъ онъ молѣше і гл҃а. потрьпи о мнѣ и къздамъ ти. онъ же не хотѣше. нъ ведъ і въсади въ тьмьницѫ... видѣвъше же подроузи его бъıвающа. съжалиша си зѣло** (Мф. XVIII, 28—30).

В приведенном тексте значение слова **подроугъ** близко к значению того же слова из Зогр., но и Сав. словом **подроугъ** ясно обозначается 'наемник', 'работник'.

[11] См.: F. Ivekoviċ, Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, I. Zagreb, 1901, стр. 408.

В славянских языках находим следующие соответствия к слову **подроугъ**: в памятниках древнерусской письменности слово **подругъ** встречается только во фразах, заимствованных из церковных книг; *подружие*, образованное от *подругъ* присоединением суффикса *-ие*, в значениях 'супруга', реже 'супруг' (Срезн. Мат. II, 1041—1047); *подруга* как в древнем, так и в современном языке известно в значении 'состоящая, находящаяся в дружеских отношениях с кем-нибудь'; укр. *подружжя* — 1) 'супружество', 2) 'супружеская пара'; *подружина* 'подруга'; *подруга*, *подружка* то же значение, что и русск. (Грин. III, 246—247); белр. *подружже* — 'жена', 'подруга' (Нос. 447); в польск. словарях фиксируется только общеславянское drug; чеш. podruh 'друг' (стар.), 'сельский рабочий', 'батрак, живущий наемным трудом', podruž 'друзья'; словн. podružje 'супружеская чета' (ц.-сл.); серб. и хорв. podrug (из *pol-drug*) 'высокий человек, достигающий полуторного роста', 'около', напр.: podrug oka, podrug stotina и т. п. Кроме того, у Даничича: *подружие* 'супруг' с примерами из церковных книг[12]; болгарские словари Дювернуа и Панчева не фиксируют разбираемого слова, но у Герова: *подруг* 'кой-то другува с некого' 'другар', 'дружина', 'побратим'; 'товарищ'[13] без иллюстрации примерами. То же приведено в этимологическом словаре Младенова.

Является ли слово, приведенное Геровым, ныне живым, представляет ли оно уже архаизм или книжное — неясно.

В целом, на основании наличия слова podrugъ в восточнославянских, чешском и болгарском, мы вправе допустить, что оно было общеславянским, но в ряде языков ныне вышло из употребления. По имеющимся данным можно заключить, что podrugъ имело значение 'близкий человек', 'друг'.

Весь вопрос здесь в том, является ли слово **подроугъ** первичным в памятниках старославянской письменности. При нынешнем состоянии наших знаний едва ли возможно ответить бесспорно на этот вопрос. В Киев. лл. это слово могло попасть как из церковных книг, так и из живого чешско-моравского языка. Перевод этого памятника, как известно, считается выполненным в Моравии или Паннонии после того, как оттуда было изгнано большинство учеников Константина и Мефодия. Переводчики Киев. лл. несомненно были грамотными людьми, знавшими язык церковных книг, переведенных Константином и Мефодием и их сподвижниками. Возможно, что само словосочетание **къ іноκости подроугъ** не допускало замены в нем слова **подроугъ** словом **искрьнии**.

Однако в предложении в Зогр.: **къзлюбиши подроуга своего ѣкъı самъ сѧ** (Мрк. XII, 31; Лук. X, 27) как будто не было

[12] См.: Б. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, т. II. Београд, 1863, стр. 335.

[13] Н. Геров. Речник на български язык, ч. IV. Пловдив, стр. 102.

особой надобности для употребления именно данного слова. Поскольку в других списках евангелий в этом месте читается слово **искрьнии**, то допустимо, что слово **подроугъ** внесено редактором или писцом вместо **искрьнии**. В предложении **възлюбиши подроуга своего і възненавидиши врагы своѭ** (Мф. V, 43) все же кажется уместным не **искрьнии**, а **подроугъ**, так как здесь явно чувствуется противопоставление «друг—враг».

Словом, если **подроугъ** было употреблено первыми переводчиками, то в таком случае законным должно быть предположение, что первые переводчики различали **искрьнии** 'ближний', 'близкий' (в смысле родственный) и **подроугъ** — 'товарищ', 'друг'. Употребление **подроугъ** вм. **клекрѣтъ** в Сав. как будто подтверждает это допущение, но **подроугъ** Сав. должно быть все же появилось взамен первичного **клекрѣтъ**. Передача Супр. рук. греч. σύντροφος словом **подроугъ** также служит доводом в пользу высказанного предположения. Ввиду утери большой части Клоц. сб., который по содержанию совпадал с Супр. рук., мы не знаем, какое слово было в том тексте, который редактировался в восточной Болгарии и который дошел до нас под условным названием *Супрасльская рукопись*.

Нельзя, однако, пройти мимо того факта, что в анализируемых нами памятниках нередко употребляется слово **дроугъ**, ср., например: **мытарємъ дроугъ и грѣшникомъ** (Мф. XI, 19); **дроугъ ми приде съ пѫти** (Лук. XI, 6); **оудалилъ єсі отъ мене дроуга іскрънѣго** (Син. пс. LXXXVII, 19); **аще кто дроуга своего оупоитъ до ржга. да постите сѧ оба** (Син. трб. 104а, 24—25); **множіцеѭ врагы своѭ. не тъкмо съ досажденьемь помнѫште ѭ і дроугы своѭ** (Клоц. сб. II, 79—80); **и се твора бѫдеши ми дроугъ приснъıи** (Супр. рук. 65, 23—24) и т. п.

Слово же **подроугъ** употребляется редко и, как видели, только в немногих памятниках. Не исключено, что оно могло быть внесено в Зогр. и Сав. редакторами или, возможно, даже переписчиками взамен **искрьнии** и **клекрѣтъ**. Говоря иначе, нет твердых оснований для признания слова **подроугъ** первичным в таких памятниках, как Зогр. и Сав. В Киев. лл. оно, вероятно, первичное. Уместно здесь упомянуть, что в переводах Иоанна экзарха разбираемое слово встречается вместо **искрьнии**[14]. Отсутствуют точные данные и для решения вопроса о том, в какой стране редакторы или переписчики внесли слово **подроугъ** в тексты церковных книг, потому что в IX—XI вв. это слово могло быть еще общеславянским; имеются лишь основания для предположения, что в Супр. рук. и Сав. оно вошло в восточной Болгарии.

[14] См.: V. Vondrák O mluvě Jana exarcha Bulharského. Praha, 1896, стр. 12

Рассмотрим оставшиеся слова. О слове **близъ** сказано выше.

Ближика в разбираемых списках евангелий не встречается. Его находим в Син. пс., Син. трб. и Супр. рук. Приведем примеры. В Син. пс. читаем: **дроүsи мої і бліжикъı моıѫ прѣмо мнѣ пріближішѧ сѧ сташѧ. і бліжьнїі мої далече сташѧ** (XXXVII, 12), причем словом **бліжикъı** передается греч. οἱ πλησίον, а **бліжьнїі** — οἱ ἔγγιστα. Этот же стих, как отметили выше, цитируется в Син. трб. Так же читается этот стих в Погод., Болон. и Соф. списках псалтыри, лишь в Бух. вместо **ближикъı** написано **ближ'ни**.

Братріѧ моеıѫ рады і бліжикъ моіхъ: глаахъ миръ о тебѣ (CXXI, 8). И в этом предложении **ближикъ** передает греч. τῶν πλησιῶν. В Бол. и Соф. так же, но в Погод. и Бух. **ближникь**. В Супр. рук.: **слъıшѫ же ıако и кдинъ къждо ближикѫ прѣдактъ** (135, 11—12), в греч. πλησίος.

По данным Lexicon'a Миклошича, **ближика** встречается часто в сербских памятниках письменности, в таких, как житие Симеона, в прологе Михановича и т. д. Встречается оно и в среднеболгарских памятниках. Знают его и древнерусские оригинальные памятники письменности (см. Срезн. Мат. I, 113). Характерно, что в Бесѣдахъ папы Григория римского на евангелие очень часто встречается **ближика**. Ныне наличие его фиксируется в хорв. bližika 'сродственник' и словн. bližica 'соседство'.

По своей форме **ближика** является существительным, образованным от притяжательного прилагательного **ближии**. Миклошич, например, установил, что суффикс *-ка* присоединяется к основам прилагательных [15]. Характерно, например, что в «Русской Правде» слово *ближий* употреблено в значении 'родственник': *Аже будуть въ дому дѣти мали, а не джи ся будуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть замужь, то кто имъ ближи будеть, тому же дати на руцѣ и съ добыткомъ и с домомь, донеле же возмогуть* (статья 99).

В целом **ближика** по самому образованию позднее слово, которое, вероятно, в то время, когда церковные книги впервые переводились на славянский язык, имело отличное от **искрьнии** значение.

Ближьнии представляет из себя образование от сравнительной степени прилагательного **ближе** > **ближьнии**, так же как: **ниже** > **нижнии**, **къıше** > **къıшьнии** и т. д.

Если исходить из первого примера, приведенного выше из Син. пс., то **ближика**, передающее греч. οἱ πλησίον, должно означать то же, что и **искрьнии**. Последнее в сочетании с **дроүsи**

[15] См.: F. Miklosich. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, стр. 252.

моі і искрьнии могло бы восприниматься так же, как в предложении: (оудалилъ еси отъ мене) дроугъ іскрънѣго (LXXVII, 19), т. е. последнее выступает в роли определения, выраженного прилагательным. Возможно, во избежание неправильного понимания переводчики при переводе стиха 12 из псалма XXXVII употребили вместо искрьнии другое слово, совпадающее с ним по значению, — ближика.

Такую же двусмысленность могло бы внести слово искрьнии и во второй пример: братриа моеа ради і ближикъ моіхъ... (CXXII, 8), если переводчики вместо ближикъ употребили бы слово искрьніихъ.

Эта одна из наиболее вероятных догадок, объясняющих употребление в приведенных местах псалтыри слова ближика, являющегося синонимом к искрьнии. В связи с этим имеются основания считать, что ближика употреблено первыми переводчиками. Поздние же редакторы и переводчики церковных книг (как установлено исследователями, люди менее образованные сравнительно с первыми переводчиками) не различали упомянутых тонкостей в значениях указанных славянских слов.

Афанасий архиепископ в своем Ѡказании ѱалмомъ так истолковал содержание 12 стиха из псалма XXXVII: вьси бо знаемии емоу стоашѧхѫ шть далече, зьрѧще его крт҃ѣ, плачѫще сѧ: апостоли. бѣжашѧ бо шставлъше и на кръстѣ[16].

Здесь дроузи моі і ближикъі моеа понято как знаемии. Под ближьнии понимаются ученики Иисуса, приближенные к нему. В данном случае ближьнии, передающее греч. ὁ ἔγγιστα, в своем значении несколько отличается от того же слова в словосочетании ближьнии градъі и вьси, но все же между ними много общего. В последнем примере разбираемое прилагательное равно по значению слову окрьстьнии, а в первом субстантивированное прилагательное значит то же, что, например, в др.-русск. ближии 'родственник'. Этот факт указывает на то, что ближьнии уже в языке первых переводчиков было известно в двух значениях: 1) 'окрестный', т. е. «находящиеся недалеко, в окрестности», 2) 'приближенный'. Ближьнии в последнем значении, совпадая по смыслу со словом искрьнии, вытеснило его. В текстах церковных книг восточноболгарской редакции искрьнии систематически заменяется словом ближьнии. В южных славянских языках этот процесс шел так: в серб. и хорв. bližnji давно вытеснило бытовавшее там iskrnji, последнее лишь изредка встречается ныне в диалектах. Наоборот, в диалектах словн. языка iskrnji употребляется и поныне.

Как показывают памятники старославянской письменности восточноболгарской редакции, в болг. яз. (по-видимому, исклю-

[16] См V. Jagić. Psalterium Bononsiense. Berlin. 1907, стр. 185.

чая его македонские говоры) уже в XI в. вместо **искрьнии** употреблялось **ближьнии**.

Итак, из рассмотренных в данной главе слов лишь **подроугъ** можно признать вторичным, остальные, как показывают факты, были употреблены первыми переводчиками. Из приведенного выше утверждения Ягича вытекает, что первые переводчики знали только **искрь** и **искрьнии**, которым в поздних текстах противопоставлены **близъ** и **ближьнии**. Такое суждение Ягича, как видели, не соответствует действительному положению вещей.

Блюдо — миса

Оба слова передают греч. πίναξ. Упомянутые в заглавии слова привлекали особое внимание Ягича. В 1865 г. в введении к изданию Асс. ев. он писал:

«**Миса** читается Мф. XIV, 8, 11 и Лук. XI, 39 в Ник. ев., между тем как в соответствующем месте Мрк. VI, 28 в Ник. и Асс. находится **на блюдѣ**. **миса** живет на севере, у нас же (т. е. в хорв. яз. — *А. Л.*) известно слово bljuda» (стр. LXXVIII).

В 1865 г. у молодого Ягича не было еще определенного мнения о разбираемых словах, поэтому он ограничился констатированием, что **миса** употребляется у славян, живущих к северу от хорватов.

В 1883 г. в исследовании о Мариинском евангелии на анализе слов **миса** и **блюдо** Ягич сформулировал свои методологические принципы. Приведем это место: «Сравнительное изучение важнейших памятников, имеющих типическое значение, соображения о личности переводчиков и о народности окружавшей их среды — вот главные средства, при помощи которых почти всегда в случае разногласий можно с полной убедительностью решить вопрос в пользу того или другого чтения, слова, оборота или грамматической формы.

Если, например, Мф. XIV, 8, 11 в Зогр. читается **на блюдѣ**, а в Мар. **на мисѣ**, то едва ли можно сомневаться в том, что последнее древнее, потому что слово **миса** до сих пор живет у поляков, чехов, словаков, словенцев (здесь miza ‘стол’) и трудно представить себе, как оно могло бы попасть в текст евангельского перевода в позднейшее время, после того как славянское богослужение уже было оторвано от своей родной, паннонско-моравской почвы. Мрк. VI, 25 читается не только в Зогр., Остр., Асс., но и в нашем тексте **на блюдѣ** — как это объяснить? Конечно, так, что слово **миса** уже очень рано было заменено другим более широкой известности **блюдо**. Что дело происходило так, а не наоборот, это доказывает наш памятник тем, что после Мрк. VI, 25 через несколько строк в VI, 28

опять пишет **на мисѣ** и Лук. XI, 39 тоже **на мисѣ**. Хвалево ев. (белградско-никольское и болонское) как текст бывший в употреблении у богомилов, дорживших стариною вроде русских старообрядцев, сохранил Мф. XIV, 8, 11; Лук. XI, 39 старинное слово **миса**, но Мрк. VI, 25, 28 передает уже словом **блюдо** или **блюдъва**. Зогр. и Асс., не знающие слова **миса**, уже этим одним примером доказывают, что исправление текста им не было чуждо»[1].

Таким образом, Ягич считает первичным такое слово, которое находит себе соответствие на паннонско-моравской почве, т. е. в чешском, словацком и словенском языках. Поскольку **миса** имеет живое соответствие в польском и чешском языках, а также и в словенском в виде miza 'стол', то для Ягича не остается сомнений в том, что именно **миса** было первичным, а **блюдо** пришло ему на смену при поздней переписке.

Спустя 20 лет, в 1913 г., Ягич, уже не аргументируя своего положения, пишет: «**Миса** (πίναξ) встречается только в старших текстах, но наряду с этим уже **блюдо**: **на мисѣ** Мф. XIV, 8 в Мар. (в Зогр. здесь **на блюдѣ**, в Ник. же, как в Мар.), точно так же XIV, 11 **на мисѣ** в Мар. Ник., **на блюдѣ** в Зогр.; Мрк. VI, 25 в Мар. **на блюдѣ**, но там же 28 опять **на мисѣ**, так же в среднеболгарском тексте Цонева, в Зогр. и в остальных **на блюдѣ**; Лук. XI, 39 в Мар. опять **на мисѣ**, в Зогр. **блюдомъ**, Ник. **мисы**, в Трнов. во всех местах **блюдо**» (Entst. 362).

Сформулированное Ягичем положение требует проверки.

Начнем с того, что такие памятники письменности, как Син. пс. и трб., Клоц. сб., не употребили слов **миса** и **блюдо**. Из евангельских текстов, как отмечено Ягичем, Зогр. и Асс. знают только **блюдо**, сюда же относится и Остр., в котором дважды встречается **блюдо**: Мрк. VI, 25, 28. В Сав. нет ни того, ни другого слова ввиду отсутствия в ней мест, где они должны встречаться.

В Супр. рук. 4 раза употреблено **блюдъ** в форме мужского рода, передающего греч. σκουτέλιον (лат. skutella), 'поднос'. Ср.: **иди брате даждъ емоу блюдъ тъ** (121, 1—2), **ништии же къземъ... сьребрьнъıи блюдъ отиде** (121, 4—5), см. еще: 120, 29; 122, 11.

Таким образом, из памятников старшего списка лишь одно Мар. передает греч. πίναξ словом **миса**, причем не до конца выдержанно, потому что там же Мрк. VI, 25 читается: **даси ми отъ него на блюдѣ главж иоана**. В целом, оказывается, что нет памятника, который употреблял бы исключительно **миса**.

Ягич придерживается мнения, что **миса** вошло в тексты церковных книг на моравско-паннонской почве. Допущение этого

[1] И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие. С примечаниями и приложениями. СПб., 1883, стр. 463—464.

требует признания, что слово **миса** не может быть первичным в текстах памятников старославянской письменности, так как нет таких данных, которые свидетельствовали бы, что первоначальные переводы апракоса сделаны в Моравии и Паннонии, да еще на чехо-моравский и словенский языки. Как известно, паннонская теория не выдержала критики потому, что ее нельзя было подкрепить убедительными фактами.

Живые славянские языки дают такой материал: русск. *блюдо*, ср. приведенные Далем поговорки: *Хороша рыба на чужом блюде; Поросенок только на блюде не хрюкает; Был Елизар, да только блюдо облизал; миса: Только и знает, что из мисы да в рот;* укр. *блюдо* = кубка (Гринч. I, 76)[2], *миса* — род большой глубокой тарелки (Гринч. II, 427); белр. *блюда*, міска[3]; по́льск. bluda (стар.)[4], misa; чешск. misa; нижн.- и верхн. лужиц. blido 'стол'[5]; словн. miza 'стол' (отличаются фонетически и по семантике от ст.-сл. **миса**); серб. *бљудо*, *бљуда*, то же хорв.; болг. *блюдо*, диал. *миса*.

Таким образом, слово bludo не зафиксировано в словарях чеш., словц. и словн. языков. Однако наличие в польск. bluda 'деревянная чаша' (которое, по мнению Карловича, Крыньского и Недзвецкого, в польском не является заимствованным из русского языка, а представляет общеславянское наследие), лужицких blido, blidko, а также южно- и восточнославянского bludo предполагает, что разбираемое слово, вероятно, было общеславянским. Кроме того, оно известно и германским языкам. Возможно, что в чеш., словц. и словн. оно рано вышло из употребления, в частности, имеются основания для утверждения, что в чеш. оно вышло из употребления до XIV в., потому что словарь Гебауера его уже не фиксирует.

Слово misa в ряде языков также вышло из употребления, в частности, отсутствие его в серб.-хорв., а также в литературном болгарском (хотя в отдельных говорах последнего оно еще известно) свидетельствует об этом.

В абсолютном большинстве памятников старославянской письменности выдержанно употребляется слово **блюдо**. Нет никакого основания для признания, что, например, Асс. и Зогр. в данном случае не отражают первичного текста. Что же касается Мар., в котором лишь один раз употреблено **блюдо** (притом Мрк. VI, 25, т. е. в месте, общем с апракосами), в остальных — **миса**, то едва ли имеются основания для признания,

[2] См. также «Украинско-русский словарь», т. I. Киев, 1953, стр. 75.
[3] «Русско-белорусский словарь», М., 1953, стр. 38, 259.
[4] J. Karłowicz, A. Kryn'ski, W. Niedzwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I. Warszawa, 1900, стр. 169.
[5] Э. Мука. Словарь нижнелужицкого языка, вып. I, Пг. 1921, стр. 51.

что именно этот памятник отражает в данном случае первичный текст.

Написания ѓозьство (Мф. XIV, 6), ѓизжь (Ио. XX, 27) в этом памятнике Ягич считал отголоском моравско-паннонского говора, а написания оуѓоржжь сѧ (Лук. XI, 21), сега (ради) (Мрк. VI, 14), мена ъı на и, замена ѫ через оу и наоборот, а также употребление слов къснѣти вм. мждити, кокотъ вм. коуръ он признавал вполне достаточными для отнесения дошедшего до нас списка Мар. сербо-хорватским[6]. Ягича в этом вопросе поддержали Вондрак[7] и Соболевский[8].

Однако эта точка зрения не получила общего признания. Против нее особенно веские доводы выставил Ф. Фортунатов, указав на то, что в Мар. отсутствует замена ѧ через ѥ. Лишь при наличии замены ѫ через оу и ѧ — ѥ возможно отнести этот памятник к сербо-хорватскому списку. Написание оу вместо ѫ, сега известно и другим памятникам, последняя форма, в частности, встречается нередко в Супр. рук.[9].

Не останавливаясь на возражениях Ягичу Л. Милетича, А. Будиловича и др., укажем, что последний исследователь Мар. П. Бузук пришел к выводу, что «Мар. ев. нельзя приписать сербу-писцу, как это делал Ягич. Оно написано болгарином». По его мнению, определенные фонетические черты памятника совпадают с диалектными чертами ряда македонских говоров. Заслуживает внимания и такое заключение автора: «В Мар. есть интересные совпадения с Зогр. Их следует объяснять происхождением от общего оригинала, хотя этот оригинал является не ближайшим; от него наши памятники, и во всяком случае Зогр. ев., отделяются еще промежуточными звеньями»[10]. Характерно, что и исследователь Зорг. ев. И. Курц пришел к такому же выводу[11].

Исследование Бузука не выяснило ряда спорных моментов в языке Мар., в частности, не объясненными остались лексические расхождения между Мар. и Зогр. Если Мар. и Зогр. восходят к одному оригиналу, остается неясным, были ли в этом оригинале оба разбираемых нами слова блюдо и миса. На основании данных Асс. и Зогр., которые знают только

[6] См.: И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие, стр. 423 и след.

[7] См.: W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912, стр. 18 и след.

[8] А. И. Соболевский. Древний церковнославянский язык. М., 1891, стр. 16.

[9] См.: Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова евангелия. «Сб. статей, посвященных почитателями акад. и заслуж. проф. В. И. Ламанскому». СПб., 1908, стр. 1473 и др.

[10] П. А. Бузук. Замечания о Мариинском евангелии. «Изв. ОРЯС», 1925, т. XXIX, стр. 363, 367.

[11] См.: J. Kurz. K Zografskému evangeliu. «Slavia», 1932, roč. XI, seš. 3—4, стр. 432.

блюдо, а также употребление его один раз в Мар. было бы вероятным предположение, что в первичном тексте было **блюдо**. В связи с этим можно было бы допустить, что **блюдо** в Мар. осталось незамененным по недосмотру редакторов или переписчиков.

Очевидно, замена **блюдо** на **миса** могла произойти в той местности, где первое слово вышло из общенародного употребления. Отсутствие слова bludo в памятниках чешской письменности уже в начале XIV в. свидетельствует о том, что оно вышло из употребления задолго до указанного времени. Можно предполагать, что **блюдо** могло заменяться на **миса** в моравско-паннонском крае. Наличие в Мар. написаний **розьство** и **визжь** как будто бы является свидетельством того, что оригинал этого памятника был переписан в Моравии или Паннонии. Характерно также, что слово **розьство** встречается в Мф. XIV, 5. Первое употребление слова **миса** в этом памятнике находится рядом с **розьство** Мф. XIV, 8.

Все же такое допущение не может признаваться безупречным. Дело в том, что памятники восточноболгарской редакции, как Супр. рук. и Остр., не употребляют слово **миса**, но у нас имеются данные, что в восточной Болгарии в начале X в. было известно это слово. В Сборнике воскресных поучений, извлеченных Константином, пресвитером болгарским, из творений И. Златоуста, читаем: **авие положа хлѣбъ на с҃тѣи мисѣ, паретъма кажа, речета... приемла попъ на мисѣ ѿ диакона, ли ѿ подиакона приношение.** (См. Срезн. Мат. II, 153). В приведенных примерах **миса** употреблено в значении особого плоского блюда, употребляемого при священнодействии (греч. δίσκος). По всей вероятности, в начале X в. в языке болгарского духовенства слово **миса** употреблялось в указанном специализированном терминологическом значении. В Мар. слово **миса** трижды употреблено в предложениях: **даждь ми... на мисѣ главж иоана** (Мф. XIV, 8); **принѣса главж его на мисѣ** (Там же, 11), і **принесе главж его на мисѣ** (Мрк. VI, 28). Кроме того: **въı фарисѣи вънѣштънее стъкльница и мисѣ очиштаете** (Лук. XI, 39).

Во всех приведенных примерах **миса** на месте πίναξ, а не δίσκος. При специально терминологическом употреблении слова **миса** в Болгарии уже в начале X в. редакторы действительно могли заменить это слово в тех случаях, когда оно передавало πίναξ, другим, более подходящим для передачи указанного греческого термина словом **блюдо**.

Сказанное дает основание признать, что Мар. не подвергалось редакционной правке в Болгарии. Так ли это на самом деле, сказать трудно, но и при этом остается неясным, каким образом слово **блюдо** оказалось употребленным в этом памятнике один раз, ср.: **да даси ми... на блюдѣ главж иоана** (Мрк.

VI, 25), немножко ниже Марк. VI, 27: **принесе главж его на мисѣ**.

Приведенных данных (ими только и располагал Ягич) недостаточно для решения того, были ли оба слова в первичном тексте евангелий или там было только одно из них. Иначе говоря, заключение Ягича о первичности слова **миса**, на которое опираются все исследователи как на бесспорно доказанное положение, является преждевременным и недостаточно аргументированным.

Имеются основания признать, что **блюдо** в текстах церковных книг не является вторичным словом (доводы в пользу этого см. выше). **Миса**, восходящее к лат. mensa 'стол' (предполагают, что оно вошло из вульгарной латыни в форме mesa еще в праславянский язык), в тех славянских языках, где сохраняется оно рядом с **блюдо**, известно как 'блюдо для жидкой пищи'. **Блюдо** (как полагают, восходящее к гот. biuds 'стол' [12] встречается в некоторых церковнославянских памятниках в значении 'корзина' (см. Срезн. Мат. I, 120). В Сȳпр. рук. **блюдъ** употреблено как 'посуда из-под кутьи', ср.: **иного съсѫда чьстьнъи отьче не имамъ. Разкѣ сьребрьнаго блюда, иже к посълала госпожда великаа съ коуциж** (120, 28—30). В русском языке, например, *блюдо* до сих пор 'посуда не для жидкого кушанья'. Все эти данные являются убедительным основанием для предположения, что bludo в славянских языках было известно примерно в значении 'посуда не для жидкой пищи'.

С этой точки зрения перевод греч. καὶ ἤνεγκε τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ ἐπὶ πίνακι (Мрк. VI, 28) как **и принесе главж его на мисѣ** (Мар.) следует считать не принадлежащим первым переводам, тем более рядом (Там же, 25) читается **на блюдѣ**, совпадающее с апракосами (как известно, в апракосы вошло только Мрк. VI, 25, 28).

Мф. XXIII, 25 читаем: **горе вамъ кънижьници и фарисеи ѵпокрити. ѣко очиштаете вънѣшънее стькльници і паропсидѣ. жтрьждж же сѫтъ. плъни хъштениѣ** (Мар., также в Зогр., но оно сп. XII в.). Там же, 26 сказано: **очисти прѣжде вънжтрьнее стекльници. і паропсидѣ да бждетъ и вънѣшьнее има чисто.** Эти места не вошли в апракосы. Как видно, первые переводчики при составлении тетра воздержались от перевода греч. παροψίς словом **блюдо**, потому что рядом с **стькльница**, ποτήριον 'кубок, чаша' **паропсида** должно означать 'посуда для жидкой пищи'.

Лук. XI, 39: **нъинѣ въı фарисѣи вънѣштънее стькльници и мисѣ очиштаете. Ѧ вънжтрьнѣа каша плъна сѫтъ хъштениѣ и зълобъı** (Мар.), в Зогр. вместо **мисѣ** находится **блюдомъ**.

---

[12] Это утверждение оспаривается. См.: С. П. Обнорский. Готское ли заимствование слово *блюдо*? — РФВ, 1915, т. 73, № 1, стр. 82 и след; В. Мартынов. Славяно-германские лексические взаимодействия древнейшей поры. Минск, 1963, стр. 192 и след.

В апракосы не входило и это место.

В Мар. греч. παροψίς оказалось уже переведенным словом **миса**, а в Зогр. — **блюдо**. Случаи одиночных переводов греческих слов славянским, при употреблении в других местах первых без переводов, — наблюдаются. Так, в Мар. и Зогр. греч. ἱματίον оставлено без перевода (Ио. XIX, 24), а Мф. X, 9 и Лук. IX, 3 оно переведено словом **риза**. Οἰκονόμος оставлено без перевода Лук. XVI, 8, там же 1 и 3 переведено словом **приставьникъ**. Σουδάριον оставлено без перевода Ио. XX, 7, а Ио. XI, 44, Лук. XIX, 20 переведено словом **оуброусъ**. Καταπέτασμα оставлено без перевода Мф. XXVII, 51, Лук. XXIII, 45, а Мрк. XV, 38 переведено словом **опона** и т. д. Надо полагать, что Лук. XI, 39 могло быть переведенным первыми переводчиками при составлении евангелий-тетров.

Спрашивается: какое из двух слов — **миса** или **блюдо** употребили они? Одно то, что в Зогр. вместо **блюдѣ** употреблено **блюдомъ** (дат. п. мн. ч.) при **стьклѣницѣ** (дат. п. ед. ч.) наводит на мысль, что это слово не первичное. Здесь несомненно ошибка позднего характера, заменявшего одно слово другим и вместе с тем забывшего согласовать оба дополнения в числе. Греч. παροψίς точнее было передать словом **миса**, потому что в сочетании **стьклѣницѣ** и **мисѣ**, как отметили, последнее слово могло обозначать 'посуда для жидкостей или жидкой пищи'.

Одновременно затруднительно допустить, чтобы в Асс. Мрк. VI, 25, 28 сначала читалось **дасі на мисѣ главѫ иоана** (25), **принесе главѫ его на мисѣ** (28). Чтение **на блюдѣ** в этих местах, по всем данным, — первичное. Это допущение подтверждается еще тем, что в Ник. в этих местах употребляется слово **блюдо**, а в других местах, которые не входили в апракос — **миса**[13]. Да и в Мар. Мрк. VI, 25 читается **на блюдѣ**.

Слово **миса**, как отметили, могли включить первые же переводчики при составлении евангелий-тетр в Лук. XI, 39. Но Мф. XIV, 8, 11 в Мар. **миса** на месте πίναξ следует считать заменой слова **блюдо** в Моравии, так как первые переводчики не могли здесь употребить **миса** в противоречии с Мрк. VI, 25, 28.

Иначе говоря, нет оснований соглашаться с Ягичем, что **миса** является первичным, а **блюдо** — вторичным, так как приведенные выше факты противоречат этому. В эпоху первых переводов оба слова были известны солунским славянам, о чем свидетельствует наличие в диалектах болгарского языка, особенно в южных и юго-западных, слова *миса* наряду с обычным *блюдо*.

Таким образом, едва ли будет ошибочным утверждение, что Мф., XIV, 8 и 11 слово **миса** включено при составлении тетра

[13] См.: K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954, стр. 41. См. также цитаты из сочинений Ягича, приведенные выше.

в Моравии. В этом смысле в указанных местах данное слово возможно отнести к моравизмам. Вероятно, что Лук. XI, 39 миса могло быть употреблено первыми же переводчиками для передачи греч. παροψίς в значении 'сосуд для жидкости', в отличие от блюдо 'сосуд не для жидкости'.

Братъ — братръ

Ягич пишет: «братръ (ἀδελφός) : братъ; также собир. (мн.) братрия : братия. Первая форма регулярно обнаруживается в старших глаголических текстах: Асс., Зогр., Мар., Син. трб., да и в кирилловских, как эксарх, так же Соф., однако уже Остр. знает немного форм с *р*, уже нет (ее) в Чуд. или в южнослав. Супр., Сав. и др.» (Entst. 283).

В приведенном сообщении Ягича много неточного и даже ошибочного, что будет видно из дальнейшего изложения. Приведем сначала данные евангелий в виде таблицы:

Название памятника	Формы		Всего	Формы		Всего
	Братъ	Братръ		Братия	Братрия	
Асс.	23	4	27	16	—	16
Сав.	19	—	19	10	—	10
Остр.	27	—	27	16	—	16
Арх	20	—	20	11	—	11
Врач.	24	—	24	15	—	15
Мар.	1	53	54	—	29	29
Зогр.	26	31	57	2	24	26
Итого	140	88	228	70	53	123

Таблица показывает, что апракосы, за исключением четырех случаев Асс., не знают формы братръ или совсем неизвестна им собир. в форме братрия. Из тетр Зогр. в порядочном количестве употребляет форму братъ, причем из 26 случаев 15 падает на те места, которые общи с апракосами, см.: Мф. IV, 21; VII, 5; X, 21; XVII, 1; XXV, 40; Мрк. VI, 18; Лук. III, 1; XV, 27; Ио. VI, 8; XI, 2, 19, 21, 23, 32. Лишь о Мар. можно говорить, что в нем регулярно обнаруживается форма братръ и братрiѣ.

Таким образом, по употреблению форм братръ : братъ; братрiѣ : братiѣ апракосы противостоят тетрам, но и среди послед-

них в Зогр. употребление формы братръ перемежается с формой братъ. В Син. пс. 5 раз употреблена форма братръ (XXI, 23, так же в Погод. и Соф., а в Болон. и Бух. братъ; XLVIII, 8 — братръ, так же в Погод., в остальных братъ; LXVIII, 9 — братрı, то же в Погод. и Соф., а в Болон. и Бух. братии; XLIX, 20 — братра, то же в Погод. и Соф., а в Болон. и Бух. брата; CXXI, 8 — братрıѫ, в остальных братиѫ) и 2 раза братъ (XXXIV, 14, то же в Болон. и Соф., а в Погод. и Бух. братоу; CXXXII, 1 — братıи, в остальных так же).

Все эти колебания в употреблении форм братръ и братъ в псалтырях, по-видимому, объясняется заменой одной формы другой.

В Син. трб. форма братръ встречается 19 раз, а братъ — 8 раз; братрıѣ — 7 раз и братıѣ — 2 раза. В целом, форму с *р* здесь находим в 26 случаях, а без *р* — в 10 случаях.

В Клоц. сб. по 3 раза находим братръ и братъ; братрıѣ — 3 раза, а братıѣ — 2 раза, кроме того, в этом памятнике дважды встречается форма прилагательного братрıнъ.

В Супр. рук. нет ни одного примера, где бы встретилась форма с *р*. В целом здесь находится: братъ — 55 раз, братиѫ — 68 раз, братьство — 1 раз, братıнъ — 1 раз, братолюбьствиѥ — 2 раза, братоубиıство — 1 раз, итого 129 раз.

Таковы цифровые данные об интересующих нас формах. Приводить примеры из памятников нет нужды, так как обе формы употребляются в одинаковых значениях. Первое впечатление, создающееся от цифровых данных, такое: в восточной Болгарии употреблялась форма без *р*, о чем свидетельствуют данные Супр. рук., Сав., Остр. и Врач. Однако это едва ли означает, что в первичном переводе апракоса и псалтыри была употреблена форма с *р*. С точки зрения генетической первичной признается форма bratrъ, а без *r* — вторичной, хотя не отрицается, что обе формы могли быть дославянскими[1]. Однако более чем сомнительно, чтобы на славянской почве из сочетания *-tr* мог выпасть плавный *r*. Правда, считают, что форма братъ появилась в результате диссимиляции из братръ. Видимо, этот факт заставил Я. Отрембского признать, что в славянских языках старшей формой была bratъ, а bratrъ появилась позже под воздействием формы sestra, поскольку эти слова употреблялись рядом[2]. В. Георгиев же считает, что с самого начала им. и зват. падежи были известны без *р*, а косвенные с *р*[3]. Данные же

[1] См.: E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913, стр. 82; А. Преображенский. Указ. соч., стр. 42 и др.

[2] J. Otrębski. Die slavischen *k*- und *t*- Partikeln. «Lingua Posnaniensis», t. VIII. Poznan, 1960, стр. 180 и след., особенно стр. 186—187.

[3] См.: В. Георгиев. *Дъще, брате* — старинни преживеници в български език. «Български език», год. XI, кн. 2. София, 1961, стр. 97 и след.

современных славянских языков таково: из южнославянских болг. и серб.-хорв., а также восточнославянские языки не фиксируют ни одного образования от основы *bratr-*, за исключением укр. *братерство*, *братерський*, если они не полонизмы. Лишь в словн. находится bratranec 'двоюродный брат', bratranka 'двоюродная сестра' при brat, bratec, bratiti se, bratovščina и т. д.

Что же касается памятников старославянской письменности, то в таких апракосах, как Сав., Остр., Врач., наличие только формы **братъ**, **братиѣ** возможно истолковать тем, что в восточной Болгарии в этих памятниках формы **братръ**, **братриѣ** сознательно могли заменить первыми. Однако едва ли возможно объяснить тем же самым исключительное употребление первой формы **братъ**, **братиѣ** в Асс., поскольку, как не раз отмечали, в нем отсутствуют бесспорные систематически проводимые черты восточноболгарской редакции. Этот факт является некоторым основанием для допущения, что в Асс. формы **братъ**, **братиѣ** могут восходить к особенностям языка первоначальных переводов. О том же может свидетельствовать 15-кратное употребление формы **братъ** в Зогр., в частях, которые были общи с апракосами. Правда, в последнем памятнике формы без *р* можно истолковать как включенные в восточной Болгарии взамен форм с *р*.

Возможно и такое допущение, что формы **братръ**, **братриѣ**, превалирующие в Мар. и Зогр., введены в Моравии взамен **братъ**, **братиѣ**. В памятниках, переведенных в Моравии, обычно фигурируют как формы без *р*, так и формы с *р*. Такое явление наблюдается в Клоц. сб. и Син. трб., в которых, как видели, фигурируют обе формы с *р* и без *р*.

В памятниках же, возникших в Моравии, Паннонии и Чехии, мы находим уже только форму с *р*. Так, в Фрейзинг. отр. 1 раз употреблена форма bratra (II, 21) и дважды bratria (II, 14, 67). В глаголическом тексте жития Вячеслава (Вацлава) находится только форма **братръ**, встречающаяся здесь 15 раз[4]. И это вполне понятно, так как в западнославянских языках до сих пор известна форма bratr, ср. чеш. bratr, bratří; словц. bratran; наряду с bratan; польск. диал. bratrzyk, braterski; вост.-луж. bratr, bratřa, braška bratřka; словн. bratranec наряду с bratanec[5].

Изложенное позволяет констатировать почти бесспорно то, что в восточной Болгарии уже в X—XI вв. формы с *р* не были употребительны. По этой причине мы не обнаруживаем их в памятниках с явными чертами восточноболгарской редакции.

Были ли формы с *р* свойственны языку первых переводов или же все они являются вторичными, включенными в памят-

[4] См.: M. Weingart. Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského. Praha, 1949, стр. 193 и след.

[5] См.: E. Berneker. Указ. соч., стр. 82.

ники старославянской письменности в Моравии, до сих пор является спорным. Если исходить из того, что первоначальные переводы выполнены на язык какого-то весьма архаического южнославянского диалекта, то a priori возможно допущение, что в нем, в этом диалекте, могли еще употребляться формы с *р*. Решение этого вопроса в предложенном плане затруднено тем, что диалекты южнославянских языков, кроме словенского, не фиксируют остатков форм с *р*. Кроме того, не ясен и вопрос о происхождении формы без *р*: bratъ. Многие, как Э. Бернекер, И. Розвадовский, М. Фасмер и др.[6], склонны признать, что форма bratъ появилась из bratrъ по диссимиляции. Однако авторы этой теории не в состоянии подкрепить свое мнение бесспорными данными. По-видимому, более близки к истине взгляды авторов (А. Преображенский, В. Георгиев), признающих, что им. и зв. падежи в славянских языках искони употреблялись без *р*. Подобные явления наблюдаются и в других отдельных индоевропейских языках, в частности др.-прус. brati (им. п.), brote (зв. п.). В этом случае не оказывается нужды объяснять все формы без *р* диссимиляцией, поскольку славянское *bratě (по предположению В. Георгиева[7]) в южных и восточных славянских языках рано подпало под влияние основ на *-ŏ*, поэтому bratъ включилось в парадигму этих основ.

С этой точки зрения формы им. и зв. падежей с *р* в памятниках старославянской письменности следует рассматривать как моравизмы. Вероятность этого допущения можно подкрепить тем, что апракосы не знают форм с *р*, за исключением 4-кратного употребления этой формы в Асс., в котором лишь 1 раз встречается форма им. п. (Мф. XVIII, 15), 2 раза в род. п. ед. ч. (Мф. IV, 21, Ио. I, 41) и 1 раз в дат. п. ед. ч. (Лук. III, 1). Более показательны данные Зогр., в котором им. п. ед. ч. 10 раз встречается без *р* и 8 раз — с *р* (исключается часть рукописи списка XII в.), причем в частях, входивших в апракосы, преобладает форма без *р*: Мф. X, 2; XII, 50, XXV, 40; Ио. VI, 8; XI, 2, 21, 23, 32 (здесь нет формы им. п. с *р*), Лук. XV, 27, остальные 4 раза: XV, 32, XVII, 3, XX, 28 (дважды) с *р*; Мрк. 1 раз XIII, 3 без *р*, остальные 3 раза: VI, 3; XII, 19 (дважды) с *р*. Кроме того, в апракосных чтениях 15 раз из 26 интересующее слово употреблено без *р*.

Таким образом, в тех частях Зогр., которые входили в апракосы, форма им. п. фиксируется преимущественно без *р*, например, в ев. от Иоанна все 5 раз без *р*, а ев. от Марка наоборот; та же форма 3 раза с *р* (VI, 3; XII, 19 дважды) — все

[6] См. библиографию: M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Heidelberg, 1953, стр. 118.

[7] См.: В. Георгиев, Указ. статья, стр. 101.

они не входили в апракос) и 1 раз без *р* (как известно, из ев. от Марка в апракосы входило очень мало).

И. Курц, исследовав Зогр., пришел к выводу, что в этом памятнике ев. от Иоанна по строю языка наиболее архаично[8]. Преобладание формы им. п. без *р* в ев. от Иоанна в этом случае трудно признать вторичной, внесенной, как полагает И. Курц, последним писцом[9].

На основе этих же данных Л. Мошиньский пришел к другому выводу: по его мнению, формы с *р* в Зогр. — моравизмы[10]. Эта другая крайняя точка зрения, не менее, пожалуй, спорная. Бесспорно, решить проблему в целом на основании имеющихся данных невозможно, за исключением одного допущения: в первоначальных переводах формы им. и зв. п. п., по всей видимости, употреблялись без *р*. По этой причине формы с *р* в этих падежах в дошедших до нас памятниках старославянской письменности можно рассматривать как моравизмы. Возможно, что формы косвенных падежей, а также формы собирательных существительных от основы *brat-* в первоначальном переводе встречались с *р*. Это предположение, кроме того, что диалект, на который впервые переводились церковные книги, был по строю языка даже для своего времени архаичным, подкрепляется данными Асс., Мар., Зогр. (в последнем формы собирательных встречаются преимущественно с *р*), Син. пс. и др.

Власть ·область

Ягич считает: «**Область** (ἐξουσία) чередуется с **власть**, однако первая форма характерна для старших памятников, она господствует в евангельских текстах, апостоле, псалтыри, ср. Деян. V, 7: **своею областию**, в Гильф. 3: **своею властию** в Шишоват. Впрочем, в Шишоват. очень часто находится **область**, но наряду с ним, правда, также и **власть**. В Апокалипсисе, где ἐξουσία встречается часто, в списке Хвал. и других венецианских параллелях переводимое слово всегда передается словом **область**. Также в псалтыри в трех местах, где встречается ἐξουσία, оно переводится словом **область**» (Entst. 290).

Утверждение Ягича, что в евангельских текстах старшего списка преобладает употребление **область**, не соответствует действительности. В Мар. и Зогр. ев. **власть** встречается 27 раз, а **область** — в Мар. — 15 раз, а в Зогр. — 19 раз; в Асс.

[8] См.: J. Kurz. K Zografskému evangeliu. «Slavia», 1930—1931, roč. IX, seš. 3, стр. 465 и след., 1932, roč. XI, seš. 3—4, стр. 385 и след.
[9] J. Kurz. Указ. соч. «Slavia», 1932, roč. XI, seš. 3—4, стр. 413.
[10] См.: L. Moszyn'ski. Wpływ morawski w obocznych formach kodeksu Zografskiego. «Z polskich studiów sławistycznych». Warszawa, 1958, стр. 24 и след.

и Остр. ев. **власть** — 20 раз, а **область** — 5 раз, в Сав. кн. **власть** — 15 раз, а **область** — 3 раза. Приведенные арифметические данные показывают, что в евангельских текстах преобладает употребление не формы **область**, а **власть**.

Ягич считает, что **область** — первичное слово, а **власть** — вторичное, внесенное в тексты церковных книг поздними переводчиками. Однако следует иметь в виду, что **власть** и **область** имеют различие в значениях. Как отмечено Ягичем, и тем и другим словом передано греч. ἐξουσία, известное в значениях: 1) 'возможность или позволение делать что-либо', 'право', 'свобода'; 2) 'власть', 'господство'; 3) 'область', 'владение'. Словом же **власть** передается преимущественно первое значение греческого слова. Ср.: **дасть імъ власть чѧдомъ бжиемъ бъıти** (Ио. I, 11) = 'дал возможность'; **дастъ имъ власть... цѣлити вьсѣкъ неджгъ и вьсѣкꙗ болѣзнь** (Мф. X, 1) = 'предоставил им возможность исцелять'... **члвкъ оходѧ остави домъ свои і давъ рабомъ своимъ власть и комоужьдо дѣло свое і вратьникоу повелѣ да бьдитъ** (Мрк. XIII, 34) = 'дал рабам свободу и каждому свое дело'; **оубоите сѧ имѧштаго власть по оубьении вьврѣшти въ ѣеонꙗ** (Лук. XII, 5) = 'бойтесь имеющего право (возможность) после избиения бросить'; **не вѣси ли ѣко власть имамъ пропати тѧ и власть имамъ поустити тѧ** (Ио. XIX, 10) = 'имею право (свободу, власть) распять тебя'. Слово же **область** употребляется преимущественно в значении «2» и «3», ср.: **и область дастъ емоу и сѫдъ творити** (Ио. V, 27) = 'дал право власти и суд творить'; **бѫди область имъı надъ десѧтьıꙗ градъı** (Лук. XIX, 17) = 'будь имеющим власть (господство)'; **отьвѣшта ис не имаши области на мьнѣ никоеꙗ же** (Ио. XIX, 11) = 'не имеешь никакой власти надо мной'; **і молиша и вьсь народъ области гадаринъскъıꙗ отити отъ нихъ** (Лук. VIII, 37) = 'упрашивал его весь народ окрестности гадаринской'; **се есть ваша година и область тьмьнаѣ** (Лук. XXII, 53) = 'это ваша пора и место темное (отдаленное, тихое)'.

Правда, в Мар. и Зогр. ев., откуда приведены примеры, имеются случаи употребления одного слова вместо другого. Так, в Мар. ев. Мрк. XI, 29: **і рекꙋ вамъ коеꙗ областиꙗ се творꙗ**, там же 33: **коеꙗ властьıꙗ**, а в Зогр.: **областиꙗ**; Мф. XXI, 23: **коеꙗ властиꙗ си твориши і кто ти дастъ область сиꙗ**, а Лук. XX, 2: **коеꙗ областиꙗ**...

Но это не меняет высказанного выше мнения, что первоначально **власть** и **область** различались семантически, а приведенные данные свидетельствуют только о том, что в дошедших списках евангелий уже наблюдаются случаи непонимания разницы значений между этими словами.

Ягич ссылается на то, что в псалтыри употреблено только слово **область** для передачи греч. ἐξουσία. Приведем примеры:

бѣстъ юдѣа стѣіни его: іи҃ль область его (CXIII, 2). Здесь, как видно, область употреблено в значении местности, окрестности. Значит, тут и не могло быть слова власть, не употреблявшегося в этом значении. сътворьшюмоу свѣтила ... слъньце области дьнемь. лоуна и звѣздъі области ношті҃ж (CXXXV, 7) = 'солнце (имеющее силу) в дневных пределах, а луну и звезды — в ночных пределах'. Таким образом, и тут не могло быть употреблено власть.

Корень слова власть восходит к и.-е. **ual-* в значении 'быть сильным, крепким'[1]. Vlasťь с распространенным корнем при помощи *-d*: **ual-d-ti*. Приставкой *ob-* оно обозначало 'делаться чем-то' или 'распространяться на что-то'. Поэтому вполне понятна и разница между власть и область.

Таким образом, в отношении слов власть и область отсутствует проблема первичности и вторичности, так как, по приведенным данным, они оба были употреблены первыми переводчиками, каждое с собственным значением. Позже в отдельных славянских языках стала стираться разница в значениях между словами власть и область. Этим объясняется то, что в дошедших до нас списках евангелий имеются отдельные случаи употребления одного слова вместо другого.

Въдѣти — въложити

Ягич утверждает: «Въдѣти (βάλλω, βαλεῖν) Мрк. VII, 33 находится в Асс., Ник., Хвал., Карп. и других, которому в Зогр., Мар., Остр. и других соответствует въложи, первое слово, по-видимому, первичное... Βαλεῖν передается Мф. X, 34 въврѣшть в Мар., но положитъ в Зогр. и Трнов. ... Ср. въздѣти для ἐκτείνω Ио. XXI, 18 и в других старших текстах, и этот перевод находится в противоречии с греческим текстом. Слово должно было быть переведено прострѣти» (Entst. 331).

Обратимся к примерам. Мрк. VII, 32—33 в Асс. читается так: и привѣсѧ кь немоу. глоуха и нѣма. и молѣахѫ и да възложітъ на нь рѫкѫ. и поемъ и. єдіного ѿ народа въдѣ пръстъи своѭ къ оуши его. и плінжвъ коснѫ къ ꙗзъікъ его. В Остр. вместо въдѣ пръстъи... написано: въложи пьръстъі... В Сав. нет этого места, в Зогр. вместо глоуха и нѣма находим: глоухъ гѫгънивъ; в остальном текст совпадает с Остр.; в Мар. соответственно: глоуха гѫгънива, в остальном так же, как в Зогр. и Остр.

Следует отметить, что текст Остр. в своих расхождениях с Асс. обычно совпадает с Зогр. и Мар. Этот факт может свидетельствовать о том, что Остр. отредактировано на основе

[1] См.: A. Walde, J. Pokorny. Vergleichendes Worterbuch der indogermanischen Sprachen, Bd. I. Berlin—Leipzig, 1930, стр. 219.

тетра, а Асс. в этом отношении, надо полагать, отражает текст, если не идентичный, то во многом приближающийся к первоначальному переводу апракоса. Такие апракосы, как Ник., Хвал. и Карп., здесь совпадают с Асс. Этот факт указывает на то, что текст Асс. не является случайным.

Какое из приведенных чтений является наиболее древним в смысле отношения к первичному переводу?

Чтение Асс. **къдѣ пръстъи**... соответствует южным и восточным славянским особенностям выражения мысли, ср. серб.-хорв. udevati, udeti 'вдевать', 'продеть' (нитку в иголку); словн. vdeti — то же значение; русск. *вдеть, вдевать*: *В продежь нитки не вденешь. Пальца в иглу не вденешь. Вдень серьгу* (Даль, I, 174). Поскольку **къдѣ пръстъи** повторяется во многих апракосах, мы вправе признать это чтение принадлежащим к первичному переводу апракоса.

В Мар. и Зогр. текст Мрк. VII, 33 совпадает с апракосами, за исключением замены **къдѣ** на **къложи**, а также пропуска **его** после слова **къ ꙗзъıкъ**, ср.: **і поімъ і єдинъ отъ народа. къложи пръстъı своѭ къ оуши его. і плиꙗвъ коснѫ и къ ꙗзъıкъ** (Зогр., в Мар. так же).

Сравнение текстов Мрк. VII, 33 апракосов и тетра склоняет к мысли, что при составлении четвероевангелий первые же переводчики сочли нужным заменить **къдѣти** на **къложити**, так же как и **нѣмъ** на **гѫгънивъ** (см. ниже специальную главу). Причины замены **къдѣти** на **къложити** следует, вероятно, искать в том, что в Моравии первый глагол в значении 'продеть', 'всунуть' мог быть неупотребительным. Если исходить из современных данных чешского и словацкого языков, то vložiti в них употребляется в значении ст.-сл. **къложити**, ср. словц. vložit' 'вставить', 'заложить' и др., чеш. vložiti то же значение. Словари чешского и словацкого языков не фиксируют слова vděti вообще и в указанном значении — в частности.

Таким образом, **къдѣ пръстъи** является особенностью апракосного чтения, отражающего первичный перевод согласно южнославянскому выражению мысли, а **къложи пръстъı** — особенность тетра, отражающего, надо полагать, особенность моравской речи. Поскольку поздние тексты апракосов редактированы по текстам тетра, то неудивительно в них чтение **къложи пръстъı**,... как это находим, напр., в Остр. и Врач.

Мф. X, 34 не входило в апракосы, а в тетрах оно читается так: **не мъните ꙗко придъ кѣкрѣшти мира на землиѫ. не придъ къкрѣщъ мира нъ мечъ** (Мар.). Как указано Ягичем, в Зогр. ев. вместо **къкрѣшти** и **къкрѣщь** находим **положити. къкрѣшти** дословный перевод греч. βαλεῖν, по-славянски 'бросить мир', конечно, звучало неестественно, поэтому, не знаем когда (возможно, в восточной Болгарии в Симеоновской школе), в Зогр. заменили его на более реальное: **положити миръ**.

Что же касается **въздѣти** на месте ἐκτείνω 'протягивать, которое находим Ио. XXI, 18 в тексте: **егда же състарѣеши сѧ. въздеждеши рѫцѣ твои. і инъ тѧ поѣшетъ** (Зогр.), — это самый обычный перевод, передающий понятие 'поднять руки', ср.: **і о имені твоемъ въздежду рѫцѣ мои** (Син. пс. LXII, 5); **і аще въздѣхомъ рѫкы нашими къ бу** (Там же, XLIII, 21); **и потом рече пп̃ъ въздѣ рѫцѣ** (Син. трб. 11а, 22) и т. д. **прострѣти** же употребляется в значении 'протянуть'; ср.: **простьри рѫкѫ и простьрѣ** (Мар., Мф. XII, 13); **по въсѧ дьни сѫщю ми съ вами въ цр̃кве. не простьрѣсте рѫкъ на мѧ** (Там же, Лук. XXII, 53) и т. п.

Переводчики, как не раз замечено самим Ягичем, обладали тонким языковым чутьем, поэтому-то они употребляли Ио. XXI, 18 **въздѣти**, а не **прострѣти**, так как первое означало 'поднять вверх', а последнее — 'протянуть' (чтобы взять что-либо или схватить).

Вълати сѧ погрѫжати сѧ

Первое слово встречается 2 раза в евангельских текстах:

1) **Корабъ же бѣ по срѣдѣ морѣ вълаѥмъ сѧ вълнами. бѣ бо противенъ вѣтръ** (Мф. XIV, 24, Асс.), в Зогр. и Мар. так же, а в Остр. вместо **вълаѧ сѧ** написано **погрѫжаѧ сѧ**; в Сав. нет этого места. В греч. βασανιζόμενον.

2) **І съниде боурѣ вѣтрѣна въ езеръ· і исконьчавахѫ сѧ і вълахѫ сѧ** (Лук. VIII, 23. Зогр.), в остальных так же, кроме Сав., в последней нет этого места. В греч. και συνεπληροῦντο, και ἐκινδύεον = 'заливало и бросало' (волнами).

Слово **вълати, вълати сѧ** встречается и в поздних списках памятников, так, например: **не вълаѥмо пристанище** в праздничной Минее XII в. (Срезн. Мат. I, 378), **тихоѥ пристанищѣ влаѥмомь** в житии Симеона, написанном Стефаном[1]. В Супр. рук. уже: **вльнѣѭштиимъ отишиѥ. и невлъпштеѥ сѧ пристанищѣ** (251, 21—22).

Обратимся к глаголу **погрѫжати**. Кроме приведенного места из Остр., где оно употреблено вместо **вълати сѧ**, в ев. оно встречается еще Лук. V, 7 в таком тексте: **і поманѫша причастьникомъ иже бѣахѫ въ дроусѣмь корабли. да пришедъше помогѫтъ имъ. і придѫ и исплънишѧ оба корабла. ѣко погрѫжати сѧ има** (Мар.). Так читается во всех списках, кроме Сав., в последней это место отсутствует. В греч. βυθιζεσθαι.

В Син. трб. дважды употреблено слово **погрѫзити** в том же значении, что в последнем примере из евангелий: Ср.: **пробиѥ̀ъı**

[1] F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, Vindbonae, 1862—1865, стр. 68. В дальнейшем: Lex.

жѣзломь море. і люди своѭ ногами неомочьшами сѧ проведъшемъ. мѫчителѣ своѭ ... въ вѣкъı вльнами погрѫжъшемъ (52б, 10—15); і образъ намъ ... подавъша. въ водѣ погрѫженіемь (53а, 3—5).

Наконец, в Супр. рук. это же слово встречается 4 раза: погрѫжаѭтъ человѣкъı въ погıбѣль (158, 24), греч. βυθίζειν; рабьı зависти потопъ погрѫзити не може. нъ ꙗ҃с силоѭ доу҃ха погрѫзи въ источьницѣ҃хъ кръштеньıа (400, 24—26), во втором случае погрѫзи передает греч. καταποντίζειν; присѣдзи къ плъти моеи оумрьтвѣвшии васъ дѣла. нь не погрѫзивьше сѧ отъ съ'мрьтнаго тьлѣньıа (503, 29—30), в греч. καταπίνειν.

Приведенные примеры показывают, что употребление Мф. XIV, 24 в Остр. погрѫжаѭ сѧ вм. вълаѭ сѧ необычно для первого слова. Как указывает Ягич, в Галицком и Тырновском ев., Лук. VIII, 23 вместо вълаа҃ѫ сѧ употребляется въ вѣдѣ вѣа҃ѫ (Entst. 333).

Фраза не вълакмо пристаниште, встречающаяся в праздничной Минее в житии Симеона, в Супр. рук., читается: неклънаштек сѧ пристаниште (см. выше).

Все эти факты дают основание для допущения, что слово вълати было необычным для редакторов или писцов Супр. рук., Остр. и Трнов. ев., поэтому они заменили его другими словами, не всегда передающими точно значение вълати сѧ. Примеры, приведенные в Lexicon'e Миклошича к вълати, извлечены им из памятников сербского списка. Этот факт, видимо, можно рассматривать как свидетельство в пользу того, что сербские писцы не заменяли слово вълати другим.

Глагол вълати образован от корня въл- < *vъl-* < **u̯l-*, который известен и в слове влъна < **vъ̯l-na*, ср.: др.-русск. вълна. Вълати (въл-а-ти) по типу: дѣати (дѣ-а-ти), зъвати (зъв-а-ти) гънати (гън-а-ти) и т. д.: об этом свидетельствует форма причастия вълаѭ сѧ, оно по той же модели, что и знаѭ, сѣѭ и т. д.

По мнению В. Вондрака и В. Ягича, разбираемый глагол в инфинитиве имел форму вълати[2], но А. Мейе признает обычной для инфинитива форму вълати[3]. Нам кажется, что прав Мейе, так как наличие формы имперфекта вълаа҃ѫ сѧ подсказывает, что последний образован от основы инфинитива вълa-: вълаа҃ѫ, так же как: бьрати — бьраа҃ѫ, дѣлати — дѣлаа҃ѫ, знати — знаа҃ѫ и т. д. Вполне вероятно, что в прошлом была и итеративная форма вълати, так же как дати, кати и т. п., но примеры, в которых зафиксировано интересующее нас слово, дают основание только на форму инфинитива вълати.

---

[2] W. V o n d r á k. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912, стр. 279.

[3] A. M e i l l e t. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902, стр. 374.

www.ruslang.ru

Эта форма, бесспорно, представляет из себя древнее образование, впоследствии всюду заменившееся на вторичное — **клънити — клъняти** (см. пример, приведенный в Супр. рук.), а также **влъновати**, ср.: **клноуѣштее сѧ море** (Изб. Свят. 1073; Срезн. Мат. I. 38).

Древняя форма **къллати**, несомненно бывшая общеславянской, встречается в одной народной русской песне, ср.:

Красное солнышко не греет,
Солнце не печет;
Цветное платье *не влает*,
Платье не сушит;
Мой-ёт миленький не тужит
Любезный обо мне [4].

По мнению Голуба и Копечного, из русского языка это слово вошло в чешский язык в формах vlati, vlajka [5]. Авторы не показывают, как это могло произойти.

Примеры, приведенные выше, дают основание предполагать, что слово **къллати сѧ** являлось морским термином, и как таковой он и вошел в первичные переводы церковных книг.

Приведем мнение Ягича: «**къллѧти сѧ** (βασανίζομαι) только Мф. XIV, 24 **къллѧѥ сѧ** (**клънами**), где Остр. и Сав. пишут уже **погрѫжаѥ сѧ**, и Лук. VIII, 23 **къллѧѫѫ сѧ** (также о волнении моря), здесь в Остр., Гал., Трнов. передано парафразой **къ бѣдѣ бѣѫѫ**, и эта парафраза находится в старых евангелиях русского списка в Юрьев., Добрил., Мстислав., Типогр. и др. См. Амфилохий, Словарь» (Entst. 333).

Относительно замены **къллѧѥ сѧ** на **погрѫжаѥ сѧ** можно согласиться с Ягичем. Вместе с тем следует исправить неточности в изложении автора. Лук. VIII, 23 в Остр. читается **къллѧѫѫ сѧ**, а не **къ бѣдѣ бѣѫѫ**. Как было отмечено выше, в Сав. нет Мф. XIV, 24. Наличие в русских списках ев. **къ бѣдѣ бѣѫѫ** едва ли может быть свидетельством, что это выражение включено русскими редакторами или писцами вместо **къллѧѫѫ сѧ**. Это выражение имеется и в Трнов. ев., безусловно представляющим болгарский список.

Итак, в памятниках восточноболгарской редакции вместо **къллати сѧ** употреблены **погрѫжати сѧ** (Остр.), **влъновати сѧ** (Супр. рук.), последний глагол образован от существительного **клъна**. В X—XI вв. в восточноболгарских говорах, по приведенным данным, не была употребительна древняя форма глагола **къллати сѧ**, поэтому она заменялась другими формами или словами.

Къллати сѧ могли употребить первые переводчики. В пользу этого свидетельствует тот факт, что в Асс., Зогр. и Мар.,

[4] «Великорусские народные песни», т. III. Изд. А. И. Соболевского. СПб., 1895, стр. 67.

[5] J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 419.

т. е. в старших памятниках старославянского языка, Мф. XIV, 24 и Лук. VIII, 23 читаются одинаково. Кроме того, как могли убедиться, по семантике и составу слово **въıати** является древнейшим.

Въслѣпати — въходити

Ягич пишет: «**въслѣпати** (ἄλλομαι) встречается только Ио. IV, 14 в Зогр., Асс., Ник., Трнов., Срецк., Карп., Хвал.; в Мар. вместо него употреблен глагол **въходити** (возможно, **въсходити**), в Остр. — **истѣкати**; в Апостоле ἄλλομαι передано словами **скакати — скочити**» (Entst. 335).

Место, где встречаются упомянутые слова в евангелиях, читается так: **нъ вода. иже азъ дамъ емоу. бждетъ въ немъ источьникъ водъı въслѣплıжштѧ(ıѧ)**[1] **въ животъ вѣчънъıи** (Ио. IV, 14, Асс.).

В Зогр. ев: **ıсточьникъ водъı въслѣплѧштжıж** .... явная ошибка в согласовании, если здесь не смешение юсов — **жı** вместо ожидаемого — **мı**.

В Мар. ев. сочетание слов: **источникъ водъı въходѧщıѧ** — со стороны содержания дефектное, так как едва ли было можно говорить: «Источник воды, входящей в вечную жизнь». Может быть, здесь действительно по описке **въходѧщıѧ** вместо **въсходѧщıѧ**, как предполагает Ягич, но и в последнем случае текст Мар. ев. нельзя признать безупречным.

В Остр. ев.: **источьникъ водъı истѣкаıжщıмıа**... Последнее слово с приставкой **ис-** не является восточнославянским, поэтому его не мог внести в текст евангелия дьякон Григорий; оно могло прийти на Русь лишь в тексте южнославянского оригинала.

В Сав. кн. отсутствует приведенное выше место из Ио. IV, 14.

Итак, греч. ἄλλομαι 'выбивать', 'ниспадать', 'скакать' передан различно в зависимости от списка: **въслѣпати, въходити, истѣкати**. Бесспорно, что мы тут имеем дело с заменами; для допущения, что здесь разные переводы, нет твердых оснований, потому что во всех списках текст Ио. IV, 14 идентичен, кроме указанных слов. Ягич считает, что последние два слова явились заменой первого — **въслѣпати**; эта мысль Ягича ясна из цитаты, приведенной выше.

Рассмотрим каждое слово в отдельности. **Въслѣпати**, кроме Асс. и Зогр. ев., встречается и в поздних списках церковных книг. Так, Срезневский приводит такие примеры: тихоу бо сѫщю морю. въслѣплютѧ долѣфини (ἐγκυβιστῶσι, Панд. Ант. XI в.), рѣка же въслѣплетѧ ἀναπηδύει ('исторгается'), водъı въслѣплѧющıмıа въ бесмр҃тıе

[1] Заключенная в скобки б[ква] на фотоснимке рукописи не читается

(Минея, 1441 г., см. Мат. I. 411). В Lex. Миклошича нет другого материала, кроме ссылок на те же памятники, что и у Срезневского.

Этимология этого слова ясна, ее достаточно убедительно осветил Б. М. Ляпунов в статье «Из наблюдений над языком древнерусских и старославянских памятников»[2]. К **възлѣпати** им приведены такие соответствия из живых славянских языков: укр. *солопити* (язика) 'выставлять', 'показывать', 'высовывать' (Гринч. IV, 167), *висолопити* 'высовывать', 'высунуть' (Там же, I. 188), белр. *солупаць*, *высолупиць* (с изменением неударного *о* в *у*) с тем же значением, что и приведенные украинские слова. Далее: укр. *селепитися* 'пристать', 'привязываться', белр. *селепаць* 'проворно черпать', 'хлебать', 'хлестать'. Здесь возможно добавить русск. *силипать* (из *селе-*, икание) (смл.) 'высовывать язык', 'пить что-либо, высунувши язык'; 'бить'[3].

Значение белр. *селепаць* 'хлестать', русск. *силипать* (смл.) 'бить' совпадают с ἅλλομαι. **Възлѣпати** (по-видимому, из **възслѣпати** > **възсслѣпати** > **възлѣпати**) обозначало 'выбивать', 'исторгаться', и в этом смысле оно точно передавало значение греческого ἅλλομαι.

Б. М. Ляпунов считает, что чеш. slap 'волна', словн. slap того же корня, что и **възлѣпати**. Сюда следует еще добавить: болг. *слапа*, *слапей* 'волна', серб. *слап* 'испарение', 'брызгание'.

Характерно, что приведенные чеш., словн., болг. и серб. слова восходят к корню **solp-*, а ст.-сл. **възлѣпати** из **selp-*. Последнее на восточнославянской почве, естественно, должно звучать как *solop-*, но укр. *селепати*, белр. *селепаць* и русск. *силипать* — сохранили древнее **selp-*.

Нельзя не отметить, что в южных и западных славянских языках сохранились только формы существительного, вероятно, отглагольные по происхождению. Возможно, что **solp-* (откуда *slap-*) представляет собой явление такого же типа, как *ложе*, *съборъ* и т. п., т. е. результат чередования *е/о*: **selp-* / **solp-*. О наличии такого чередования свидетельствует, вероятно, укр. *селепати*, но *солопий* 'ротозей' (Гринч. IV, 167). Но как бы то ни было, замена специального термина **възлѣпати** (по отношению к воде, источнику) другими: **въходити**, **истѣкати** показывает, что в каких-то славянских диалектах слово **възлѣпати** (форма глагола) уже вышло из употребления, поэтому и возникла потребность в замене его другим словом.

Так следует объяснить указанные варианты, если согласиться с Ягичем в том, что **възлѣпати** «первичное слово». Асс. ев., характеризуемое, бесспорно, как памятник македонско-болгар-

[2] См.: «Zbornik u slavu Vatroslava Jagića». Berlin, 1908, стр. 675 и след.

[3] В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 829.

ского списка, употребляет **въслѣпати**. Остр. ев., как памятник восточноболгарской редакции, употребило вместо него **истѣкати**, которое по сути дела не передает точно значения греч. ἁλλομαι. В Мар. ев. последнее греч. слово переводится глаголом **въходити** (возможно: **въсходити**), и в том и другом случае этот памятник не передает значения греч. ἁλλομαι. Не исключена тут порча текста писцом.

Гостиньница — господа

В евангельских текстах оба слова употреблены для передачи греч. πανδοχεῖον 'гостиница', 'заезжий двор'. Лук. X, 34 рассказывается: **въсаждъ же и** (избитого разбойниками. — *А. Л.*) **на свои скотъ. приведе и къ гостіньницѫ и прилежа емъ** (Acc.). В Зогр., Мар., Остр.: **къ гостиницѫ**, а в Сав. кн.: **къ господѫ**.

Лук. X, 35: **і на оутрьни ишедъ изѣмь дъва пѣназа дастъ гостиньникоу** (Мар. и Остр., в последнем **дъва сѣребьника**), в Зогр. и Асс.: **гостинникоу**, собственно та же форма, что в Мар. и Остр., но с опущенным **ь** между **нн**. В Сав. кн. — **гостьникоу**.

Слово **гостиньница** встречается один раз в Супр. рук. в предложении: **вьсѣдъ къ кораблѣ приде къ иероусалимъ и прѣбъıвъ въ гостиньници ıже прѣдъ градомъ** (282, 13—15). Здесь словом **гостиньница** передано греч. γηροκόμειον.

Приведенными примерами исчерпываются случаи употребления интересующих нас слов в памятниках старославянской письменности старшего списка.

По данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И. Срезневского, **гостиньница**, **гостиница**, а также **господа**, последнее в значении 'жилище', в памятниках церковнославянской письменности не редки (см. Срезн. Мат. I, 563, 567, 568). В Lexicon'e Миклошича все три слова представлены скудно.

Слово gostь в славянских языках известно в двух основных значениях: 1) 'торговец', 'купец' (ныне это значение вышло из употребления) и 2) 'по-дружески навещающий кого-нибудь', 'гость'. Первое значение древнее второго, и оно развилось из более древнего gostь < *gostis 'чужой', 'чужестранец'.

Форма **гостиньница** предполагает наличие существительного **гостина**, от которого образовалось прилагательное **гостиньнъ**, **гостиньнъıи**, и уже от последних вторичное существительное **гостиньница**, так же как от **тѣмьнъ — тѣмьница**, **житьнъ — житьница**, **мъıтьница** и т. п. **Гостина** представляет из себя образование с суффиксом -ин, придающим основе слова значение состояния или сущности, т. е. такого же типа, как **старѣишина**, **обѣштина**, **дроужина**.

Памятники старославянской письменности не зафиксировали слова **гостина**. Миклошич приводит это слово из Иисуса Навина

в значении πῆγμα 'скрепа', 'сплочение' (Lex. 139). От **гостина** с указанным значением не могло образоваться **гостиньница** в значении 'заезжий дом'. В Бесѣдахъ на евангелие папы Григория римского находится **гостина**, которым переведено лат. hospitalitas 'гостеприимство', ср.: **къ гостиноу҃ приѧтъ** (86б, 14—15), **въ гостиноу҃ прикмши** (147б). От этого существительного прилагательное должно иметь форму **гостиньнъıи**. От последнего вполне естественно образование **гостиньница**.

В памятниках древнерусской письменности встречается слово **гостина**, но преимущественно как прилагательное. Лишь в одном словаре 1658 г. приводится **гостина** (συμπόσιον)[1]. Ср.: *Да горница старая гостина с сеньми да горенка с комнатою...* (1578)[2]; *у старца у Гурия въ гостине кѣлье... образовъ... спасъ, пречистая...* (1595 г.)[3]; *Дано в гостину избу истобнику Володке Офонасову сѣу оброку 10 алтын* (1573—1574 г.)[4]; *Товар... стоял на гостине дворе в онбаре* (1633—1634 г.)[5].

Данные памятники старославянской, церковнославянской и древнерусской письменности дают право признать, что в старославянском языке было слово **гостина** в значении 'тоґровое', 'купеческое', ср.: **самъ въѕицѣтъ имъı оу҃бо къ благодати. гостинѣи** (Беседы папы Григория, 148в, 4—6) — или даже 'торговец', 'купец', от которого и образовалось прилагательное **гостиньнъıи**, почти так же как: **маслина — маслиньнъ**, ср.: **съ кѣтьми маслинъıнами** (Син. трб. 16б, 9), **звѣрина — звѣриньнъıи: отверъзоша оградѫ звѣриньнѫю҃** (Супр. рук. 166, 19—20). Можно сослаться еще на современные данные, например: укр. *гостина* 'гость', 'пиршество', 'угощение', 'пребывание в гостях' (Гринч. I. 318), польск. gościna 'постоялый двор'[6], русск. *гостина* 'пир' (см. выше) и др.

Форму **гостиница** из Зогр. и Мар. ев. следует объяснить как образование от прилагательного **гостинъ** присоединением к основе последнего суффикса **-ица**, так же как: **звѣринъ — звѣриница, власт҃нъ — власт҃ница, плащ҃ѣнъ — плащ҃ѣница** и т. д. Возможно, что форма **гостиница** не была в первичном тексте. Это предположение основано на том, что в Мар. и Зогр., где находится форма **гостиница**, употреблено существительное в форме **гостиньникоу҃**. При **гостиница** естественно было бы ожидать форму **гостиникъ**.

[1] Γερασίμου Βλαχου. Θεσαυρός. 1658, л. 449, с рукописным переводом Сильвестра Медведева (рукопись Н. П. Попова).

[2] «Строгановские столбцы», № 1—98 (рукопись). Хранится в Ленинградском Отделении Ин-та истории АН СССР.

[3] «Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря». — «Чтения в Об-ве истории и древностей российских», кн. 3. М., 1890, стр. 42.

[4] «Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря», № 2 (рукопись Московского архива феод.-креп. эпохи», л. 239 об.).

[5] «Таможенные книги Московского государства 17 в.» т. I. М.-Л., 1950, стр. 49.

[6] См.: E. Berneker. Указ. соч., стр. 337.

Форма **гостиникъ** (см. выше пример из Сав. кн.), если не является результатом порчи слова писцом, должна представлять образование типа: **грѣшьникъ**, **длъжьникъ**, **сърѣбрьникъ**. Слово **гостиникъ** зафиксировано в Lexicon'е Миклошича из двух памятников сербского письма в значении cauро 'трактирщик'.

Таким образом, в первоначальном тексте всего вероятнее были только формы **гостиньница**, **гостиньникъ**. В подтверждение можно сослаться на употребление во всех трех глаголических евангелиях формы **гостиньникъ**, **гостинникъ**, последнее из **гостин(ь)никъ**.

Ягич считает, что «**гостиница** (πανδοχεῖον) Лук. X, 34 в Сав. кн. заменено словом **господа**, и только в этом памятнике встречается последнее слово» (Entst. 336).

В подтверждение мнения Ягича, что **господа** — вторичное слово, можно сослаться на Сав. кн., где хозяин **господъı** назван **гостьникъ**. Если бы **господа** было первичным, естественно, следовало бы ожидать или **господь**, или **господинъ**, или же **господарь**, но не **гостьникъ**.

Исследователи Сав. кн. единодушно приходят к выводу, что дошедший до нас список этого памятника представляет собой восточноболгарскую редакцию. Признавая такое мнение убедительным, считаем нужным отметить, что существующие словари болгарского языка не фиксируют слова *господа* в значении 'жилище', 'гостиница', что слово gospoda не зафиксировано в указанных значениях ни в одном из словарей южнославянских языков. Наоборот, в словарях западнославянских языков находим: чеш. hospoda 'жилище', 'постоялый двор', 'гостиница' зафиксировано Гебауером из памятников начиная с XIV в.[7] в современном чешском: hospoda 'гостиница' (просторечн. и обл.), словц. hospoda 'жилище', 'трактир', 'постоялый двор', польск. gospoda 'гостиница', 'постоялый двор'. Характерно, Гебауер приводит hostinice 'гостиница' как ст.-сл.[8] Вероятно, оно так и есть, так как ныне уже вытеснено книжным hostinice, точнее — hotel, и первое по традиции продолжает бытовать в диалектах.

Однако приведенные данные не дают бесспорного основания судить, что в текст Сав. кн. слово **господа** вошло в Моравии. Дело в том, что это слово известно в таких памятниках, употребление которых в Моравии невозможно доказать. Так, в Пандектах Никона Черногорца XII и XIV вв. читаем: **колико оубогыхъ ихъ же не поустиша на господоу**, т. е. 'в дом', 'жилище'. В Четиях Минеях по списку XVI в.: **ишедшю на господоу свою.** — **въ нѣцiеи господѣ еоупидиѳора.** — **поидохомъ въ господоу свою** (см.: Срез. Мат I, 563).

[7] J. Gebauer. Slovnìk staročeský, d. I. Praha, 1903, стр. 470
[8] J. Gebauer. Там же, стр. 473.

Слово gospoda в значении 'жилище' употреблялось не только в западнославянских языках, но его, возможно, знали некоторые восточнославянские говоры. Иначе трудно было бы объяснить употребление этого слова в упомянутых выше памятниках XII—XIV вв., не бывших в употреблении в пределах Моравии и Паннонии. Но в текст Сав. кн. господа, как и единъ вм. етеръ (см. ниже специальную главу), могло быть включено в Моравии.

Поскольку слово господа в значении 'жилище', 'гостиница' не употребляют такие памятники письменности, как Асс., Зогр. ев., имеются основания допускать, что в македонских говорах оно или вовсе не было известно широко, или не было распространенным словом, поэтому первые переводчики им не пользовались.

Иначе говоря, приведенные данные склоняют к мысли, что слово господа отсутствовало в первичных переводах евангельских текстов и что, по всей видимости, оно впервые включено в текст того оригинала в Моравии, с которого сделан дошедший до нас список, называемый Саввиной книгой.

Гоумьно — токъ

«Гоумьно (ἅλλων) Мф. III, 12; Лук. III, 17, употреблено во всех текстах евангельских переводов, но в Супр. 97, 1, 3 в этом значении находим токъ» (Entst. 338), — сообщает Ягич. Мф. III, 12 читаем: емоу же лопата въ рѫкоу его. і потрѣбитъ гоумъно свое. і съберетъ пьшеницѫ. въ житьницѫ а плѣвъі съжежетъ огнемь негасимъімь (Зогр.). В Мар. ев. ввиду утери листов отсутствует приведенная цитата, а в апракосы не входило это место.

Этот же текст повторяется Лук. III, 17, в котором последнее слово читается негашѫштимь (Зогр., Мар., Сав.), негасѫщиим (Асс.), негасимъімь (Остр.).

Из других памятников старославянской письменности гоумьно встречается в Син. трб. и Супр. рук., ср.: аще кто домъ зажежетъ. ли гоумъно. ѫ лѣ да поетъ (Син. трб. 103б, 10—11); и сѣкъ. ожидаѧтъ пришедъши жатвѣ наплънити гоумно (Супр. рук. 266, 6—7).

Однако в последнем памятнике, кроме слова гоумьно, дважды употреблено в том же значении токъ: мните сѫштѫѫ жизнь токоу подобьноу бъіти. къіи коупъ болиі естъ плѣвънъіи ли или пъшеничънъіи кгда бо придетъ дѣлатель съ лопатоѫ потрѣбити тока. плѣвамъ льгъкамъ. сѫштамъ оудобь вѣтромъ отъносатъ са. а ішеница тоу остаѧтъ (127, 21—27).

Слова придетъ дѣлатель съ лопатоѫ потрѣбити тока по смыслу совпадают с началом цитаты из Мф. III, 12 и Лук. III, 17, что и дает основание решать, какое из двух слов гоумьно или токъ было в первичном тексте.

Гоумьно до сих пор общеславянское слово, образовавшееся из **gou̯-* (ср. **гокадо** 'рогатый скот') + *тьп-* (ср. **мьнж**). Оно указывает на способ молотьбы древних славян посредством вытаптывания зерна рогатым скотом на току[1].

Токъ признается существительным от глагольного корня *tek-* в значении 'бежать', ср.: **и прѣди текъ възлѣзе на сикомориж.** (Лук. XIX, 4), **течаашете же оба къкоупѣ. і дроугъі оученикъ тече скорѣе петра. і приде прѣжде къ гробоу** (Ио. XX, 4, Мар.), в Зогр. нет этого места.

По мнению С. Младенова, **токъ** означает место, «*где-то тичат коне да вършат*»[2]. **Токъ**, по-видимому, также было общеславянским словом, ныне его знают русский, болгарский, словенский, сербский и хорватский языки в том же значении, в каком оно встречается в памятниках старославянской письменности.

Спрашивается, по какой причине в Супр. рук. наряду с **гоумьно** в том же значении употреблено **токъ**? Если исходить из данных болгарской диалектологии, то оказывается возможным ответить на этот вопрос, хотя бы предположительно. В западной Болгарии преобладает ныне употребление *гумно*, *гувно*, а в восточной — *ток*, *отак*, *вътък*[3]. Эти диалектные различия — едва ли позднейшие явления. Они, как представляется нам, дают основания судить, что в Супр. рук. наряду с **гоумьно**, обычным для евангельских текстов, оказалось введенным более употребительное в восточной Болгарии **токъ**.

Таким образом, последнее слово в данном случае возможно рассматривать как вторичное, внесенное редакторами или писцами восточной Болгарии вместо первичного **гоумьно** в Супр. рук. и другие поздние памятники.

Гжгъникъ — нѣмъ

«**Гжгъникъ** (μογιλάλος), — пишет Ягич, — встречается Мрк. VII, 32 в старших текстах (Мар., Зогр., Галич.), но в Остр., Асс., Ник., Трнов., Мстисл. вместо него стоит **нѣмъ**, в русских текстах еще и **заикликъ**... в Карп. оба слова стоят рядом **нѣма гжгнива** (Entst. 338).

Слово **гжгъникъ** встречается в Мар. ев. дважды: первый раз в оглавлении к евангелию от Марка: **о гжгъниквѣемь** (это место отсутствует в Зогр. ев.), второй раз — Мрк. VII, 32: **і приѣсѧ къ немоу глоуха гжгънива** (Мар.). В Зогр. здесь

---

[1] См.: А. М. Селищев. Славянскде языкознание, т. I. М., 1941, стр. 13.

[2] С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр 635.

[3] См.: С. Стойков. Българска диалектология. София, 1954, стр. 155.

читается: глоуχъ гжгънивъ, в Сав. кн. так же, как в Мар., в Асс. и Остр.: глоуχа и нѣма, согласно греч. κωφὸν καὶ μογιλάλος.

Кроме этого, интересующее нас слово встречается по одному разу в Син. трб. и Супр. рук.: приведенаго къ тебѣ глоуχа и гжгънива... сътрѣбилъ еси нѣмость отъ ꙗзыка его (Син. трб. 28а, 9—13); отвръзьшоуоумоу оуста гжгъниваоуоумоу (Супр. рук. 456, 27—28).

Этим исчерпывается количество примеров, в которых встречаются интересующие нас слова. Примеры не дают твердых оснований для суждения о том, о ком идет тут речь — о глухонемом или о заике. Ср.: і привѣсѧ къ немоу глоуχа гжгънива. і молѣаχѫ и да възложитъ на нь рѫкѫ. і поемъı—и единъ отъ народа. възложи пръстъı своѭ въ оуши его. і плинжвъ коснѫ и въ ꙗзкъ... і абье разврѣсте сѧ слоуχа его. і раздрѣши сѧ жза ꙗзка его. і глаше чисто (Мрк. VII, 32—35, Мар.).

Греч. μογιλάλος возможно переводить как словом гжгънивъ, так и словом нѣмъ. Однако, если исходить из последних фраз процитированного выше текста: раздрѣши сѧ жза ꙗзка его. і глаше чисто, то, видимо, следует склоняться к мысли, что речь идет все же о гугнивом, или иначе — заике.

Нам представляется, что редакторы при последующих сверках первичных переводов с греческим оригиналом не могли заменить гжгънивъ на нѣмъ, так как первое слово встречается в поздних списках евангелий, в Син. трб. и Супр. рук. Едва ли возможно иное мнение, кроме того, что переводчики или редакторы таких памятников, как Син. трб. и Супр. рук., ориентировались на ранее проверенные тексты евангелий. Наличие слова нѣмъ вместо гжгънивъ в Асс. и Остр., видимо, следует понимать так, что первое слово внесено в указанные памятники первыми переводчиками. Однако те же переводчики при составлении евангелий-тетр сочли нужным исправить допущенную вначале неточность перевода, поэтому нѣмъ заменили на гжгънивъ.

Так, представляется нам, следует объяснить употребление разбираемых слов в названных памятниках. Другие объяснения замены нѣмъ словом гжгънивъ едва ли даже возможны, потому что оба слова являются общеславянскими[1], причем употребительны до сих пор почти во всех славянских языках. При этих условиях ни в каком славянском крае не было нужды

---

[1] См.: F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 72, 215; А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910—1914, стр. 167, 682; С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 118, 361; J. Holub, F. Kopečný. Указ. соч., стр. 136, 242 и др.

ни для смешения их, ни для употребления одного вместо другого.

Ягич, не рассмотрев вопроса, объявил гжгъникъ первичным словом.

Дрѣколь — жрѣдь — посохъ

В евангелиях оба слова передают греч. ξύλον 'палица'. Ср. Мф. XXVI, 47: се июда единъ отъ обою на десмте приде. і съ нимъ народъ мъногъ. съ оржжии и дрѣкольми (Мар.), в Зогр.' др'кол'ми, Асс. дрѣколмі, Остр. дрѣкольми, Сав. жрѣдьми, Арх. посохъі, Врач. држгольми; Мф. XXVI, 55: на разбонника ли изидете съ оржжьемь и дрѣкольми ѥати мл (Мар.), в Зогр. дрѣкол'ми, Асс. дрѣколмі, Остр. дрѣкольми, Сав. жьрдьми, Арх. посохъі, то же в Трнов. и в Юрьев. 1119 г., в Врач. дрѣголи.

Последний пример повторяется Мрк. XIV, 48; Лук. XXII, 52 в евангелиях-тетрах, где в Мар. написано дрѣкольми, а в Зогр. — дрѣкольми; Лук. XXII, 52 в Остр. дрѣкольми.

В Клоц. сб.: къде народи і кови і чіні і оржьѣ і дрѣколи (1,768—769). В Супр. рук. точно в таком предложении вместо дрѣколи написано жрѣди (448, 11), в греч. δόρυ 'копье'; но 79, 22 в Супр. рук.: повелѣста .... изкадзаѣше л вести на брѣгъ морѣ. и др'кол'ми ногъі ихъ прѣбиѥати в греч. βάκλον 'палка', по-видимому 'дубина'.

В Киев лл., Син. пс. и трб. разбираемые слова не встречаются. По свидетельству Ягича, Добрм. ев. Мрк. XIV, 43 вместо дрѣкольми читается съ жьзлъі, там же, 48 — съ посохъі (Entst. 342).

Правописание слова дрѣколь неустойчивое. В Зогр. 4 раза написано дрѣкольми (Мф. XXVI, 55, Мрк. XIV, 43, 48, Лук. XXII, 52), один раз др'кол'ми (Мф. XXIV, 47). В Мар. 3 раза дрѣкольми (Мрк. XIV, 43, 48, Лук. XXII, 52), один раз дрѣкольми (Мф. XXVI, 55), другой раз дрѣкьльми (Мф. XXIV, 55), в Асс. — дрѣколмі, в Остр. везде — дрѣкольми. В Клоц. сб.: дрѣкольми (II, 157), дрѣколи (769). В Супр. рук. — др'кол'ми.

Орфографический разнобой в написании разбираемого слова касается употребления редуцированных. Если исходить из большинства написаний и особенно обратить при этом внимание на начертание этого слова в Остр. ев. как памятнике, различающем этимологические ъ и ь, то следует предполагать, что первоначальное написание, соответствующее, по-видимому, этимологии слова, было дрѣколь.

Жрѣдь вместо дрѣколь появляется только в памятниках письменности, выполненных кириллицей. Дрѣколь является названием оружия. В сочетании слов с оржьемь и дрѣкольми

первым словом переведено μάχαιρα 'большой нож', 'меч', 'сабля'. Ср. еще: **исоуни оружие. и завьри прѣдъ гонѧштиімь мѧ** (Син. пс. XXXIV, 3), здесь **оружие** передает греч. ῥομφαία 'меч', 'сабля'. **съ оружьемь и дрьколиьми** соответствует греч. μαχαιρῶν καί ξύλον. В Клоц. сб. словом **дрьколь** переведено греч. δορύ 'копье'.

Южные и восточные славянские языки не дают убедительных соответствий к разбираемому слову. Так, встречающиеся в памятниках древнерусской письменности *дреколье*, видимо, из памятников старославянской письменности. Ср. *бьцеся дрьколѣмь до самыя смерти* (Правило Кирилла, митрополита роусьскаго, 1274 г. см.: Срезн. Мат. I, 733); *И тако псковичи пойдоша на нихъ съ дрекольемъ и с каменіемъ, и убиша на торгу повара княжаго Курву* (Пск. II лет., 1477 г.). Последний пример, правда, допускает, что в русском языке могло быть собственное слово **дрьколь** со значением 'дубина' или 'шест', 'кол'. Однако одинокое слово *дреколь* из Псковской летописи не поддерживается данными диалектной лексики за исключением одной старой записи былины «Илья Муромец и Соловейка разбойник», где рассказывается, что Илья Муромец, привязав к коню Соловья, повез его в Киев. Соловей упросил Илью заехать к нему в гости. Увидали дочери Соловья, как едет доброй молодец и ведет отца, «*бросились они на Илью с дрекольем*»[1]. Употребление разбираемого слова в русском языке только в форме *дреколье* наводит на мысль, что оно заимствовано из памятников старославянской письменности без осознания формы собирательности. Словари украинского и белорусского языков также не фиксируют этого слова.

Бернекер приводит такие соответствия к drьkolь: чеш. dřkolna (стар.), позже drkolna 'бревно', 'дубина', 'палка', drkoliti 'бить, колотить'. Чеш. dřekolna могло развиться из drьkolna. Зачисляемое Бернекером к ним же словц. driek 'ствол' (дерева) не относится сюда по звуковому составу. Р. Траутман, нам кажется, прав, сближая словц. driek с литов. driakas 'растянутый в длину', 'стройный' (о дереве)[2]. С словц. driek сближается чеш. dřík 'торс', 'ствол'[3].

Происхождение слова **дрьколь** бесспорно не выяснено. Бернекер считает, что слово состоит из корня *drьk-* и суф. *-ol*[4]. Собственно, этого мнения придерживался до этого Миклошич[5].

[1] Памятники и образцы народного языка и словесности. Прибавления к Известиям Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852, стр. 118.

[2] R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, стр. 58—59.

[3] См.: V. Machek. Etymologiský slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 99.

[4] См.: E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch, стр. 232.

[5] См.: F. Miklosich. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, стр. 111.

По мнению Махека, чеш. drkolna того же корня, что и ст.-сл. **дрѣколь**; этимологию слова он считает неясной[6]. А. Вайян полагает, что **дрѣколь** — сложное слово, состоящее из *дрь-* > *дръ-* (тот же корень, что и в ***der-(vo) + kol-*[7]. По своему образованию **дрѣколь** или **дръколь** в таком случае должно быть того же типа, что и **трѣзвѣць** (Супр. рук. 181, 27). Однако мнение Вайяна требует проверки. Необходимо выяснить значение *kol-* в **дрѣколь**. В Супр. рук., например, словом **колъ** переводится греч. πάσσαλος (2, 21) и πάλος (152, 30). При этих данных неясно, что же означало слово **колъ** в сложном **дрѣколь**, если первая часть **дръ-** значило то же, что и 'дерево'?

Что касается слова **жрѣдь**, то оно общеславянское, ср.: русск. *жердь* 'шест'; укр. *жердь* 'дышло в ветряной мельнице, которым ее поворачивают', *жердя* 'жердь' (Гринч. I, 479); белр. *жердзь* 'гнет, которым притискивают на возу снопы, сено' и т. д. (Нос. 154); польск. żerdz; чеш. žerd; словц. žrd 'дерево' (в поле); болг. *жръд*; ср. еще: литов. žardas 'мостки из жердочек', латш. žārds 'остов скирды' и др.

Если исходить из приведенных данных, то казалось бы, что **дрѣколь** могло войти в текст церковных книг в Моравии или Паннонии, поскольку вполне убедительные соответствия к нему и поныне находятся в чешском языке. Но так ли это — на основании имеющихся данных решить трудно. Бесспорным является то, что **дрѣколь** — название какого-то холодного оружия, иначе говоря — военный термин. Нет никаких данных для признания, что общеславянское žrdь было когда-либо военным термином.

Если допустить, что тот славянский язык, на который переводились впервые церковные книги, не имел в своем словарном составе развитой военной терминологии, то можно согласиться, что первичным могло быть и **жрѣдь**. Однако факты свидетельствуют против такого мнения. Приведем их:

1) Во всех старших списках глаголических памятников употребляется только слово **дрѣколь**. Правда, при этом остается неясным, откуда, например, в Арх. **посохъ** (см. ниже).

2) Дошедшие до нас памятники старославянской письменности включают весьма развитую военную терминологию, в том числе разнообразные названия оружия: **оружие** в обобщающем значении ὅπλα, а также μάχαιρα и ῥομφαία, **ножь** μάχαιρα, **ножьница** θήκη, **мечь** μάχαιρα, **копье** λόγχη, **сѣчиво** πελαχος, **лукъ** τοξον, **стрѣла** τὸ βέλος, βολίς и т. д., не говоря о многих других.

Все это дает право считать, что тот славянский язык, на который переводились церковные книги, обладал весьма раз-

[6] См.: V Machek. Etymologický slovník, стр. 96.

[7] A. Vaillant. Veux slave drĭkolĭ, 'Baton'. «Revue des études slaves», t. 8. Paris, 1928, стр. 88.

витой для своего времени военной терминологией, поэтому нет оснований считать, что **жрьдь** было словом, употребленным первыми переводчиками. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что глаголические памятники письменности, особенно Асс. и Зогр., употребляют только слово **дрьколь**. Слово же **жрьдь** появляется в памятниках старославянской письменности восточно-болгарской редакции, в которых некоторое обновление словаря не подлежит сомнению.

Общеславянское *žrdь*, имеющее соответствия и в других индоевропейских языках[8], является древнейшим словом, несомненно существовавшим в то время, когда впервые переводились на славянский язык церковные книги. Отсутствие его в старших списках глаголических памятников старославянской письменности служит доводом, что оно не было военным термином. В связи с этим следует считать несомненным, что **дрьколь** заменено словом **жрьдь** в восточной Болгарии.

Отсутствуют другие данные, кроме памятников старославянской письменности, свидетельствующие о том, что слово **дрьколь** было названием оружия древних славян. Словари чешского и словацкого языков фиксируют это слово в значениях 'бревно', 'кол', 'палка', но в них отсутствуют указания на то, что оно являлось названием оружия. М. Вайнгарт убежден, что ст.-сл. **дрьколь** — старочешское слово[9], иначе — моравизм в памятниках старославянской письменности.

Третье слово, употребленное в памятниках для передачи греч. ξύλον, это — **посохъ**. Правда, оно встречается в памятниках более позднего списка сравнительно с Асс., Зогр. и Мар. Но Мф. XXVI, 47 в Арх. читается: **се июда ѡ одинъ ѡ обою на десѧте приде и съ нимъ народъ, многъ. съ оружиемь и посохъı**; Там же, 55: **въ тъ часъ рече іс̄ народомъ. ꙗкоже на разбоиника изидосте. съ оружиемь и посохъı. ıати мене.** В последнем списке слово **посохъ**, как отметили, читается в Трнов. и Юрьев. ев. списка 1119 г. В Добрм. и Мстисл. это же слово находим в Мрк. XIV, 48. Один раз интересующее нас слово встречается и в Супр. рук. в форме жен. р. в тексте: **повелѣ ѧнфипатъ принести врѣтиште. и вьсадити и** (Кодрата.—*А. Л.*) **въ не. и ископати ровъ. и вьвѣсити и въ нь въ врѣтишти и бити и. посохами** (112, 2—5). Последним словом переведено греч. σπεῖρα.

По данным памятников церковнославянской и древнерусской письменности, слово **посохъ** действительно было названием

[8] J Pokorny Indogermanisches etymologisches Worterbuch. Bern, 1951, стр. 444

[9] M. Weingart Československý typ cirkevnej slovančiny. Bratislava, 1949, стр. 109, сноска.

оружия, причем этим словом переводили не только ξύλον, но и ῥόπαλον (см. Срезн. Мат. II, 1252).

Наличие Мф. XXVI, 47 и 55 слова **посохъ** в ряде апракосов едва ли можно признать случайным, так как только это место входило в апракосы. **Посохъ** 'палица', 'булава', 'дубина' признается префиксальным образованием от **соха** с первоначальным значением 'сук', 'ветка', точнее 'кривая, развилистая ветка'. В западнославянских языках то же значение получается присоединением суф. *-or* к тому же корню *soch-*, ср. чеш. и словц. *sochor* 'рычаг', 'лом'. Образование же присоединением префикса *po-* к корню *soch-* со значением 'палица', 'дубина' известно древнерусскому и старославянскому языкам. Этот факт, по всей видимости, следует понимать так, что данная форма (именная, а не глагольная), образованная по типу **попона**, русск. *полуб* 'береста', *поклеть* (кур.) 'решетчатый верх телеги', *понёбо* 'свод печки' и др. — в прошлом была общим для южных и восточных славянских языков.

Сказанное позволяет констатировать, что **посохъ** в памятниках старославянской письменности — южнославянское слово. Однако остается неясным, является ли, например, в Арх. оно первичным словом, т. е. внесенным туда первыми переводчиками при первоначальном переводе апракоса, или вторичным, заменившим **дрѣколь**. Поскольку последнее слово в восточной Болгарии систематически заменяется словом **жрѣдь**, то допустимо, что **посохъ** могло быть первичным. Наличие этого слова в Мф. XXVI, 47 и 55 не только в Арх., но и в ряде других списков евангелий подкрепляет высказанное предположение.

Мф. XXVI, 40—75 в Арх. содержит некоторые другие лексические особенности. Так, здесь, как и в Асс., всюду читается **снъ чл҃вчь** вм. **снъ чл҃вчскыи** — в других. Употребление в Асс. и Арх. притяжательного прилагательного **человѣчь** следует признать более древней чертой языка, так как даже в тетрах оно заменилось формой с суф. **-ьскъ**. В стихе 28 в Арх. читаем: **въ оставленик грѣховъ**, также и в Асс., но в других: **отъпоуштение. Оставление грѣховъ** по типу: **оставитъ женѫ** (Мрк. XII, 19); **не остави сѣмене** (Там же, 22); **не оставлѫ васъ сиръ** (Ио. XIV, 18) и т. д. является южнославянским, поскольку в южнославянских языках ostaviti и поныне имеет значение 'простить'. По этой причине думаем, что **оставление грѣховъ** или **грѣхомъ** (Асс.) является принадлежностью первичного перевода. В находящемся тут же рядом Ио. XIII, 4 в Арх. сказано: **къзьмь леньтионъ**, в Асс. и др. — **пріимъ лентіи**. Употребление греч. формы λέντιον в Арх., вероятно, не вторичное явление, а особенность первичного перевода. Такое допущение вероятно потому, что **къзьмь (леньтионъ)** передает мысль более конкретно в сравнении **пріимъ лентіи**. Ср.: **статиръ. тъ къземъ даждъ имъ за мѧ**

и за сѧ (Мф. XVII, 27); ѯоди въ слѣдъ мене въземь крстъ (Мрк. X, 22); они же дашѧ еліоу рыбѣі печенѣі часть. і отъ бчелъ сотъ. і вземъ прѣдъ ними ѣстъ (Лук. XXIV, 42—43); но: і приимъ чашѫ и хвалѫ въздавъ. дастъ имъ (Мф. XXVI, 27); і бысть егда сѧ възврати. приимъ цсрствіе (Лук. XIX, 15) и др.

Приведенные примеры свидетельствуют, что **възмь** означает ‘кто-то берет вещь сам’, а **приимъ** — ‘кто-то ему передает’, при этом во втором случае предложение становится несколько отвлеченным. Таким образом, имеются основания считать, что перевод λαβὼν λέντιον — **възмь леньтионъ** первичным, впоследствии исправленным на **примь леньтии**.

Мф. XXVI, 59 в Арх. изложено так: **архиереи же и старьци и съборъ вьсь искаахоу лъжа лъжа** (так!) **свѣдѣтельства на іса. ико да оуморѧть его**; в Асс.: .... **и сѣнемъ весь искаахѫ лъжа свѣдѣтельства на иса ѣко да оубіѫтъ и**. Разницу в чтении **съборъ** вм. **сѣньмъ**, **его** вм. **и** можно объяснить тем, что в процессе редакционного просмотра в восточной Болгарии в Арх. **сѣньмъ** заменили словом **съборъ**, **и** — **его**. Относится ли **оуморѧть** вм. **оубіѫтъ** к тем же особенностям, сказать трудно. В Супр. рук. глагол **оуморити** обычно употребляется для обозначения понятия ‘насильственного, грубого умерщвления’, ср.: **оуморити мѧ хотѣаше въврѣгъ мѧ въ тинѫ** (194, 8—9); **тъі различьнъіими мѫками прѣшташе оуморити мѧ** (254, 1); **вьзбѣсивъ сѧ дастъ о нею отъкѣтъ. мечемъ оуморити и** (185, 1—2); **почто боли каша избиваѥте. врача ихъ оуморити хотѧштѥ** (388, 20—21) и т. п.

Вполне возможно, что в первичном переводе и было: **да оумороѧтъ и**, впоследствии замененное на **да оубіѫтъ и**, так сказать, на более нейтральный способ выражения мысли.

В стихе 65 в Асс. ев. дважды употреблено слово **власвѣмиѫ**, а в Арх. вместо него находится **хоулоу**. Ст. 70: в Асс. **не вѣмь чьто глеши**, в Арх. **не вѣдѣ что глеши**. Трудно сказать, что первичное тут: **вѣмь** или **вѣдѣ**, хотя последнее и признается остатком и.-е. перфекта в славянском. В ст. 40 в Асс. ев.: **даже коуръ не възгласіт. трі кратъі**, в Арх.: **коуръ не въспоѥть тришьдоу**. Между прочим, Арх. знает только формы: **тришдоу** (Мф. XXVI, 75; Ио. XIII, 38); **тришьдъі** (Мф. XXVI, 75); **дъвашьдъі** (Лук. XVIII, 12) и т. д. М. Вайнгарт считает, что **кратъі** — западнославянизм[10]. Действительно, и в совр. чеш. и словц. dvakrat, třikrat, trikrat и т. д., а в болг. *дважди*, *триж*, *трижди*, то же в серб.-хорв. и русск. Вследствие ука-

[10] См.: M. Weingart. Československý typ cirkevnej slovančiny, стр. 109, сноска.

занных данных имеются основания признавать, что **къспоетъ тришьдъı** является южнославянским выражением.

В ст. 43 в Асс. ев.: **бѣстѣ бо имъ очи тѣготьнѣ**, в Арх.: **бѧхоу бо очи ихъ отѧжьчалѣ**. Возможно, что употребление причастия на **-лъ** в Арх. в роли определения является либо восточно-болгарским, либо даже особенностью первичного пѣревода.

В ст. 18 в Асс. ев.: **идѣте въ градъ къ дінѣ**; в Зогр. и Мар. — **къ етероу**, в Остр. — **къ кдиномоу**, в Сав. — **къ нѣкомоу**, в Арх. — **къ оньсици**. Первые переводчики, хорошо владевшие греческим языком, едва ли могли перевести ὑπάγεντε εἰς τὴν πόλιν πρὸς τὸν δεῖνα — **идѣте въ градъ къ дінѣ**, так как они не могли δεῖνα воспринять как личное имя. Поэтому исключено, чтобы **къ дінѣ** признавать особенностью первичного перевода. Чтение Остр. **къ кдиномоу**, как увидим в следующей главе, следует признать за моравизм, а Сав.: **нѣкомоу** — восточноболгаризмом. Чтение Мар. и Зогр. **къ етероу**, надо полагать, появилось в Моравии с целью подравнивания текста к другим чтениям. Остается **къ оньсици**, которое один раз встречается и в Супр. рук. в предложении: **ѧзъ отьче оньсица града епископъ поставьıнъ ксмъ** (286, 17—18). Б. Цонев находил соответствие к **оньсица** в македонских говорах [11].

Оньсица в Арх., наряду с такими в нем архаизмами, как **тришьдоу**, **ктеръ**, **жалѣ**, μνημεῖον, **кладѧзь**, πῆγη, **чловѣчь**, **оставлениѥ** (**грѣховъ**) и др. (см. еще главу **земьскъ**, **небесьскъ**), вероятнее всего относилось к первичному слову. Арх. в части, переписанной вторым писцом, имеет кое-какие восточноболгаризмы. Вместе с тем в нем ощущается наличие многих архаизмов, одним из них может быть и **посохъ**.

Ѥтеръ — нѣкъıи, единъ

Представим в виде таблиц, сколько раз употребляется каждое из названных слов в отдельных рукописях евангелий (см. стр. 91).

Таблицы свидетельствуют о том, что в употреблении слова **ѥтеръ** сходны между собой Асс., Арх. и Зогр., в которых оно преобладает в передаче греч. τις. Сав. и Мар. вместо **ѥтеръ** преимущественно употребляют **единъ**, а Остр. **нѣкъıи**, причем этот памятник, как увидим ниже, сходен в этом с Супр. рук.

[11] См. Б. Цонев. Къи новобългарски говори стоят най-близу до старобългарски в лексикално отношение «Списание на българската Академия на науките», кн XI, № 7. София, 1915, стр. 1 и след.

I. Употребление слова ѥтеръ

Название памятника	Евангелисты				Всего
	Мф.	Мрк	Лук	Ио.	
Асс	8	5	35 (из них два в написании ѧдеръ)	8	56
Сав.	—	—	3	—	3
Остр.	—	1	5	—	6
Арх. .	7	1	25	2	34
Зогр.	4	5	31	7	47
Мар.	1	—	6	2	9
Итого . . .	19	12	105	19	155

Употребление нѣкъіи вместо ѥтеръ

Название памятника	Евангелисты				Всего
	Мф.	Мрк		Ио	
Асс. . . .	—	—	—	—	—
Сав. . . .	1	1	1	—	3
Остр. . . .	6	2	29	4	41
Арх. . . .	1	4	2	—	7
Зогр. . . .	—	—	—	—	—
Мар.	—	—	—	—	—
Итого . .	8	7	32	4	51

III. Употребление ѥдинъ вместо ѥтеръ

Название памятника	Евангелисты				Всего
	Мф.	Мрк.	Лук.	Ио.	
Асс.	—	—	—	—	—
Сав.	6	2	22	1	31
Остр	1	3	4	3	11
Арх.	—	—	—	—	—
Зогр.	2 (сп. XII в)	1	—	—	3
Мар	3	6	29	6	44
Итого	12	12	55	10	89

В единичных случаях вместо етеръ встречаются и другие слова: нѣкъто, нѣкоторыи, дроугыи и инъ, например, Мф. XXVII, 11: иджіема има. се нѣкотории отъ коустодиѧ пришьдъше въ градъ (Остр.), в Асс. и Зогр. етері, в Сав. и Мар. едині, в Арх. нѣции; Мф. XXVII, 47: дроузи иже ѡ стоѧщихъ тоу. слъишавъше глаахоу. ꙗко илию зоветъ (Арх.), в Асс. етері, в Зогр. етери, в Сав. инии, в Остр. нѣции, в Мар. едини; Лук. XIII, 23: рече же нѣкъто къ немоу (Остр.), в Асс., Зогр. и Арх. етеръ, в Сав. и Мар. единъ; Ио. XI, 37: ини же отъ ниχъ рѣшѧ (Сав.), в Асс. и Зогр. етеріи, в Остр. нѣции, в Мар. едини, в Арх. нет этого места.

В Син. пс. нет слова етеръ. Объясняется тем, что в греческом тексте псалтыри отсутствует τις.

В Син. трб. 7 раз употреблено етеръ и ни разу нѣкъіи, а также единъ в значении τις. Единъ здесь употребляется в конкретном значении числа, вроде: тебѣ единомоу оугодънаѧ творити (41а, 9); ни въ единомь же ждѣ (55а, 25); едино тѣло (105б, 19) и т. п. Несколько примеров на употребление етеръ: къшедъı къ домъ етера кънязѣ. фарисеиска (31а, 19—20); и съ крѣменемь етеромь прѣкращаѧ сѧ. или на оутрѣнижѫ или на полоудне (54а, 23—24); ни інѣми етеръı добродѣаньи. оумоленъ бываѧ (88а, 16—18); ино етеро земънъıχъ красотъ (90а, 17—18) и др.

В Клоц. сб. етеръ встречается 5 раз и ни разу нѣкъіи, а единъ употреблено 12 раз только в конкретно числовом значении, ср.: і приведе... дъва грьлиүішта... его же і прижатъ. ѣко семьонъ етерь (I, 908—910); это место повторяется в Супр. рук. 452, 17; етеро псанымь сімь. отъ тьмъı мъдлости ілі етероу іномоу невѣждъствью (I, 149—151) и др.

В Супр. рук. на месте греч. τις етеръ встречается 8 раз, а нѣкъіи 44 раза, причем употребление первого слова ограничено стр. 452—497 (по изд. Северьянова), в остальных всюду находим нѣкъіи, ср.: гласъ ногоу етера слъишѫ. къ намъ граджшта (468, 6—7); громъ гласомъ етеромъ слъишаштемъ... вьзьмѣте врата (465, 2—4); гроза етера (464, 25—26); глаголъ етеръ (464, 13) и нек. др.; нъ рекжтъ нѣции ѡ іѡсифѣ... (365, 1); юноша нѣкъіи отъ бѣса насиленъ (518, 18—19); единъ же нѣкъіи въ санѣ и славѣ... рече (138, 16—18); бъıсть нѣкъіи отъшьлъць въ весніѣмь градѣ порфүриѡнъ (514, 6—7) и т. п.

Таковы данные памятников. Ягич пишет: «Етеръ (τις) является хорошо известной лексической особенностью самых старших текстов, который позже отступает перед нѣкъіи и единъ» (Entst. 343). Для подтверждения этого положения Ягич приводит те места из Мар. ев., где встречается етеръ, сопоставляя его с данными Асс., Сав., Остр. и Зогр. ев. Более подробно рассмотрены им данные Апостолов.

По мнению К. Горалека, не всякий случай употребления слова **етеръ** может свидетельствовать, что оно первичное[1]. Так, чтение Лук. XIV, 1 (у автора: опечаткой 12): **вънидѣ въ домъ етера** по мнению Горалека, слово **етера** внесено поздним правщиком, поскольку это место не входило в первичный краткий апракос. В Асс. ев. читается: **вьниде исъ въ домъ етеро кънѧзѧ**, так же в Арх.; в Зогр. нет этого места, в Сав. и Мар. **единого**, в Остр. **нѣкоего**. Приведенные факты не подтверждают мнения Горалека, потому что невозможно признавать случайным или поздним употреблением Лук. XIV, 1 **етеръ** в Асс. и Арх. В последнем памятнике, как видели, имеются случаи замены **етеръ на нѣкыи**. Горалек признает вторичным **етеръ** в Асс. Лук. XXIV, 1: **придѫ женъи на гробъ... и етеръи съ ними**, в Арх., Зогр. и Мар. вм. **етеръи** читается **дроугыѧ**, в Остр. **нѣкыѧ**. Чтение **дроугыѧ** является более вольным (свободным) переводом греческого текста. Совершенно ясно, что в Остр. ев. **нѣкыѧ** могло появиться только в результате замены слова **етеръı**, потому что слово **дроугыѧ** никак не заменилось бы на **нѣкыѧ**. Таким образом, данные Асс., Остр., Трнв., Хвал. свидетельствуют, что первичным чтением тут должно быть **етеръ**, дословно передающий греч. τινες. Вполне вероятно, что при составлении тетра переводчики обнаружили передачу καὶ τινες σὺν ’αυταῖς не точным, поэтому и решили заменить **етеръı** на **дроугыѧ**. Чтение Асс.: **къ единѫ сѫботъ. sѣло рано придѫ женъı на гробъ носѧщѧ ѩже оуготокашѧ. дроматъı. и етеръи съ ними** следует признать неудачным, так как употребление в этом предложении **етеръи** после нарицательного существительного **женъı** делает смысл текста неясным: ‘пришли женщины и некие с ними’. Замена же неопределенного местоимения **етеръи** словом **дроугыѧ** вносит ясность в смысле: ‘пришли одни (женщины) и другие с ними’. Ниже в этой же главе в стихе 10 перечислены имена первых, а о других сказано: **и проѫѧ съ ними**. Сказанное объясняет причину замены Лук. XXIV, 1 чтение **етеръи** первоначального апракоса на **дроугыѧ** в тетрах.

По мнению Горалека, Мф. IX, 18 слово **етеръ** включено при поздних сверках. Основанием для этого утверждения Горалеку служит чтение в тетрах: **се кънѧзъ къшедъ кланѣаше сѧ емоу** (Мар.) согласно некоторым вариантам греческих текстов, в которых Мф. IX, 18 отсутствует τις[2]. В Асс. и Арх. в данном месте читается **кънѧзь етеръ**, в Сав. **единъ**, в Остр. **нѣкыи**. Этот факт свидетельствует о том, что апракос перене-

[1] См.: K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954, стр. 61 и след.

[2] См.: K. Horálek. Указ. соч., стр. 62.

ден с текста, где было τις, а когда же составляли тетр, те же переводчики пользовались другим греческим текстом, в котором в указанном месте могло отсутствовать τις. Говоря иначе, утверждение Горалека о том, что слово **етеръ** в отдельных случаях могло появиться в текстах церковных книг в результате поздней замены какого-то другого местоимения, неубедительно.

В. Погорелов высказал другое предположение: в первичном переводе греч. τις могло быть передано двумя словами **етеръ** и **единъ**; одни из поздних текстов предпочитали **етеръ**, а другие — **единъ**[3]. Это мнение не подкреплено соответствующими доводами. Конечно, если бы между **етеръ** и **единъ** (оба в роли неопределенного местоимения) существовала разница в значениях, тогда их можно было бы отнести к группе слов, как: **искони** и **испрѣва**, **моудити** и **къснѣти**, **кладѧсѧ** и **стоуденьць** и т. д. (см. ниже соответствующие главы). Однако отсутствуют данные, подтверждающие наличие семантической разницы между **етеръ** и **единъ** в переводе τις. Словом, исследователям не удалось обосновать мнение, что в первичном переводе могли употребляться как синонимы **етеръ**, **единъ**, **нѣкъи**.

Первичный славянский апракос, надо полагать, переведен с такого греческого текста, в котором всюду было τις там, где в Асс. находим **етеръ**. И едва ли в языке солунских славян в то время были слова **единъ** и **нѣкъи** в значении неопределенного местоимения, но отличающиеся от **етеръ** оттенками в значении. Вероятнее всего этого не было, поэтому в первичном переводе апракоса греч. τις передавали только одним словом **етеръ**. При составлении тетра **етеръ** не заменяли другим словом, о чем свидетельствуют данные Зогр. ев., в котором ни разу не встречается **нѣкъи** и лишь 1 раз **единъ** Мрк. IX, 17, где читаем: і **отъвѣштавъ ѥдинъ отъ народа рече. оучителю приведѣсъ сна мои къ тебѣ. имѫштъ дхъ нѣмъ глоухъ**; в Мар. так же, но без последнего слова. В Асс. **въ оно улкь етеръ приде къ иссови. кланѣѭ сѧ емоу и гла. оучителю. привѣсь сна моего къ тебѣ. имѫща дхъ нѣмъ**, в Сав. **единъ** и как в Зогр. **нѣмъ** и **глоухъ**, в Остр. **нѣкъи** и без слова **глоухъ**, в Арх. как в Остр.

Тексты тетра и апракоса не сходны между собою. В апракосах рассказывается о том, что к Иисусу пришел неизвестный для него человек, а в тетрах сообщается о том, что Иисус пришел к ученикам, встретил много народу, с которым спорили

[3] См.: В. Погорелов. Опыт изучения текста Саввиной книги. «Sborník filosofické faculty University Komenského, roč. V. Bratislava, 1927, стр. 34.

книжники. Иисус обратился к книжникам с вопросом, о чем они спорят. В ответ и сказал ему один из народа (см. цитату выше). Употребление в апракосах ѥтеръ, а в тетрах единъ в приведенных текстах, таким образом, обусловлено тем, что в апракосах и тетрах разные по содержанию тексты. Иначе говоря, единъ здесь могло быть введенным при составлении тетра, в котором содержание текста делает уместным это слово, а в апракосах, наоборот, уместнее ѥтеръ.

Слово ѥтеръ (в Арх. пишется ѯтеръ) образовано присоединением суф. *ter-* к местоимению *je-*[4]. В глаголических рукописях йотация не передавалась, а в ряде кирилловских рукописей, надо полагать, ввиду незнания слова писали ѥтеръ вм. ѯтеръ. Древность этого слова подкрепляется наличием в нем суф. -тер, очень рано ставшего в славянских языках непродуктивным. Отметим, что ѥтеръ изменялось по родам, могло быть нечленным и членным, ср. примеры из Асс.: рѣѵе же емоу ѥтеръ (Лук. XIII, 23); жена ѥтера (Мрк. V, 24); заимодавъцоу ѥтероу (Лук. VII, 41); въ весь ѥтерж (Лук. XVII, 12); ѥтері ѿ сѣде стоѧштиихъ (Лук. IX, 27); ѥтерїи же от нихъ рѣша (Ио. XI, 37) и т. п.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в говоре, на который переводились впервые евангелие-апракос, слово ѥтеръ было, так сказать, самым обычным, продуктивным словом.

Как показывают Остр., Арх. и Супр. рук., в восточной Болгарии уже в X—XI вв. местоимение ѥтеръ не было употребительно, поэтому его заменяли другим местоимением нѣкъіи. Арх. отражает, так сказать, начальную стадию вытеснения ѥтеръ словом нѣкъіи, причем, как установил еще в свое время Амфилохий, неопределенное местоимение нѣкъіи вм. ѯтеръ начинает употребляться в нем более или менее систематически только во второй части памятника, по почерку отличающейся от первой части[5], т. е. с 77 л. В Остр. ев. и Супр. рук. явно возобладало употребление нѣкъіи, и слово ѥтеръ в них встречается в минимальном количестве (см. выше соответствующие таблицы). Примечательно, в Остр. Лук. XIII, 6 читаем: смоковьницж имѣаше нѣкъто ѥтеръ въ виноградѣ своемь въсажденж. Это место не входило в апракосы, поэтому оно отсутствует в Асс., Сав., Арх., Врач. и др. Следовательно, приведенная цитата в Остр. ев. включена из тетра. В Зогр. ев. на месте нѣкъто ѥтеръ находим только последнее слово, а в Мар. — единъ. Приведенное чтение в Остр. указывает либо на то, что по недосмотру заменяемое слово осталось на месте рядом с заменяющим,

[4] См.: E. Berneker. Указ. соч., стр. 419; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 282; J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1957, стр. 284; M. Vasmer. Указ. соч., стр. 406.

[5] См.: Амфилохий. Описание евангелия 1092 г. М., 1877, стр. 4.

либо редактор, не поняв значение етеръ, принял его за другое слово.

Остается неясным, где могли заменять етеръ словом единъ. Последнее, как видели, особенно употребительно в Мар. и Сав., причем в последнем памятнике изредка встречается и нѣкъи, что нужно считать естественным для этого памятника с ясными чертами восточноболгарской редакции. Мар. ев., не имеющее каких-либо явных признаков восточноболгарской редакции, по употребительности единъ на месте етеръ занимает первое место среди других памятников. В нем вместе с тем ни разу не встречается нѣкъи на месте етеръ. К. Горалек вслед за Погореловым склонен признавать, что в тетрах для передачи греч. τις с самого начала могли быть употребительными и етеръ и единъ. Однако это невозможно подкрепить фактами. Законно возникает вопрос: почему же тогда Зогр. не отражает хоть в какой-нибудь степени древнее словоупотребление? Правда, 1 раз Мрк. IX, 17 находим в Зогр. и Мар. единъ на месте етеръ апракосов, но это особый случай (о чем сказано выше) и не может подтвердить допущение, высказанное Горалеком.

Для замены етеръ словом единъ необходимо, чтобы числительное единъ было одновременно известно в языке и в значении неопределенного местоимения. В Асс., так выдержанно употребляющем етеръ для передачи греч. τις, числительное единъ встречается 132 раза и употреблено в следующих значениях:

1. В конкретно числовом значении: пріемъи єдінъ талантъ рече (Мф. XXV, 24); писма єдіно. лі єдіна ѹрѣта. не прѣидетъ ѿтъ закона (Мф. V, 18); сестра моѣ. єдіна мѧ остави слоужити ти (Лук. X, 40); естъ отроѹицъ єдінъ сѣде (Ио. VI, 9); послѣдъ же възлежащемъ имъ. единомоу на десате ѣви сѧ (Мрк. XVI, 14).

2. 'Только' (в смысле 'исключительно один'): пристжпишѧ кѣ немоу оученицѣ единомоу глѣще. повѣждъ нам когда сі бждѫтъ (Мф.XXIV, 3); не въні(де) съ оученікы своими исъ въ кораѣ. нъ єдіни оученіцѣ его идѫ (Ио. VI, 22); ихъ же не достоѣаше ѣсти. тькъмо иереомъ єдінѣм (Мрк. II, 26). пісано естъ. не о хлѣбѣ единомъ живъ бждетъ ѵлкъ (Мф. IV, 4).

3. 'Одинокий': и мѧ единого оставіте: и нѣсмъ єдінъ. ѣко оцъ съ мноѫ естъ (Ио. XVI, 32); аще зрьно пшениѵное не оумьретъ падъ въ земи. то едино прѣбъиваєт (Ио. XII, 24).

4. 'Единственный': сна своего единоѹмдаго далъ естъ (Ио. III, 16); дъшти єдіноѹмда (Лук. VIII, 42); сна єдіноѹмда (Лук. V, 12). Обычно, кроме приведенных трех примеров, в остальных местах в этом значении употребляется иноѹмдъ.

5. В значении указательного местоимения *этот* в смысле 'другой': и съ німъ распьѧ сѧ дъва разбоиника. єдіного о десноѫ а дроугаго о шоуѫ его (Мрк. XV, 27). В большинстве примеров тут употребляется не єдіного — дроугаго, а єдіного — единого,

ср.: распѧ сѧ... єдіного о десноу и єдіного о шюу (Мф. XXVI, 38); и видѣ дъва а҃нг҃ла. въ бѣлахъ ризахъ сѣдѧща. єдиного оу главы и єдіного оу ногоу (Ио. XX, 12).

6. 'Отделенный', или 'выделенный', обычно при родительном разделительном: єдінъ ѿ воинъ копіемъ емоу ребра проводе (Ио. XIX, 34); єдинъ же отъ нихъ видѣкъ ѣко ищѣлѣ. къзврати сѧ (Лук. XVII, 15); и поемъ и (гугнивого) єдіного ѕ народа (Мрк. VII, 33). В отдельных, немногих случаях здесь єдинъ возможно истолковать в значении 'некий', ср.: и пристжпъ єдінъ отъ кънижьнікъ рєчє емоу. оучітєлю идж по тебѣ (Мф. VIII, 19), греч. καὶ προσελθὼν εἷς γραμματεὺς. Надо полагать, что наличие εἷς и обусловило тут перевод его словом єдинъ. Мф. XXVII, 47—48 читаем: єтєріи же отъ стоѧщихъ тоу. слъишавъше глаахж. ѣко иліж глашаетъ. и абие тєкъ єдинъ wтъ нихъ пріемъ гѫбж. Во втором случае употребление єдинъ, кроме того что оно на месте греч. εἷς, объяснимо тем, что «один из тех говорящих пошел»...

Словом, в Асс. ев. единичные примеры в сочетании єдинъ с родит. разделительным можно истолковать в значении *некий*. При этом ясно, что наличием в греч. εἷς, а не τις обусловлено в таких случаях употребление слова єдинъ.

Таким образом, в Асс. строго различаются в значениях єтєръ и єдинъ. Думаем, что Асс. здесь отражает состояние того языка, на который переводился впервые апракос. Пожалуй, ничем иным нельзя объяснить тот факт, что ряд памятников Асс., Арх., Зогр. и нек. др. строго различают в употреблении єтєръ и єдинъ.

Данные славянских языков таковы: в чешском с самых первых памятников письменности встречается употребление jeden, кроме числительного, в значении местоимения 'некий'[6]; словари словн. яз. не фиксируют jedin в значении местоимения 'некий'[7]; серб.-хорв. известно jeden в значении 'некий'[8]; в болг. то же[9].

Мар. ев. не имеет следов восточноболгарской редакции, неубедительным же оказалось мнение Ягича о сербском списке этого памятника, поэтому остается одно возможное допущение, что слово єдинъ вм. єтєръ в данный памятник было включено

[6] См.: J. Gebauer. Slovník staročeský, d. I, стр. 610 и след.; «Příruční slovník jezyka českého», d. I. Praha, 1935, стр. 1132 и след.; F. Trávníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 571 и след.

[7] См.: M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, d. I. Ljubljana, 1894, стр. 192; J. Jurančič. Srbohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1955, стр. 251.

[8] См.: «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», d. IV. Zagreb, 1892—1897, стр. 519 и след.

[9] См.: А. Дювернуа. Словарь болгарского языка, т. I. М., 1885, стр. 597; С. Младенов. Български тълковен речник, т. I. София, 1927—1950, стр. 642 и др. В дальнейшем: БТР.

еще в Моравии. Не исключено, что и в Сав. кн. единъ оттуда же, откуда и в Мар. ев. Иначе говоря, в Мар. единъ вм. етеръ явление того же порядка, как балии вм. враѹь, кокотъ вм. коуръ, миса вм. блюдо и т. п., источники которых ведут в ту же Моравию.

Таким образом, единъ в передаче τις можно признать за моравизм.

Жаль — гробиште

В Мар. ев. Мф. VIII, 28 изложено так: і пришедъшоу емоу и҃сви на онъ полъ. къ странѫ ѣрѣесинскѫ. сърѣтете и дъва бѣсъна отъ жалии ісходѧща лютѣ зѣло. ѣко не можааше никтоже минѫти пѫтемь тѣмь. В Арх.: пришьдъшю и҃сви къ страноу гергесиньскоу. сърътост(а) и дъва бѣсьна. ѿ жалии исходѧща лютѣ зѣло. ѩко не можаше никтоже миноути поутьмь тѣмь (31а, 16—21). В Асс.: пришедъшоу и҃соу къ странѫ ѣрѣесиньскѫ. сърѣтосте и дъва бѣсъна. отъ гробиштъ исходѧща. люта зѣло. ѣко не можааше мінѫті ніктоже пѫтемъ тѣмь.

В Зогр. ев. причастие употреблено в стяженной форме: пришьдъшюмоу, слово и҃сви отсутствует; ѣрѣесин'скѫ читается как в Асс. и Арх., вм. сърѣтете (простой аорист в 3 л. дв. ч.) читается как в Асс. сърѣтосте (сигм. аорист в той же форме, образованный из простого), вм. отъ жалии — отъ гребиштъ іхъ.

В Сав. кн.: пришъдъ і҃с къ землѧ геръгесиномъ. сърѣтоста і .в҃. бѣсноужіа сѧ отъ гроба исходѧща лютѣ зѣло. ѩко немогѫщю никомѹже прити. пѫтьмъ тѣмь. В Остр.: пришъдъшоу и҃ски къ странѫ гергесиньскѫ. сърѣтоста и дъва бѣсьноужіа сѧ отъ гробъ исходѧща люта зѣло. ѩко не моущи никомоу же мимо ити пѫтьмь тѣмь.

Сравнение приведенных шести редакций Мф. VIII, 28 показывает, что текст Мар. ев. почти совпадает с Арх. и Асс., за исключением употребления членной формы причастия пришьдъшии, простого аориста, прилагательного в форме ѣрѣесинскъ, а также сочетания слов на онъ полъ, которое имеется во всех тетрах вплоть до канонизированных. Кроме того, в Асс. вместо отъ жалии читается отъ гробиштъ и вместо формы дв. числа от слова люто здесь употреблена форма мн. числа, а вместо простого аориста находится сигматический аорист поздней формы, образованной от простого. К тексту Мар. ев. примыкает Зогр., за исключением пропуска слова и҃с и некоторых других частностей.

Тексты Сав. и Остр. ев. редакционно значительно отличаются от предыдущих четырех списков.

В целом ясно, что в тетрах находится отредактированный текст первого перевода апракоса, а в Сав. и Остр. сохранился текст последующей, восточноболгарской редакции (о чем см. ниже).

Сочетанию слов **отъ жалии** (**гробиштъ, гребиштъ, гробъ, гроба**) **исходаща** в греч. соответствует: ἐκ τῶν μνημείων ἐξερχόμενοι, т. е. 'из памятников (склепов) выходящих'.

Слово **жалие** в указанном значении известно из Патерика сп. XIV в. из монастыря острова Крк: **къниде къ жалиа спати. и бѣша тоу кости елиньскъıа кѣтъхъı** (Lex., 191). Срезневский приводит **жалъ** из Мф. VIII, 28 из четвероевангелия монастыря Саввы (Мат. I, 846). Кроме того, это слово встречается в указанном месте в ряде других апракосов, частично и в тетрах (см. ниже).

«**Отъ жалии** — пишет Ягич — Мф. VIII, 28 (во всех прочих памятниках **гробъ, гробиштъ** или **гребиштъ**, да и в нашем (т. е. Мар. ев. — *А. Л.*) обыкновенно **гробъ**), отголоски слова живут в северно-русском *жаль, жальник*, которое, по свидетельству Даля, значит: *могила, кладбище*; в областном словаре отмечено только значение *убогий дом*; далматинское žal, žalo (glarea) совпадает с итал. ghiajo»[1].

«**Жалъ** (μνημεῖον) встречается Мф. VIII, 28 в Мар., Карп., Хвал., Мирсл., Арх., напротив в Зогр. **гребиште**, в Асс. **гробиште**, в Остр., Сав., Ник. **гробъ**. Приведенные варианты встречаются только в вышеуказанном месте, в других местах μνημεῖον последовательно передается словом **гробъ**. Почему существует указанное единичное уклонение, до сих пор на этот вопрос нет ответа» (Entst., 344). К. Горалек, кроме перечисленных Ягичем памятников, в которых встречается **жалъ**, указывает на употребление его Мф. VIII, 28 еще в Срец. и Трнв. При этом он считает, что **жалъ** является признанным архаизмом[2].

Из приведенных цитат неясно, следует ли **жалъ** считать архаизмом или первичным словом и почему оно заменено словами **гробиште** или **гробъ**.

Гробиште и **гребиште** представляют производные от общеславянского корня *greb-/grob-*. Общеславянский суффикс **-иште**, происшедший из *-isk-io*, придает разбираемому слову значение 'место могил', т. е. 'кладбище'[3].

В этом значении разбираемое слово находит такие соответствия: русск. *гробище* (стар.), *гробовище* (южн.) 'кладбище' (Даль I, 979); укр. *гробовище* 'кладбище' (Гринч. I, 329); чеш. hrobiště,

[1] И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие. С примечаниями и приложениями. СПб., 1883, стр. 469.

[2] См.: K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 85.

[3] См.: F. Miklosich. Vergleichende Stammbildungslehre..., стр. 274; J. Holub, F. Kopečný. Указ. соч., стр. 462.

hrobovište (стар.) 'кладбище'; словн. grobišče 'кладбище'; хорв. и серб. grebište 'могила' (в Дубровнике и в Приморье; так у Караджича, Ивековича и Броза), болг. *гробище*, обычно во мн. числе *гробища* 'кладбище', 'могила' (с таким значением оно фиксируется во всех словарях болгарского языка).

Таким образом, **гробиште** или **гребиште** первоначально обозначало 'место могил', 'кладбище' или 'могилы'. Употребление его на месте греч. μνημεῖον 'памятник' или 'сооружение на могиле' едва ли можно признать удачным. Греч. μνημεῖον более точно передается словом **жалъ** (о чем ниже).

Употребленное в Остр. ев. вместо **отъ жалии** сочетание **отъ гробъ**, в Сав. кн. **отъ гроба** не передает греч. ἐκ τῶν μνημείων, потому что слово **гробъ** (отглагольное существительное от **гребѫ**) могло означать 'насыпь', отсюда и 'могила' как результат, получившийся от действия **гребѫ**. Правда, встречаются такие предложения: **вълѣзохъ въ гробъ** (Патер. Синаиский, XI в.), в греч. εἰς τὸ μνημεῖον. *Положенъ бы въ гробѣ велицѣи црькви стыѣ Софыѣ* (Пов. вр. л. 6601 г.), в последнем речь идет о саркофаге, сохранившемся доныне в Киевском Софийском соборе. Несмотря на это, нельзя признать, что последние значения слова **гробъ** первичные, так как нигде не зафиксировано это слово в значении какого-либо могильного сооружения.

Слово **гробъ** могло быть употреблено для перевода греч. τάφος, например, в следующем предложении: **бѣ же тоу маріѣ магдалъіни. и дроугаѣ маріѣ сѣдѧштї прѣмо гробоу** (Мф. XXVII, 6, Acc.).

Слово **жалъ** в значении определенного сооружения, кроме ст.-сл., известно говорам русского языка, ср.: *жаль* (Новгр.) 'убогий дом' (Доп. 48), имеется в виду специальный домик в виде часовни на кладбище (Доп. 48); *жаль*: 'убогий дом', 'скудельница, где складывают тела, находимые на путях и распутьях' (Даль, I, 525); *жаль* или *жальник* (арх.) — так называются могильные насыпи в Кемском уезде и на Кольском п-ве на пути следования покрученников на Мурманский берег...[4]. В путевых набросках «От Тихвина до Весьегонска» И. Ф. Тюменева читаем: «Мы миновали извилистую речку Редань. Наконец, показалась на возвышенности и первая станция от Тихвина, деревня Большой Двор...

За Большим Двором, где мы переменили лошадей, нам снова встретилась Редань, а за нею целый ряд деревень, и почти подле каждой из них красовались холмики, покрытые рослыми, красивыми соснами.

— Что это за горушки у вас? — спросил я ямщика.

[4] А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия СПб., 1907, стр. 43.

— А это *жальники*, — отвечал он, — родители тут похоронены»[5]. В «Стоглаве» *жальникъ*, по-видимому, употреблено в значении 'могила с памятником'[6]. Характерно, в с. Кажме Медвежьегорского р-на Карельской АССР (Заонежье) *жальником* называют намогильный крест с крышей[7], т. е. то же, что в других местах называется *голбец*.

Двоякое значение слова *жаль*, вероятно, объясняется тем, что древнейшие славянские могилы насыпались в виде курганов-сопок высотой в 1—2 метра, на вершине которых строились столбики или небольшие навесы и домики. По мнению исследователей, могилы с курганами, постройками на них, являются продолжением скифо-сарматских подобных же сооружений[8].

У славян обычай насыпать могильные курганы и возводить на них памятники умершему существовал задолго до распространения среди них христианской религии. И то и другое, т. е. сам намогильный холм и памятник на нем, как показывают факты, приведенные выше, именовалось žalь. В переводе евангелия это слово использовано для передачи греч. μνημεῖον.

Жаль восходит к и.-е. ***gēl-* в значениях 'снимать, -ся', 'комкать', 'округлить', 'собирать в кучу'[9]. Отметим, что в говорах русского языка в значении 'памятник' употребляется еще *голбец*, *голбик*, *голбчик*, *голубец* (последнее слово — вторичная форма, получившаяся в результате контаминации *голб-* с другой основой *голуб-*, обладающей разнообразным значением). *Голбец* в указанном значении, хотя и диалектное, но распространено почти повсеместно. По неполным данным оно зафиксировано как слово вологодское, новгородское, костромское, владимирское, нижегородское, казанское, калужское, брянское, орловское, воронежское, донское, саратовское, оренбургское, тобольское, томское, вост.-сибирское[10]. Интересующее нас слово известно и говорам украинского языка (Гринч. I, 305).

[5] «Исторический вестник», т. XXXI, апрель. СПб., 1899, стр. 166.

[6] См. «Стоглав». Изд. 2. Казань, 1887, стр. 89.

[7] Устное сообщение автору ст. науч. сотрудника Ин-та русского языка АН СССР С. С. Высотского.

[8] См.: Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 216 и след.

[9] См.: J. Pokorny. Указ. соч., стр. 357.

[10] См.: «Словарь русского языка, составленный II отделением Академии наук», т. I. СПб., 1895, стр. 849; «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 34, 39; «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1958, стр. 35; П. Н. Тиханов. Брянский говор. СПб., 1904, стр. 43; А. В. Мирtов. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929, стр. 63; Архив РГО, разряд VII, № 16; XV, 18; XXIII, 116; XXIV, 7; XXXVI, 12. Кроме того, нами использованы записи А. Еремина, М. Колки и И. Курова, хранящиеся в картотеке Словаря современного русского литературного языка.

Голбец (< **голбьць*) должно быть от того же корня **gēl-*, но выступающего в форме **gəl-bh-*, ср. лат. *galba* 'большой живот'[11], а также 'икра ноги', сканд. kalf 'икра ноги'[12] и др.

Голбец — уменьшительная форма от golba или golbь, golbъ того же типа, что и *дерба* 'залежь, сильно задерневшая, с моховиной и кочкарником, который надо сдирать' (Даль, I, 429), *щерба*, *полба* и т. п., по способу образования являющиеся весьма древними, по крайней мере, балто-славянскими[13].

Говоря проще, в славянских языках существовали слова от и.-е. корня **gēl-*/**gəl-bh-*, получившие формы **жалъ** и *голб(ьць)*, причем оба в значениях 'могильная насыпь' и 'памятник на могиле'.

Поскольку **жалъ** встречается преимущественно в евангелиях-апракосах, естественно предполагать, что оно введено в эти тексты в самые первоначальные переводы как передающее точно греч. μνημεῖον, вместе с тем и согласующееся со славянским бытом. Употребление его в Мар. ев., а также в некоторых других списках тетра свидетельствует о том, что те же первые переводчики при составлении четвероевангелия оставили это слово, не заменив его другим. Иначе трудно было бы объяснить употребление его именно в тетрах.

В пользу этого допущения можно привести еще такой факт, как совпадение текста Мф. VIII, 28 в таких списках, как Мар., Асс., и Арх. Как видно, при составлении тетра текст апракоса исправлен: введено сочетание слов **на онъ полъ**, нечленное причастие **пришьдъшоу** переделано на членную форму **пришьдъшоуѥмоу**, так как последняя форма как индивидуализирующая случай прихода Иисуса здесь более уместна. Текст Мар. ев. сохраняет более старые грамматические формы, кроме членного причастия нестяженной формы, простой аорист 3 л. дв. числа **сърѣтѣтѥ**. Здесь же присутствует еще несомненно древнейшее слово **жалъ**.

Что касается текста Мф. VIII, 28 в Сав. и Остр., то он представляет позднюю редакцию, проведенную в целях рабского сближения славянского текста с греческим, отсюда: **дъва бѣсьнооуѥща сѧ** в соответствии с греч. δύο δαιμονιζόμενοι; **ꙗко не моущи никомоу же мимо ити пѫтьмь тѣмь** (Остр.), **ꙗко не могѫщю никомѫ же прити пѫтьмь тѣмь** (Сав.) в соответствии с греч. ὥστε μὴ ἰσχύειν τινὰ παρελθεῖν διὰ τῆς ὁδοῦ ἐκείνης.

---

[11] См.: A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Heidelberg, 1938, стр. 577.

[12] См.: J. Pokorny. Указ. соч., стр. 359.

[13] О словах с суффиксом *-ba* в балтийских и славянских языках см. подробно: П. Арумаа. Die Verwandtschaftverhältnisse zwischen Baltisch und Slawisch. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXIV, H. I. Heidelberg, 1955, стр. 9 и след. Существующее мнение, что русск. *голбец* от сканд. golf, считаем необоснованным, но рассмотрение этого вопроса, как не связанного с темой настоящего исследования, опускаем.

Факт замены слова **жалѣ** на **гробиште**, позже и на **гробъ** объясним: **жалѣ**, несомненно возникший у славян до христианской эпохи, был связан с идеями языческой религии. По этой причине его и заменили другим словом, которое, кстати сказать, не передавало точно греч. μνημεῖον.

Таким образом, **жалѣ**, как и субстантивированное прилагательное **лжкавъıи** (см. ниже главу **непрїѣзнь — лжкавъıи**) в памятниках старославянской письменности претерпели, так сказать, одну судьбу: их заменили другими в целях избавления христианских текстов от налета язычества.

Женихъ невѣстьникъ зать

Эти слова передают греч. νυμφίος. Мар., Зогр., Асс., Сав. и Остр. евангелия последовательно употребляют **женихъ**, причем в предложении: **имѣıи невѣстж женихъ естъ** (Ио. III, 29) точно передает значение разбираемого слова. Как свидетельствует Ягич, слово **невѣстьникъ** встречается в Юрьев. ев. Мф. IX, 15 (Entst. 344), это место из старших списков евангелий сохранилось только в Мар. (в Зогр. утерян лист, в апракосы не входило это место), и текст его такой: **рече имъ и҃съ. еда могѫтъ сы҃ не брачьнии плакати сѧ. доньдеже съ ними естъ женихъ. приджтъ же дьние. егда же отъиметъ отъ нихъ сѧ женихъ. і тогда постѧтъ сѧ.** Син. пс. и трб. греч. νυμφίος передают только словом **женихъ**, последнее в первом памятнике встречается всего один раз во фразе: **ѣко женіхъ исходыѧ отъ чрътога своего** (XVIII, 6), а во втором — 5 раз: **ѣко на жениха възложи на ма вѣнець** (97б, 25—26); **і съподоби и... съ своимь женихомь сърѣсти** (100б, 5—9), см. еще 81а, 13; 97б, 2, 26.

В Клоц. сб. нет места, в котором было бы греч. νυμφίος.

В Супр. рук. лишь один раз употреблено **женихъ**: **оуготовати... женихоу чрътогъ** (244, 12—13). В этом памятнике 8 раз νυμφίος передается словом **невѣстникъ** и 3 раза — **зать**. Ср.: **моудаштоу же невѣстьникоу въздрѣмаша сѧ вьса и съпаахж** (369, 1—3; 372, 6—7), см. в евангелиях старшего списка Мф. XXV, 5: **моудаштю же женихоу...** (Асс., Зогр.), в Мар.: **къснѧщюу женихоу...**

В Супр. рук.: **тъгда оуподобитъ сѧ цѣсарьствиѥ небесъноѥ десати дѣвицъ. иже възѧмъша свѣтильникъ ихъ. изидоша на сърѣтение зати и невѣстѣ** (368, 25—28). Ср.: Мф. XXV, 1: **изидж противоу женихоу...**, в Син. трб.: **въ сърѣтение... женихѧ** (81а, 14).

Слово **невѣстъникъ**, νυμφίος, кроме Супр. рук., приведено Миклошичем из Патерика болгарского с о-ва Крк, из евангелия списка XIV—XV в. Мф. XXIV, 42, а **зать** в значении νυμφίος

из церковных книг преимущественно болгарского и сербского списков (Lex. 423, 284).

Употребляется **невѣстьникъ** в Словах Григория Назианзина, ср.: **дроугъ невѣстьникоу** (13б, 5—6), **да къжьгѫть невѣстьникоу мѫдрѣѭ и чистѣѭ дѣкы своѭ свѣтила** (279а, 17 и след.) и др.

Ягич отмечает, что в Трнов. ев. один раз вместо **женихъ** употреблено **женѧи сѧ**, а **зать** в значении 'жених' употребляется в сочинениях Иоанна экзарха болгарского.

Женихъ восходит в корне к **gen-*, к которому присоединился суффикс *-ichъ* < *iso*[1]. Корень данного слова общеславянский, восходящий к и.-е. **g*^{u}*en-*.

Разбираемое слово ныне находит себе соответствия: русск. *жених*, ср.: *Жених замолчал ин сват заворчал; Зол жених, а злу невесту обегает*[2]; укр. *жених: Жалуй мене, подружечко, жених покидае* (Гринч. I, 478); белр. *жаних*, *женюх* (Нос. 154); польск. ženich (стар.); чеш. ženich, словн. ženich (книжн., заимствованное)[3], обычное народное: zaručnik; серб. *женик* (по мнению Миклошича, из *жених*, но, возможно, что оно сначала с суффиксом *-ik*)[4]. Болгарские словари не фиксируют слова *жених*, в них, однако, зафиксировано *женихъл* в значении 'сват'. Это слово, надо думать, производное от *женихъ* с суффиксом *-l*, типа **пѣклъ**, **жѫзлъ**, **жѣзлъ** и т. п.[5] В слове *женихъл* ъ — вторичный звук, появляющийся в болгарском между согласными после падения редуцированных, ср. *женихла* 'сваха'. Этот факт показывает, что болгарский язык в прошлом знал слово *женихъ*, ныне же в значении νυμφίος употребляется в нем: *годеник*, *младоженец*, *зет*.

Следует отметить, что слово **зать** в значении 'жених' изредка встречается в Повести временных лет по Лавр. сп.: *не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней что вдадуче*[6]. В Радзивиловском и Академическом списках вместо *зять* употреблено *женихъ*.

Супр. рук. является вероятным свидетельством того, что в восточноболгарском наречии в X—XI вв. слово **женихъ** уже не было общераспространенным словом. Иначе нельзя было бы объяснить наличие в этом памятнике слова **зать** в значении

[1] См.: F. Miklosich. Vergleichende Stammbildungslehre, стр. 288; W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I. Göttingen, 1906, стр. 475.

[2] П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. СПб., 1899, стр. 103, 105.

[3] F. Miklosich. Указ. соч., стр. 288.

[4] Там же.

[5] См.: W. Vondrák. Vergleichende Slavische Grammatik, Bd. I. Göttingen, 1906, стр. 437.

[6] Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1926, стр 12.

'жених', а также употребление Иоанном экзархом слова **зѧть** в том же значении.

Зѧть, восходящее к **ĝen-ti*, с древних пор более обычно в том же значении, в каком, например, оно употребляется в современном русском языке. Употребление его в значении **женихъ**, по всей видимости, вторичное, обусловленное тем, что последнее слово выпало из языка вследствие того, что оно, совпав в значении с **зѧть** или другими, стало дублетным словом, поэтому и излишним.

Нельзя признавать, что слова **зѧть** и **невѣстникъ** первичны в Супр. рук. Если бы это было так, то там не должно бы встречаться слово **женихъ**, но оно, как отметили, употреблено один раз. Здесь возможно одно допущение: в протографе Супр. рук. употреблялось только последнее слово для передачи греч. νυμφίος, которое при последующих переписках заменилось на **невѣстьникъ** и **зѧть**. Дело в том, что последние слова встречаются в сочетаниях слов, в которых другие памятники старшего списка употребляют только слово **женихъ**.

Ср.: в самой Супр. рук.: **оуготовати... женихоу чрьтогъ** (244, 12), но **и оу чрьтога сѣдиши... а пришъдъша зѧти не прикмьши** (335, 18—20), в греч. в обоих случаях νυμφίος.

Иначе говоря, нет оснований сомневаться в том, что слово **зѧть** в значении νυμφίος вошло в тексты церковных книг в восточной Болгарии, ибо дошедший до нас список Супр. рук. исследователи относят к этой славянской области.

Слово **невѣстьникъ** в значении же νυμφίος бесспорно диалектное слово (если оно не калька?), вошедшее в тексты церковных книг взамен слова **женихъ**. Употребление его в Супр. рук. склоняет к мысли, что оно могло быть внесено в этот памятник в восточной Болгарии. По имеющимся в нашем распоряжении данным, оно ныне не фиксируется в диалектной речи болгарского языка.

Срезневский привел это слово из Юрьев. ев. 1119 г. и из ев. 1307 г., а также из Слов Григория Назианзина (Мат. II, 370).

Принадлежность этого слова восточнославянским языкам не подтверждается ни данными древнерусских оригинальных памятников, ни данными современных диалектов.

Надо думать, что слово **невѣстьникъ** в русских списках церковных книг оказалось принесенным вместе с южнославянскими оригиналами, с которых русские писцы сделали копии.

Как показывают данные, слово **женихъ** оказалось неустойчивым в южнославянских языках. Даже в сербо-хорватском оно ныне известно только как диалектное слово, а словенское давно не знает этого слова. В восточноболгарских говорах слово **женихъ** в значении 'мужчина, имеющий или ищущий невесту', несомненно вышло из общенародного употребления не позднее начала XI в. Ничем иным нельзя объяснить тот факт, что

в церковных книгах восточноболгарской редакции оно заменяется либо **невѣстьникъ**, либо **зать**.

В эпоху же первых переводов церковных книг на славянский язык в македоно-солунских говорах **женихъ**, по-видимому, было обычным общеупотребительным словом.

Животъ — жизнь житие

Об этих словах Ягич ограничился таким замечанием: «**Животъ** (ζωή) в старших памятниках употребляется почти регулярно, но очень рано рядом с формой **жизнь**; например, в Трнов. нередко пишется **жизнь**... Рядом с **жизнь** ζωή передается еще словом **житие**» (Entst. 287).

Ягич не делает ссылок на памятники старших списков, данные которых таковы: Зогр. и Мар. знают только форму **животъ** и встречающиеся в них прилагательные образованы от основы этого же слова. Что касается слова **житие**, оно в Мрк. XII, 44 употреблено в значении 'средства жизни', ср.: **вьси бо отъ избытъка своего въврьгѫ. а си отъ лишенiѣ своего вьсе елико имѣаше въврьже. вьсе житие свое** (Мар.), причем словом **житие** переведено греч. βίος. Лук. XVI, 11 читается: **аште оубо въ неправьдьнѣмь житiи. не бисте вѣрьни. въ iстиннѣмь къто вамъ вѣрж iметъ** (Зогр.), здесь сочетание слов **въ неправьдьнѣмь житiи** передано греч. ἐν τῷ ἀδικῳ μαμωνᾶ. В Асс. и Остр. это место читается: **въ неправедьнѣмъ мамонѣ**, в Сав.: **въ неправьдьнѣемь житiи**.

Место из Мрк. XII, 44 не вошло в апракосы, а Лук. XVI, 11, как видели, лишь в Сав. передается так же, как в четвероевангелиях. Иначе говоря, Асс. и Остр. не знают слова **житие**, хотя в них встречается прилагательное **житиискъ**. Отметим, что **въ неправьдьнѣемь житии** следует понимать как 'неправедное пребывание в жизни'. Таким образом, в указанном сочинении слов **житие** резко отличается по значению как от **животъ**, так и **жизнь**.

В Асс., Остр. и Арх. Мф. XXV, 46 употреблено **жизнь**, в остальных случаях в них находим **животъ**. В Сав. кн. 10 раз употреблено **животъ** и 7 раз — **жизнь**. В Син. пс. встречаются только формы **животъ** и **животьнъ**, другие формы **жизнь** и **житие** здесь отсутствуют; в Син. тр. 31 раз — **животъ**, 11 раз — **жизнь** и 25 раз — **житие**, причем прилагательные образованы от первого и последнего слова. В Киев. лл. употреблено 6 раз **животъ**, в частности, 1 раз в сочетании слов **живота вѣчьнаго** (6а, 8), другие формы от основы этого слова здесь отсутствуют. Также Фрейзинг. отр. знают только слово **животъ**, ср.: Imeti mi ſie. ſivuót', т. е. **имѣти ми к животъ** (1, 9); I'. mo vueru. ímoi ſivuót, т. е. **и мож вѣрж и мои животъ** (I, 31); primete

vúecſne vúezelie. í vúecſni ſivuót, т. е. **приимѣте вѣчьное веселье и вѣчьныи животъ** (I, 33—34); I moie telo. Imoi ſuiut, т. е. **и мое тѣло и мои животъ** (III, 65—66). В Клоц. сб. встречается 9 раз **животъ**, и еще 1 раз в слове **животолюбьці** (I, 24—25), 4 раза — **жизнь** и 4 раза — **житие**. Характерно, форма **жизнь** встречается в конце этого памятника. В Супр. рук. находим 29 раз **животъ**, 13 раз **животьнъ**, 76 раз **жизнь**, один раз **жизньнъıи**, 95 раз **житиѥ** и 3 раза **житиискъ**.

Таковы внешние данные памятников, которые, на первый взгляд, создают впечатление, что в рукописях восточноболгарской редакции явно начинает превалировать употребление формы **жизнь**.

Таким образом, в самых старших списках евангелий-тетр и псалтыри не находим формы **жизнь**, однако евангелия-апракосы употребляют обе формы — **животъ** и **жизнь**, при этом знаменательно, что в наиболее кратком апракосе, как Сав. кн., последняя форма встречается не так уж редко.

Жизнь представляет древнейшее образование с помощью суффикса **-знь**, присоединявшегося преимущественно к непроизводным глагольным основам, ср. **къзнь**, **кызнь** от **коути**, **казнь** от **кати**, **приѣзнь** от **приѣти**, корень *priā-*, **каизнь** от **каити** — итеративная форма от **кати**, по типу **дати — даити**, **боязнь** от **бояти (ся)**, **болѣзнь** от **болѣти**, причем глагол этот образован от именной основы *bol'-*.

Форма **жизнь**, так же как **къзнь**, **кызнь**, **казнь**, **приѣзнь**, является древнейшим по своему образованию. Примеры, в которых встречаются приведенные слова, свидетельствуют, что существительные с суффиксом **-знь** обозначают состояние, или точнее — процесс, в котором пребывает субъект или объект. Ср.: **раздрѣши кызни вражиѧ. сѫщиѧ на насъ** (Син. трб. 62б, 24—26); **силѫ подаѫштꙋ нама хсоу. и повѣждаѫштоу твоѧ пронꙑрикъıѧ къзни** (Супр. рук. 12, 25—27); **молѫ та казнь'... въскорѣ съконьчаи о мънѣ** (Там же, 101, 29—30); **оутвръди въ насъ любьвь твоѭ. і приѣзнь нашѭ оутвърди** (Син. трб. 18а, 2—4), и т. д.

Не лишне отметить, что многие существительные на **-знь**, в том числе и **жизнь**, **болѣзнь**, **боѣзнь** и нек. др., обозначают состояние, проявляющееся независимо от воли человека. Такие существительные, как **къзнь**, **кызнь**, **казнь**, **каѣзнь**, **приѣзнь**, также обозначают состояние, привносимое для объекта или субъекта со стороны, помимо его воли. Сказанное наводит на мысль, что в древнейшее время существительные на *-znь* обозначали явления стихии, а также процессы, происходящие в организме человека, независимо от его воли. Ср.: **аще ли хощеши вь жизнь вънити. то съхрани заповѣди** (Мф. XIX, 17, Сав.); **хождаі къ слѣдъ мене. не имать ходити къ тъмѣ. нъ имѣти имать свѣтъ жизни** (Ио. VIII, 12, Сав.); в Асс., видимо, испор-

чено: имать свѣтъ вѣчьный. в Остр.: имать свѣтъ животьныи, в греч. ἐξει τὸ φῶς τῆς ζωῆς; оугаси тѣлесъное раждежение. і жизни. плътьскъиѫ похоти отъжени (Син. трб. 38а, 5—7).

Употребление при существительном жизнь определений вѣчьнаа, добродѣтельнаа и т. п. следует объяснять сказанным же, ср., например: и идѫтъ сіи. къ мѫкѫ вѣчьнѫю. а праведьници къ жизнь вѣчьнѫю (Мф. XXV, 46, Асс.); в Остр.: въ тьмѫ вѣчьнѫю. В Сав. кн. сочетание слов жизнь вѣчьнаа встречается 5 раз: Ио. XVII, 2, 3; Мф. XIX, 16, 29; Лук. X, 25; в Син. трб. несколько раз, см. 10а, 13—14; 65б, 1—2 и др., здесь же: жизнь добродѣтельна (7а, 13).

Слово жизнь, как это вытекает из приведенных данных, в памятниках старославянской письменности употреблено в своем древнейшем значении. Факт этот едва ли можно считать случайным и тем более рассматривать его как элемент, внесенный в памятники поздними редакторами или писцами. В. Н. Щепкин и В. Погорелов в Сав. кн. видят экземпляр, переписанный с глаголического оригинала еще в X в. При этом В. Погорелов на основании тщательного изучения рукописи сравнительно с греческим текстом пришел к выводу, что хотя рукопись оригинала, с которого сделан дошедший до нас список, подверглась перередакции, но исправления, сделанные редактором, оказались произвольными, иногда искажающими текст. В целом исследование Погорелова показывает, что поп Савва не оказался достаточно эрудированным редактором[1]. Все это дает полное основание признать, что поп Савва не мог внести слово жизнь в текст отредактированного им евангелия в такие места, где оно, во-первых, на месте и точно передает смысл греческого текста, во-вторых, употребляется в древнейшем своем значении.

Слово животъ — общеславянское, по модели образования оно древнее слова жизнь, поскольку находит соответствие только в других индоевропейских языках, ср. греч. βιοτή, литов. gyvata. В славянских языках, кроме životъ, отсутствуют другие слова, образованные подобным же образом. Сюда не могут быть отнесены поздние образования от основ прилагательных с суф. *-ota*, типа čistota, dobrota, vysota и т. п.

Семантические различия между жизнь и животъ таково: жизнь обозначает состояние, в котором пребывает субъект или объект независимо от своей воли, а животъ — признак, которым обладает то или иное существо.

Нормальным следует считать употребление последней формы в таких примерах: і поперетъ на земи животъ мої (Син. пс. VII, 6); жівота проси оу тебе і далъ емоу єсі (Там же, XX, 5); не хощеши съмрѣти грѣшъникоу. нъ обращенью и животоу (Син. трб. 101а, 19—22); тъı исходъ живота его (Там же 58б, 3—4);

[1] См.: В. Погорелов. Указ. соч., стр. 77 и след.

аꙁъ придъ да животъ имѫтъ и лише имѫтъ (Ио. X, 10, Сав.) и т. п.

Разумеется, что со временем жизнь и животъ в своих значениях сближались все больше и больше, и это привело к тому, что стало возможным употребление одной формы вместо другой. Должно быть, при составлении четвероевангелий уже переводчики нашли возможным устранить из употребления форму жизнь. Иными причинами было бы трудно объяснить отсутствие последней формы в таких рукописях, как Зогр. и Мар.

Характерно, что в большинстве славянских языков форма существительного žizn̋ или вышла из употребления, или отсутствовала вообще, и ее функции и семантику выполняла форма životъ. В русской народно-разговорной речи, наоборот, вышла из свободного употребления в своем раннем значении форма *живот*, утвердилась первая форма, видоизменившаяся после падения редуцированных в *жись*, а затем под влиянием слов типа *кость—в жисть*.

Однако, как свидетельствуют старые памятники письменности, *животъ* в своем прежнем значении употреблялось еще в XIV—XVI вв., ср., в частности, примеры: ѿхожда животa. сего. пишю. рукописаніе при своемь животѣ (XIV в., Берест. грам. № 42[2]; бориса к животѣ нѣтъ (XIV в., Берест. грам. № 49)[3].

Что же касается формы житие, ныне, например, ставшей обычным словом в укр., белр. и польск. языках в значении ‘жизнь’, она в памятниках старославянской письменности употребляется в значении пребывания в жизни субъекта, ср.: наше бо житие на нбсѣхъ естъ (Син. трб. 90б, 13); съвъкоупитъ ѣ. вь любьвь съвръшенѫ. і житие неразлѫчьно (Там же 9б, 4—6); житиѥ григора папы роумьскаго (Супр. рук. 119, 15); вь своемъ житіі поманѫхъ отъ многыихъ мало (Там же 45, 15—16) и т. д.

Итак, нет основания считать, что какая-либо из приведенных трех форм существительных от корня жи- относилась к так называемым первичным и вторичным словам. Данные показывают, что в собственных семантических различиях они были употреблены первыми переводчиками. Характерно, например, что в Беседах на евангелие папы Григория римского списка XIII в. сохраняются указанные семантические различия между жизнь, животъ и житие, ср.: сего свѣта. житиѥ. вѣчьнѣи жизни приподоблено. смьрть есть (273б, 14—17); иѡаннъ бо не моукою животъ коньча (256б, 9—10); на обычаи. нашего житиа привести (240б, 20—22) и т. д.

[2] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте Из раскопок 1952. М., 1954, стр. 42.

[3] Там же, стр. 50.

То же наблюдается в житиях Константина и Мефодия. В житии Мефодия: житиѥ... меѳодиа[4]; ꙗко цр҃ь сѧ на нь гнѣваѥть, да аще и обраіѥть, нѣсть ѥмоу живота имѣти (стр. 76); тъı же съвъıше, ... станемъ съ тобою... вѣчьноую жизнь прикмлюще ѿ него (78). В житии Константина: Богъ... не хощеть бо съмръти грѣшникомъ, но покаанїа и животоу (стр. 1); ѡтрекса сего житїа, сѣдѣ на единомъ мѣстѣ безъ мльвъı (стр. 10); покои пріимъ, преставитсѧ на вѣчную жизнь (стр. 35); в ряде списков в последнем примере читается на вѣчное житиѥ или на вѣчнаа жилища. Последние варианты, надо полагать, внесены позже, так же как даю имъ животъ вѣчнъıи (стр. 1) вместо ожидаемого даю имъ жизнь вѣчную.

Как отметили, в тетрах отсутствует слово жизнь, которое последовательно заменено словом животъ. В них и слово житиѥ употреблено в значении 'средства жизни', как видели выше в цитате Мрк. XII, 44. Это место в апракосы не входило. Примечательно, что точно в такой же цитате Лук. XXI, 4, которая имеется и в апракосах, вместо житиѥ читается имѣниѥ, ср.: а сі (вдовица убогая. — *А. Л.*) вьсе имѣниѥ еже имѣаше въкрьже (Асс.). Лук. XVI, 11 читаем: аште оубо къ правьдьнѣмь житиі. не бисте вѣрьни. въ їистин'нѣмь къто вамъ вѣрж иметъ (Зогр.), так же в Сав., Арх., а в Мар. — жити; в Асс. и Остр. — мамонѣ. Здесь Сав. и Арх. согласованы с текстом тетра.

Едва ли может вызвать сомнение допущение, что в первоначальном переводе апракоса ἐν μαμωνᾶ было оставлено без перевода, потому что, как показывают даже жития Константина и Мефодия, в речи первых переводчиков житиѥ употреблялось совсем в ином значении 'период земной жизни'. По этой причине Лук. XVI, 11 они τὸν βίον перевели не житиѥ, а имѣниѥ, поскольку речь шла тут о средствах жизни, а не о периоде земного существования. Выходит, что в период составления евангелий-тетр те же первые переводчики, видимо, руководствуясь особенностями речи морован, слово житиѥ употребили в значении 'средства жизни', поэтому и ἐν μαμωνᾶ сочли нужным привести въ житиі.

В Син. пс. встречается только слово животъ, притом в значениях животъ, житиѥ и жизнь, ср. ѣко гнѣвъ въ ѣрости его: и животъ въ воли его (XXIX, 6). Так же в Погод., Болон., Соф. и Бух. Здесь животъ 'признак живого существа': ѣко оскодѣ болѣзнъıж животь моі:. и лѣта моѥ въздъıханьıи (XXX, 11). Так и в других списках. Тут следовало бы ожидать употребление слова житиѥ, поскольку речь идет об оскудении (убавлении) болезнями периода земного существования.

[4] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 67. В последующих цитатах ссылка на стр. этого издания в тексте.

Так же в житии Вячеслава: вьсѣ блага творяше, иже колижьдо можаше къ животѣ своемь[5], вместо къ житии своемь. В Син. пс.: гі отъ малъ от земьѧ:· раздѣлі ѧ въ животѣ іхъ (XVI, 14). Так же и в других списках. Здесь следовало бы ожидать употребление къ жизни.

Примечательно, в Сказании псалмомъ Афанасия архиепископа встречаются все три слова, ср.: обѣща бо жизнь (и) спѣние всѣмь боѧщимъ сѧ имени твоего (CXVIII, 42); врѣменное житие глѣтъ прркъ. имѣхъ бо издѣшавъ сѧ тѣщь бѣі (CXVIII, 83); истокъі животъ есть, тѣло и крьвъ хва, и сьде и къ бждщиимь вѣцѣ (CXXXII, 3).

Приведенные данные предоставляют право констатировать, что в период перевода апракоса переводчики пользовались тремя словами животъ, житие и жизнь, употребляя каждое из них в собственном значении. Об употреблении слова жизнь в апракосе показывают данные Сав., Асс. и Остр. Слово житие не вошло в тексты апракоса ввиду отсутствия надобности употреблять его.

Те же первые переводчики в период редакционного пересмотра псалтыри и составления евангелия-тетра не стали включать во вновь создаваемые памятники слово жизнь, а житие стали употреблять в другом значении 'средства жизни', 'жизненное довольство' (богатство). По этой причине все старые значения трех названных слов они стали обозначать одним словом животъ.

Утверждать, что в речи самих первых переводчиков произошел процесс естественного слияния значений трех указанных слов, невозможно. Дело в том, что жития Константина и Мефодия написаны, как полагают, кем-то из первых переводчиков. В этих произведениях употребляются и различаются в значениях все три слова: животъ, житие и жизнь. В связи с этим причину исключения из вновь созданных памятников слова жизнь и употребление житие в новом значении следует объяснять тем, что в речи мораван первого слова не было, а второе употреблялось не в том значении, в каком его знали первые переводчики.

Дошедшие до нас апракосы старших списков сохранили слово жизнь в виде реликта. Этот факт может свидетельствовать о том, что, должно быть, еще в Моравии после составления тетра тексты апракоса стали сближаться с текстами четвероевангелия.

Возможно, что четвероевангелие составлялось уже в последние годы жизни Мефодия. По всей видимости, в то же

[5] M. Weingart. Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského. Praha, 1949, стр. 194.

время, если не раньше, был заново отредактирован текст псалтыри. Это допущение вытекает из того, что такие памятники, как Син. трб. и Клоц. сб., по многим данным переведенные в Моравии, знают все три старых слова от корня жи-. Если бы в Моравии с самого начала исключили слова **жизнь** и **житие** в старых своих значениях, то последние не могли бы встретиться на страницах Син. трб. и Клоц. сб. Все это и склоняет к мысли, что тетр и псалтырь отредактированы уже после того, как были переведены и введены в обиход церковной службы требник и минея. В восточной Болгарии, по данным таких памятников, как Супр. рук. и Слова Григория Назианзина, не подвергали заменам упомянутые слова от корня жи-, хотя в эти памятники внесено много новых восточноболгарских слов вместо бытовавших в старых текстах. Ср. в Супр. рук.: **отъ съмрьти къ животъ** (470, 11—12); **отъмати живота** (70, 4—5); **житиѥ григора папы роумьскаго** (119, 15); **прѣзьримъ нънашьнѥѥ житьѥ** (488, 23—24); **да и мы полоучимъ вѣчьнъжѣ жизнь** (68, 16—17) и др. В этом памятнике есть случаи употребления **да приимемъ вѣчьнъıи животъ** (256, 1—2); **нынѣшьнıа' жизнь** (127, 29—30) вм. **житие** и т. п., указывающие на путаницу в употреблении этих слов. В Словах Григория Назианзина: **ова кръмашуи. ова же въздоухание дажѣь животъмь въсѣмъ и симь животъ съдрьжащѥ** (245а, 18—21); **бъıвшѥѥ семоу испрьва... житию** (23а, 1—5); **дакть истоучьникъ водъı текжщıа къ жизнь вѣчьнъжѣ** (124б, 12—14) и др.

Таким образом, остается одно допущение, что в период составления тетра в Моравии старые значения трех слов от корня жи- стали обозначать одним словом **животъ**, отражая местное словоупотребление. Что в Моравии и Паннонии бытовало только одно слово životъ вместо трех от корня *ži-*, достаточно убедительно свидетельствуют Киев. лл. и Фрейзинг. отр., как памятники бесспорно переведенные в Моравии и Паннонии. В них, кроме слова **животъ**, другие именные образования от этого корня не встречаются.

Заклеѭти, заклепати заключити — заткорити

Лук. III, 20 в Зогр. изложено так: **і заключи іоана вь тъмьници**, в Мар. на месте первого слова: **заклепе**. В апракосы не входило это место. В греческом приведенным славянским терминам соответствует κατακλείω 'запирать', 'замыкать'.

Лук. IV, 25 в Асс. читается: **егда заключи сѧ нб҃о. три лѣта и шесть мц҃ь. ѣко бъıи гладъ велеи по въсеи земли**. В Сав. и Остр. так же **заключи сѧ**, но без слова **велеи**; в Арх. **заткори сѧ**, в остальном так же, как в Сав. и Остр.; в Мар. — **заклепе**

сѧ, так же без слова келеи. В Зогр. нет этого места ввиду утери листа. В греч. 'εκλείσθη 'закрыться', 'замкнуться'.

В других местах последнее греч. слово во всех списках передается глаголом затворити, ср.: затворенꙑ бѣшѧ двьри (Мф. XXV, 10); двьри затворенꙑ сѫтъ (Лук. XI, 7); і двьремъ затвореномъ... приде (Ио. XX, 19); последнего нет в Сав.

Отметим, что слово заклеѭти встречается один раз в Киев. лл.: тъ бо нъи самъ отъ тьмьнъихъ отъведе: і очисти і заклепе. і достоино избави (Vб, 10—14).

Это слово особенно часто встречается в Беседах на евангелие папы Григория римского. Приведем несколько примеров. Иже западении заклепаѥтсѧ (9б, 12); иде ли собою. самъ на заклепꙑ адовꙑ (32в, 1—2); кгда же ѿ сего разоума заклепаемъсѧ и ѡстанимъ. къ дроугомоу призꙑваѥмъ сѧ (48в, 14—18); въ адовꙑ заклепꙑ (50б, 16—17); двьри.. закленоутъ сѧ (52г, 2—4); раю заклепꙑ чл҃комъ ѿвьрзе (91г, 16—17); двьри бѣша заклепенꙑ (164б, 18—19). Даже: заклепенама ѡꙑима. къ. огнь. гр҃дѣть (304а, 5—7) и т. д. Это слово находится в Фрейзингенских отрывках, ср.: U timnizah i u zelezneh vvofich uklepenich, т. е. въ тьмьницахъ и въ желѣзнѣхъ жжихъ въклепенꙑ(хъ) (II, 52—54).

В Никодим. ев. встречается заклепъ 'ключ'[1].

Слово заключити встречается 8 раз в Супр. рук., в которой ни одного раза не употреблено слово заклеѭти. Приведем несколько примеров: побѣдѫ сътвори .. и толико имъ одолѣ. ѥкоже не тъчьѭ заключити имъ (персам. — *А. Л.*) вьсь въходъ въ гръчьскѫ земьѭ (566, 23—26); повели да и братъ заключитъ (309, 21), в греч. ἀποκλείειν 'запирать'; затворивъ заключи двьри (515, 14); въ заключенꙑѩ двьри бѣгѣзъш8 къ оуче(ни)комъ своимъ (498, 25—26), ср. цитату из Ио. XX, 19, приведенную выше: і двьремъ заторенномъ.. приде (Мар.).

В Син. пс. и трб., а также в Клоц. сб. слова заклеѭти и заключити не встречаются.

Относительно последних слов Ягич пишет: «Рядом с обыкновенным затворити попадается еще заклепе сѧ ('εκλείσθη) Лук. IV, 25, намек на это слово остался и в Ник. в виде заклопи се, ср. еще Лук. III, 20 заклепе: Ник. заклопи, словенцы до сих пор говорят zaklenoti (zaklenuti) — zaklepati в значении claudare»[2]. Приведенная цитата дает основание предполагать, что заклеѭти могло заменить обычное и первичное затворити. Однако Ягич думает иначе: «заклеѭти (κατακλείω): Лук. III, 21 заклепе в Мар., а в Зогр. уже звучит заключи, так же в Трнов.; в Деян. XXVI, 10 затворити. Ср. Фрейзинг. 18. Также 'εκλείσθη

[1] См.: А. Соболевский. Словарный материал двух памятников чешского происхождения. «Сб. ОРЯС», т. 88, № 3. СПб., 1910, стр. 84.
[2] И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие, стр. 468.

звучит Лук. IV, 25 **заклепе сѧ** в Мар., напротив, в Остр., Асс., Сав., Трнв. **заключи сѧ**» (Entst. 346).

Таким образом, по Ягичу, **заклеѭти** заменено другим словом **заключити**. К. Горалек также убежден, что чтение Лук. IV, 25 **заключи сѧ нбо** является вторичным[3].

В приведенных примерах отсутствует разница в значениях слов **заключити** и **заклеѭти**, оба они обозначают, что предмет наглухо закрыт. Что же касается слова **затворити**, то оно большей частью употребляется в значении 'закрыть', 'замкнуть', но не наглухо, ср.: **ты же егда молиши сѧ вьниди въ клѣть твою и затвори двьри** (Мф. VI, 6, Мар.); **горе вамъ кънижьникомъ и фарисѣи. лицемѣри. ѣко затварѣете цр҃ствие нб҃ское прѣдъ чл҃вкы. вы бо не въходи(ди)те. ни въходѧштиихъ оставлѣете кънити** (Мф. XXIII, 14, Мар.).

Однако фраза: **заключи (заклепе) ... въ тьмьници** в других местах читается иначе: **ирод҃ъ бо емъ иоанна съвѧза и і въсади и въ темьницѫ** (Мф. XIV, 3, Мар.), так же в Зогр., в апракосы не вошло это место. **Не оу бѣ въсажденъ въ темьницѫ иоанъ** (Ио. III, 24, Мар.), в Зогр. и Сав. нет этого места, в Асс. и Остр. так же как в Мар. **слоугы тѧ въсадитъ въ тьмьницѫ** (Лук. XII, 58, Зогр.), в Мар. так же, в апракосы не вошло это место.

Итак, в значении 'посадить', 'заключить' в темницу употреблены три слова: **въсадити, заключити** и **заклеѭти-заклепати**.

Въсадити, надо полагать, в сочетании **въ тьмьницѫ** — официальный термин, обозначающий вид наказания. **Заключити (заклеѭти) въ тьмьницѫ** (Лук. III, 20) применен для того, чтобы подчеркнуть жестокость Ирода по отношению к Иоанну, который не был виновен. Вполне вероятно употребление Лук. IV, 25 **заключити сѧ (заклеѭти сѧ)** по отношению к небу, которое наглухо закрылось на три года шесть месяцев, тем и принесло народу огромные бедствия.

Рассмотрим каждое слово отдельно.

Въсадити, восходящий к *vъn-sad-i-ti*, имеет такие соответствия в живых славянских языках: русск. *всадить*: *Его всадили* (посадили, засадили) *в тюрьму* (Даль, I, 641); укр. *В темницю всадите* (Гринч. IV, 354); белр. *Цемницю усадзиць* (пасадзиць); также в древнерусском языке: *Дружину его* (Святослава Ростиславича. — *А. Л.*) *въ погрѣбъ въсажаша* (Новг. I лет. 1160 г.); *Всѣволода ... въсадиша въ епископль дворъ съ женою и съ дѣтьми и съ тьщею ... и стражье стрежаху день и нощь съ оружьемъ* (Там же, 1136 г.); польск. wsadzić 'вложить', 'надать', wsadzać

[3] K. Horálek, Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 106

'всаживать', 'вкладывать', 'всовывать', 'надевать'; чеш. vsaditi, vsadĕti 'всадить', 'посадить' (печь, темницу и т. д.); словн. vsaditi 'вставлять', 'вправлять', 'сажать' (растения); серб. *усадити* 'насадить' (черенок), 'посадить' (растение); болг. *всадя*, *всаждам* 'всадить', 'всаживать', ныне обычно: *садя в*.

По этим данным необычным является выражение **късадити къ тѣмьницѫ** для современных словн., хорв. и серб. языков.

Заключити восходит к и.-е. **klēu-* или **klĕu-* — по-видимому, первоначально 'крюк', 'кривой сук'. На славянской почве этот корень расширился суффиксальным *к*, ср. *ключь*, а также русск. *клюка*. **Заключити** — глагол с приставкой *за-*, известен в значении распространения действия на определенные пределы. Это слово имеет ныне такие соответствия: русск. *заключить*, *заключать*. *Подсудимые заключены в тюрьму* (Даль. I, 1464). «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова приводит слово *заключать*, *заключить* с пометою «книжн.». Украинский и белорусский словари не фиксируют этого слова. В «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского очень мало примеров на данное слово и притом все они из церковных книг. Областные словари не фиксируют слов *заключить*, *заключать*. Все это является достаточно убедительным основанием для приведенной пометы словаря под ред. Д. Н. Ушакова.

Словари западнославянских языков не фиксируют слова klučiti (kličiti) с приставкой *za-*.

Словн. zaključiti 'сгибать пальцы'. Надо полагать, что приставка *za-* в приведенном словенском слове с другим значением в сравнении с тем, о котором сказано выше. Серб. *закључати* 'запирать на замок', иначе еще — *заклопити*; болг. *заключавам* 'запирать на замок'.

На основании данных можно считать, что **заключити** является характерным для южнославянских языков, распространенным в пределах языков болг. и серб.-хорв.

Заклеѭти-заклепати, русск. *заклепать* 'соединить клепкой', *отклепать* 'отбить', 'ударять', у Даля: *сидеть под заклепами* (в тюрьме I, 1462), последняя фраза, по всей вероятности, какой-то жаргонизм. Кроме того, *заклепать* 'заковать' (в кандалы), 'забить затравку' (в пушку) (Даль, там же). В последних значениях *заклепать* — производственный термин, употребляющийся как общественно-политический только метафорически. Укр. *заклепати* 'закрыть' (Гринч. II, 49); белр. — в словаре Носовича слово *заклепаць* не зафиксировано; польск. klepać 'стучать', 'ударять', zaklepać 'заклепать', 'соединить клепкой'; чеш. zaklop 'покрышка', klenouti, klepati 'стучать', klopiti 'опрокидывать', 'опускать'. Приведенное выше zaklop свидетельствует о том, что в чеш. в прошлом бытовало слово zaklenuti, zakle-

pati в значении 'покрыть', 'закрыть'; словн. zakleniti, zaklepati 'закрыть', запереть'; серб. *заклопити* 'прикрыть', 'запереть'; болг. *заклопявам* 'закрыть крышкой'.

Этимология разбираемого слова **заклѣнѫти** не совсем ясна. Э. Бернекер считает его по происхождению звукоподражательным, корнем которого должно быть *klep-/klop-*. Попытки отнести его к числу заимствованных слов из германских языков оказались несостоятельными[4]. А. Вальде попытался было сблизить его с общеиндоевропейским корнем **klep-* в значениях 'скрывать', 'воровать', но тут же оговорился, что отношение к указанному корню ст.-сл. **заклѣнѫти** весьма отдаленное и скорее всего последнее относится к звукоподражательному[5].

Значение 'закрыть', 'запирать' в слове **заклѣнѫти-заклепати**, при более чем вероятном звукоподражательном происхождении этого слова, вполне объяснимо. Развитие значения от 'стучать' и 'закрыть' возможно через 'опрокидывать' (последнее сначала в смысле 'с шумом', 'с грохотом', а затем — 'закрыть опрокидыванием', еще позже просто 'закрыть'). Последнее значение 'закрыть', 'запереть', по существующим данным, не было общеславянским. Оно характерно для части западных и южнославянских языков: чеш., словн., серб. и хорв.

Таким образом, данные современных языков показывают, что западнославянские языки вероятнее всего не знали слова zaklučiti в значении 'запереть', 'наглухо заделать', также словн. язык не дает убедительных данных, которые позволяли бы судить о том, что в нем употреблялся zaklučiti в значении 'запереть', 'наглухо заделать'.

Такие апракосы, как Асс., Сав., Остр., Врач., не употребляют слова **заклѣнѫти**, они знают **заключити**. Такие тетры, как Мар., Срец., Карп., употребляют **заклѣнѫти**. В Арх., Галиц. и Добрейш. вместо **заклѣнѫти** и **заключити** читается **затворити**.

Эти данные, пожалуй, являются достаточными для утверждения, что Лук. III, 20 изначала бытовало слово **заключити**, которое позже было заменено на местное моравское слово **заклѣнѫти**. Это допущение, кроме данных современных западнославянских и словенского языков, подкрепляется тем, что Киев. лл., Фрейзин. отр., а также другие памятники, которые признаются переведенными на территории Моравии, знают и часто употребляют **заклѣнѫти**. При этом, как отметили выше, **заключити** (в апракосах), **заклѣнѫти**, употребленное вместо первого в тетрах, применялось только для обозначения понятия 'наглухо заделать' или 'запереть', в остальных случаях упо-

[4] См.: E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1908—1913, стр. 512 и след.

[5] См.: A. Walde, J. Pokorny. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Bd. II. Berlin—Leipzig, 1927, стр. 497.

треблялось слово затворити, например, по отношению к дверям. Самое широкое употребление заклеѭти, например в Беседах на евангелие папы Григория римского по отношению и к дверям и даже к глазам (примеры см. выше), пожалуй, не оставляет сомнения в том, что именно в Моравии ввиду отсутствия в речи местных жителей слова заключити могли заменить в тетрах на заклеѭти.

Однако необходимо обратить внимание на то, что противоположное понятие к заключити сѧ (заклепе сѧ) небо обозначается словом отвръзати, ср.: отвръзе сѧ небо (Лук. III, 21) в Зогр. и Мар., в апракосах нет этого места; отвръзѫ оуста (Мф. XIII, 35), гроби отвръсѧ сѧ (Мф. XXVII, 52); отвръзе двьри (Син. трб. 70а, 17), отвръсѧ сѧ двьри (Там же, 38а, 5); не отъвръзахъ оустъ (Там же, 76б, 10).

По обычному способу обозначения понятий, выраженных сочетаниями слов: заткарѣате цр҃стиѥ нб҃ское прѣдъ члвкъ (Мф. XXIII, 14); заткори двьри (Мф. VI, 6); заткори ѥи ... пѫти (Син. трб. 45а, 8); течениѥ кръви ... заткорьшиимь (Там же, 53б, 1); заткоришѧ оуста (Син. пс. XVI, 10) и т. п. — естественно ожидать: заткори сѧ небо. Действительно, как видели выше, в Арх. Лук. IV, 25 читается заткори сѧ нб҃о. То же самое в указанном месте находим в Галиц. и Добрейш. Можно сослаться еще на слова Григория Назианзина, где написано: и видит растѫпаѭшта сѧ небеса: ѩже адамъ заткори (14в, 7—10).

Как объяснить все это? Заклеѭти, как отмечалось выше, могло войти в памятники старославянской письменности только в Моравии. Глагол заключити весьма характерен для памятников восточноболгарской редакции. Вероятнее всего в основном он включен в памятники там. Однако, если исходить из данного Лук. III, 20 Зогр., не исключено, что слово заключити могло быть употреблено при составлении тетра взамен не совсем точно передающего в данном месте, а также Лук. IV, 25 греч. κατακλείω и ἐκλείσθη. В этом случае чтение в Лук. IV, 25 в ряде апракосов заткори сѧ нб҃о следует признать принадлежностью первичного перевода. Высказанное положение подкрепляется другими данными текста Лук. IV, 24—30 Арх. Там стих 24 начинается так: рєѵє гь҃. амнъ амнъ глю вамъ, то же в Сав. рече гь҃ ами глѩ вамъ. Правда, тут слово аминь не повторяется. Тем не менее повторение этого слова в Арх. нельзя считать случайным, потому что то же находим в Врач. право право глѧ вамъ. В Асс., Остр. и Мар. иное чтение: рече же амінь глѩ вамъ. Такое чтение повторяется во всех других поздних текстах вплоть до канонизированных.

Все это является основанием для признания, что приведенный текст Арх. не обновленный, а самый древний. В Асс. и

Остр. здесь несомненно исправлено по принятому для тетра тексту.

Далее в Арх. читаем: **ꙗко никꙑи же пр҃рькъ приѧтьнъ кстьвъ отьчьствии своемь**, в Сав. ... **никꙑ же пр҃рькъ приѧтъ естъ**..., в Врач. **никꙑи же ... прижтень**...; в Мар. **никоторꙑ же ... приѧтенъ естъ**..., в Асс. так же, но уже читается **не приѧтьнъ**..., в Остр. **никоторꙑи же ... приѧтъ кстьи**....

Несомненно, что чтение **никꙑи же** характерно для апракосов, в Асс. и Остр. исправлено согласно тетру на **никоторꙑи**. Кроме того, в Асс. читается более позднее **не приѧтьнъ**, в Остр. и Сав. **приѧтьнъ** исправлено на **приѧтъ**.

Таким образом, и здесь более архаическое чтение осталось в Арх.

Стих 28 в Арх. изложен так: **испълниша сѧ вси ꙗрости. на сънѣмищихъ слꙋшащие и. и въставъше изгънаша из града**... В Сав. нет этого места. В Асс. текст такой же, за исключением чтения: **слꙋишащие сии. и... изгънаша и из града**; в Остр.: **наплънишѧ же сѧ** вм. **испълниша сѧ**; **на съборищи** вм. **на сънѣмищихъ** (Асс.); **слꙋшащие си; изгънаша и вънь из града**; в Врач.: **и испльниша; на сънѣмищи; слꙋшащие си; изгнашѫ и вьнь**; в Мар. **і испълниша сѧ; на сънѣмишти; слꙋшаште; изгънаша и вонъ из града**; в Зогр. нет этого места.

Употребление **сънѣмиштихъ** в Асс. и Арх. не может быть чертой новой, так как во всех других и поздних текстах находим тут форму ед. числа. Таким образом, здесь Асс. и Арх. сохранили более древний перевод. Возможно, в Арх. чтение **слꙋшащие и** последнее **и**, вероятно, по описке вм. **си**, чтение же **изгнашѫ и вънъ** — характерно для тетра, откуда оно оказалось в Остр. и Врач. так же, как и употребление формы ед. ч. **сънѣмишти — съборищи**.

Итак, анализ текста Лук. IV, 24—30 Арх. сравнительно с другими списками евангелий убеждает, что в нем, Арх., сохранился в данном месте архаический текст. Все это дает право считать принадлежащим первичному переводу и чтение **затвори сѧ нб҃о**.

Восточноболгарские редакторы, по-видимому, плохо разбирались в тонкостях значений между **заключити, въсадити** и **затворити**. Этим можно объяснить такие предложения в Супр. рук.: **повелѣша ... затворити їхъ въ тьмници** (57, 21—23); **повелѣ вьса ... цр҃кви правовѣрънꙑихъ затворити. и не творити вь нихъ обꙑчьнꙑихъ слꙋжьбъ** (190, 23—27); **повели да и вратъ заключитъ** (309, 21—22) вместо ожидаемого **затворитъ** и др. Правда, если исходить из современного болг. *затвор* 'тюрьма', то можно отнести обычное в Супр. **затворити ихъ въ тьмници** к восточноболгаризмам.

Земьскъ, небесьскъ — земьнъ, небесьнъ

«Земьскъ, небесьскъ, — пишет Ягич, — очень рано заменяются через земьнъ, небесьнъ... Уже Мрк. IV, 13 в Мар. и Зогр. имеет форму земьнъ, но постоянно — небесьскъ. Кажется, что земьнъ или земльнъ лишь по образцу небесьскъ видоизменились в земьскъ (земльскъ). Форма земльнъ находится в Деян. IV, 26; XI, 6; к евр. XI, 38; в старых текстах Апокалипс. I, 5, 7. В псалтыри: II, 2; XLVII, 5 читаем в Син. земьнии, но в Болон., Погод., Соф., Бух. земьсции или земьстии, земльсции, однако XXI, 28 в Болон. и Погод. стоит земльнии, земьнии, так же XVII, 33[1] — земьнаа, земльнаа, по Соф. земльскаа. Все это, кажется, говорит за приоритет формы земьнъ, земльнъ» (Entst. 287—288).

К. Горалек считает, что форма земьскъ вытеснена в апракосах формой земьнъ, так же как и небесьскъ формой небесьнъ[2].

В приведенных суждениях отсутствуют убедительные данные, позволяющие признать слова с суффиксом -ьскъ первичными. Вопрос этот требует отдельного рассмотрения. Начнем со слова небесьскъ. Для наглядности представим употребление в памятниках форм небесьскъ и небесьнъ в виде таблицы:

Название памятника	Формы		Всего
	Небесьскъ	Небесьнъ	
Асс.	—	42	42
Сав.	31	6	37
Остр.	2	43	45
Арх.	14	19	33
Врач.	—	36	36
Мар.	49	—	49
Зогр.	46	—	46
Син. пс.	—	10	10
Син. трб.	4	37	41
Клоц. сб.	5	—	5
Супр. рук.	42	48	90
Киев. лл.	11	—	11
Итого.	204	241	445

[1] Тут ошибка: нужно LXXI, 16.

[2] См.: K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 42, 83, 90 и др.

Таблица показывает, что в апракосах, за исключением Сав., преобладает употребление формы **небесьнъ**. В целом, нет апракоса, в котором употреблялась бы только форма **небесьскъ**. Наоборот, тетры не знают формы **небесьнъ**.

В Остр. форма **небесьскъ** употреблена Мф. VIII, 20 и Мрк. IV, 32, последнее не входило в апракос. Таким образом, Остр. в апракосных чтениях знает форму **небесьнъıи**. Выходит, что из апракосов приведенного списка в трех имеется только форма **небесьнъıи**.

Если основываться на данных Врач., употребляющего только форму **небесьнъıи**, возможно допущение, что данная форма относится к особенностям восточноболгарской редакции. К этой группе памятников могло бы быть отнесено и Остр. Однако Асс. и в таком случае не может быть зачислено к данной группе памятников ввиду отсутствия в нем систематически проведенных черт восточноболгарской редакции. Арх. ев. на 1—76 лл., написанных первым писцом[3], содержит мало данных, чтобы утверждать, что оригинал, с которого списывал первый писец, в восточной Болгарии подвергался сознательной редакции. Правда, тут находим употребление **ближьнии** (Мф. V, 45; XIX, 16; XX, 35) вм. **искрьнии** (Лук. X, 27, 29, 36); **хоула** (Мф. XII, 31, здесь и в Асс. это же слово; Лук. V, 21) вм. **класвимиа** (Мф. IX, 3; Ио. X, 36). Но в этой части Арх. находим исключительное употребление слов: **ктеръ, съньмъ** и **съньмиште** (Ио. XII, 42; Мф. IV, 23 и др.); **клепла** (Ио. XII, 33; XXI, 19); **иноумдъ** (Лук. VIII, 42; IX, 38); **о шюю** (Мф. XXV, 33, 41); затем нередко употребление **вьсь миръ** (Ио. XVI, 22, 28), **жизнь вѣчьноую** (Мф. XXV, 46), **кошь** (Ио. VI, 13) вм. позднего **кошьница**; **жалъ** (Мф. VIII, 28) вм. позднего **гробиште**; **сопьць** (Мф. IX, 23); **кринъ селънъıи** (Мф. VI, 32) и др., наряду с ними находим тут же **непризнь** вм. **лжкавъıи**; **животъ вѣуьнъıи** (Ио. VIII, 12; XVII, 2 и др.), **единиже**, τινες (Ио. VII, 44), **древле** (Лук. IX, 52) вм. **прѣжде** и некоторые другие, свидетельствующие о том, что памятник редактировался в Моравии.

Словом, в части, писанной первым писцом, Арх. сходен с Асс. Здесь почти исключительно встречаются формы простого аориста **идѫ** (из **идж**; см. Мф. VIII, 1; XX, 9); **придоѫ** (из **придж**; Ио. IV, 26, 40; VII, 45; Мф. XIV, 34); **изидоѫ** (Ио. IV, 30); **отидоѫ** (Мф. XII, 5); **обидоѫ** (Ио. X, 24); **обрѣтоѫ** (Мф. XII, 72); встречается сигматический аорист с удлиненным коренным гласным, например: **рѣхъ** (Ио. XV, 4); **рѣша** (Ио. VIII, 52, Лук. XVIII, 26, Мф. XVII, 25) и др. Употребляется действит. причастие прош. вр. с суф. **-ъш** от основ на *-i*, **троужь сѧ**

[3] См.: М. А. Соколова. К истории русского языка в XI в. «Изв. по русскому языку и словесности АН СССР», 1930, т. III, кн. 1, стр. 78.

(Ио. IV, 6); прѣломль (Мф. XIV, 19); възвращьше сѧ (Мф. VII, 6); заблоужьшааго (Мф. XVIII, 11); ѿпоущь (Мф. XIV, 19).

Часть же, переписанная вторым писцом, имеет бесспорные следы восточноболгарской редакции, о чем свидетельствует употребление слов багрѧница, багрѧна вм. прѣпрѫдь, прѣпрѫднъ; хоуѕла вм. власѳимиѭ; о лѣвоую вм. о шюю (хотя последнее встречается и здесь нередко); знамена вм. клепла, съборъ вм. съньмъ (последнее и здесь чаще) и т. п.[4]

М. А. Соколова, детально исследовав памятник, пришла к выводу, что оба писца писали в одно время, пользуясь различными оригиналами[5]. Как видно, часть, написанная первым писцом, списана с оригинала, не имеющего систематически проведенных следов восточноболгарской редакции, но обладающей некоторыми западнославянскими чертами в лексике. Вторая же часть памятника, написанная вторым писцом, имеет следы восточноболгарской редакции, но и в этой части наряду со спорадически замененными словами во многих местах сохранилась архаическая лексика.

Между тем этот памятник и в части, написанной первым писцом, употребляет форму прилагательного небесьнъıи 9 раз наряду с небесьскъıи, употребленным тут 14 раз. Невозможно установить разницу в значениях между небесьнъ и небесьскъ, потому что в этом памятнике встречается, например, црⷭтво или црⷭтвиѥ то нбⷭноѥ (Мф. III, 2; XIX, 2; XX, 1 и др.), то нбⷭькоѥ (Мф. VIII, 11; XVIII, 1, 3, 4; XIX, 23 и др.); ѻць ваш то нбⷭнъıи (Мф. VI, 14), то небесьскъıи (Мф. VI, 26, 32 и др.); птица то нбⷭньнъıѧ (Лук. XI, 58), то нбⷭьскъıѧ (Лук. VIII, 5), и т. д. Все это может свидетельствовать о том, что здесь выступают разнодиалектные слова.

Если обратиться к тетрам, знающим только форму небесьскъ, вполне возможно допущение, что в них употреблена форма, известная исстари и поныне на территории бывшей Моравии, ср. словц. и чеш. nebeský. Киев. лл. и Клоц. сб., знающие только форму небесьскъ, вместе с данными Мар. и Зогр. подтверждают, что в Моравии знали только эту форму.

Исследование К. Горалека показывает, что Сав. гораздо ближе к текстам тетра в сравнении с Асс. и Остр.[6] Этот факт можно понимать только так, что Сав. редактировалась еще в Моравии по тетрам, и в ней в процессе редактирования форма небесьнъ большей частью заменена формой небесьскъ. Так же следует объяснять наличие обеих форм — небесьскъ и небесьнъ в Арх.

[4] См.: М. А. Соколова. Указ. соч., стр. 130 и след.
[5] См.: Там же, стр. 96 и след.
[6] См.: K. Horálek. Význam Savviny knigy pro rekonstrukci stsl. překladu evangelia. Praha, 1948.

Этот факт дает основание для допущения, что в первоначальном переводе апракоса была употреблена одна форма — **нєбєсьнъ**. Свидетельством, подтверждающим этот вывод, являются и данные псалтыри, в которой не только в Син., но и в Погод., Болон., Соф. и Бух. встречается исключительно эта форма.

Если употребление Мар., Зогр., Клоц. сб. и Киев. лл. только формы **нєбєсьскъ** согласуется с данными словацкого и чешского языков, то исключительное или вообще употребление формы **нєбєсьнъ** апракосами и псалтырью согласуется с данными болгарского языка, который знает только эту форму.

Словенский и сербо-хорватский языки знают обычно форму nebesni, однако фиксируемые Юранчичем: nebeški cvijet, nebeški cvet, nebesko carstvo, nebeško carstvo, по-видимому, искусственны[7].

Восточнославянские языки изредка фиксируют обе формы, ср. белр. *небеский* (Нос. 327), *небясны*[8]; укр. *небеснии* и *небеський* (Гринч. II, 536). Однако в западнославянских и болгарских языках эта разница в употреблении прилагательных на *-ьскъ* и *-снъ* очень рано стерлась, поэтому в первых утвердилась форма nebeský а во втором — *небесен*.

Эти данные еще более укрепляют в мнении, что **нєбєсьскъ** введено в памятники старославянской письменности в Моравии, а в первичном переводе апракоса, а также псалтыри фигурировала только **нєбєсьнъ**.

Обычно такие памятники, как Син. трб. и Супр. рук., употребляют без различия, так сказать, первичные, а также вторичные слова, введенные в тексты церковных книг в Моравии. Это же наблюдаем в них и в данном случае.

Обращает на себя внимание еще такой факт, как употребление интересующих прилагательных в сочетании со словами **цр҃ство, цр҃ствиє**. В Асс. 18 раз употреблено **цр҃ство нб҃сноє** и 4 раза **цр҃ствиє нб҃сноє**. Последнее только в формах косвенных падежей, ср.: **въ цр҃ствіи нб҃сьнѣмъ** (Мф. VIII, 11, 4), **цр҃ствиѣ нб҃сьнаго** (Мф. XVI, 9; XIX, 12). В тетрах же только **цр҃ствиє нб҃скоє**. В Мар., например, всего 2 раза встречается написание **къ цр҃ствіи нб҃сцѣемъ** (см. Мф. XI, 11; XVIII, 1). По всей видимости, здесь вместо **въ цр҃ствіи**, так как в местн. и форма **цр҃ство** имело бы на конце **-ѣ**, ср. в Асс. **въ цр҃ствѣ нб҃снѣмъ** (Мф. XI, 11). В Арх. в сочетании с **нєбєсьскъ** или **нєбєсьнъ** употреблено 7 раз **цр҃ство** и 10 раз **цр҃ствиє**; в Сав. 11 раз — **цр҃ствиє** и 6 раз **цр҃ство**; в Остр., как и в тетрах, встречается

[7] См.: J. Jurančič. Srbohorvatsko-slovenski slovar. Ljubjana, 1950, стр. 441.

[8] См.: «Русско-белорусский словарь». М., 1953, стр. 297.

только форма цр҃ствиѥ; в Врач. цр҃ьство — 11 раз, цр҃тие — 8 раз.

Приведенные данные наводят на мысль, что в первичном переводе апракоса была употреблена только форма цѣсарьство, которая при составлении тетра в Моравии заменена на более отвлеченную по значению цѣсарьствие. К. Горалек, присоединяясь к мнению Б. Арнима, считает, что в апракосах употребление формы на -ьство непервично и что в них с самого начала была известна только форма на -ьствие, в свете приведенных данных все это едва ли соответствует действительности[9]. Заслуживает внимания замечание М. Вейнгарта, что в памятниках старославянской письменности чешско-словацкого типа среди существительных основ на *-o*, *-jo* «особенно бросается в глаза большое количество абстрактных (имен) ср. рода на *-ьje*»[10].

Однако вопрос этот является до сих пор спорным. Так, А. Вайян[11], Л. Мошиньский[12] признают форму цѣсарьствие моравизмом, К. Горалек[13], И. Курц[14] и др. считают его первичным, а форму этого слова на -ьство — вторичной. Данные склоняют к мысли, что правы А. Вайян и Л. Мошиньский, так как апракосы и псалтырь предпочитают форму на -ьство, а -ьствие преобладает в тетрах, что понятно, если иметь в виду, что четвероевангелие составлено в Моравии.

На основании данных Асс. и Остр. допустимо, что в первичном переводе апракоса была употреблена только форма земьнъ. Однако, по данным тетра, возможны и другие предположения. Дело в том, что форма земьнъ в них употреблена в значении отношения к земле, ср. а дроугое паде на каменѣлѣ. ідеже не имѣ землѧ мъногъі. і абье прозѧбе зане не имѣаше глъбинъі земънъіѩ (Мрк. IV, 5, Мар., в Зогр. нет этого места); ѣко гороушнѣ зрънѣ. еже егда късѣно бждетъ къ земліѫ. мьне всѣхъ естъ сѣменъ. земънъіхъ (Мрк. IV, 31, Зогр., в Мар. так же); аште земьна рѣхъ вамъ. и не вѣроуоуте · како аште рекѫ вамъ нб҃ска вѣроуоуте (Ио. III, 12, Мар., в Зогр. нет этого места). Ср. также в Син. пс.: потрѣбишѧ сѧ въ ѩньдорѣ. бъішіѧ ѣко гноі земьноі (LXXXII, 11), в Погод. и Болон. так же, в Соф. и Бух. — землънымь; і процвѣтетъ отъ града ѣко трѣва земьнаѣ (LXXI, 16), в Погод. и Болон. так же, в Бух. земльнаа, в Соф. земьскаа.

---

[9] См.: K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 82.

[10] M. Weingart. Československý typ cirkevnej slovančiny. Bratislava, 1949, стр. 110.

[11] См.: А. Вайян. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 231.

[12] L. Moszyn'ski. Указ. соч., стр. 26 и след.

[13] K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 82.

[14] J. Kurz. Palaeoslovenica. «Slavia», 1961, roč. XXX, seš. 1, стр. 71.

В следующих примерах употребляется форма с суф. -ьскъ: і тогда въсплачѫтъ сѧ вьси колѣна земьскаа (Мф. XXIV, 30, Остр., так же в Сав.; земльскаа в Мар., в Зогр. нет этого места); і възблагословѧтъ сѧ о немь вьсѣ колѣна земьскаѣ (Син. пс. LXXI, 17), в Соф. так же, но в Погод., Болон. земъная, в Бух. земльная; цр҃и земьсции отъ къıхъ приемлѫтъ дани. ли кинсь (Мф. XVII, 25, Мар., в Зогр. земьстии по сп. XII в.). В Син. пс.: іспов҃ѣдѧтъ сѧ тебѣ г҃ю вьси цр҃і земьстіи (CXXXVII, 4), в Болон. так же, в Погод. зематии, в Бух. земльсции, в Соф. землъныи, см. еще LXXI, 11.

В этих примерах прилагательное обозначает не отношение к земле как к материалу, а отношение к местоположению[15], иначе: прилагательное употреблено здесь в пространственном значении, причем с оттенком социальности.

Приведенные данные позволяют констатировать, что между прилагательными земьнъ и земьскъ имелась разница в значениях. Эта семантическая разница, несомненно, была понятна, так сказать, для тонкого слуха и восприятия. Вероятно, этим следует объяснять, что в Син. пс. II, 2; LXXXVIII, 28; CI, 16 читается: цр҃і земьніі, в первом случае в Погод., Болон., Бух. земльстии, в Соф. — землъсции; во втором — во всех, как в Син.; в третьем: в Погод. и Бух. земльстии, в Болон. и Соф. земъстии.

Таким образом, поздние редакторы, не воспринимая в должной степени разницы в значениях между формами земьнъ и земьскъ, нередко заменяли одну форму другой или одну из них, как ненужный дублет, вытесняли из употребления.

Данные Киев. лл. свидетельствуют о том, что в Моравии была употребительна преимущественно форма с суф. -ьскъ. Это допущение подкрепляется и данными Никодим. ев., в котором также употребляется только форма земьскъ наряду с земьство[16]. В Беседах папы Григория на евангелие чаще встречается земьскъ сравнительно с земьнъ[17]. Современные словацкий и чешский языки знают обе формы, правда, последняя употребляется в них реже первой.

Итак, по имеющимся данным можно констатировать:

1. Формы земьнъ и земьскъ в первоначальном переводе апракоса и псалтыри, а также в тетрах различались по значению. Таким образом, по отношению к этим формам не возникает проблемы первичности или вторичности. Однако впоследствии редакторы одну из этих форм вытеснили другой, как

[15] См.: А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II. М., Учпедгиз, 1952, стр. 78—79.
[16] См.: А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 84.
[17] Там же, стр. 62.

в апракосах, или употребляли обе формы, путая их значения, как в псалтыри.

Такой памятник, как Супр. рук., почти полностью вытеснил форму с суф. -ьскъ, которая встречается там всего 2 раза, а форма же земьнъ 19 раз.

2. На основании имеющихся данных невозможно установить разницы в значениях между формами небесьнъ и небесьскъ. Данные приводят к мысли, что в апракосах первоначально употреблялась только первая форма, а в тетрах — вторая. В связи с этим имеются основания утверждать, что форма небесьскъ введена в памятники в Моравии, а в первичном переводе апракоса и псалтыри употреблялась только форма небесьнъ.

Высказанное мнение подкрепляется еще тем, что памятники чешско-словацкого типа преимущественно или исключительно употребляют форму на -ьскъ [18].

•

Искони испрьва

Приведем сначала результаты наблюдений Ягича над употреблением этих слов в памятниках. «**Искони** (ἀπ' ἀρχῆς, ἐν ἀρχῇ), по преданию (имеется в виду житие Константина. — *А. Л.*), было первым словом, записанным в переводе евангелия для славян. В старших текстах это слово осталось неизменным. Ио. I, 1—2 'εν ἀβχῇ передано словом **искони** в Зогр., Асс., Остр. и других; лишь позднее оно заменено на **въ начало**, см. Амф., Словарь; Деян. XI, 15 в дополнительном переводе в Христ. оно звучит как **въ начетцѣ**, к Филаф. IV, 15 **въ начало** в Христ. Также ἀπ' ἀρχῆς передается словом **искони** Мф. XIX, 4, 8 в Зогр., Мар., Гал., но уже в Асс., Остр., Сав. здесь — **испрьва**, так же Лук., I, 2 в Зогр., Мар., Остр., Трнов. **искони**, в Асс. **испрьва**. Ио. VIII, 44 в Мар., Зогр., Асс. **искони**, а в Остр. **испрьва**. Ио. XV, 27 в Мар., Зогр., Асс., Остр. **искони**. Если к 'απ' ἀρχῆς следует какое-то греч. дополнение, то ἀρχή переводится самостоятельно словом **начало** (Мф. XXIV, 21; Мрк. X, 6; XIII, 19). Наконец, также ἐξ ἀρχῆς передано словом **искони** Ио. VI, 64 в Мар., Зогр., Асс., Гал., но в Остр. **испрьва**, а Ио. XVI, 4 уже в Мар., Зогр. Асс., Остр. **испрьва**. В Шиш. апост. господствует **испрьва**, однако в 1 посл. Ио. III, 8 в Шиш. стоит **искони**, а в Христ. **испрьва**. Память об **искони** сохраняется также в переводе ὁ ἀπ' ἀρχῆς словом **исконьнъ**, так в 1 посл. Ио. II, 13, 14 в Шиш. и Христ... Из приведенных данных очевидно, что к позднейшим исправлениям относятся **изъ начала**, **въ началѣ**. Напротив, ближайшим изменением текста было **испрьва**,

---

[18] См.: M Weingart. Československý typ cirkovnej slovančiny стр. 111.

так читается также в псалтыри LXXIII, 2, LXXVII, 2, CXVIII, 152, где старое слово **искони** не встречается» (Entst. 350—351).

К. Горалек ничего нового в этот вопрос не вносит, кроме допущения, что Ио. XVI, 4 с самого начала могло быть **испрѣва**[1]. Добавим, что ἀρχη в Син. пс. один раз передано словом **поконь**: **поконь прѣмѫдрости страχъ гнѣ** (CX, 10).

Ио. XVI, 4 во всех старших списках евангелий употреблено **испрѣва**, ср.: **да егда придетъ година. поминаате си. ѣко азъ рѣχъ вамъ. сиχъ же вамъ испрѣва не рѣχъ. ѣко съ вами бѣχъ**. В греч. εξ ἀρχῆς 'сначала', 'в начале'. В Клоц. сб. греч. ἐκ προοιμίων 'начало' дважды передано словом **испрѣва** (I, 18, 633): **іспрѣва глѣтъ противленье ваше.** (II, 18); **іспрѣва крестъ осѫжденъімъ начатъ свободѫ даѣти** (I, 633—634).

В Син. трб. не встречаются ни **искони**, ни **испрѣва**, то же в Киев. лл.

Супр. рук. трижды употребила **искони** и 15 раз — **испрѣва**. Кроме того, в этом памятнике дважды находим прилагательное **исконьнъіи** (538, 19; 554, 20) и один раз: **ипрѣваго чловѣкоу҃бииіца дїавола** (402, 2—3). Последняя фраза передает ту же мысль, что: **онъ (дїаволъ. — *А. Л.*) чко҃оу҃бииіцъ бѣ искони** (Ио. VIII, 44).

Итак, Мар. и Зогр. лишь по одному разу употребили **испрѣва**, в остальных семи случаях в этих памятниках — **искони**. В Асс. 4 раза употреблено **искони** и столько же — **испрѣва**; в Сав. один раз **искони** и 3 раза — **испрѣва**; в Остр. 2 раза — **искони** и 6 раз — **испрѣва**.

Из приведенных данных видно, что в одних памятниках преимущественно употребляется первое слово, а в других — второе, в третьих, как Асс., они встречаются, так сказать, на равных правах. Эти данные сами по себе не могут явиться фактом, свидетельствующим о первичности или вторичности того или иного слова. Несмотря на это, в научной литературе прочно утвердилось мнение, высказанное Ягичем, что **искони** является первичным, а **испрѣва** — вторичным словом. А. В. Михайлов пытается обосновать это мнение: «Это (т. е. то, что **искони** — первичное слово. — *А. Л.*) подтверждается прежде всего согласным употреблением всех паримейников и глаголического текста книги бытия, а кроме того — свидетельством древнеслав. перевода евангелия»[2]. Непоследовательность и колебания в замене **искони** словом **испрѣва** в Асс. и Остр. ев. Михайлов объясняет тем, что этим памятникам, правда, стоящим во главе евангельских текстов, все же была свойственна замена одного слова другим.

[1] K. Horálek Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 91.

[2] А. В. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, ч. I. Варшава, 1912, стр. 2.

Обратимся к примерам. Как отметили выше, Ио. XVI, 3—5 во всех привлеченных к анализу списках евангелий, читается: **и сі сътворѧт вамъ. ѣко не познаша ни оц҃а ні мене. нъ сі гл҃ахъ вамъ. да егда прідетъ година. помінаите сіи. ѣко азъ рѣхъ вамъ. сіхъ же азъ не рѣхъ вамъ испрѣва. ѣко съ вамі бѣхъ. нынѣ же идж къ посълавшоумоу. мѧ. и никтоже отъ васъ не въпрашаетъ мене. камо идеши** (Асс.). В данном примере словом **испрѣва** передано греч. ἐξ ἀρχῆς 'сначала'.

Почти рядом с процитированным местом Ио. XV, 26—27 читаем: **егда же придетъ параклитъ. его же азъ посълиж вамъ... тъ съвѣдѣльствоуоутъ о мьнѣ. і въі же съвѣдѣтельствоуоуте ѣко искони съ мъноіж есте** (Мар., в других так же).

Мф. XIX, 4 в Асс. читаем: **ѣко сътвореи испрѣва міжескъ полъ и женескъ. сътворилъ ѣ ест;** в Остр.: **ако сътвори испрѣва міжьскъ полъ и женьскъ сътворілъ ѥ ѥсть;** в Сав.: **ако сгкори испрѣва міжа и женж. створилъ ѥ естъ;** в Мар.: **ѣко сътвори и іскони міжескъ полъ и женескъ сътворилъ естъ.** В Зогр. так же, но здесь текст списка XII в. Данный пример показателен в том отношении, что только Асс. ев. сохранило это место без порчи, точно передавая греч. ὁ ποιήσας словом **сътвореи** (**е** = деназализировавшееся **ѧ**). Весь смысл приведенного текста свидетельствует о том, что в нем уместно слово **испрѣва**, потому что так переведено и в канонизированном тексте: «сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их».

Таким образом, слово **искони**, как передающее понятие 'издавна', в приведенном примере неуместно, потому что здесь подчеркивается момент начала действия, которое впоследствии в процессе развития прерывается.

Мф. XIX, 8 в Асс. читаем: **мосіи по жестосрѣдію вашемоу повелѣ вамъ поустіті женъі ваша: испрѣва же не бъі тако.** Так же в Сав. и Остр. В Мар. вместо **испрѣва** читается **искони**. В Зогр. здесь текст XII в. И в данном случае употребление **испрѣва** оправданно, так как период до Моисея возможно понимать как 'начало', 'сначала', которое впоследствии прервалось. Иначе здесь неуместно **искони**, передающее понятие 'издавна'.

Ио. VIII, 44 в Асс. читается: **въі о҃ оц҃а дїѣвола ... онъ чл҃кооубица бѣ искони.** То же слово **искони** находим в Мар., Зогр., в Сав. нет этого места, в Остр. — **испрѣва**. Как будто бы здесь должно быть именно **искони**, так как речь идет не о начале, а о весьма продолжительном времени: «Он человекоубийца с незапамятных времен».

Анализ евангельского текста свидетельствует о наличии разницы в семантике **искони** и **испрѣва**. Первым характеризуется издавна совершающееся явление без перерыва, а вторым — начало явления, которое позже видоизменяется. Вполне понятным

поэтому является употребление слова **испрѣва** в Клоц. сб. для передачи греч. ἐκ προοιμίων 'начало'.

В Син. пс. трижды встречается **испрѣва**, из них дважды бесспорно со значением 'начало', 'сначала', ср.: **провѣштаѭ гаданіѣ испрѣва** (LXXVII, 2); **испрѣва познахъ ото съвѣденеі твоіхъ**: **ѣко вь вѣкъ основалъ ѣ еси** (CXVIII, 152). Лишь в одном примере: **помѣні сънемъ твоі іже сътѫжа іспрѣва** (LXIII, 2) интересующее слово может быть истолковано в значении 'издавна'.

Указанное семантическое различие между **искони** и **испрѣва** находит место и в Супр. рук.; ср. примеры: **вѣаше же χрамъ коумирскъіи искони** (17, 7—8), здесь бесспорно выражено понятие 'издавна'; **на родъ чловѣчьскъіи искони вожьди дїаволъ и наипаче на робъі с'паса нашего χ̃са** (514, 18—20); **вьлѣзъ бо въ ѥдного отъ самаранъ искони и въинѫ истинъі отъвращга ѭштиихъ са** (514, 23—25); **испрѣва съі и до коньца прѣбъівам** (263, 1) и **вьсе испрѣва дожи и до коньца** (271, 25).

Однако в Супр. рук. имеются примеры, в которых **испрѣва** употребляется вместо ожидаемого **искони**, например: **сабинъ ли ѥстъ иже крьстиѭномъ застѫп'никъ. испрѣва иштемъіи отъ вашем власти** (146, 22—24); **никтоже отъ кнадзъ вашихъ не иматъ оувѣдѣти въівъшааго. понеже испрѣва дроугъ бѣ мѫжъ сиухъ съконьчавъшиихъ са** (271, 1—4). В этих примерах подчеркивается продолжительность действия. Слово **испрѣва**, обозначающее 'начало', 'сначала', для этого не подходило.

На основании приведенных данных следует считать ошибочным установившееся мнение, что в первичных текстах было только **искони**, а **испрѣва** вошло в текст памятников старославянской письменности при поздних сверках перевода с греческими текстами или же было введено поздними писцами. Вероятно другое мнение: оба слова были уже в самых первых текстах и притом каждое из них употреблялось со своим значением. Лишь в поздних рукописях встречаются случаи, когда одно слово употребляется вместо другого, при этом предпочтение отдается то одному, то другому слову. В частности, в текстах восточноболгарской редакции явно отдается предпочтение слову **испрѣва**, как свидетельствует об этом Сав., Остр., Супр. рук. В текстах так называемой македонской редакции, как, например, Асс., наблюдается еще правильное употребление обоих слов.

Искони — наречие, представляющее застывшую форму существительного с основой на *-i* в род. п. ед. ч. с предлогом **из**. Корень слова **кон** — общеславянский, встречающийся в словах **коньць**, **начати** и т. п.

По имеющимся в нашем распоряжении данным затруднительно решить, было ли зафиксированное в памятниках старославянской письменности **искони** общеславянским наречием. Но

с уверенностью можно констатировать, что оно бытовало в южнославянских языках. Об этом свидетельствует такой факт, как преимущественное употребление этого наречия в Зогр., дошедший список которого выполнен где-то в Болгарии. Кроме того, памятники серб.-хорв. списка или происхождения также предпочитают это наречие. Миклошич в Lexicon'е приводит пример: коня того князя (из «Monumenta serbica»); поставьи кожу коня главѣ (XVIII в.); от кони (из Жития Симеона, написанного Саввой). Ср. также совр. серб.-хорв. iskon 'начало'.

В восточной Болгарии, видимо, уже в X—XI вв. слово **искони** не было общераспространенным, если Сав. и Остр. заменяли его на **испръва**. Да и Супр. рук. в ряде случаев вместо ожидаемого **искони** употребляет **испръва**. Современные словари болгарского языка Герова, Панчева, Дювернуа и другие не фиксируют слова *искони*, лишь С. Младенов приводит *искони*, *исконен* с пометой «стар.» — «ст.-блг.» (БТР).

В русском языке наречие *искони* признается книжным словом. Действительно, древние оригинальные памятники его не употребляют. Например, в Новгородской I лет. по Синодальному списку не встречается **искони**, в то время как в книжных оборотах речи там употреблено **испръва**. В Повести временных лет по Лавр. сп. всего 2 раза зафиксировано первое слово в цитатах из церковных книг: *Искони бо створи богъ небо, также землю* (988 г.). *Искони бо бѣс жену прелсти* (1071 г.). Правда, позже, начиная с XV в., в памятниках древнерусской письменности наречие *искони* встречается нередко. Ср., например: *Замыслы архиепископъ Макареи мельницу поставити, гдѣ искони не бывало, на славной рѣцѣ на Волховѣ пониже мосту* (Пск. I лет., 1524 г.). С точки зрения норм ст.-сл. языка тут было бы уместнее *испьрва*. *И нынѣча деи тѣ ихъ крестьянские деревни, в которых они жили, пустѣютъ, а тѣ деи крестьян ихъ никольские вотчины искони вѣчные* (1592 г.)[3]. *А въ прежнихъ, государи, годѣхъ искони въ томъ мѣстѣ кабаковъ не бывало, да и быть для монастырской близости непристойно* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии, 1689 г.)[4].

Таким образом, книжное *искони*, начиная с XV в., стало общераспространенным словом. Оно проникло даже в говоры, правда, изменив свою форму, ср.: *До того дошло, матушка ты моя, что на три квашонки привелось занеть муки-то. Исконьвек этого у нас не бувало*[5]. *Исконно* 'издревле', 'исстари'. *Искон-*

[3] «Памятники истории крестьян XIV—XIX вв.». М., 1910, стр. 39.

[4] «Русская историческая библиотека», т. 12, СПб., 1890, стр. 974.

[5] «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. IX. СПб., стр. 230.

век, *исконь-веку*[6]. *Исконьвеку* 'исстари'[7]. *Исконь по веку отцы жили исправно*[8].

По типу слов *изводь* 'разлив воды', *издхаль*' падаль', 'дохлятина', *ископ*, *испив* и т. д. книжное *искони* в говорах стало звучать как *исконь*, *искон*. *Исконно* представляет образование по типу: *исправно*, *важно*, *рано*, *каменно* и т. п. Характерно, что в говорах известны еще формы: *исконибе*, *исконибевеку*, *сконибевеку*, явно указывающие на книжный источник этих слов[9].

Словари украинского языка не фиксируют слов *искони*, *исконь*, в белорусском у Носовича приведено только *скони* (стр. 584).

Итак, достоверным является то, что слово *искони* бытовало в южнославянских языках.

К слову **испрьва** ныне подбираются такие соответствия: русск. *сперва: Сперва не прытко, а там тише. Сперва подумай — потом говори*[10]; укр. *сперва*, *сперву* 'сначала' (Гринч. IV, 174); белр. *сперва*, *сперви* 'прежде', 'вперед' (Нос. 603); польск. najpierw; чеш. sprv (из izprv), najprv; словн. sprva; серб. *испрва*, *испрвице*; болг. *изпърво*, *изпървом*, *изпървен*.

Русские, украинские, белорусские и словенские слова являются наречиями, образовавшимися из формы родительного падежа с предлогом *с*. В частности, русск. *сперва* того же типа образование, что *сначала*, *снова*, *спереди*, *сзади* и т. п. Чеш. sprv (izprv) такого же типа, что русск. *изводь*, *ископ* и т. п.

Таким образом, соответствие по значению и по форме ст.-сл. **испръва** находит в болг., серб. и хорв. языках. Надо думать, что южнославянские *испрва*, *изпърво* не новообразования, а непрерывно существуют с древних времен. Лишь болг. *изпърво* изменило конечный звук после падения склонения. Иначе говоря, имеются основания считать, что ст.-сл. **испрьва** также южнославянское слово, что и **искони**.

Нельзя пройти мимо такого факта, что передача греч. ἀρχή рядом слов: **искони**, **испрьва**, **поконь**, **нαѵ҃ало**, **нαѵ҃атъкъ**, **заѵ҃ало**, **древле**. Остановимся на тех из перечисленных слов, о которых не было еще речи.

Поконь встречается единственный раз в Син. пс. в предложении: **поконь прѣмѫдрости страχъ гнѣ** (СХ, 10). Миклошич и

[6] П. Дилакторский. Словарь областного вологодского наречия (рукопись). Хранится в Ин-те русск. яз. АН СССР.

[7] М. Романов. Словарь своеобразных слов в народном говоре Усьянской-Дмитровской вол., Северо-Двинской губ. (рукопись). Хранится в Ин-те русского яз. АН СССР.

[8] П. Певин. Словарик Заонежья. Петрозаводск. 1896, стр. 12.

[9] См.: В. И. Чернышев, Дополнения и сведения о говоре г. Мещовска, СПб., 1900, стр. 28.

[10] П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок. СПб., 1899, стр. 141—195.

Срезневский приводят это слово из поздних списков памятников, но уже в форме **поконъ**. К разбираемому слову подбираются такие соответствия из живых славянских языков: русск. *спокон* 'испокон', 'искони', 'спокон-веку'[11], *испокон* (ряз.) 'издавна'[12], *испоконь века* (олнц.) 'с давних времен'[13] и т. п.; укр. *спокон-віку* 'искони' (Гринч. IV, 183); белр. *спакон-веку* (Нос. 606), *пакон* 'конец' (Нос. 458); польск. pokon 'конец'; чеш. pokon 'конец', словн. pokon 'наконец', серб. *покон* 'наконец', болг. *напокон*, *напкун* 'потом', 'после', 'наконец'.

Таким образом, хотя слово pokon и является общеславянским, но ни в одном из перечисленных славянских языков ныне не употребляется в значении 'сначала'. Здесь законно допущение, что pokon со временем под влиянием слова *коньць* изменило свое значение.

Начало является отглагольным существительным, образовавшимся присоединением суффикса -ло в основе инфинитива: **нач-ло** или к основе настоящего времени: **начьн-ло**, в том и другом случае результат получается один: **начало**; такого рода образования известны еще, ср.: **дѣло**, **весло** и т. п.

Начало встречается во всех памятниках, привлеченных к анализу, за исключением Киев. лл. Приведем несколько примеров: **отъ начала въсего мира** (Мф. XXIV, 21, 8; Мрк. X, 6; XII, 19, во всех списках), но в евангелии от Иоанна только **начатъкъ**, ср.: **сътвори начатокъ знамениемъ** (Ио. II, 11); **глаахѫ же емоу тъı къто еси і рече имъ ис начатъкъ** (Ио. VIII, 25), так во всех списках. В Син. пс. 2 раза употреблено **начало** и 3 раза **начатъкъ**, например: **начьло веселиѣ** (CXXXVI, 6); **начало словесъ** (CXVIII, 160); **отъ начатъка нбсі** (XVIII, 7); **начатокъ... троудa** (LXXII, 7). В Син. трб. разбираемые слова встречаются только в следующем тексте: **не имѣıа ни отъкждоу же начатка. нъ самъ съı начало всемоу. имѣıа в себѣ слово събезначално** (67а, 5—8). В Супр. рук. 10 раз употреблено **начало** и 15 раз — **начатъкъ**, например: **отъ начала миоу** (123, 19), **начало благъııалıъ** (445, 15), но **начатъкъ мжкамъ** (75, 2) и т. п.

Начатъкъ, так же как **добъıтъкъ**, **избъıтъкъ**, **съкитъкъ** и т. п., образовано от страдательного причастия прошедшего времени. Оно отличается от **начало** тем, что первое обозначает 'начало чего-то конкретного', ср.: **начатокъ знамениемъ**; **начатокъ троудa**; **начатъкъ мжкамъ**. **начало** же, в отличие от **начатъкъ**, обозначает 'начало возникновения чего-либо вообще', ср.: **начало мира**, **начало словесъ**, **начало веселиѣ** и т. п.

[11] В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. СПб., 1900, стр. 153.
[12] Архив Географического об-ва СССР, разряд XXIII, № 4.
[13] Там же, разряд. XXV, № 30.

Эти факты дают право на заключение, что оба разбираемых слова могли быть в текстах первичного перевода.

Характерно, что прилагательные встречаются только от **начало**. Ср.: **събезначално** (Син. трб. 67а, 8), **началниче** (Там же, 51б, 25), приведенная звательная форма от **началникъ**, последнее образовано от прилагательного **началнъ**; **начално** (Супр. рук. 277, 7), **началнѣѣмь** (Там же 171, 23).

В современных славянских языках имеются такие соответствия к разбираемым словам: русск. *начало*, это слово встречается в русском языке с древних пор, и оно употребительно в прямом и переносном значениях: ср.: *хорошее начало*; *лиха беда начало*; *где хвост начало, там голова мочало* (Даль, II, 1287). *Не своя воля, начало есть* (= власть); *У нее муж под началом* (олнц. Оп. 125), отсюда: *началовать* 'быть старшим, начальником' (твер., псков. Доп., 138) и т. п. Известно разбираемое слово в форме муж. р., ср.: *начал*: *положить начал* 'прочитать молитву' (нижгр. Оп. 125); *начал* 'завет', 'обещание' (псков., твер., Доп., 138) и т. п.; укр. *початок* (Гринч. III, 39); белр. *начаток* (Нос. 489); польск. początek, naczątek; чеш. počátek, в Словаре Юнгманна зафиксировано и načelo; словн. načatek, načelo (последнее Плетершник приводит с пометой («из рус. яз.»); серб. *почетак*; болг. *начатък*, *початък*, *почело*, *начало* (последнее, по мнению С. Младенова; «из рус. яз.»)[14].

Как уже упоминалось, в Клоц. сб. не встречается слова **начало**, в остальных употребляются как **начало**, так и **начатъкъ**, причем последнее начинает явно преобладать в таких памятниках, как Син. пс. и Супр. рук.

Зачало, так же как и **начало**, — отглагольное существительное, образованное от глагола **зачати**. В евангельских текстах **зачало** встретилось один раз: **зачало еванѣлиѣ** (Мрк. I, 1, это место отсутствует только в Сав.).

В Син. пс. рассматриваемое слово находим в предложении: **помѣнѫ отъ зачѧла чюдеса твоѣ** (LXXVI, 12). В других памятниках старшего списка приведенное существительное не встречается, но во всех анализируемых памятниках употребляется глагол **зачати**, а в Супр. рук. один раз существительное **зачатик**: **шестыи мѣсаць зачатию іѡановоу** (245, 15).

Существительное **зачало** употреблено в значении 'начало', 'зарождение', в том же значении оно функционирует в русской поговорке: *Зачало дороже денег*[15]. Ср.: **зачатъ елисаветь жена его** (Лук. 1, 24, Мар.); **се бо къ безаконены зачѧтъ есмъ і къ грѣсѣхъ роді мѧ маті моѣ** (Син. пс. L, 7); **отъ праведънѣіхъ дѣаніи заѵінаемъ блаженое житье** (Клоц. сб. I, 64).

---

[14] См.: С. Младенов. Етимологически и правописен речник българския книжовен език. София, 1941, стр. 344.

[15] См.: Н. Дилакторский. Указ. соч., л. 162.

Существительное **зачѧло** имеет такие соответствия в современных славянских языках: русск. *зачало* (см. выше), *зачаток*; укр. *зачало*, *зачаток* (Гринч. I, 115); белр. *зачаток*; польск. zaczątek; чеш. začátek; словн. začatek; серб. *зачетак*; болг. *зачатък*, *зачало* (последнее в БТР с пометой «книжн.»).

Можно констатировать, что **начѧло** и **зачѧло** ныне находят себе идентичные соответствия только в восточнославянских языках. Однако едва ли может быть сомнение в том, что в прошлом **начѧло** и **зачѧло** были общеславянскими словами, но и в южных и западных славянских языках они вышли из употребления, передав свои семантические функции словам načętъkъ, začętъkъ. Наоборот, в восточнославянских языках nacętъkъ вышло из употребления, передав свои семантические функции словам načęlo, začęlo.

Словом, тонкие семантические различия, выражаемые в прошлом двумя словами načęlo и načętъkъ, позже стали передаваться одним из них. В связи с этим другое, как ненужный дублет, перестало употребляться.

Наконец, о слове **древле**, которым передается греч. πρῶτον. Ср.: **рече къ дроугоумоу. ходи въ слѣдъ мене. онъ же рече ги. покели ми. древле шьдъше погрети оц҃а моего** (Лук. IX, 59), так в Зогр., Мар. и Остр., но в Асс. и Сав. вместо **древле** стоит **прѣжде**.

Мф. XI, 21 и Лук. X, 13 словом **древле** переводится греч. παλαι: **древле оубо въ врѣтищи и попелѣ покаали сѧ бж** (Мар. и Зогр.), в апракосах нет этого места. Лук. IX, 59 в Асс. и Сав. **прѣжде**, в Мар., Зогр. и Остр **древле**. Кстати, в Асс. нет ни одного случая употребления слова **древле**; в нем греч. πάλαι последовательно переведено только словом **прѣжде**. В Клоц. сб. словом **древле** передано ἄνωθεν (см. II, 105, I, 592). В Син. пс. разбираемое слово встречается один раз в таком предложении: **і отъ бездьнъ земли древле възведе мѧ** (LXX, 20), ср. там же: **і отъ бездєнъ землѧ пакъі възведе мѧ** (LXX, 21). По-видимому, в первом примере переводчик πάλιν ошибочно прочитал как πάλαι. В Чудов. пс. и в первом и во втором примерах **пакъі**. В Син. трб. **древле** также встречается всего один раз в тексте: **нъ ѣко же древье избави данила из оустъ львовъ. избави мѧ отъ сѣти ловѧщихъ мѣ** (85а, 13—16). Вондрак, кажется, прав, усматривая в написании **древье** опущение эпентетического *л*, случай не единичный для этого памятника[16]. Таково же правописание разбираемого слова в Супр. рук., ср.: **наоученїѧ ѩко же древье мѡусии изъ єгупта людемь ... градъіи ...** (320, 12—13).

[16] См.: W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik, Berlin, 1912, стр. 329. В приведенном примере обращает на себя внимание и характерное для зап.-слав. языков **мѣ** вместо ожидаемого **мѣнѣ**.

Лишь один раз из шести встречается в этом памятнике написание **древле**: **исакъ. сѣказанъıи древле отъ авраама** (460, 23).

В приведенных примерах словом **древле** передается понятие, выражаемое ныне словами 'некогда', 'раньше', 'прежде'. В последних значениях оно, как видели, в апракосах передавалось еще словом **прѣжде**. Тут вполне возможно допущение, что **древле** могло быть впервые введено в памятники ст.-сл. письменности при составлении театра из речи мораван. В чеш. dříve в значении 'прежде', 'раньше' весьма употребительно до сих пор, в словц. driev 'прежде' ныне признается устаревшим словом.

Греч. ἀρχαῖος передается словами **древьнии** или **древльнии**. Мар. знает только первую форму, а Зогр. и ту и другую; в апракосы не входят те части, в которых встречаются упомянутые слова.

В Зогр.: **слъıшасте ѣко речено бъıстъ древьниимъ** (Мф. V, 21), в Мар. нет этого места. Мф. V. 27, 33 повторяется приведенное предложение, причем в Зогр. и Мар. **древьнимъ**. В Зогр.: **пророкъ етеръ. древльниихъ въскресе** (Лук. IX, 8, 19) в Мар. **древьниихъ**. Син. трб. 7 раз употреблено **древльнии** и ни разу **древьнии**. В Син. пс., Клоц. сб., Супр. рук., встречается только последняя форма.

Форма **древльнии** представляет собой прилагательное, образованное от наречия **древле**, которое является по своему происхождению также прилагательным, но сравнительной степени. Форма **древьнии**, по-видимому, старше формы **древльнии**, так как представляет образование прилагательного от существительного drěvъ (последнее не встречается в памятниках письменности), если только не является образованием от drěvi (так, например, в современном словенском, а в чеш. dříve, но dřevní). Словом, этот вопрос остается невыясненным и этимология drěvъ не ясна.

Все изложенное позволяет сделать такие выводы:

1. Существующее мнение, что слово **искони** первичное, а **испрьва** — вторичное, внесенное при последующих переписках первичных текстов, — не подкрепляется фактами. Наблюдения показывают, что эти слова имели различия в семантике: первое обозначало 'издавна', 'исстари', а второе — 'сначала'. **Испрьва** при этом употреблялось для обозначения какого-либо раннего явления, которое, прерываясь, заменялось позже другим.

Указанные семантические различия между **искони** и **испрьва** могли быть только древними, поэтому оба слова могли входить в текст первых переводов. Правильное различие в значениях между словами **искони** и **испрьва** отражено в Асс. В других памятниках остались только следы такого семантического различения **искони** от **испрьва**. Редакторы и переписчики дошедших до нас списков Зогр. и Мар. в основном исключили из употребления второе слово: В Остр. ев., Сав. кн., Син. пс., наоборот, устранено первое слово.

2. Первые переводчики также отличали **начало** от **начатъкъ**. Первое из них обозначало 'возникновение чего-то', а второе — 'начало (зарождение) чего-то конкретного' (что должно иметь дальнейшее развитие); см. приведенные выше примеры.

Первые переводчики, передавая греч. ἀπ' ἀρχῆς или ἐξ ἀρχῆς то словом **искони**, то словом **испрьва** — или ἀρχη то словом **начало**, то — **начатъкъ**, понимали нередко, что одно и то же греческое слово в том языке, на который переводились церковные книги, следует передавать двумя словами. Редакторы и переписчики X—XI вв. в таких тонкостях языка, очевидно, уже не разбирались.

3. Тонкость языкового чутья первых переводчиков сказывается еще в том, что они ощущали разницу между **начало** и **зачало**, последним, как видели, обозначалось преимущественно 'зачатие живого существа во чреве' или 'зарождение какого-либо нового явления'.

4. Возможно допущение, что **древле** вошло в памятники ст.-сл. письменности из речи мораван при составлении тетра и перевода тех его частей, которых не было в апракосе.

Истина — рѣснота

Ягич пишет: «**Истина, истинънъ** (ἀληθεια, ἀληθής, ἀληθινός), как отмечалось выше, по всей вероятности, лишь позже, на Паннонской почве, заменены словами **рѣснота, рѣснотивьнъ**, точнее — не прямо заменено, так как о преобладании последних слов не может быть и речи, а рядом с **истина** здесь (в Паннонии. — *А. Л.*) включилось еще слово **рѣснота**. Памятник, где часто употребляется **рѣснота**, это — Синайская псалтырь. Единичные случаи употребления **рѣснота, рѣснотивыхъ** наблюдается в Толст. пс., см. в моем издании Погод. и Болон. пс., стр. 855... В евангельских текстах только в Карп. встречается **рѣснота**, Ио. XVI, 13 и **рѣснотивьнъ** Лук. XVI, 11; Ио. XV, 26. В Апостоле **рѣснота**, II посл. к коринф. XIII, 18, **на рѣснотоу, по рѣснотѣ** встречаются во всех списках, см. Воскрес. Апост., 79, вып. 3—5, стр. 152, Амф., Словарь. В глаголическом тексте апостола к римл. XII, 1 не месте λογικός вместо **словесьнъ** передано через **рѣснотивъ**: **рѣснотивое слоужениѥ** (в Мисс. Кук.)» (Entst. 352—353).

К сказанному следует добавить только, что **рѣснотивьнаѣ** встречается один раз в Киев. лл., ср.: **да еже милостивлѣ обѣщѣниѣ носимъ. рѣснотівьнаѣ издрѣшениѣ обьмемъ** (2а, 7—10).

Рѣснота и **рѣснотивьнъ** не встречается в Зогр., Мар., Асс., Остр., Сав., Клоц. сб., Син. трб., Супр. рук, которые греческие ἀλήθεια, ἀλήθης, ἀληθινός последовательно передают словами **истина, истинънъ**. В Син. пс. 20 раз употреблено **истина**, один раз исти-

нѣнъ и 32 раза рѣснота, один раз рѣснотивѣнъ. До XXX псалма встречается только истина, ср.: нѣстъ въ оустѣхъ ихъ истинѣі (V, 10); оумалишѧ сѧ истінѣі (XI, 2); глѧ истінѫ въ сръдьцѣ своемъ (XIV, 2); въі-истінѣ (XXV, 3). Далее начинает встречаться рѣснота, но рядом с ним употребляется и слово истина. Невозможно установить какую-либо семантическую разницу между словами истина и рѣснота, так как они встречаются в одних и тех же оборотах речи, ср.: истінѫ любітъ гѣ (LXXXIII, 12) и рѣснотѫ възлюбилъ есі (L, 8); і истина твоѣ до облакъ (XXXV, 6) и и д-о-блакъ рѣснота твоѣ (LVI, 11); възвѣстітъ истінѫ твоѭ (XXIX, 10) и възвѣштѫ рѣснотѫ твоѭ (LXXXVIII, 2) и т. п.

Эти данные наводят на мысль, что слова рѣснота и рѣснотивѣнъ вошли в текст при переписке взамен первичных истина, истинѣнъ. Ягич считает, что рѣснота, рѣснотивѣнъ вошли в тексты славянских церковных книг в Паннонии. Основания, которые послужили для такого заключения, не приведены. Здесь можно сослаться на то, что в словенском языке до сих пор употребительны: resnica 'истина', 'правда', resnota 'серьезность', resni 'серьезный', тогда как словари других славянских языков не фиксируют подобных слов в указанных значениях. Правда, в «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского находим рѣсьноватъіи, рѣсьнота, рѣсьнотивик, рѣсьнотивѣнъіи, рѣсьнъіи в значениях 'истина', 'истинный' и т. д., но они извлечены из церковных книг, и отсутствуют основания признавать их древнерусскими, восточнославянскими словами.

Словн. resni, resnota, resnica и т. п. признаются словами того же корня, что и литов. réiskiu, reiskti 'ясный', словн. из *raiskny [1].

Признание же, что слова рѣснота и рѣснотивѣнъ вошли в Син. пс. в Моравии или Паннонии, требует допущения, что этот памятник не только переписывался в этих краях, но подвергался редакционной сверке, так как мы не имеем права считать, что рѣснота и т. п. могли войти в текст церковных книг по произволу одного переписчика. Некоторые данные, частично приведенные выше, позволяют судить, что редакционная сверка псалтыри в Моравии действительно происходила. Остается непонятным, для чего следовало включать слово рѣснота рядом с истина для передачи одного и того греческого слова, если между разбираемыми словами отсутствует семантическая разница. В Син. пс., как отмечалось выше, до XXX псалма не встречается слово рѣснота. После XXX псалма лишь один раз в пс. XXXIII встречается истина, затем последнее слово встречается в пс. XXXV, 6 один раз, далее с CX, 7 и т. д. оно исчезает. В целом

[1] См.: R. r a u t m a n n. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Gottingen 1923, стр. 242.

после XXX псалма заметно идет на убыль употребление слова **истина** за счет увеличения употребления слова **рѣснота**.

Все это наводит на мысль, что в части текста Син. пс. после пс. XXX сознательно вытеснялось слово **истина** и последнее далее оставалось по недосмотру. Но в других списках пс., как в Болон., Пог., слово **рѣснота** отсутствует.

Рѣснъıи встречается в Малых пророках, переписанных Упырем Лихим. Этот факт, видимо, следует понимать в том смысле, что слово это внесено в текст Малых пророков первыми переводчиками, переводившими этот памятник в Моравии.

Все-таки остается неясной причина включения слова **рѣснота** в текст церковных книг. В Киев. лл. **истина** не встречается. В связи с этим на первый взгляд можно было бы допустить, что в отдельных говорах оно могло почти выйти из употребления. Однако и это предположение не соответствует действительности, потому что нет славянского языка, который не знал бы слова istina. По мнению Соболевского, Беседы на евангелие папы Григория римского переведены в том же переводческом кружке, где переводились и Киев. лл. В Беседах мы не находим слова **рѣснота**, но зато там обычно **истина**. Вот несколько примеров: **сѣ тои же истинѣ. съвѣствоующе** (11а, 6—8); **къ истиноу съказоуѥть сѧ** (102а, 9—10); **ни бъ бо. истиноу. безъ ближикъı. ни ближика. къ истиноу любить** (203б, 21—24). В Никол. ев., по данным словоуказателя А. И. Соболевского, также не встречается **рѣснота**, но здесь находим **истина, истиньнъıи. истиньно.**

В целом не вызывает сомнения тот факт, что слово **рѣснота** могло быть включено в Син. пс. в Моравии, так как это слово употребляется в ряде памятников только моравско-паннонского происхождения, как Киев. лл., в форме прилагательного **рѣснотіьнаѣ**; в житии Вячеслава в предложении **къ рѣснотѫ бо хрьстовѣ мѫцѣ и сватъıихъ мѫченикъ приложися мѫка кго**[2] и в ряде других памятников[3].

Кладязь — стоуденьць — ръвеникъ — истоуьникъ

Первое слово встречается в Зогр. и Син. трб. Приведем примеры. Лук. XIV, 5: **котораго васъ. осьлъ. ли волъ въ кладязь въпадетъ сѧ. і не абье ли істрѣгнете его въ дань сѫботънъı** (Зогр.), в Мар., Асс., Сав., Остр. и Арх. вместо **кладязь** находится **стоуденьць**; в греч. φρέαρ 'колодец'; Ио. IV, 11: **кладязь естъ глѫбокъ** (Ио. IV, 11. Зогр.), в остальных **стоуденьць**, в греч.

[2] M. Weingart. Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslavěnského. Praha, 1949, стр. 198.

[3] См.: M. Weingart. Československý typ cirkevnej slovančiny, стр. 52.

φρέαρ; Ио. IV, 6: бѣ же тоу кладязь ѥковль. ис̃ же троужь сѧ отъ пѫти. сѣдѣшѧе тако на кладязи (Зогр. и Арх.), в остальных стоуденьць, на стоуденьци, в греч. πηγή 'источник'. Переводчик едва ли мог употребить здесь источникъ, так как контекст требовал в славянском слова кладязь или стоуденьць.

Таким образом, в Зогр. ев. употребляется только кладязь, в Арх. и кладязь и стоуденьць, а в остальных списках евангелий только стоуденьць.

В Син. трб. один раз употреблено кладязь, а другой — стоуденьць: мо̂ на истрѣбление кладязю·/.и новоу источьникоу·/. (21а, 16—17); чи̂ на̂ wскверъньшимь сѧ стоуденьцемъ (20б, 4—5). По-видимому, стоуденьць здесь передает современное понятие 'колодец'.

Из приведенного названия молитвы об очищении кладезя неясно, что следует понимать под словом кладязю. Однако, если мы обратимся к тексту самой молитвы, пожалуй, не останется сомнения в том, что речь в ней может идти о роднике, ср.: і сътворь драгаго камене. кѫпѧщю водѫ. істоуньниѵе благодѣтьнꙑ. іже сампсоноу. і свѧщѫ (вм. ожидаемого свѧщенжѫ) истоуи (21б, 2—6). По этим данным Син. трб. различает кладязь 'родник', 'источник' от стоуденьць 'колодец' (см. ниже).

В Син. пс. φρέαρ один раз передано словом стоуденьць, а другой — ровьникъ, ср.: не дастъ въ вѣкъ мльвъі праведьникоу: тъі же... нізведеши ѭ въ стоуденецъ истълѣньѣ (LIV, 24); да не потопітъ мене боурѣ водьнѣ. ні пожъретъ мене глѫбина ні съведетъ о мьнѣ ровьникъ оустъ своіхъ (LXVIII, 16). При этом в Син. пс. πηγή последовательно передает словом источьникъ, вроде: жѫдаетъ еленъ на источъникъі водьнꙑѭ (XLI, 2); тъі растръже істочьникъі и потокъі (LXXIII, 15) и т. д. Так же в ев.: исѫкнѫ источьникъ кръве (Мрк. V, 29 во всех списках); источьникъ водъі (Ио. IV, 14, во всех, кроме Сав., в которой нет этого места).

В Клоц. сб. и Супр. рук. интересующие нас слова не встречаются.

В 1883 г. Ягич, разбирая словарный состав Мар. ев., констатировал: «Вместо сохранившегося в Зогр. кладязь (Лук. XIV, 5; Ио. IV, 6, 11, 12) в нашем памятнике постоянно стоуденецъ, так и в Остр., Асс., Ник.; впрочем, можно бы и наоборот утверждать, что в древнейшем переводе было стоуденьць, а на юге прибавлено кладязь, потому что слово кладязь в несколько измененной форме, как *кладенец-кладенац*, хорошо известно сербам и болгарам; не берусь пока решить»[1].

[1] И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие С примечаниями и приложениями. СПб., 1883, стр. 470.

Через 30 лет Ягич решил проблему в пользу старшинства стоуденьць, поэтому он писал: «Стоуденьць (φρέαρ) чередуется с кладязь, Лук. XIV, 5 в Мар., Асс., Добр. стоит стоудене̋цъ, в Зогр., Трнов. кладязь; Ио. IV, 11, 12 стоудене̋цъ в Мар., Трнов.; кладязь в Зогр. В передаче греч. πηγή также чередуются оба слова: Ио. IV, 6 стоудене̋цъ, на стоуденьци в Мар., Трнов.; кладязь, на кладязи в Зогр.; πηγη передается еще словом источьникъ Мрк. V, 29; Ио. IV, 14. Причем должно констатировать тонкую разницу в употреблении этих слов. В самом деле, чувствуется, что можно сказать только источьникъ кръве и источьникъ водъı, но нельзя — стоуденьць кръве или стоуденьць водъı, в то время как Ио. IV, 6, действительно, можно сказать стоуденьць, но можно также было бы сказать и источьникъ. Первое слово, по-видимому, более употребительно в западной, а второе — в восточной половине славянского языкового мира» (Entst. 397—398).

Положение, высказанное Ягичем, не аргументировано; в связи с этим вопрос о том, какое из разбираемых слов — кладязь или стоуденьць — является первичным или оба первичны, остается открытым.

Остановимся на каждом из них особо.

Кроме приведенных, слово кладязь встречается во многих церковнославянских памятниках русского списка, в частности в Новгородских минеях 1097 г., Святосл. изб. 1073 г., Син. патер. XI в., Юрьев. ев. 1119 г., библии и др.

Характерно, что прилагательные от кладязь фиксируются в формах кладязьнъ, кладяжьнъ.

В ряде памятников, как, напр., в Словах Григория Назианзина по списку XIV в., в библии сп. XIV в., Хрон. Георг. Амарт. и др., встречается форма кладенецъ (из кладеньць), но прилагательные от этого существительного не фиксируются[2].

В Син. патр. списка XI в. слово кладязь употреблено для передачи греч. λάκκος 'пруд', 'бассейн' (Срезн. Мат. I, 1212), в Беседах на евангелие папы Григория римского списка XIII в. разбираемым словом передается лат. cisterna 'водоем', 'резервуар'[3]. В Легенде о св. Вячеславе слово кладязь соответствует лат. fons 'родник', 'источник'[4]. В Типогр. ев. апракосе сп. XII в. Ио. IV, 14 слово кладязь стоит там, где в других списках находим истоуьникъ, ср.: кладязь водъı текоуща[5], ср. Асс. истоуьникъ водъи въслѣплѧжштꙗ...

---

[2] О различных формах и этимологии слова кладязь см.: А. С. Львов. К этимологии ст.-сл. слова кладязь (Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1956, вып. X, стр. 45 и след.).

[3] См.: А. Соболевский. Словарный материал двух памятников чешского происхождения. «Сб. ОРЯС», т. 88, № 3. СПб., 1910, стр. 65.

[4] Там же, стр. 97.

[5] См.: Амфилохий. Описание евангелия 1092 г. М., 1877, стр. 9.

Итак, в памятниках старославянской и церковнославянской письменности слово **кладязь** употребляется в значениях: 1) 'родник', 2) 'водоем', 'пруд', 3) 'колодец'.

В памятниках древнерусской письменности *колодязь* известно в таких значениях:

1. 'родник', 'источник'. *Ту же есть во олтари вода, и проведена по трубамъ исъ колодязей* (1200 г.)[6]; *а колодязи на бору* (XV в. Двинская грамота, № 98)[7]; *А от другой речки Берла ехати подле морских проливов, а в морских проливах воды соляныя, а пресных вод нет, надобно вожи, кто бы отискивал бы пресных вод колодезей*[8].

2. 'Ручей': *Пал в Донец колодезь Салтановский* (стр. 70); *Пала в Донец речка Старица, а в нее пал Доброй колодезь* (стр. 70); *А на усть реки Рылы пал в Семь колодезь Дубна, протоку 5 верст* (стр. 106).

3. 'Копаный источник': *А от тех морских проливов ехати к молочным Водам, а в Молочных Водах вода солоная же; а копаные колодези есть* (стр. 68).

Нет сомнения в том, что *копаный колодезь*, укрепленный от обвала срубом, и стал носить название *колодязь*, с XVI в. и *колодец* в современном значении. От *колодязь* 'ручей' произошло название населенного пункта в Полтавщине: *Колодязів*[9]. В грамоте 1610 г. упоминается сельцо *Колодези*[10]. В Ипатьевской летописи рассказывается (Батый) *приде к город(у) Колодяжьноу* (1240 г.).

Если обратиться к другим славянским языкам, то в них находим следующее: болг. *кладенец* 1) 'родник', 'ключ', 'источник', также 'горячий источник' (обл.), 2) 'насос', 'помпа', которым извлекается вода из земли (БТР), 3) 'колодец'. На территории Болгарии встречается значительное количество топонимических названий, которые связаны со словами *кладенец*, *кладенче*, например: *кладенец — ровна местност (ниви), в която има кладенец*, *Ристин кладенец*, *Ангелово кладенче*, *Русино кладенче*[11] и т. п. Серб. *кладенац* 'родник', 'ключ', хорв. kladenac 'колодец',

---

[6] «Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония арх. Новгородского в 1200 г.» — «Православный палестинский сборник», т. XVII, вып. 3. СПб., 1899, стр. 3.

[7] См.: А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., СПб., 1903, стр. 124.

[8] «Книга Большому Чертежу». М.—Л., 1950, стр. 68. Последующие цитаты из нее даются без ссылки, но с указанием в скобках страницы по этому изданию.

[9] См.: «Полтавско-Київский діалект — основа української национальної мови». Київ, 1954, стр. 149.

[10] См.: «Собрание государственных грамот и договоров», ч. II. М., 1813—1814, стр. 465.

[11] См.: Местните названия от Ломско от Ив. Дурадинов. София, 1952, стр. 86, 177 и след.

'родник'. «Rječnik hrvatskoga ili sprskoga jezyka», d. V приводит kladez с оговоркой: «в книге XIII в., написанной церковным языком» (стр. 25). Словн. kladenec 'колодец' (из сербо-хорв. яз.), kladez 'колодец' (церковнославянизм).

Западнославянские языки не знают слов kladez, kladenec в указанных значениях; при этом отсутствуют какие-либо следы, свидетельствующие о том, что в них употреблялись эти слова. Употребление кладязь в западнославянских переводах церковных книг едва ли можно принять за свидетельство, что западнославянские языки знали данное слово, потому что переводы сделаны на язык древних церковных книг.

Можно констатировать, что *koldędzь первоначально обозначало 'родник', 'ключ', 'источник'. Проток, образуемый родником, получил также название *колодязь*. Надо полагать, что значение 'водоем', 'пруд' развилось из обозначения запруженного ручья. Как видно из приведенного же материала, ключ открывался искусственно рытьем, и этот ключ носил название *копаный колодязь*, который впоследствии и получил название *колодязь* (яма, укрепленная срубом от обвала и служащая для добывания воды). Как было показано выше, в памятниках старославянской письменности кладязь употреблено для перевода греч. φρέαρ 'колодец'. Трудно сказать, что представлял собой этот «колодец», но в предложении: которааго васъ. осьлъ. ли волъ. въ кладязь къпадетъ са разбираемое слово скорее приближается к значению 'водоем'. В предложении: гла емоу жена. ги ни почръпальника имаши. і кладязь естъ глъбокъ отъкждоу оубо [имаши водж] (Ио. IV, 11, заключенные в скобки слова отсутствуют в Зогр.) слово кладязь могло бы иметь значение 'колодец', но, по всей видимости, кладязь отсутствовало здесь в первичном переводе. Вернее всего, значение 'колодец' в интересующем слове было относительно поздним. Например, в русском языке слово *колодязь* в значении 'колодец' стало употребляться не ранее XIV—XV в. Исключительное употребление Зогр. слова кладязь, а другими — стоуденьць не дает оснований признавать, что здесь отражено первичное употребление этих слов. Должно быть, будет вернее считать, что в дошедших до нас списках евангелий из двух слов редакторами было оставлено одно. Невозможно предположить, что, например, Мар. и Зогр. отражают разные переводы. Не располагаем и данными для суждения, что в апракосах могло быть только одно из интересующих слов, а при составлении тетра было включено другое. В последнем случае следовало бы ожидать какие-то иные показатели.

Словом, остается одно предположение: в первичном переводе апракоса, так же как и в Син. трб., было употреблено два слова в собственных значениях. В Арх. ев. Ио. IV, 6 на месте греч. πηγή дважды употреблено слово кладязь, ср.: бѣ же тоу кладязь

иаковль. ісъ... сѣдмаше на кладязи; там же 11 и 12 на месте греч. φρέαρ читаем стоуденьць. Также Лук. XIV, 4: которааго васъ осьлъ. ли волъ въ стоуденьць въпадеть. и не абие ли истьргнеть его въ днь соуботьныи. Надо полагать, что Арх. сохранило в указанных местах текст первичного перевода так же, как и Мф. VIII, 28 жрль на месте греч. μνημείων.

В поздних редакторских исправлениях в одних списках оставили везде кладязь, как в Зогр., Трнов., а в других — стоуденьць.

Слово стоуденьць находим в Мар., Асс., Сав., Остр., Син. пс. и Син. трб., в последнем, как видели, зафиксировано и кладязь. Таким образом, стоуденьць не встречается только в Зогр.

Приведем примеры: ты же бже низъведеши ѭ въ стоуденьць истълѣньѣ (Син. пс. LIV, 24), в греч. φρέαρ. Здесь разбираемое слово употреблено в значении какой-то глубины. чи на ѡскрънѣшиимь сѧ стоуденьцемь. подобаетъ излиѣти из него. к вѣдеръ водъı. і потомь въжегъ б свѣщи. кадитъ окръсть. і твори иерѣи мотѫ сиж (Син. трб. 20б, 4—9). Речь тут может идти только о колодце, так как из родника невозможно было бы вычерпать в один прием 40 ведер воды.

Приведенными исчерпывается количество бесспорных примеров, в которых встречается разбираемое слово в определенном значении, так как в евангелиях употребительно и стоуденьць и кладязь в одних и тех же сочетаниях слов. Правда, первое слово зафиксировано в большинстве старших списков ев., за исключением Зогр. Надо полагать, Ио. IV, 11 в предложении, где речь идет о глубоком колодце, каким родник или ключ, как правило, не может быть, по-видимому, первоначально было стоуденьць, ср.: гла ємоу жена ги ни почръпальника имаши. и стоуденьць глъбокъ есть. отъкѫдѫ оубо имаши водѫ живѫ (Остр., в Мар. почръпала). Как отмечено выше, это допущение подкрепляется данными Арх. ев.

На основании существующего материала, который, к сожалению, невелик, можно все же считать, что словом стоуденьць обозначалось 'колодец' (в современном значении этого слова в русском языке).

В славянских языках находятся такие соответствия к разбираемому слову: русск. *студенец* (южн. и сев.) 'колодец', 'ключ', 'родник' (Даль. IV, 595); укр. *студень*, *студениця* 'колодец', 'криниця' (Гринч. IV, 221); белр. *студзень* 'колодец' (Нос. 619); польск. studnia 'колодец', studnica 'родник', 'источник'; чеш. studna, реже studne 'колодец', studnice (книжн.) 'колодец', 'холодный источник', известно еще топонимическое название

Studenec; словн. studenec 'колодец', 'источник', 'родник'; серб. *студенац* — то же значение; болг. *студенец* 'холодец', 'холодный источник'. По мнению Младенова, ныне это слово устарело (см. Етим. речн., 614).

Значение 'колодец' в разбираемом слове является общеславянским, и это позволяет признать, что оно древнее. Следовательно, в памятниках старославянской письменности интересующее нас слово могло быть употреблено в значении 'колодец'. Характерно еще то, что форма studenьcь зафиксирована во всех южнославянских языках, тогда как в других славянских языках оно преимущественно встречается ныне в других формах: studen, studenica, studnica, за исключением русского диалектного *студенец*. Последняя форма, надо полагать, с древних пор была общей для всех славянских языков.

Корень разбираемого слова *stud-* общеславянский, но не имеет соответствий за пределами славянских языков. Первоначальное его значение должно быть 'холод', ср., например, русск. *стужа* (из *stud-ja*). В бессуффиксальном образовании в форме существительного с основой на *-o* этот корень встречается в памятниках старославянской письменности в слове стоудъ, ср.: егда зъванъ бѫдеши цѣмъ на бракъ. не сѧди на прѣдьнимь мѣстѣ. еда къто чьстьнѣи тебе бѫдетъ зъванъıхъ. і пришедъ зъвавъі тѧ и оного реуетъ ти. даждъ семоу мѣсто. и тогда науьнеши съ стоудомъ послѣдьнее мѣсто дръжати (Лук. XIV, 8—9, Мар.); тъı бо съкѣсі поношеніе мое і стоудъ моі і срамотж моѭ (Син. пс. LXVIII, 20); і аще сѧ тако покаеши бѫдеши чадо свѣтоу и дьни. тѣми бо пѫтьми бестоудѧ вънидеши въ породж (Син. трб. 70б, 18—22); то ли листвие смоковино вьзьмъ. свои стоудъ покръıваашє (Супр. рук. 348, 1—3); отъ земьѧ своѥѧ съ стоудомъ мѫжа отъıгнаті (Там же, 515, 6).

Всюду, так же как и в приведенных примерах, слово стоудъ в анализируемых памятниках встречается только в значениях 'стыд', 'позор', 'бесчестье'.

Разумеется, эти значения слова стоудъ не первичные, а вторичные. В значении же 'холод' в анализируемых памятниках письменности употребляется вторичное по образованию существительное стоудень, ср.: ношть онж въсж стоивъ връхоу леда. и на лютѣи стоудени (Супр. рук. 265, 5—7); съклѣштаахѫ сѧ отъ стоудени стии (Там же 76, 20—22); тѣло бо вь стоудень къпадъ. запрьва оубо вьсе осиникть (Там же, 89, 13—14) и т. п.

Прилагательное в значении 'холодный' имеет ту же форму, но оканчивается не на ъ, а на ъ; ср.: въ то врѣмѧ... бѣаше стоудень велика... бѣаше же и въздоухъ стоуденъ (Супр. рук. 76, 10—14); и иже колижьдо напоитъ единого отъ малъıхъ сихъ. чашж стоуденъı ѥодъı (Мф. X, 42); стоѣкъı на сѫдици... въпрашаемъı всіж ноць стоуденжж на дворѣ каиафинѣ (Син. трб. 48а, 21—24).

Прилагательное же, образованное присоединением суффикса *-ьн-* к корню *stud-*, встречается в значении 'постыдный', ср.: **на стоудиж съврати са мъисль** (Супр. рук. 559, 22—23); **късѣхъ стоудьнъиихъ дѣлъ. величаньи гноушаатъ са** (Там же, 545,11—12); **і честънааго тъі знамениѣ отъвръгъше мм. стоудъна і мръзъка** (Син. трб. 78б, 1—3).

Последняя форма прилагательного по времени происхождения моложе первой, так как она могла образоваться только после того, как существительное **стоудъ** стало употребляться в переносном значении 'стыд', 'позор'. Образования же прилагательных на *-епъ* редки; кроме **стоуденъ**, в памятниках старославянской письменности встречаются еще: **зеленъ**, **чрьвенъ**, **стоуденьць** такого же типа образования, как **пътеньць**, **младеньць**, **пръвѣньць**. Последние оформлены от существительных **пътень**, **младень** (ср. рус. диалектное *молодень*), **пръвѣнь**.

Существительные на *-ьсь* в памятниках старославянской письменности известны в значениях:

1. 'действующего лица', ср.: **жьрьць**, **коупьць**, **ловьць**, **шьвьць** и т. п.

2. 'носителя какого-либо качества', ср.: **чрьньць**, **слѣпьць**, **мрътвьць**, **старьць**, **пришьльць** и т. д., причем последняя группа слов образуется от основ прилагательных или причастий.

А. М. Селищев считает, что **стоуденьць** относится ко второй группе существительных и образовано, по его мнению, от прилагательного **стоуденъ**[12]. Поскольку существительные на *-еп-ьсь*, как это было показано выше, образуются от существительных же на *-епь*, наиболее вероятным является то, что **стоуденьць** образовано не от прилагательного, а от существительного же **стоудень**. Сказанное подтверждает и тот факт, что в памятниках старославянской письменности, а также в современных славянских языках неизвестны другие образования существительного на *-ьсь* от основ прилагательного на *-епъ*. Существительные же на *-еп-ьсь* в славянских языках известны в основном в двух значениях:

1. 'Живое существо с каким-либо признаком', ср.: русск. *кладенец* 'холощеное животное', *онученец* 'тот, кто ходит в онучах'; польск. goleniec 'выздоровевший от болезни человек'; чеш. pláštenec 'род жука'; словн. peklenec 'черт', 'нечистая сила', tugenec 'горюющий', 'тужащий'; болг. *поленец* 'житель равнины' и т. п.

2. 'Предмет, сделанный человеком или имеющий отношение к нему', ср.: русск. *студенец* 'студень', 'холодец' (род кушанья), *зеленец* 'веник из зеленых прутьев', *моченец* 'пенька, которая мочилась в воде'; укр. *зеленец* 'незрелый плод', *кожанец* 'башмак, сделанный из цельного куска кожи'; польск. kurzenec 'мозоль'; чеш. kamenec 'квасцы'; болг. *кладенец* 'родник', 'холодец' и т. п.

[12] См. А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II, стр. 61

По своему значению **стоудєньць** может относиться только ко второй группе. В памятниках старославянской письменности оно было известно в значении 'колодец' и отличалось от **кладязь**, как видели, обозначающего 'родник', 'водоем'.

Отличие в значениях слов **стоудєньць** и **кладязь** ясно ощущается в следующем примере из Шестоднева Иоанна экзарха по списку 1263 г.: И **стоудєнъци** истичоуть и **кладєци** (по всей вероятности, из **кладєнъци**) даютъ же имъ на потрѣбоу (См. Срезн. Мат. III, 576). В приведенном примере речь идет о колодце (**стоудєнъца**) и роднике или водоеме (**кладєнъца**).

Сказанное дает нам право допускать, что **кладязь** и **стоудєньць**, каждое в своих собственных значениях, были употреблены уже первыми переводчиками. Позднее редакторы, не ощущая разницы в значениях между этими словами, решили оставить в текстах церковных книг одно из них. Таким образом, в Зогр. оказалось оставленным **кладязь**, причем оно не является единственным памятником, в котором фигурировало бы только это слово. Так, в Малых пророках в списке Упыря Лихого, Новгородская Минея 1097 г., Изб. Свят. 1073 г., Син. патер. XI в. и др. также фиксируют это слово. Арх. свидетельствует о том, что в первичном переводе словом **кладязь** переводилось греч. πηγη. Правда, употребление в ев. Ио. IV, 6 **кладязь** только на основе с πηγη было не совсем удачным. Этот факт, вероятно, и дал повод исключить из текста либо **кладязь**, либо **стоудєньць**. Но, как видели, в Син. трб. оба слова употреблены весьма удачно, каждое со своим значением.

В силу сказанного отнесение Ягичем слова **кладязь** к вторичным следует признать не соответствующим действительному положению вещей. Правда, можно сослаться на то, что в памятниках старославянской письменности, кроме **кладязь**, известно еще слово **источьникъ**. Подозревать, что последнее не относится к первичным словам, нет оснований. Может возникнуть вопрос: для чего же употребили первые переводчики два слова **источьникъ** и **кладязь**, если они на первый взгляд совпадают в своих значениях? Слово **источьникъ** имеет родовое значение, поэтому оно сочетается с различными словами: **источьникъ водъı**, а также: **водьнъıи**, **источьникъ кръвє**, **источьникъ живота**, **источьникъ спсєнию** и т. п. Кроме того, оно употребляется в значении 'поток', ср.: **посъıлаѧ источьникъı во дьбрєхъ** (Син. пс. CIII, 10). Говоря иначе, между **кладязь** и **источьникъ** имелась разница в значениях, поэтому одновременное употребление их обоих в текстах церковных книг было оправданным.

В заключение о **ровьникъ** или **ръвєникъ**. В Син. пс. читаем: **ни пожъретъ мєнє глъбина ни съвєдетъ о мьнѣ ровьникъ оустъ своіхъ** (LXVIII, 16), в греч. φρεαρ. Здесь речь идет о каком-то глубоком колодце или яме. В Син. трб.: **и приматалъ сѧ вьнє-**

ѕлапѫ или із морѣ. іли іздрѣкъі. или из врѣгъ. или іздръвеника. или локъви. или із блата. или іс трестиѣ (54б, 2—6), в греч. на месте іздръвеника ἐκ λάκκου 'из водоема, пруда'.

Характерно, что в том месте, где в Син. пс. читается **ровьнікъ**, в Погод. и Болон. находим **рьвеникъ**, **ръвеникъ**. По-видимому, обе формы древние, так как в словаре Срезневского приведены: глубина ревника... сажень м; почерпи ѿ ревника.

Корень обоих восходит к **roj-/*rej-* > *ru-* при удлинении *и* дает *у* (ср. **ръıти**). В современных славянских языках разбираемое слово не употребляется, кроме русск. *ровеня* (псков.) 'колодец' (Даль, III., 1960) и серб. топонимического названия: *Рвеник* (см.: Караджич, Српски рјечник, 665).

Корень разбираемого слова связан с понятием 'рыть'. *Ръвеникъ*, по-видимому, 'вырытый колодец', или 'водоем', 'пруд', причем в отличие от **стоуденьць**, **ровьникъ**, надо полагать, сооружался в таком месте, где не было родника, выбивающегося наружу. Такое предположение основано на следующих данных: Въпадъи въ рьвникъ оузъкъ неоудобь изборетьсѧ (Толк. пс. XII в.) Бѣаше же глъбина ревника того имѫщи сажень ·м· (Жит. Ио. Постн.) (см. Срезн. Мат. III. 202). **Стоуденьць** же, по всей видимости, сооружался преимущественно там, где был открытый родник.

Не лишне упомянуть еще о том, что в памятниках церковнославянской письменности слово **рвеница** встречается в значении 'канал' (см. Срезн. Мат. III. 202—203).

Приведенный материал позволяет думать, что разбираемые слова все относились к первичным, которые были употреблены каждое в собственном значении.

Клеплѫ—знаменаѭ

Ягич пишет: «**Клепати** (σημαίνω) Ио. XII, 33; XVIII, 32; XXI, 19 употребляется только в старших текстах, однако не во всех, а только в Мар. и Зогр., уже Асс. имеет **назнаменоуѭ** в первом случае, а во втором и третьем — все же **клеплѭ**, в Остр. только **знаменаѭ**, **назнаменаѭ**, так же в Трнов., однако рядом с сохранившимся **клеплѫ**... Глагол **знаменати** в значении σφραγίζω находится Мф. XXVII, 66; Ио. VI, 27, но в тех же самых старших текстах (Мар., Зогр.) Ио. III, 33 тот же глагол встречается в переводе **запечатьлѣти**» (Entst. 354).

Хотя Ягич и перечислил, в каких местах употреблены **клеплѫ** и **знаменаѭ**, все же приведем примеры: Ио. XII, 33 в Асс. читается: **се же глаше назнаменоуѭ. коеѭ съмрътиѭ хотѣаше оумрѣти**, в Остр. — **знаменаѭ**, в Врач. — **знаменѫ**, а в Сав., Арх., Мар. и Зогр. — **клеплѫ**. Ио. XVIII, 32 в Асс.: **да слово иско сьвъдетъ сѧ. еже рече клеплѭ**, так же в Сав.,

Врач., Мар и Зогр.; в Остр. назнаменаѭ, в Арх. — знаменаѭ. Ио. XXI, 19 в Асс.: се же рече клепаѧ: коеⷤ съмрътиⷤ прославитъ ба, так же в Сав., Арх. и Зогр.; в Остр. — знаменаѭ, в Врач. — знамениѭ, в Мар. нет этого места.

Таким образом, из 5 списков апракосов только Остр. не употребляет слова клепаѧ, Асс., Арх. и Врач. знают и клепаѧ и знаменаѭ, причем в Арх. клепаѧ находим в части, написанной первым писцом, а знаменаѭ — вторым. В Сав. находим только клепаѧ, то же в текстах — Зогр., Мар., клепаѧ означает 'подчеркивая', 'указывая'. В том же значении слово зафиксировано Срезневским из других памятников, ср.: Въ время... пѣнїи клепа, т. е. 'подчеркивая', 'делая ударение'. Намизаѥтъ ѡкомъ и клеплетъ ногою, т. е. 'стуча ногою, подает знак' (см. Мат. I, 1218). Значит, глаше клепаѧ, рече клепаѧ следует понимать как 'сказал или говорил, подчеркивая что-то, делая на чем-то ударение'.

Существующие примеры позволяют делать вывод, что клепати означало дополнительное действие, сопровождающее действие главное.

В других памятниках подобные обороты речи не встречаются, ср. знамена сѧ на насъ свѣтъ лица твоего гі (Син. пс. IV, 7, то же Син. трб. 73а, 18—19). Знамена сѧ следует понимать как 'отразился' (свет), 'запечатлелся' (свет); и wбращь сѧ по знамена гла приемлющюмоу образъ (Син. трб. 93а, 8—9), знаменаѥтъ 'делает символический знак' (= крестит); ѥко бо ѕнаменаномъ печатомь дѣвъственъимъ затвореномъ хс отъ дѣвы роди сѧ (Клоц. сб. 915—916, то же Супр. рук. 452, 21—23). Здесь знаменаномъ печатомь 'отмеченный печатью' (= имеющий знак печати).

Можно констатировать разницу в значениях между клепати и знаменати. Первое известно в значении 'подчеркивать', а второе 'отразить', 'запечатлеть', 'отмечать каким-либо знаком'. Правда, эти семантические различия здесь настолько тонкие, что отличить их практически не так-то легко. Возможно, по этой причине отдельные редакторы заменяли одно другим: клепати на знаменати или наоборот. На основе наличных, к сожалению, количественно ограниченных примеров можно констатировать, что клепати употреблялось при глаголах речи, а знаменати имело более свободное и широкое применение в речи, сочетаясь с разнообразными словами.

В памятниках греч. σημεῖον последовательно передается слово знамение, а не клепание, потому что речь всюду идет об отметке, знаке-символе, ср.: родъ золъ и прѣлюбодѣи. знамениѣ ищетъ. і знамение не дастъ сѧ имъ. тъкмо знамение ионы пророка (Мф. XVI, 4, Мар., в других так же); далъ есі боѭ-

ціимъ сѧ тебе знаменье: оубѣжати отъ лица лжка (Син. пс., LIX, 6) и т. п.

В свете сказанного употребление Ио. XII, 33 в Асс. причастия назнаменоуѥмъ следует считать вторичным не только по семантике, но и потому, что указанное причастие образовано от итеративного глагола назнаменовати, который здесь явно не на месте. Кроме того, Ио. XII, 19—36 в Асс. находим бесспорно вторичные формы. Так, ст. 19 тут читается се миръ по немъ идетъ, тогда как в Зогр. и Мар., да и в Асс. в других случаях употребляется вьсь міръ вм. миръ на месте ὁ κοσμός. Затем находим гласта вм. гласте (22), вѣхѫ вм. вѣахѫ (20), глахѫ вм. глаахѫ (29), снъ оучъскъі вм. более обычного в этом памятнике снъ оучь (23), сноу оучьскоумоу вм. сноу оучю (34)[1]. В ряду этих вторичных форм находится и назнаменоуѥмъ.

Показательны тут еще данные Арх., в котором в части, переписанной первым писцом, дважды употреблено клепла, а в части, переписанной вторым писцом, находим знаменаѥ. Мы уже отмечали, что в последней части Арх. заметны следы восточноболгарской редакции.

В целом, судя по данным Остр., Врач. и Арх., можно делать заключение, что в восточной Болгарии глагол клепати заменяли на знаменати и даже знаменовати (см. выше примеры из Асс. и Врач.). По всей видимости, назнаменоуѥмъ в Асс. включено только в тот список, который дошел до нас. Такого рода поздние замены в Асс., как отмечено выше, спорадически встречаются и в других случаях. Словом, если мы правильно поняли семантические различия между клепла и знаменаѥ, а также их роль в речи, то все это позволяет считать вторичными употребление знаменати вм. клепати в приведенных выше примерах из евангелий.

Клепати от звукоподражательного корня *klep-* 'стучать' является общеславянским, о чем говорилось в главе **заклепати — заключити**; **знаменати** отыменный глагол от *znati* > *zna-men-* со значением 'известный', 'узнанный'. Таким образом, корни *klep-* и *zna-* отличались по значению, эти отличия отразились в глагольных образованиях клепла и знаменаѥ.

Первичным следует признать передачу греч. σφραγίζω словом запечатьлѣти в Мф. XXVII, 66 в предложении: они же шедъше оутвръдиша гробъ. запечѣтьлѣвъше камень. съ коустодиеѭ (Асс.) так же в Остр., и Врач., причем в последнем это место повторяется дважды, в первый раз на л. 133а — запечатьлѣвше, а на

[1] В Асс. снъ оучь употреблено 28 раз, а снъ оучьскъіи — 8 раз; сна оучта — 14 раз, сна оучьскаго — 7 раз; сноу оучю — 1 раз, сноу оучьскоумоу — 4 раза и т. д. Приведенные данные показывают, что старая форма притяжательного прилагательного оученъ здесь заметно вытеснена новой с суффиксом -ьскъ преимущественно в формах косвенных падежей.

л. 160 об. запечатьлѣвъ. В Арх., Мар. и Зогр. знаменавъше камень, а в Сав. нет этого места. В греч. σφραγίσαντες τὸν λίθον μετὰ τῆς κουστωδίας.

Мф. XXVII, 63—66 рассказывается о том, что необходимо укрепить могилу. Ее и укрепляют, положив на могилу камень, т. е. 'скрепляют', 'запечатывают'. В том же значении печатьлѣти употребляется в Супр. рук., ср.: къложивъ к' три десѧти крьчагъ. и оутврьдивъ и съказа и печатьлѣ олокомъ(45, 9—11).

Употребление же знаменавъше вм. запечѣтьлѣвъше в Мф. XXVII, 66 нельзя признать удачным, потому что первое слово не имеет значения 'укрепить', 'скрепить' или 'наглухо заделать'. По всей видимости, замена запечѣтьлѣвъше на знаменавъше произведена в Моравии при составлении тетра. Объяснить эту замену можно только тем, что для туземцев слово запечѣтьлѣти было непонятным, потому что печѣтьлѣти является тюркизмом, и оно могло быть принесено на Балканский п-ов булгарами-тюрками. А. Вайан, признав, что в этом слове находится тюркский суффикс *-li*, образование печатьлѣти объясняет так: к основе *pečatli-* присоединился славянский суффикс *-a*, что и дало: *pečatli+a* > *pečatlě-*[2]. В этом случае печатьлѣти должно было относиться к итеративным глаголам типа нашати, прашати, жаждати и т. д. Исследование же А. Достала показывает, что печатьлѣти не только относится к итеративным глаголам, но в большинстве случаев является глаголом совершенного вида[3], вследствие этого мнение Вайана следует считать необоснованным. На самом деле печатьлѣ — целиком тюркская глагольная основа, перешедшая в южнославянский язык[4].

Ввиду непонятности слова печатьлѣти в Моравии заменили другим словом знаменавъше, не передающим точно греч. σφραγίσαντες. Ио. III, 33 в Мар. вошло незамененное запечатьлѣ, ср.: приимъıи его емоу съвѣдѣтельство запечатьлѣ ѣко̀ бъ истиненъ естъ. Ио. VI, 27 также находим знамена на месте ἐσφράγισεν, ср.: дѣлаите не брашно гıбнѫштее. нъ брашно прѣбъıваѭщее. въ животъ вѣчънѣıмъ. его же сн̀ъ чл҃ъ вамъ дастъ. сего бо оц̀ъ знамена бъ̀ (Асс.), так же в Остр., Врач., Мар. и Зогр. В Сав. и Арх. нет этого места.

Случаи замены печатьлѣти на знаменати встречаются и в Супр. рук., ср.: дадатъ са реѣ запечатьлѣнъııмъ книгъı. мѫжоу вѣджштоу писмена. ѹто же сѫтъ знаменанъııмъ (вм. ожидаемого: запечатьлѣнъııмъ. — *А. Л.*) тъı книгъı. непорочьнаıа дѣвица (246,

[2] См.: A. Vaillant. Problèmes étymologiques. «Revue des études slaves», t. 34, fasc. 3—4. Paris, 1957, стр. 138 и след.

[3] См.: A. Dostál. Studie o vidovém systemu v staroslověnštině. Praha, 1954, стр. 79 и след.

[4] См.: А. С. Львов. Старославянское печать—печатьлѣти. «Этимологические исследования по русск. яз.», вып. II, МГУ, 1962, стр. 93 и след.

8—11). Как известно в Супр. рук. имеются и такие моравизмы, как **заштицам** (352, 7 и 412, 17)[5] и **въплъщение** (206, 24; 330, 8), не говоря об употреблении слова **животъ** вместо ожидаемого **жизнь** и др.

Итак, считаем возможным констатировать:

1. В первичном переводе апракоса греч. σημαίνω было переведено словом **клепати**, которое в восточной Болгарии заменили словом **знаменати** или **знаменовати**.

2. Для перевода σφραγίζω в первичном переводе было употреблено вошедшее в язык болгар и македонских славян тюркское слово **печатьлѣти** или **запечатьлѣти**, в Моравии их заменили словом **знаменати**. Замена эта была неудачной, так как последнее слово не передает точно значение греч. σφραγίζω.

Коуръ — кокотъ — лажѣ

Ягич дает такой материал по рассматриваемым словам: «**Кокошь** (ὄρνις) Мф. XXIII, 37; Лук. XIII, 34 во всех старых текстах, кроме Асс., в котором в первом случае **лажѣ**, а Гал. и Юрьев. — **коурица**. Последние два слова характерны для южных и северо-западных славянских языков. Напротив перевод ἀλέκτωρ словом **кокотъ** специфичен для Мар., которое последовательно употребляет это слово в Мф. XXVI, 34 (в Зогр. и других **коуръ**, Ник. **пѣтель**); Мф. XXVI, 74, 75 (в других снова **коуръ**, Ник. **пѣтель**); Мрк. XIV, 30 (в других **коуръ**, Ник. **пѣтель**). Мрк. XIV, 68, 72 (в остальных **коуръ**, Ник. **пѣтель**), Лук. XXII, 34 (в остальных как и ранее), там же 60, 61 (в остальных как и ранее), Ио. XIII, 38 (в остальных как и ранее); Ио. XVIII, 27 в Мар. этого места нет, но мы вправе предположить, что и здесь было **кокотъ**, в Зогр. и других здесь написано также **коуръ** и Ник. **пѣтель**. Последовательно в Мар. XIII, 35 **кокотоглашение**, где во всех остальных написано — **коуроглашение**, только в Ник. — **пѣтельглашение**. Вместо **коуръ** в Карп. Мф. XXVI, 34 написано **коура**» (Entst. 355).

Кроме евангелий, лишь в Син. трб. дважды встречается прилагательное **коурии** в таком тексте: **тои нощи до коурiѣ въспѣтиѣ трици отъвръже сѧ. приемъı покаание. по коурьи въспѣтьи** (48б, 1—3).

[5] На наш взгляд, неубедительны попытки А. Вайана выводить форму **заштицам** от корня ***skeke-** со значением 'прыгнуть на кого-нибудь сзади', 'захватить врасплох'. В таком случае как же следует понимать: **бъıти въ то врѣма. въ нѣже смокъı листвиѣмъ красоуıше. нъ оуто заштицам ѥдинаѣ грѣхоу цвѣтѫштоу** (352, 5—7)? Думается, что эту метафорически изложенную мысль возможно понимать только так: «Быть тому времени, когда смоковница будет красоваться листьями, защищая (ограждая) одинаково и расцветающий грех». См.: A. Vaillant. Note etymologiques. «Славянская филология», I. М., 1958, стр. 96 и след.

Таким образом, Клоц. сб., Син. пс. и Супр. рук. не содержат интересующих нас слов.

В исследовании о языке Мар. ев. Ягич пишет: «Особенно важное слово нашего памятника — **кокотъ** (вм. обыкновенного **коуръ**); Мф. XXVI, 43, 74, 75; Мрк. XIV, 30, 68, 72; Лук. XXII, 34, 60, 61; Ио. XIII, 38, XVIII, 27 **кокотъ** и **кокотоглашение** Мрк. XIII, 35. Я не сомневаюсь в том, что это слово занесено в наш памятник в то время, когда его списывали на юге, в пределах языка сербо-хорватского. Так как чистые чакавцы (хорватского приморья и Далмации) еще до сих пор эту птицу называют petéh — так, напр., в Бернадиновых «пистулах», — то надо предположить, что наш памятник написан где-нибудь восточнее или южнее, в юго-западных странах, где до сих пор живет слово kokot. Напр., В. Кашич, родом из Далмации, пишет в Житии Христа, напечатанном в Риме 1638, на стр. 53: čto glas od kokota ne biaše učinio; prvo nego piteo i (должно быть ili) kokot zaupije, ib. В книжечке неизвестного автора «Svitlost duše verne» (в Венеции 1685) на стр. 138: tiem pitoma kokot ptica. Следовательно, это слово вполне подтверждает соображения, высказанные выше на стр. 410, 424 и 425»[1], т. е. подтверждает, что памятник сербо-хорватского списка.

Таким образом, по мнению Ягича, **кокотъ** в Мар. — вторичное слово, включившееся в текст евангелия при переписке его сербом или хорватом.

В современных славянских языках имеются такие параллели к разбираемым словам: в словарях русского языка не фиксируется слово *кокот*, по южнорусским говорам широко известно слово *кочет* (по-видимому, того же образования, но с суффиксом *-etъ*). Слово *кокот* в значении 'петух' не фиксируют словари украинского и белорусского языков. Русск. и укр. в значении 'петух' известно слово *кур* (см. Оп. 98; Гринч. II, 328). Словари русского языка, включая сюда все известные нам областные, не фиксируют слова *кокош*; в укр. *кокош* 'петух', *кокошка* 'курица' (Гринч. II, 267). В болгарском известные словари Дювернуа, Герова, Панчева, Младенова, БТР, а также в других не фиксируют слова *кокош* в значении 'петух', вместо него в них находим *курец* 'петух', *куряк* 'скопленный петух' (Геров II, 434), *петел* 'петух'; *кокошка* 'курица' (Геров II, 384 и в других словарях), серб. *кокош* (Карадж. 294 и в других словарях). «Rječnik hrv. ili srp. jesika», d. V, стр. 809 приводит kur с пометой «в нашем языке очень редко»; Ивекович и Броз зафиксировали kurji oči. Эти факты свидетельствуют, что слово kur в серб. и хорв. языках было, но, видимо, с древних пор оно употреблялось ограниченно. Слов. kur 'петух'

[1] И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие. . ., стр. 468. — У автора вместо «Лук.» читаем «Мрк.»; кроме того, в Мар. Ио. XVIII, 27 нет.

и kokot то же знач., kokoš 'курица'; чеш. kokot, kokeš, kohout 'петух', kurica (стар.), slepice 'курица', kuře 'цыпленок', kuři oči 'куриная слепота'; словц. kokoš ныне 'петух', польск. kokot, kogut, kur 'петух', kura, kokosz (последн. в словаре Линде) 'курица'.

По этим данным слово **кокотъ** ныне находит себе соответствия не во всех славянских языках. Мнение Ягича, что Мар. является сербо-хорватским списком, не подтвердилось последующими исследованиями. Слово **кокотъ**, по данным словарей Миклошича и Срезневского, в памятниках встречается редко. Так, Миклошич приводит его с ссылкой на Мар., Срезневский же привел это слово из Притч Соломона и из Хроники Георгия Амартола, в последнем оно в значении какой-то птицы: **Не оубоитеса отъ чрьнаго кокота дъка** (πετεινοῦ).

Допустимо, что первичным являлось **коуръ**, поскольку оно употребительно не только в тетрах, но и апракосах, не говоря о других памятниках (о последних см. Lex. Миклошича, стр. 324 и Срез. Мат. I, 1349). Если исходить из допущенного положения, то в Мар. **коуръ** заменено привычным или обычным для редактора и писца словом **кокотъ**.

Идти далее высказанных предположений не позволяют материалы, которыми располагаем. Следует добавить, что название петуха и курицы в славянских языках весьма разнообразно, например, в русском языке при общенародном *петух* в диалектах употребительны еще: *петель*, *певень*, *пеун*, *кочет*, *кур*, *когут* и др. Та же картина и в других славянских языках. При таком разнообразии названий петуха (которое, очевидно, не могло быть только поздним) слово могло легко быть замененным другим, более привычным для редактора и писца, **кокотъ** — какой-то диалектизм. Выдержанное употребление слова **коуръ** в таких апракосах старшего списка, как Асс., Сав., Остр., Арх., и некоторых других все же склоняет к мысли, что **коуръ** могло быть в первичном переводе недельного евангелия.

В Асс. ев. читается: **събирает҄ъ лажа҄ птенца своѥ подъ кріла҄** (Мф. XXIII, 37), это слово не встречалось в других списках евангелий. Лишь за последнее время К. Мирчев обнаружил его в форме **лажька** в том же месте апракоса списка XIII в., принадлежащего Рильскому монастырю[2]. **Лажа҄** признается образованием от корня *lęg-* в значении 'сидеть', 'высиживать'[3]. В древности, по всей видимости, образования от глагольных основ имен на *-ēja*, *-īja* были продуктивны. Об этом можно догадаться по данным, например, русской диа-

[2] См.: К. Мирчев. За едно старобългарско наименование на *квачката*. «Български език», 1959, год. IX, кн. 3, стр. 252 и след.

[3] См: E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913, стр. 707.

лектной лексики, среди которой находим такие: *стряпея* (арх.) 'стряпуха' (Доп. 257), *точея* (яросл.) 'ткачиха' (Доп. 269), *курея* (псков. твер.) 'скопец' (Там же, 96), *толстея* (курск.) 'толстая женщина' (Там же, 268), *гребия* (псков.) 'кисть руки', 'пятерня' (Там же, 37) и т. п. Названный суффикс находит соответствие в литов. *-ẽjes*[4]. В болгарском языке, надо полагать, уже в XIII в. данный суффикс вышел из употребления. Этим можно объяснить замену формы **лажѧ** на **лажька** (по типу **клѣтъка**, **котъка** и т. п.) в апракосе Рильского монастыря.

Наличие Лук. XIII, 34, не входившем в апракосы, слова **кокошь** возможно объяснить, что оно могло быть введенным туда при составлении тетра. Это слово и поныне является общим для западных и части южных славянских языков (см. выше). По Лук. XIII, 34 и Мф. XXIII, 37 могло быть заменено **лажѧ** на **кокошь**. Наличие слова **лажѧ** Мф. XXIII, 37 в Асс. ев. и **лажька** в апракосе Рильского монастыря может свидетельствовать о том, что оно включено в первичный перевод апракоса для передачи греч. ὄρνις. Едва ли возможны тут другие допущения, так как в памятниках восточноболгарской редакции этого слова нет и едва ли писец мог ввести его в текст евангелия по своему усмотрению.

По данным апракосов, переводчики употребили **коуръ** и **лажѧ**. По-видимому, при составлении тетра эти два слова остались без замены их другими. Выдержанное же употребление пары слов **кокотъ — кокошь** в Мар. невольно приводит к мысли, что ими сознательно заменены первичные **коуръ — лажѧ** всего вероятнее на территории Моравии.

Кънигъı — боукъви — писма

«**Кънигъı**, — пишет Ягич, — в значени γράμματα в своем старшем употреблении, кажется, раньше всего вытесняется словом **боукъви**. Так, Лук. XXIII, 38 читается **кънигами**, Ио. V, 47 **кънигамъ**, VII, 15 **кънигъı**, но Лук. XVI, 6—7 в Мар. и Зогр. находим уже **боукъви**. Если не принять во внимание два упомянутых места, где находятся **боукъви**, в старых евангелиях — апракосах (Остр., Асс.) их не обнаруживаем. В Апостоле также господствует **кънигъı** (Деян. XXVI, 24; XXVIII, 21, к римл. II, 27, к галат. VI, 11; II посл. Тимоф. III, 15), однако к римл. II, 29 в Шишов. читается **писаниємь** (Христин. **ѱаниємь**), затем к римл. VII, 6 **писмене**, II посл. коринф. III, 6 **писмени**, **писме** и III, 7 **писменъı**. Очень часто словом **кънигъı** передается αἱ γραφαί и притом греч. мн. ч. без всякого исклю-

[4] См.: А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910—1914, стр. 75.

чения, но и при ед. ч. ἡ γραφη в большинстве случаев находим **кънигъı**, так Мрк. XII, 10; Ио. VII, 38, 42; X, 35; XIII, 18; XVII, 12; XIX, 24, 28, 36, 37; XX, 9. Только в виде исключения встречаем Мрк. XV, 28 **писаное** для ἡ γραφη и Лук. IV, 21 **писание** — для ἡ γραφή, причем указанные места звучат одинаково во всех старых текстах: в Мар., Зогр., Асс., Остр. Однако в старых текстах встречается обычная терминология Деян. I, 16 **книгъı** в Шиш. (но в Христин.-Гильф. № 13 **писанию**); VIII, 32 **слоко книжьнок**; VIII, 35 **отъ книгъ**; XVII, 2 — то же самое; XVII, 11 то же самое; XVIII, 24 **въ книгахъ**; XVIII, 28 **книгами**; к римл. I, 2 **въ книгахъ**, IV, 3; IX, 17 **книгъı** и т. д. В поздних текстах (апостола.— *А. Л.*), которые я противопоставляю Шишов., встречается уже отклонение: к римл. IX, 17. **писание** в Христин. (Шишов. **книгъı**). Наконец, ἡ βίβλος или τὸ βιβλίον также всегда передается словом **кънигъı**. Так, в пс. LXVIII, 29; CXXXVIII, 16. В более поздних текстах имеет место частичное отклонение в употреблении слова **кънигъı**, так, например, в Трнов. Мф. XXVI, 54, 56 **писания**; Ио. XIII, 18; XIX, 28; 36 **писание** и Мф. XXI, 42 **въ писании** (Карп. **писанииχъ**). Такое отклонение наблюдается и в древнерусских списках, например, Мф. XXI, 42 в Юрьев., Мстисл., Добр., Типогр. **въ писании**» (Entst., 357).

Из приведенной цитаты видно, что слово **боукъви** встречается только в евангелиях и то только дважды. Приведем это место. Лук. XVI рассказывается, что у некоего богатого человека был управитель, которого обвинили в том, что он занимается расточением имения хозяина. Когда до хозяина дошли эти слухи, он потребовал от управителя отчета. Последний, желая обеспечить себе заранее место у других, решил выслужиться перед должниками хозяина, поэтому: **... призъвавъ единого когожъдо ... длъжьникъ господи своего. гл҃аше пръвоумоу. колицѣмь длъженъ еси господиноу моемоу. онъ же рече сътомь мѣръ отъ олѣа. і рече емоу. приими боукъви твоиⷯ. і сѣдъ скоро напиши пать десатъ. и по толѣ же дроугоумоу рече. тъı же колицѣмь длъженъ еси. онъ же рече сътомь корецъ пьшеницѧ. и гл҃а емоу приими боукъви твоиⷯ и напиши осмь десатъ** (Лук. XVI, 5, 6, 7, Мар., в Зогр. так же), в греч. τὸ γράμμα.

В апракосы не входило это место. Если исходить из общепринятого мнения о первоначальности перевода евангелия-апракоса, будет вероятным допущение, что цитированное место переведено позже, когда составлялось евангелие-тетр. С этой точки зрения предположение, что в самом первичном переводе текста евангелия в нем не могло быть слова **боукъви**, по-видимому, является правильным. Это допущение можно подкрепить тем, что во всех других памятниках старославянской письмен-

ности старших списков, кроме приведенного места из Лук. XVI, 5—7, не встречается слова **боукъви**.

В приведенной выше цитате из Лук. XVI, 5—7 рѣчь идет о долговой книге или расписке, куда вносятся исправления. В других местах евангелий и других памятников собственно старославянской письменности нет мест, в которых шла бы речь о долговой расписке.

Правда, в евангелиях имеются три места, в которых речь идет не о долговой, а о разводной грамоте. Ср.: **моси заповѣдѣ дати къ книгы распоустънъıѩ и отъпоустити ıѫ** (т. е. женѫ, как это читается в Сав., Мф. XIX, 7); **повелѣ моси къ книгы распоустънъıѩ написати и поустити** (Мрк., X, 4, Мар., Зогр., в апракосах нет этого места); **рѣчено же бъıстъ. ıже аште поуститъ женѫ своѭ. да дастъ еи къ книгы распоустънъıѩ** (Мф. V, 31). В греч. βιβλίον ἀποστασίου 'разводная грамота'.

У славян, как и у других народов, существовали разводы (о чем см. ниже **потъвѣга — поутьница**), но едва ли у них разведенным выдавались специальные грамоты. По крайней мере, в дошедших до нас памятниках, в которых говорится о разводе, отсутствуют упоминания о подобной грамоте. Думается, что отсутствие реалий заставило переводчиков передать греч. βιβλίον ἀποστασίου. дословно славянским **къ книгы распоустънъıѩ**.

Употребление слова **боукъви** в значении 'письмо' известно по памятникам церковнославянской письменности. Так, в Житии Феклы по списку XI в. читаем: Жена же его написавши боукъви (мужеви) съ тъщаниемь призъва и. В Мучении Феклы по Великой Минеи Четии: Рассѧ кнѧзь скоро боукъви написавъ сице. В Мучении Евфимии: Ѩвие написа (Антипатъ) букъви (см. Срезн. Мат. I. 192). В Житии Константина философа: Отъѣха философъ ... радъ идоу тамо [в Моравию.— *А. Л.*], аще имоутъ боукъви къ ѩзыкъ своı (когда философ получил ответ, что букв нет), философъ же рече: то кто можетъ на водѣ бесѣдоу написати? или еретично има себѣ обрѣсти?[1] В данном примере **боукъви** возможно понять как 'книги', так и 'азбука'. Коцелъ кнѧзь панонескъ и възлюби вельми словенъскы боукъви, и наоучисѧ имъ, и въдавъ до пѧтидесѧтъ оученикъ оучитисѧ имъ[2]. В этом примере, пожалуй, речь идет о 'грамоте', 'алфавите'. В Житии Мефодия: **бѧхоу же етера многа чадь, ıже гоужахоу словѣнскъıѩ книгы, глюще, ıако не достоитъ никоторомоу же ѩзъıкоу имѣти боукъвъ своıхъ,**

[1] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности Л., 1930, стр. 27.
[2] Там же, стр. 29.

развѣ евреи и грькъ и латинъ, по Пилатовоу писанию[3]. Здесь речь идет о 'письменности' (в первом случае) и 'азбуке' (во втором случае). В Прогласе Константина к учительному евангелию читаем: Кто бы вѣры сиа не вѣсть правы ако сѣмени подмштоу на нивѣ. Тако на срьдъцихъ человѣчьскихъ, трѣбоующихъ дъжда. божиими боукъвами да възрастеть плодъ божии. Повидимому, здесь речь о 'церковных книгах'.

В одном памятнике, называвшемся «Написаніе языко словенъски о бѹквѣ і о ея писменехъ рекше о азбѹцѣ і о ея слоузѣ разѹмѣніе и свидѣтелъство» читаем: Вопрос. Бѹкви что есть; Ѿвѣ. Собраніе писменъ[4].

Таким образом, слово боукъви известно в следующих значениях: 1) 'короткая грамота' или 'письмо', 2) 'книга' или 'рукопись', 3) 'письменность того или иного народа', 4) 'азбука'.

В значении 'буква' в памятниках старославянской письменности употребляется другой термин писмо (о чем ниже).

Признается, что боукъ является словом, заимствованным из германских языков, восходящим в конечном счете к названию дерева *бук*[5]. Такое предположение вполне вероятно, так как материал, на котором писали, обычно являлся названием и самого письменного документа. Так, в памятниках XI в. и позже было распространено слово дъска в значении 'надпись', 'письменный документ' и т. д. (Срезн. Мат. I, 761—762). Характерно, Ио. XIX, 19 в самых старых списках евангелий читается: нап'саже і титълъ пилатъ (Зогр., так же в Мар., Асс., Остр.), а в Юрьев. нач. XII в. читаем: написа же и дъскоу пилатъ. Срезневский в своем словаре приводит такую цитату из Чудовской псалтыри XXVII, 5: вьздвиже съвѣдениа въ иаковѣ. съвѣдениѥ наричѣть поставленоуѭ сѣнь въ поустыни. ако имоуштѣ бръсели свѣдениа (Мат. I, 183). Это место отсутствует в Син. и других списках псалтыри. В приведенной цитате бръсель 'черепок', 'кирпич' является названием письменного документа.

Не лишне, наконец, указать и на то, что ряд берестяных грамот назван *берестой*, ср., например: поклон Ѿ фалем ко есифоу послал. азо к тоби. берость написано ... (грамота № 27)[6].

В свете приведенных данных нет ничего удивительного в том, что в тексте из Лук. XVI, 5—7 'долговая расписка' или 'грамота' именуется словом боукъви.

[3] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древней шей славянской письменности, стр. 72.

[4] См.: «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895 стр. 637.

[5] См.: E. Berneker. Указ. соч., стр. 99—100.

[6] См.: А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте Из раскопок 1952 г. М , 1954, стр. 29.

Известно и слово **боукарь** в значении 'грамотей', 'книжник'. Это слово встречается в сочинении Черноризца Храбра «О писменехъ». Ср.: аще ли въпросиши словѣнскыа боукаря гл҃а. кто вы писмена сътворилъ есть, или книгы прѣложилъ; то вси вѣдать[7].

Отметим, что **боукъви** в древних памятниках письменности встречается только в форме множественного числа. По-видимому, значение 'грамота', 'письмо' это слово приобрело по аналогии с **къниги**. Лишь впоследствии оно стало употребляться в единственном числе в значении 'азбука', 'отдельная буква'. Вероятно, разбираемое слово в значении 'грамота', 'писмена', 'книга' не было общеславянским, его ныне не знают западнославянские языки. В Никол. ев., переведенном с латинского языка, как предполагает А. Соболевский, в западнославянском краю, epistola передано **боукъвица листовьны**[8], хотя этот памятник дошел до нас в списке не ранее XIV в., но вполне вероятно, что указанное сочетание слов было и в первом оригинале.

Хотя ныне все восточнославянские языки знают слово *буква*, но оно скорее всего заимствовано из памятников церковнославянской письменности. Наши древние памятники письменности в значении 'письмо', 'письменность', 'деловой документ' и т. д., кроме *доска*, чаще употребляют слово греческого происхождения *грамота*. Слово же **боукъви** в древнерусских памятниках письменности обычно встречается в цитатах из церковных книг или во фразах, передающих религиозные догматы.

В других славянских языках: чеш. buk 'книга' начиная с XIII в. зафиксировано во многих памятниках письменности, bukev, то же значение, фиксируется с XV в.; словн. bukev 'книга', bukvar, 'книготорговец', bukvarna 'библиотека', bukovski 'книжный', bukovski jezik 'латинский язык' и др., в современном словенском литературном языке bukve, bukev 'книга'; серб.-хорв. bukvar 'букварь', 'книга' (стар.), болг. *буква*, ср.: *Дума по дума, буква по буква.*

Приведенный и другой материал склоняет к мысли, что слова от основы *buk-*, *bukъv-* были наиболее живыми и употребительными на территории Моравии и Паннонии. В сербо-хорватском и болгарском языках более известен термин bukvar 'букварь', который мог утвердиться поздно. Словом, не подлежит сомнению тот факт, что в древней Моравии и Паннонии знали слова от германского корня *buk-*.

Перейдем к слову **къниги**, которое, так же как и **боукъви**, встречается только в форме множественного числа. По мнению Я. Гебауера: единств. *книга* означало 'письменность', в частности 'письмо' и вообще 'писание' scriptum, scriptura, carta, множ. ч. *книги* 'сборник' или 'целое от куска', или 'часть такого' liber,

[7] См : «Исследования по русскому языку», т. I, стр. 299
[8] См.: «Сборник ОРЯС», т. 88, № 3, СПб., 1910, стр. 82.

codex; единств. *книга* было вытеснено частым употреблением другими: *письмо*, *сочинение* и т. п., где употребление множ. *книги*, liber, codex явно преобладало; но со временем преимущественно с XVI в. начинает употребляться единств. *книга* вместо до тех пор обычного множ. *книгы*, последнее удержалось до наших дней в выражении modlicí knížky 'молитвенник'[9].

Одним из наиболее вероятных источников слова kъniga является ассир. kunukku 'печать', которое пришло в славянские языки через армян. kənik[10], но вошедшее в славянские языки через тюрков. Этим следует объяснить передачу *к* звуком *г* между гласными. Разбираемое слово первоначально еще могло иметь значение 'печать', лишь позднее 'буква', 'письмо', 'книга', в последних значениях оно употреблялось только во множественном числе.

Обратимся к данным памятников.

В евангелиях мы встречаемся со словом кънигы в значении 'буква', 'азбука', ср.: бѣ же и написание написано надъ нимъ. кънигами елинъсками и римъсками і еврейскими. сь естъ цр҃ъ иудеискъ (Лук. XXIII, 38, Мар., в остальных так же).

При первоначальном значении слова kъniga 'печать' вполне естественно употребление кънигы в значении 'алфавит'.

Неудивительно употребление кънигы в значении 'грамотность', 'умение читать знаки письма'. В этом значении его встречаем Ио. VII, 15: и дивлѣахѫ сѧ иудеи глаголѩште. како сь кънигы оумѣатъ не оучь сѧ (Мар., в остальных так же, кроме Сав., где отсутствует это место), в греч. καὶ ἐθάυμαζον οἱ Ἰουδαῖοι, λέγοντες. Πῶς οὗτος γράμματα οἶδε, μὴ μεμαθηκώς.

Разбираемое слово в Супр. рук. встречается в значении 'письмо', 'записка', греч. ἐπιστολή ср.: не прѣзьрѣ нъ кънигы написавъ. и посълавъ того поуштаѧше (188, 14—16); авиѥ казнь заповѣда. и книгы написавъ посъла на нарочита мѣста (199, 17—18).

Следующим значением разбираемого слова является 'рукопись' или 'книга' (в современном значении этого слова), ср. примеры: Лук. IV, 17: і въздаша емоу кънигы исаиѧ пророка. і разгънѫвъ кънигы. обрѣте мѣсто идеже бѣ написано (так во всех, кроме Зогр., в котором нет этого места); Лук. IV, 20: і съгънѫвъ кънигы въдастъ слоужьѕѣ и сѣде (Асс., в Мар. вьдавъ, в остальных то как Асс., то как Мар.); и вь сихъ книгахъ чте сѧ роумъскы (Супр. рук. 142, 21); не могѫ рєѵѣ чисти. книгы бо сѫтъ печатьлѣны (Там же, 247, 4—5); Мрк. XII, 26: нѣсте ли оучли въ кънигахъ мосеовахъ (так во всех); Лук. XX, 42: а самъ дв҃дъ гл҃етъ

[9] J. Gebauer. Slovník staročeský, d. II. Praha, 1916, стр. 68.

[10] См.: E. Berneker. Указ. соч., стр. 664; J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 173. — Другое толкование этимологии слова см.: M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Heidelberg, 1953, стр. 102—103.

въ кънигахъ псаломъскыхъ (так во всех) и т. д. Обычно в подобных примерах в греч. соответствует βίβλος.

Известно **кънигы** в значении 'повествование', например, Мф. I, 1: **кънигы рождьства іс̃ хр̃а. сн̃оу давъідова. сн̃оу аврамлѣ. аврамъ роди исака. исакъ же роди иакова...** и т. д. (Сав., в Асс. **родитва**, Остр. **рожъства**, в Мар. и Зогр. нет этого места).

К этому значению примыкает другое — 'писание, выполненное пророком или богом', ср.: **отъвѣщавъ же іс̃ъ рече имъ. блаждите не вѣджште кънигъ. ни силы бжиꙗ въ въскръшение бо ни женатъ сѧ ни посагаютъ** (Мф. XXII, 29—30). Это место находится только в тетре. Отсюда часты сочетания слов: **да съвъждътъ сѧ кънигы пророчъскыꙗ** (см. Мф. XXVI, 54, 56; Мрк. XIV, 49; Ио. XIII, 18; XIX, 28—36 и др.).

Таковы значения слова **кънигы**, встречающегося много раз во всех памятниках старославянской письменности, кроме Клоц. сб. и Киев лл., в которых это слово отсутствует.

Правда, в последнем значении встречается еще **писание**, которое в евангелиях находим всего один раз Лук. IV, 21: **начатъ же глати къ нимъ. ѣко дънесь съвъıстъ сѧ писание се... къ оушию вашею** (так Мар., Асс., Остр.; в Сав. **псание**, а в Зогр. нет этого места).

В первоначальном переводе Лук. IV, 21 могло читаться только **пьсание**, если не **пьсаное**, как в Зогр. Ио. XV, 25, в значении 'написанное'. Форма **писание** стало употребляться взамен **пьсание** в восточной Болгарии, притом в новом значении 'послание'; из этого значения позже и развилось 'пророческое изречение' (примеры см. ниже).

До приведенной выше цитаты из Лук. IV, 21 рассказывается о том, что Иисус читал вслух книгу Исаия пророка, после чего он и стал говорить, что **дънесь. съвъıстъ сѧ пьсание се. къ оушию вашею**, т. е. сегодня сбылось то, о чем написано в книге, которую читал Иисус.

В Асс. Ио. XIX, 37 (л. 110с) написано: **и пакъи дроугое пісание гл̃тъ: възьрятъ на нь. его же пробасѧ.** В Мар., Зогр. и Остр.: **дроугъıꙗ кънигы**, в Сав. нет этого места. В Асс. здесь несомненно обновленный текст и **писание** тут уже в значении 'пророческое предсказание'.

В Син. трб.: **вѣроуемъ писанью. і кръщаемъ сѧ въ ст̃ѣмь троицѣ** (67б, 7—8). И тут, надо полагать, **писанью** вм. **кънигамъ**.

В Супр. рук. оно уже употреблено 26 раз при 25-кратном употреблении **кънигы**, ср.: **и ст̃аго писанию въземи оуказанию** (356, 22—23); **еваг'гелиско бо писанье глаголетъ** (545, 27—28); **пророчъско коньчаваше сѧ писание** (403, 7—9); **рече бж̃ие писание къскмь величаша сѧ странъı** (102, 26—27) и т. п.

В этом памятнике появляется и слово писмѧ, в значении 'знак письма', 'буква'. Ср.: не пиши цр҃ъ жидовьскъ. почто не пиши. что въı врѣдъ творатъ писмена(ѫ). коего въı имѣниа или притажаниа лихоуѥтъ истонъное писмѧ. нъ аште и фарисеи се глаголѧште къ пилатоу. ставьıхѫ кго писати истинъı писмена (404, 2—7); начьнъ же отъ мосеа... прьвоуоумоу начрътавьшоу писмѧ (478, 5—7); дадатъ са рече запечатьлѣнъıм книгъı. мѫжоу вѣджштоу писмена (246, 8—9). По всей вероятности, первые переводчики не знали слова писмѧ в значении 'знак письма', 'буква'. В противном случае им не потребовалось бы употреблять в этом значении слово кънигъı.

Слово писмѧ в значении 'буква', 'знак письма' встречается в ряде других памятников, в которых явны черты восточноболгарской редакции. Так, в Словах Григория Назианзина: да не тъуиѫ потьрена бѫдѫть зълаа писмена: нъ и къпишѫгь са оунъшаа (106в, 1—4); аще ли сице же имаши и знаменанъ кси добръı писменъı (142г, 14—17); и законоположение соугоубъ овъ писменелмъ овъ же дх҃омъ и ино имиже уьсти приимахѫ древлѥ (247б, 16—21) и др. В данном памятнике слово кънигъı употребляется строго в значении βιβλος, ср.: прьвое бо ст҃ъıнѫ почитам кънигъı народоу: съказатель бъıсть сих҃ъ (47в, 10—13); кгда шести дънъ кънигъı кго поуитаѫ (82а, 2—4); слово приравьнати страстех҃ъ. къıм кънигъı го къмѣстать (248г, 20—21, 249а, 1—2) и т. п. Вместо кънижьникъ, которое встречается редко (см., напр., 193а, 15), здесь находим новые термины: писатель, писательникъ, писальникъ, ср.: зълии писателѥ паүе нъ зълъ мъногъıх҃ъ же (171а, 5—8); азъ томоу не гржбъ писательникъ: къписам ѥже напсалъ (142в, 21—142г, 1—3); ржка зълаго писальника (68а, 12—13) и др.

В Пандектах Антиоха по сп. XI в.: слоужителѧ новоу завѣтоу. не писмени нъ дх҃оу. писмѧ бо оумрьщвлѣть. а дх҃ъ живитъ (103в, 5—11); оуселенѫ отъ вашего покелѣниа прихх҃ъ. нъ имьже писменна бодъх҃ньнаго оуѵенна съвѣдѣтельска трѣбоваѫ (138а, 12—19). В последнем примере писменна (съвѣдѣтельс(т)ка) —прилагательное. Однако в этом памятнике слово кънигъı встречается еще в старых значениях, ср.: ако да бъı видѣлъ хоудожьнаа области братьеѫ по гл҃ющимъ книгамъ (248г, 6—10). Тут книгамъ, надо полагать, — 'проповедям', 'св. писаниям'; рѣша книгъı. ѥже наүатъ іс҃ъ творити же и оуүити (245в, 13—16). Здесь книгъı 'книга'.

Те памятники, которые употребляют только слово кънигъı в самых различных значениях: 'буква', 'алфавит', 'книга', 'священное писание' и т. д., знают только прилагательное кънижьнъıи, ср., например: къ съвитъцѣ кънı(жь)нѣмъ пишетъ: о мнѣ (Син. пс. XXXIX, 8). Оно встречается и в Словах Григория

Назианзина: **пооучениѥ имъ створи книжьноѥ** (54а, 21—54б, 1—2); **сь же въ инѣхъ гласъхъ кънижьнъихъ** (83г, 2—4). Один раз находим это прилагательное и в Супр. рук. в предложении: **въ кънижънъихъ роудахъ. въ поустошь бѣдиши** (335, 2—4). Однако в этом памятнике употребляется и прилагательное от **писмо**, ср.: **дѣломъ писменьноѥ слово съкрышаѥ** (530, 25—26); **въ повѣсти писменьнѣи лежаи оумъ** (345, 19).

На основании приведенных данных можно предполагать, что в эпоху первых переводов **писание** не было употребительно в том значении, в каком оно известно в Супр. рук., Словах Григория Назианзина, Пандектах Антиоха и т. д. Словом **писание**, если исходить из текста Лук. IV, 24: **днесь събысть сѧ писание се въ оушию вашею**, первые переводчики передавали буквально греч. ἡ γραφη 'написанное' или 'изображенное', а 'не священное писание'. В противном случае не встречались бы такие сочетания слов, как: **кънигы исаиѧ пророка; въ кънигахъ мосеовыихъ**, особенно: **не вѣдѫште кънигъ. ни силы бжиѧ** и т. д. (см. приведенные выше примеры).

По всей видимости, первые переводчики не знали и слова **писмо** в значении 'буква', 'знак письма'. Правда, это слово один раз встречается Мф. V, 18 во всех старших списках евангелий, кроме Мар. и Сав. (в которых нет этого места) в тексте: **аминъ глѣ̄ камъ. доидеже прѣидетъ нб̄о и зе̄мѣ. писмо единоⷨ. ли единаⷨ оурѣта. не прѣидетъ ѿтъ закона** (Асс., л. 119а, 11—16); так же в Зогр. в Остр. это место повторяется дважды, причем на л. 213 читается **писмо**, а на л. 229 — **ота**. В греч. Ἀμὴν γάρ λέγω ὑμῖν, ἀν παρέλθῃ ὁ οὐρανὸς και ἡ γῆ, ἰῶτα ἕν, ἢ μία κεραία οὐ μὴ παρέλθῃ, ἀπῦ τοῦ νόμον, ἕως ἄν πάντα γένηται.

Таким образом, в приведенном славянском тексте словом **писмо** переведено греч. ἰῶτα 'самая малая часть' или точнее — 'самый маленький знак': «ни одна точка (самый маленький знак) или ни одна черта не выпадет из закона».

В памятниках восточноболгарской письменности слово **писмо** в указанном значении заменено словом **ота** или **гета**, ср. приведенное место из Мф. V, 18 в Остр. на л. 229, в Пандектах Никона Черногорца: **ѡта единаⷨ и оурѣта единаⷨ**. В Дечян. ев. **ѡгета единаⷨ или оурѣта единаⷨ**. В Святослав. изб. 1073 г.: **гета единоⷨ** (= греч. ἰῶτα ἕν) и т. д.

Эти данные не оставляют сомнения в том, что в эпоху первых переводов существовавшее в языке южных славян слово **писмо** еще не было известно в значении 'буква', 'знак письма'.

Итак, изложенное позволяет констатировать следующее:

1. В эпоху первых переводов апракоса в языке южных славян существовало многозначное слово **кънигы**, которым первые переводчики переводили греч. τὸ γράμμα, ἡ γραφή, γράμματα, βίβλος и др. Об этом ясно свидетельствуют Асс., Сав., Остр., Мар.

и Зогр (последние частях, которые входили в апракос).

Многозначность южнославянского слова knigy, принесенного туда, по всей видимости, булгарами-тюрками, известна и ныне, ср.: словн. knjiga 'книга', 'литература', 'часть желудка животного'; серб.-хорв. *књига* 'письмо', 'книга', 'учение', 'бумага'; болг. *книга* 'книга', 'писчая бумага', 'письмо', 'грамота'.

2. При составлении тетра первые же переводчики использовали бытовавшее в Моравии и Паннонии местное **боукъви** при переводе Лук. XVI, 6 и 7 для передачи специфического значения 'долговая книга', 'расписка' или 'грамота'. Данное допущение основывается, во-первых, на том, что указанное слово встречается именно в части евангелия, не входившей в апракос; во-вторых, что по существующим данным слова от германского корня *buk-* были более распространенными и живыми в Моравии и Паннонии (о чем см. выше).

Употребление слова **боукъви** в различных памятниках в тех же значениях, что и **кънигы** убеждает в том, что указанные слова не одного, а разных славянских языков. В противном случае одно из них как дублетное слово сразу же вышло бы из употребления. Кроме того, германское *buk-* прежде всего могло быть заимствованным теми славянами, которые соседили с германцами. Помимо этого известно, что немецкое духовенство начало распространять христианство в Моравии и Паннонии не позднее начала IX в., как свидетельствует о том письмо зальцбургских епископов к папе от 873 г.

3. В восточной Болгарии слово **писмо** (ранее имевшее значение ἰῶτα) приобрело и стало употребляться в значении τὸ γράμμα буква', 'знак письма'. Наряду с этим и слово **писание**, образованное присоединением к основе причастия **писан-** суффикса **-ие**, так же как: **дѣание**, **желание**, **знание** и т. п., стало употребляться в значении 'священное писание', 'пророческое изречение'. В этих значениях слово **писание** едва ли могло бытовать в устной народной речи. По указанной причине предполагаем, что слово **писание** возникло в среде книжников.

Новые термины **писмо** и **писание** сузили семантику слова **кънигы**, которое стало употребляться в значении 'книга' βίβλος. Однако, например, в Супр. рук. слово **кънигы** встречается во всех старых значениях, ср.: **дадатъ са рече книгы пеуатьлѣнъıм мжжоу оумѣжштоу книгы** (246, 30—247, 1). В первом случае **книгы** 'книга', а во втором — 'буквы'. Последнее, как отметили выше, 246, 9 заменено на **писмена. Прѣдъ сънъмъ молитвы творяше. и кънигы поуиташе** (274, 27—28), т. е. читал священное писание; **слоко повѣстиж и слоухомъ оукаазатъ са. тѣхъ же и книгы мльуашта подражаникмъ показажтъ** (83, 12—15), тут **кънигы** 'написанное, изложенное письменно' и т. д. Употребление при этих условиях **писмо** 'буква', **писание** 'священное писание'

с несомненностью свидетельствует, что Супр. рук. является восточноболгарской редакцией. При редактировании во многих случаях **кънигы** были заменены словами **писмо** и **писание**, однако недостаточно последовательно.

Кънигъѵии — кънижьникъ

Ягич пишет: «**Кънижьникъ** (γραμματεύς) очень рано передается еще через **кънигъѵии**, так Мф. XXIII, 13, 15, 23 в Мар., а также в Зогр. Делается это, возможно, не без смысла, но эти три места не представлены в старших списках евангелий-апракосов. В Остр. имеется уже **кънигъѵии** (вместо **кънижьникъ**) Мф. XIII, 19; XXIII, 29, 34 (в этих местах также в Зогр. и Асс.), однако в них все же преобладает употребление **кънижьникъ**. Так же в Супр. рук. употребляется последнее слово» (Entst. 289).

К. Горалек, ссылаясь на мнение В. Вондрака, считает, что **кънигъѵии** является особенностью дополнительного текста апракосов (имеется в виду Мф. XXIII). Наличие формы **кънигъѵии** в Асс. Мф. XXIII, 34, в Остр. там же, а также Мф. VIII, 19 и XXIII, 29 Горалек объясняет влиянием текстов тетра на апракосы[1].

Обратимся к данным памятников.

Мф. XXIII в Мар. 4 раза употреблено **кънигъѵиѭ** во фразе: **горе вамъ кънигъѵиѭ и фарисѣи і ѵпокрити** (см. стихи: 13, 14, 15, 23). В Зогр., кроме указанных мест, встречается **кънигъѵиѭ** еще в стихах: 27, 29 и 34. В последнем стихе то же слово употреблено в Асс. и Остр. Как отмечено Ягичем, в Остр. и в стихе 29 читается **кънигъѵиѭ**. Кроме того, Мф. XIII, 19 в Остр. и в стихе 29 читается **кънигъѵиѭ**. Кроме того, Мф. XIII, 19 в Остр. читается: **и пристѫпль кдинъ кънигъѵи. и рече кмоу оучителю идѫ по тебѣ**. В Асс., Арх., Сав., Зогр. и Мар. здесь написано **єдінъ отъ кънижьнікъ**.

Слово **кънигъѵии** дважды употреблено в Супр. рук.: **отъвѣживѣ кънигъѵии прѣштены** (472, 9—10); **лѣпо же бѣ правдѫ изліха имѣти. паѵе книхѵии и фарисѣи** (135, 24—26). Характерно, Лук. XV, 2 в Зогр. и Мар. читается: **і ръпътаахѫ фарисѣі і кънижьници гл҃ште**, а в Беседах папы Григория на евангелие: **и ръптахоу. фарисеи и книгъѵиѭ гл҃це** (230г, 17—19). В житии Константина (глава XVI) в цитате из Мф. XXIII, 14, как и в Мар. и Зогр., читается **книгъѵіѭ**, **книгъѵіѭ** пишется и в Лук. XI, 52 в той же главе.

[1] См.: K Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia Praha 1954 стр. 93—94

В остальных случаях на месте греч. γραμματευς в евангелиях употреблено слово кънижьникъ за исключением Мф. XXVI, 57 в Остр., где вместо кънижьници читается кънязи, ср.: воини же емъше иса вѣсѧ и къ каиафѣ архиереові. идеже кьжніжьници и старьці съвьрашѧ ся (Асс., в Остр.: кънязи и старьци людьсци); Мф. XXVI, 3: тъгда съвъраша ся архиереи и кънижьници и старьци людьстии на дворъ архиереовъ (Мар., так же в Зогр., Сав., Остр. Арх., но в Асс. здесь слово кънижьници отсутствует).

Таким образом, Сав., Арх. не знают слова кънигъчии. Не знают его Син. пс. и Син. трб. В первом на месте греч. γραμματεύς дважды встречается кънижьникъ, ср.: ѩзъікъ мои тръстъ кънігжника ѩдропішьца (XLIV, 2); оуста моѣ възвѣстѧтъ правъдж твоіж... ѣко не познахъ кънігжника (LXX, 15). В Син. трб. интересующее нас слово также употреблено дважды: помани кънижъникъі. не съмѣвъшмьа къзати. съребра цѣнъі его. ставъша прѣдъ пилатомь. і облъгаемъ естъ. кънижъникъі. і старъци... (49а, 20—25).

В Супр. рук., кроме двухкратного употребления кънигъчии, встречается 4 раза слово кънижьникъ, ср.: тъгда и книжьникъ самѣхъ виждь (333, 7—8); сицевъ недъгъ фарисеи и книжьникъ. иже прѣжде зъванига чътѧгъ и нарицати са оучителемъ величаѧтъ са (339, 19—22); бѣжимъ неоуподарениа и хоулъі. то бо старѣишинъі жьрьцемъ. и книжници жидовьсти. на христоса оубиникъ възбѣсиша. се старѣишинъі жърцемъ и книжьникомъ. безоумьнѣиша младеньцемъ сътвори (340, 14—19).

В Клоц. сб. и Киев. лл. интересующие нас слова не встречаются.

По мнению Ягича (см. выше) и Вондрака[2], в первичном переводе греч. γραμματεύς было передано словом кънижьникъ, которое очень рано стало заменяться другим словом кънигъчии. Если бы дело обстояло так, то следовало бы в каких-то памятниках ожидать интенсивного вытеснения первого слова вторым. Подобное явление мы наблюдаем, например, в памятниках восточноболгарской редакции, в которых ашють и спъіти вытесняются словом безоума, соответственно: етеръ — нѣкъіи, женихъ — невѣстьникъ, дрьколь — жрьдь, съньмъ — съборъ и т. д. Со словами кънижьникъ и кънигъчии ничего подобного не наблюдается.

Невозможно обнаружить какую-либо разницу в значениях между кънижьникъ и кънигъчии, поскольку они встречаются в одних и тех же предложениях, ср.: и пристжпль кдинъ кънигъчи. и рече емоу оучителю идж по тебѣ (Мф. VIII, 19, Остр.), в других: и пріступлъ єдінъ отъ кънижьнікъ...; се аз сълж къ вамъ прки. и прѣмждръи и кънигъчіа (Мф. XXIII,

[2] См.: «Даничићев зборник». Београд—Љубљана, 1925, стр. 12

34, Acc., в Остр. так же), в остальных: **кънижьникъı**; **о горе камъ кънигъıиимь и фарисеи. лицемѣри** (Мф. XXIII; 29 Остр., так же в Зогр., в котором вместо **лицемѣри** находим **оу҃покрити**), в остальных: **кънижьници**.

Все эти примеры наводят на мысль, что мы имеем дело со словом, не до конца вытесненным другим. При этом слово **кънигъıии** могло быть употребленным первыми переводчиками и при составлении тетра. Едва ли можно иначе объяснить его наличие в Мф. XXIII. По данным словарей Миклошича и Срезневского, слово **кънигъıии** встречается еще в Шишов. апостоле, в Минее Михановича, в Избр. Свят. 1073 г., в Малых пророках списка Упыря Лихого и т. д.[3]

Кънигъıии — образование такого же типа, что и **кръмъıии** или **кръмъıиица**, **ловьıии**, **сокаıии** или **сокаıиица**, **шарьıии**, ср. **кръмьıиимь оубиша. сѫштиіхъ с нимъ. въ глѫбинѣ потопатъ** (Супр. рук., 472, 13—14); **тъ іѕбавітъ мѧ отъ сѣти ловьıѧ** (Син. пс. XC, 3, то же повторено в Супр. рук. 70, 23); **сокаıиа хѫдъı: вечерѣ благо готова** (Слова Гр. Наз. 26в, 1—4); **шаръıиа на єдной дъстѣ. и образъı ѹрътаіѫтъ и истинѫ пишѫтъ шаромъ** (Супр. рук., 418, 1—2).

Все перечисленные слова являются существительными, образованными присоединением суффикса -**ıии** к основе имени. Данный суффикс придает значение 'специалист', 'мастер', так: **кръмъıии** 'рулевой', **ловъıии** 'охотник', 'мастер по ловле зверей'. **сокаıии** 'повар', **шаръıии** 'художник', 'умеющий писать образы красками'; **кънигъıии** 'знающий книги', 'грамотей'.

По своему происхождению суффикс *-čijь* признается тюркским. В предыдущей главе было сказано, что слово **кънигъı**, являющееся по происхождению ассирийским, перешло к славянам через армянское kənik, но не прямо, а через тюркское посредство. Образование формы **кънигъıии** дает повод для допущения, что на Балканский п-ов слова **кънигъı** и **кънигъıии** были принесены булгарами так же, как, по нашим данным, и слова **печать** и **печатьлѣти** от грузин. bèčedi. Некоторые, как М. Фасмер, полагают, что само слово **кънигъı** представляется тюркско-болгарским[4]. Однако это мнение убедительно отводится К. Менгесом[5]. Вероятным является то, что **кънигъıии** принесено на Балканский п-ов булгарами, потомки которых чуваши до сих пор знают это слово в виде *кънекеçĕ* (чит. кънe-

[3] См: F. Miklosih. Lexicon palaeoslovenico—graeco-latinum. Vindbonae, 1862—1865, стр. 293; И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стб. 1395.

[4] См.: M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. II. Heidelberg, 1955, стр. 425.

[5] См.: K. H. Menges. Schwierige slav-orientalische Lehnberiehungen. «Ural-Altaische Jahrbücher», Bd. XXXI. Wiesbaden, 1959, стр. 183 и след.

ḳeş'ə) 'книжник'[6]. Древний суффикс *-čĭ(jь)* в современном чувашском звучит обычно как -ş'ь, ср. *тимĕрçĕ* 'кузнец' от *тимĕр* 'железо'[7]. Ср. башк. *тимерсе*, татар. *тимирче*, узбек. *темирчи*, азерб. *дəмирчи*. Таким образом, современное чув. *кенекеçĕ* из древнего кəпеḳеçĕ, которое на славянской почве естественно стало произноситься как kъnigъčijь.

Сказанное дает основание предполагать, что в первичном переводе апракоса для передачи греч. γράμματεύς было использовано наличное в речи солунских славян слово **кънигъчии**. Основанием для такого утверждения является факт использования этого слова и в поздних болгарских переводах и сочинениях, как Изборн. Свят. 1073 г., сочинение Черноризца Храбра «О писменехъ», ср. в последнем: **аще бо къпросиши книгъчиѧ гръчьскыѧ гл҃ѧ**[8], и др. Невозможно допустить, что Мф. XXIII, 34 в Асс. слово **кънигъчиѧ** могло появиться в результате редакционного пересмотра этого памятника где-нибудь на территории Болгарии. Дело в том, что текст Мф. XXIII, 34—39 во всех списках апракоса и тетра совпадает, за исключением отдельных слов. Так, в Арх., Мар., Зогр. читаем: **прькъı и прѣмждръı. і кънижъникъı** (34), в Асс. и Остр. **кънігъчіѧ**. В Арх., Мар.: **і отъ ниχъ бѣете на соньмиштихъ** (Мар. 34, в Арх.: **бисте**), в Асс.: **и отъ ніχъ тепете. на сьньмицииχъ**, в Остр.: **на съборицихъ**, в Зогр.: **оутепете**. Различение в значениях **тєти** и **бити** характерно для памятников самых древних списков, с чем согласен Ягич (Entst. 406)[9]. **Бити**, восходящее к и.-е. **bhei-* / **bhī-*, означает 'удар чем-то', 'ранение', 'убийство', а **тєти — тепѫ** < **tep-* / **tьp* несомненно звукоподражательного происхождения означает удар, сопровождающийся звуком. Более сильные удары, приносящие значительный вред или смерть, бесспорно означались словами от корня **bhī-*, а слабые — от корня **tep-*. Мф. XXIII, 34 речь идет не об убийстве или серьезных ранениях, а о наказании ударами, поэтому здесь уместно употребление **тепете**. Однако ср. в этой же главе стих 35: **кръвє захариѧ сн҃а варахіина. его оубісте междоу цркoвиж и олтаремъ**. Поскольку здесь идет речь об убийстве, то законно употреблено слово от корня **bhī-*. В поздних списках, особенно в восточноболгарских редакциях памятников, указанная разница

[6] См.: Н. И Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. VII. Чебоксары, 1934, стр. 257. Знак ˘ под буквой обозначает озвончение *к* и *с*, которые произносятся как нечто среднее между *к* и *г*, *с* и *з*.

[7] Там же, вып. XIV, 1937, стр. 45.

[8] См.: П. Лавров. Указ. соч., стр. 164.

[9] К. Горалек сомневается в том, едва ли каждый случай употребления **тєти** свидетельствует о первичности этого слова, см.: «Evangeliáře a čtveroevangelia», стр. 84.

между **бити** и **тєти** стерлась, поэтому они употребляются беспорядочно или второе совсем вытесняется первым.

Нет сомнения в том, что **сънѣмъ**, **сънѣмиштє** относятся к первичным словам, которые в восточной Болгарии были заменены словами **съборъ** и **събориштє** (о чем ниже в специальной главе).

Следует указать, что в этой главе в стихе 37 в Асс. употреблено **лжа**ѣ, которое, как видели выше, нельзя относить к вторичным.

Словом, по приведенным данным Мф. XXIII, 34—39 Асс. сохраняет текст первичного перевода. В Остр. черты этого перевода сохранились в употреблении слов **кънигъуиѩ** и **тєпєтє**, хотя в нем **сънѣмиштє** и **лжа**ѣ заменены другими: **събориштє** и **кокошь**.

Мнение, высказанное Ягичем[10], Вондраком и Горалеком, что **кънигъуии** было введено в текст апракоса в его дополнительно переведенные главы, не аргументировано и противоречиво. Если согласиться с указанным мнением, тогда естественно следует предполагать, что первые переводчики, переводившие до приезда в Моравию апракос, для передачи греч. γραμματεύς использовали **кънижьникъ**, почему-то не желая использовать бытовавшее в языке солунских славян слово **кънигъуии**. Те же переводчики уже в Моравии при переводе дополнительных глав евангелия, первоначально не входивших в апракос, решили либо заменить **кънижьникъ**, либо вновь включить рядом с ним еще слово **кънигъуии**, которое в Моравии едва ли было известно. Спрашивается: для чего? На этот вопрос ответа получить невозможно. Допущение же, что в первичном переводе было только слово **кънигъуии**, которое в Моравии решили заменить словом **кънижьникъ**, как видели, подкрепляется рядом неоспоримых фактов.

Кънижьникъ бесспорно образовано от основы прилагательного **книжьнъ**, так же как: **грѣшьникъ** от **грѣшьнъ**, **длъжьникъ**, **правьдьникъ** и т. п. Можно констатировать, что **книжьникъ** не представляет обычное, так сказать, живое образование на южнославянской почве. Оно, по всей вероятности, возникло в среде грамотеев и до сих пор не вошло, например, в южнославянские языки, в которых ст.-слав. **кънижьникъ** соответствует болг. *книжевник*, серб.-хорв. *књижевник*, словн. kniževnik.

Сказанное позволяет констатировать, что первые переводчики в процессе составления тетра или позже решили заменить **кънигъуии** словом **кънижьникъ**, так же как и **врагъ** словом **бѣсии**, соответственно **блюдо** — **миса**, **жизнь** — **животъ**, **лжкавъıи** — **непрїѣзнь** и т. д. Что дело обстояло именно так, под-

[10] См.: И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие. С примечаниями и приложениями. СПб., 1883, стр. 470.

тверждается фактом употребления только слова **кънижьникъ** в памятниках, переведенных в Моравии, как Син. трб., или отредактированных там же, как Син. пс. Возможно, что Мф. XIII, 34 и Acc. Мф. XIII, 19; XXIII, 29 и 34 в Остр. слово **кънигъуии** остались по недосмотру. Употребление Мф. XXIII, 13—15, 23 в Мар., там же еще 27, 29, 34 в Зогр. по всей видимости следует понимать так: в процессе составления тетра, как и при переводе апракоса, переводчики первоначально ориентировались на слово **кънигъуии** в передаче греч. γραμματεύς. Об этом же косвенно свидетельствует перевод лат. scriba словом **кънигъуии** в цитате из Лук. XV, 2 в Беседах папы Григория на евангелие, а также цитаты из Мф. XXIII, 14 и Лук. XI, 52 в житии Константина.

Ложе — одръ

Оба слова передают греческие κλίνη 'постель', 'кровать', κλινίδιον 'носилки', κοίτη 'постель', 'кровать', 'ложе', σορός 'гроб', а также κράββατος. Приведем примеры: Мф. IX, 7 в Мар. и Асс.: **тъгда гл҃а ослабленоумоу въставъ возьми ложе твое. і иди въ домъ свои**, а в Зогр., Сав. и Остр.: **одръ**, в греч. κλίνη. Лук. V, 19 в Зогр. и Остр.: **низвѣсиші и** (ослабленного жилами. — *А. Л.*) **съ ложемь прѣдъ і҃с҃а** (в Остр. **ложьмь**), а в Мар., Асс. и Сав. **съ одромь**, греч. κλινιδιῳ. Лук. V, 24 в Зогр., Асс. и Остр.: **възьми ложе твоѥ и иди**, а в Мар. и Сав. — **одръ**. Кроме этого, Лук. XI, 7 в Мар., Зогр., Асс. и Остр. **і дѣти моѩ съ мъною на ложи сѫтъ** (в Сав. отсутствует эта фраза), греч. κοίτη. Лук. XVII, 34 в Зогр. и Мар.: **въ тѫ ношть бѫдете дъва на ложи единомь**, греч. κλίνη; в апракосы не вошло это место.

Приведенными примерами исчерпываются случаи употребления слова **ложе** в анализируемых списках евангелий и вместо него, как видели, часто употребляется в отдельных списках слово **одръ**, причем последнее в евангелиях встречается чаще слова **ложе**. Ср.: Мф. IX, 2 во всех списках: **і се принѣсѧ емоу ослабленъ жилами на одрѣ лежѧщъ**, в греч. ἐπὶ κλίνης. См. еще: Мрк. IV, 21, 30; XIII, 16. Лук. VII, 14 во всех списках, кроме Сав., в последней отсутствует место: **і пристѫпь коснѫ въ одръ. носѧштеи же сташѧ**, в греч. σορός. Мрк. II, 9 во всех списках: **въстани и вьзъми одръ твои и ѯоди**, в греч. κράββατον. Это же греч. слово передано словом **одръ** еще: Мрк. VI, 4; VI, 55; Ио. V, 8, 9, 10, 11, 12.

В Син. пс.: **измъною на вьсѣкѫ ноⷳъ ложе мое** (VI, 7), в греч. κλίνη, однако: **вьзлѣзѫ на одръ постельѧ моеѧ** (CXXXI, 3), хотя в греч. ἐπὶ κλίνης, то же XL, 4 **одръ** на месте того же

греч. слова; **безаконніе свое помъıслі на ложі своемъ** (XXXV, 5), в греч. κοίτη. Это же греч. слово переведено словом **ложе** в IV, 5 и XL, 4: **скоумені ... въ ложиχъ своіχъ лѣгѫтъ** (CIII, 22), в греч. μάνδρα 'логовище'.

Таким образом, в Син. пс. слово **ложе** встречается чаще сравнительно с **одръ**.

В Син. трб. также преобладает употребление слова **ложе**, см.: 24б, 28; 30б, 17; 36а, 6; 37а, 21; 42б, 6; 73а, 15; а слово **одръ** находим 25б, 8; 26б, 4; 39б, 16. Причем оба слова встречаются в идентичных фразах, ср.: **въздвигни и отъ ложа немощьнаго** (30б, 15—16); **въздвигни і отъ одра грѣχовънаго** (25б, 8); **въздвиглъ еси ... ѳ.одра немощьнъıχъ** (39б, 14—16).

В Клоц. сб. и Киев. лл. нет разбираемых слов. Супр. рук. знает только слово **одръ**, которым передано: κλίνη, κλινίδιον, κράββατος и σορός: **повелѣ на мѣкъцѣѣмъ семъ одрѣ почити ми** (118, 23), κλίνη; **възми свои одръ и χоди** (457, 3—4), κράββατος; **принесъше же одръ възложиѫъше и на нь принесоша въ преторъ** (221, 29—30), κλινίδιον; **прикоснѫ сѧ одрѣ и въстави мрьтваго** (307, 3—4), σορός.

Итак, в евангелиях преобладает употребление слова **одръ** в Син. пс. и трб., наоборот, превалирует слово **ложе**, а Супр. рук. знает только **одръ**. Изложенное делает необоснованным утверждение Ягича, что «**ложе** (κλίνη) меняется на **одръ** без предпочтения какому-либо слову» (Entst. 359), так как на самом деле одни памятники предпочтительнее употребляют **ложе**, а другие — **одръ**.

Поскольку оба слова употребляются в одних и тех же значениях, в одних и тех же сочетаниях слов, то едва ли вызовет возражение предположение, что редакторы и писцы дошедших до нас списков анализируемых памятников не видели семантического различия между ними. Характерно все же то, что во всех списках евангелий, привлеченных нами для анализа, вместо греч. σορός употребляется только **одръ**. По-видимому, в этом значении невозможно было употреблять **ложе**.

Однако рассмотрим каждое слово в отдельности.

Начнем со слова **ложе**. Оно представляет существительное, образованное от корня глагола *log-* : **log-jo* > **ложе**. Данное слово находит такие соответствия в современных славянских языках. Русск. *ложе* 'постель', 'кровать с постелью', *ложко* (южн. и зап.) 'кровать' (Даль II, 677); *ложа* (колым.) 'постель': *Вот и ляг к ней на ложу*[1]; *ложник* (кур.) 'попона из пеньковых охлопьев, слепленных шерстью, употребляемая ... для застилки постели' (Доп. 103). Укр. *ложе, ложа* 'постель', 'ложе' (Гринч. II,

[1] В. Г. Богораз Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901, стр. 76.

374); *ліжко* 'кровать', *ліжниця* 1) 'спальня'. 2) 'постель', 'ложе'; *ліжник* 'шерстяное одеяло' (Там же, 270). Белр. *ложак* 'кровать', *ложница* 'спальня' (Нос. 270). Польск. łoże 'ложе', łożysko 'ложе', 'логовище' и др.; łożna niemoc 'тиф', łożnica 'спальня', łożko 'кровать', 'постель'. Чеш. в «Slovnik'e staročeský» Гебауэра: lože 'место', 'постель', ložko уменьш. к lože; ložisče, приведены с пометой «ст.-сл.», в современном: lože 'место для лежания, для сна', 'постель' (книжн.), lůžko-lože, lůže-lože (книжн.). Эти данные свидетельствуют о том, что в чешском языке слова lože, lůže и все производные от них ныне воспринимаются как книжные, старославянские. Словн. lož 'логовище зверя', переносно — 'убогая постель', lože-lož 1) 'логовище зверя', 2) 'послед' (плацента). Срб. *ложа* 1) 'логовище' (напр., зайцев), ср. *легало, лежај: убио зеца на ложи*; 2) 'послед'. В тех же значениях приводится еще: *легло, лежај*, а также: *легало* 'ложе'. Хорв. loža, lože 'место для лежания': а) 'где лежат слуги' (челядь), б) 'логовище дикого зверя', в) 'покрывало на постель'. Болг., в словаре А. Дювернуа нет слова *ложе*, там приведено: *легло* 'ложе', *легало* 'постель', *леговище* 'постель', 'логовище'; в словаре Н. Герова: *ложа* 'послед'; Младенов в «Етимологически речник» приводит *ложе* с пометой книжн.; обл. 'послед'.

Приведенный материал показывает, что южнославянские языки ныне слово *ложе* знают в значениях: 'логовище', 'скудная, бедная постель', 'послед'. В чешком языке слова lože, lůže ныне воспринимаются как книжные, но возможно, что когда-то они были и собственно чешскими.

Приведенные данные показывают, что основным в значении слова lože является 'место для лежания'. Другие значения: 'постель', 'кровать', 'покрывало на постель' и т. д. — надо полагать, развились переносно от первичного 'место для лежания'.

Разбираемые памятники старославянской письменности свидетельствуют о том, что уже в эпоху переводов церковных книг на славянский язык **ложе** было известно в значениях 'место для лежания', 'постель'.

Слово **одръ** находит себе такие соответствия в современных славянских языках. Русск. *одер* (из *одръ* после падения редуцированного) 1) 'носилки, на которых носят покойников', 2) 'род телеги', 3) 'верхняя часть телеги', 'кузов' (Оп. 138) и нек. др. (см. Даль, II, 1886). В древности слово *одръ* имело значение 'место, подмостки на стволе дерева, куда ставился улей или ульи'. Словари украинского языка не фиксируют этого слова; белр. *одрина* 'сарай' (Нос. 360). Польск. odra 'подмостки на столбах около дерева для подставки улья', 'болезнь'. Чеш. odr 1) 'сетеобразное сооружение, служащее для укрепления виноградных лоз', 2) 'подмостки (ярус) в сарае для кладки сена, снопов' и т. д., 3) 'подмостки для сушки, например, гончарных

изделий [2]; кроме того, 'сарай на гумне' (мякинник). Словн. oder известно во многих значениях, в том числе: 'подмостки', 'катафалк', 'сеновал', 'конюшня', 'хлев' и др. Серб. *одар* 'кровать', 'носилки', 'подмостки'. Болг. у Дювернуа: *одър* 1) 'дощатый пол', 2) 'открытые сени', 3) 'лавка', 'седалище', 4) 'кровать', 5) 'основание', 'почва'; *одровина* 'кровать'.

На основании приведенных данных возможно допущение, что первоначальное значение слова odrъ — 'подмостки' или какое-либо другое сооружение, служащее для того, чтобы ставить ульи, складывать сено, солому или другие вещи. Из этих значений переносно развились другие: 'сарай', 'конюшня', 'хлев' и т. п. Как видно из приведенных данных, разбираемое слово было известно и как название носилок, служащих для переноски вещей. Переносно в русском языке оно распространилось на название особого рода телеги.

В южнославянских языках разбираемое слово известно еще в значении 'кровать', 'скамейка' и т. д. Это значение могло развиться из значения специальных подмостков для лежанья или сиденья. Как показывает Супр. рук., в восточной Болгарии уже в XI в. **одръ** было известно и в значениях **ложе**.

Думается, что в первичном переводе **одръ** было употреблено для передачи греч. σορός, κλινίδιον, наоборот, κλίνη, μάνδρα и, возможно, κράββατος переводились словом **ложе**. Переводчики могли перевести: **въстани възьми ложе свое и иди къ дому свои** (Мф. IX, 7, в Асс. и Мар.), греч. κλίνη, но никак не **одръ**, так как здесь речь может идти о «постели», а не о скамье или кровати, поэтому в этом предложении в Зогр., Сав. и Остр. слово **одръ** могло появиться взамен первичного **ложе**.

Наоборот, Лук. V, 18 в Асс., Мар. и Сав.: **и се мѫжи носѧще на одрѣ. члка іже бѣ ослабленъ** (Асс.), хотя греч. κλίνης, но употребление тут слова **одръ** является правомочным, так как слабого могли носить на носилках, а не на постели. Ниже там же, Лук. V, 19 сказано: **нізьвѣсіша и съ ложемъ** (Асс.), в Мар. **съ одромь**, греч. κλινιδίῳ. Последнее, надо полагать, относится к первичным.

Иначе говоря, имеются основания предполагать, что редакторы и писцы дошедших до нас памятников не различали в значениях **ложе** и **одръ**, поэтому смешивали их употребление.

Признавать же, что одно из разбираемых слов было первичным, а другое вторичным, внесенным поздними редакторами и писцами, нет оснований, потому что оба слова являются общеславянскими, причем во многих языках и ныне различаются в своих значениях. Как показывают данные Супр. рук., а также современных южнославянских языков, в последних, особенно

[2] См.: V. Machek. O slovanskem *odrъ* «Slavia», roč XVIII seš. 1—2. Praha, 1957, стр. 72.

в восточноболгарских, говорах odrъ стало употребляться в тех же значениях, что и lože, поэтому последнее рано стало выходить из употребления. Наоборот, западнославянские языки, а также словенский язык до сих пор не знают слова odr в значении 'кровать', 'постель'. По этой причине ни в Моравии, ни в Паннонии они не могли употребляться одно вместо другого.

В евангелиях не встречается слово **постелѣ**. Его мы встречаем в Син. пс., употребленного для перевода греч. κλίνη, ср.: **слъзами моими постелиж моиж оумочиж** (VI, 7); **ѣцѣ помьнѣхъ тꙗ на постелі моеі** (LXII, 7), в греч. ἐπὶ τῆς στρωμνῆς μου. Здесь вполне возможно было сказать: **на ложи**, ср. Лук. XI, 7: **і дѣтꙗ моꙗ съ мъноіж на ложи сѫтъ**. Не совсем ясно употребление слова **постель** в таком предложении в Супр. рук.: **чии сынъ сѣ. иже въ моѥꙗ жтробъı постели играѥ** (242, 14—15), в греч. κοιτῶν. Для южнославянского перевода здесь следовало ожидать **ложи** 'плацента'.

Не является ли слово **постель** тут моравизмом?

Моудити — къснѣти

Оба слова употреблены для передачи греч. χρονίζω 'медлить', изредка βραδύς 'неповоротливость', 'медлительный'.

Несколько слов о написании **моудити**. Оно встречается и в написании через ж, напр., в Зогр.: **моудитъ мои гнъ прити** (Мф. XXIV, 48, так же в Асс., Сав. и Остр.) и **мждитъ гнъ моі прити** (Лук. XII, 45, это место в апракосы не вошло). Мейе считает, что написание этого слова то через оу, то через ж отражает древнейшую тенденцию славянских языков деназализировать носовые гласные. Далее приводятся: «ст.-сл. **мждити** 'медлить', **мждьнъ** и ст.-сл. **моудити, моудьнъ**, словн. muditi, muden, польск. mudzić», т. е. словенские и польские примеры свидетельствуют о том, что в указанных словах эти языки не знали назализации. Приводя далее **нждити** и **ноудити, гнжшати сѧ** и **гноушати сѧ**, Мейе продолжает: «Для объяснения этих колебаний можно выдвинуть две гипотезы: после носовой согласной происходила деназализация носовой гласной или назализация гласной неносовой. Поскольку ни один из этих случаев не имеет ясной этимологии, проблема остается неразрешенной»[1].

Слово **моудити** встречается в Зогр. Мф. XXIV, 48: **речетъ зълъı рабъ... моудитъ мои гнъ прити. і начьнетъ клеврѣтъı своѭ ѣсти же і пити. съ пьѣницами**, так же читается это место в Асс., Сав. и Остр., а в Мар., Ник., Хвал., Срец. вместо **моудитъ** стоит **къснитъ**. Мф. XXV, 5 и в Зогр., Асс., Сав.

[1] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 51.

и Остр.: моудштю же женихоу. въздрѣмаша са вса і съпаахж, в Мар.: къснящоу; Лук. I, 21: мѫждаше въ цр҃кѣве в Зогр., Асс., Сав. и Остр., в а Мар.: къшнѣше; Лук. XII, 45: мѫдитъ гн҃ъ мои прити... в Зогр., Асс., Сав. и Остр., а в Мар. и Ник. къснитъ; Лук. XXIV, 25 во всех описках ѡ несъмыслѣнаа и мѫдѣнаа срьдьцемь, в греч. βραδύς.

Таким образом, къснѣти встречается только в Мар. 4 раза, а в других списках евангелий последовательно употреблено моудити.

В Син. пс.: помощънікъ мои и защітітелъ мои тъı есі бж҃е мои не замѫди (XXXIX, 18), так же в Погод. и Болон., но в Соф. и Бух. — закъсни, в греч. μὴ χρονίσῃς; помыштънікъ мои ізбавітелъ мои есі тъı. гі҃ не замѫді (LXIX, 6) так же в Погод., Болон., Соф., но в Бух. — закъсни.

В Клоц. сб. и Син. трб. не встречаются разбираемые слова. Супр. рук. употребляет только моудити, например: али тъı съ клеврѣтомъ своимъ моудиши (422, 7); моудштоу невѣстьникоу въздрѣмаша са вьса и съпаахж (369, 1—2; 372, 6—7) и т. п.

Более или менее подробный список памятников, в которых встречается къснѣти, приведен Ягичем (см. Entst. 365).

Ягич в исследовании о лексике Мариинского евангелия писал, что «наш памятник переводит греч. χρονίζω глаголом къснити, Зогр. и Асс. мѫдити или моудити, так и Остр. — здесь, как кажется, старина не на стороне нашего текста, несмотря на то, что его слово къснѣти повторяется в Хвалевых списках; причина в том, что слово muditi, muden, будучи хорошо известно словенцам (и кайкавским хорватам), как ближайшим соседям старинного населения Паннонского, тем легче могло попасть в первый перевод, когда и болгары знали оба слова, ср.: напр., Изб. 1073, 256 оумоужджж (и в нашем тексте Лук. XXIV, 25 осталось мѫдьна, Ник. заменено словом касна), второе же слово пользуется особенною распространенностью у сербов и хорватов, где оно должно быть и внесено в текст евангелия» [2].

Позже, в 1913 г., Ягич писал: «Мѫдити — моудити (χρονίζω) и мѫдьнъ (βραδύς) должно быть, старше или, по крайней мере, характернее для западнославянских старших церковнославянских памятников, чем глагол къснѣти, последний изредка также встречается в старших текстах» (Entst. 365), далее ссылки на данные памятников.

Ягич, высказавшись в 1883 г. более или менее уверенно в пользу первичности моудити, позже стал писать осторожнее на эту тему, поэтому решение вопроса оставил открытым.

[2] И. В. Ягич Мариинское четвероевангелие, стр. 464

Обратимся к данным словарей славянских языков по интересующему слову. О вероятности существования в русском языке слова *мудить*, по-видимому, свидетельствует слово *мудохаться* 'медлить', 'возиться с чем-либо'[3]. Глагол этот образован от существительного *мудоха*, оформленного по типу: *обироха*, *нежоха*, *бироха*[4] и т. п. Таким образом, из *мудохаться* без особых усилий выделяется корень *муд-*. Кроме этого, в диалектах русского языка встречаются *модеть* 'мешкать', 'медлить' (кур., ряз. Даль, II, 875), *модеть* (кур.) 'дожидаться'[5], *мадеть* (тамб.) 'долго пробыть где-нибудь': *что ты там до сих пор мадел?*[6]. В русском языке слово *модеть* известно больше в значении: 'хиреть', 'болеть', 'тлеть', 'тихо гореть'. В то же время, как видно из приведенных примеров, оно известно и в значениях: 'мешкать', 'медлить', 'дожидаться'. В последних значениях слово *модеть* фонетически не совпадает с *мудить*. По всей видимости, здесь произошла контаминация *мудить* и *модеть*. Это тем более вероятно, что *мудохаться* является прямым свидетельством в пользу того, что корень мѹд- в значении 'медлить', 'мешкать' русскому языку был известен.

Словари укр. и белр. языков не фиксируют интересующего нас слова, и это является одним из косвенных показателей того, что *мудити* в восточнославянских языках очень рано стало диалектным словом. В других славянских языках: польск. mudzić 'задержаться', 'опаздывать'; чеш. muditi (стар.) то же значение[7], словн. muditi 'задерживаться', 'опаздывать'; болг. *мудност*, *мудно*, *муден* 'медленно', 'мешковато', 'неповоротливо', формы глагола от корня *муд-* словари болгарского языка не фиксируют.

Приведенные соответствия — не поздние явления, а существуют с древних пор. Невозможно обосновать, что моудити могло войти в памятники взамен къснѣти в Моравии или Паннонии, так как чешские и словацкие словари не фиксируют последнего слова, которое, видимо, рано вышло из употребления.

Каснити в сербском и хорватском языках обычное, общенародное слово в значениях: 'медлить', 'опаздывать'; болгарские словари приводят: *късне* 'запаздывать', *късно* 'поздно'; словн. kesneti, kesniti, kasniti, то же значение. Поскольку къснѣти ныне находит себе соответствия во всех южнославянских языках, имеются основания признать, что это слово употреблялось

---

[3] А. В. Мирто в. Уральский словарь. Пермь, 1930 (рукопись). Хранится в Ин-те русск. яз. АН СССР.

[4] См.: Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Второе рассуждение. СПб., 1842, стр 97.

[5] «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря», тетрадь 2. СПб., 1952, стр. 358.

[6] Архив Географического общ-ва СССР, раздел X, № 15, л. 6.

[7] F. Kott. Český-německí slovník, d. I. Praha, 1878, стр 1083

в них и в IX—XI вв. По этой причине **къснѣти** никак не может быть доводом в пользу сербского списка Мар. ев., как это предполагал Ягич.

Вопрос здесь в том, является ли **къснѣти** поздним, вторичным словом в Мар. или же оно употреблялось уже первыми переводчиками наряду с **моудити**. Другие списки привлеченных нами евангелий, а также другие памятники старославянской письменности не употребляют слова **къснѣти**. Последнее встречается в памятниках церковнославянской письменности. Миклошич в Lexicon'e приводит его преимущественно из памятников сербского списка. У Срезневского на эти слова всего два примера, взятых им из словаря Востокова.

Создается впечатление, что **къснѣти** могло войти в Мар. при поздней сверке и переписке этого памятника. Но следует обратить внимание на то, что в Мар. словом **къснѣти** обычно передается греч. χρονίζω, а словом **мѫдьна** переводится греч. βραδύς, ср.: **ѡ несмъслѣнаа и мѫдъна ср҃дцмь** (Лук. XXIV, 25), в Остр. приведенный текст читается: **ѡ несъмъсльна и мьдьльна сьрдьцьмъ**, тогда как в последнем памятнике χρονιζω передано везде словом **моудити**.

То же наблюдаем в Пандектах Антиоха по сп. XI в., ср.: **молитвѫ. гѫ. не оукъсни въздати ѥи. зане елико обѣща въздаси** (234б, 16—20), греч. χρονίσαι; **иаковъ же оуѵитъ нъı: гл҃ѧ. боуди въсъ ѵлкъ скоръ послоушати. а моудьнъ глати. мѫдънъ въ гнѣвѣ** (58г, 9—14), греч. βραδύς. Правда, в этом памятнике находится и такое чтение: **аще обѣщаеши обѣтъ гѫ бѫ своемоу. да не замѫдиши въздати и. ако възишта възищеть его отъ тебе** (233б, 18—23, 233в, 1—2), греч. χρονισείν. В последнем примере, по всей видимости, употреблено **замѫдиши** вм. **закъсниши**, как, например, в Деян. XX, 16 в Карп. и Шишов. апостолах.

Все это позволяет предполагать, что в первичных текстах старославянских памятников письменности могли быть оба слова: **къснѣти** и **моудити**. Первое употреблялось для перевода греч. χρονίζω, а второе — βραδύς. Ввиду семантического совпадения их в ходе исторического развития языка поздние редакторы оставляли только одно из них. Таким образом, в Асс., Зогр. осталось только **мѫдити**, а в Мар. оказались сохраненными оба слова.

Это предположение может быть подкреплено еще тем, что в Остр., передающем греч. χρονίζω словом **мѫдити**, греч. βραδύς соответствует **мьдьльна**, которое употреблено в значении 'неповоротливый', 'вялый'.

Этимология **моудити** или **мѫдити** неясна. Сближают его с др.-инд. *munda-s* 'неповоротливый', 'медленный'. Если такое сближение верно, то **моудити** должно быть употреблено в пер-

вичных текстах для передачи греч. βραδύς, как это находим в Мар. и в Пандектах Антиоха, и это слово не могло служить средством для перевода греч. χρονίζω.

Последнее скорее должно было переводиться словом **къснѣти**, так как во всех южнославянских языках до сих пор основным значением этого слова является 'опаздывать', 'медлить'. Венгерское kèsö, заимствованное из славянских языков, также значит 'поздно', kèsni 'медлить', 'находиться'. Кроме того, латыш. kustu, kusu, kust, сближаемые со слав. kъsněti, означает 'устать', 'утомиться', литов. kùšlas, kùšlus 'слабый', 'с трудом', 'едва'.

Мар. ев., передающее χρονίζω словом **къснѣти**, βραδύς — **мѫдьна**, отражает указанные различия в значениях южнославянских kъsněti и muditi. Эта разница в значениях между **моудити** и **къснѣти**, разумеется, была известна первым переводчикам. Поздние редакторы, как и в других случаях, не ощущая разницы в значениях разбираемых слов, очевидно, устраняли одно из них из текстов церковных книг.

Таким образом, в отличие от Ягича, мы имеем основания считать, что **моудити** и **къснѣти** — оба являлись первичными словами в самых начальных текстах славянских церковных книг так же, как **искони** и **испрѣва**, **кладѧзь** и **стоуденьць** и др.

Мъито мьзда

Из памятников старославянской письменности старшего списка лишь в Син. пс. дважды встречается слово **мъито** на месте греч. δῶρον, ср.: **сѣребра своего не дастъ вь лiхвѫ. и мъита на неповiнѣнъiхъ не прiѧтъ. творѧi сѥ не подвiжитъ сѧ въ вѣкъ** (XIV, 5). Переводчик едва ли мог передать греч. δῶρον словом **даръ** в данном месте, так как иначе изменился бы весь смысл переводимого. В других местах δῶρον переведено словом **даръ**, ср.: **отьцi дарꙑ прiнесѫтъ** (LXXI, 10, см. также: XLIV, 13, LXXV, 12). В Погод. и Болон. пс. в XIV, 5 вместо **мъита** читается **мьздꙑ**.

Въ нiхъ же рѫкоу безаконенъѣ сѫтъ. десниiца iхъ iсплънi сѧ мъита (XXV, 10). В этом примере **мъита** переделано из слов **мьзда** (см.: С. Северьянов. Синайская псалтырь. Пг., 1922, стр. 281). И здесь переводчик, стараясь передать точнее значение переводимого, употребил **мъито** на месте греч. δῶρον. В Погод. здесь — **мъитомъ**, а в Болон. — **мьздꙑ**.

Как отмечает Ягич, «**мъито** в значении χρήματα встречается в Деяниях XXIV, 26 в Карп. и Шаф., в Христинопольском здесь пишется **мьзда**; дальше на месте αἰσχροκερδῶς находится **мъитомь** в I посл. Петра V, 2 в Шишов., Христиноп.; напротив, μισθός все тексты передают словом **мьзда**...» (Entst. 364).

В Син. пс. греч. χρήματα и αἰσχροκερδῶς, как видели, переведены словом мыто.

В евангелиях мьзда употреблено на месте греч. μισθός, то же в Син. пс. В Клоц. сб. один раз разбираемое слово употреблено на месте ἀμοιβή, в Супр. рук. несколько раз на месте δῶρον в значении 'плата', 'воздаяние'.

В евангелиях разбираемое слово употреблено в основном в трех значениях:

1. 'Сокровище': іже бо аште напоитъ въı чашж воды. въ імѧ ѥко хрьстови есте. аминь глаж вамъ не погоубитъ мъздъı своеѧ (Мрк. IX, 41 Мар., так же Зогр., Асс., Остр., а в Сав. нет этого места); мъзда ваша многа естъ на небесѣхъ (Мф. V, 12 Зогр. так же в остальных).

2. 'Награда': і жьнѧи мъздж приемлетъ. і събираѧи плодъ въ животъ вѣчьнъı (Ио. IV, 36 Мар., в других пишется мьздж; в Сав. нет этого места); аще бо любите любѧщѧѧ въı. кажж мъздж имате (Мф. V, 46 Мар., в других так же, но в Сав. и Остр. пишется мьздж).

В этом значении слово мьзда употребляется в Син. пс., Клоц. сб. и Супр. рук., ср.: егда дастъ възлюбленъıимъ своімъ сонъ. се достоѧние гне снве. мъзда плода чрѣвьнаго (Син. пс. CXXVI, 3); ако же зъло страдати. иматъ мъздж и даръ цѣсарьствиа небесьнаго (Супр. рук. 406, 15, см. еще 99, 1—2; 513, 5); за тъı лі добръıѧ дѣтѣлі сıѧ мъздъı въздаеші емоу (Клоц. сб. II, 121—122), в греч. здесь τὰς ἀμοιβάς 'вознаграждение'.

3. 'Плата': гла гнъ винограда. къ приставъникоу своемоу. призови дѣлателѧ і даждь имъ мъздж, далее сообщается, что (делателе) приѧсѧ по пѣнязю (Мф. XX, 8 Мар., так же в других списках, но в Остр. вместо даждь написано даи); достоинъ бо естъ дѣлатель мъздъı своеѧ (Мф. X, 10 Мар., в Зогр. вместо мъздъı написано пиштѧ, апракосы этого места не включают; однако Лук. X, 7 в той же фразе в Мар. и Зогр. мъздъı. И это место не входило в апракосы.

В Клоц. сб.: разбоіниче, желѣемжж татьбж. крадомоумоу ісповѣдаѧ. і великъı мъздъı разбоіскъıѧ съпсавъ і великъı плодъ показаѧ. ісповѣданьѣ. поздѣ вѣровавъ... (I, 708—712). В Супр. рук.: оудъръжа мьздж весчьстьвьнжж (512, 6—7), в греч. δῶρον.

Материал позволяет делать заключение, что слово мыто употреблялось в значении 'корыстное приобретение'. Такое значение вполне возможно, так как мыто являлось торговой пошлиной. Слово же мьзда не употреблялось в значении, в котором было известно мыто.

Вместо мыто, как могли убедиться, употребляется мьзда, случаев же употребления мыто вместо мьзда, как утверждает Ягич, нет (Entst. 364). Этот факт можно истолковать так:

мьзда на месте мыто может быть явлением вторичным. В Супр. рук. мы не встречаем слова мыто, здесь и греч. δῶρον передано словом мьзда, тогда как Син. пс. в последнем случае употреблено мыто. Это наводит на мысль, что последнее слово вытеснялось словом мьзда. В первоначальном же тексте, по всем данным, были оба слова, употреблявшиеся в своих особых значениях.

Греч. τελώνης в большинстве случаев передается словом мытарь, ἀρχιτελώνης передано парафразой старѣи мытаремъ, ср.: закьхеи. і сь бѣ старѣи мытаремъ (Лук. XIX, 2 Мар., Зогр., Асс. и Остр.).

Наблюдаются случаи употребления вместо мытарь слова мьздоимьць, например: Мф. V, 46, 47 Мар., Асс., Сав. Остр. — мытаре(и), в Зогр. — мьздоимьци, то же Мф. IX, 10, 11; Мф. XI, 19 в Мар.: мытаремъ дроугъ, в Зогр.: мьздоимьцемъ..., в апракосах нет этого места, но Лук. VII, 34 в Мар. и Зогр.: дроугъ мытаремъ; Мрк. II, 15 в Мар., Зогр., Асс., Сав.: мънози мытаре(и)... вьзлежаахѫ съ исмь, в Остр. — мьздоимьци; Лук. V, 27. Мар., Зогр., Асс.: оузьрѣ мытарѣ. Остр. — мьздоимьца; Лук. XVIII, 10, 11, 13 в Мар. Зогр. Асс., Сав. мытарь, Остр. — мьздоимьць. В остальных случаях все списки упомянутых евангелий употребляют только мытарь, см. Мф. XVIII, 17; XXI, 31, 32; Лук. III, 12; V, 29, 30; VII, 29, 34; XV, I.

Син. трб. трижды употребил мытарь: приими нъı... і разбоиника. і мытара. на сѣ бо и сънидѣ спсти хотѧ (86а, 8—12, см. также 70а, 20; 77а, 13). В этой же рукописи дважды вместо мытарь находим мытоимьць: прости мѧ... ѣко древльнижь блждьницѣ і мытоимьца (79а, 2—5, см. еще также 80а, 15). Как указывает Ягич, в Трнов. в ряде случаев слово мытарь заменяется мытоимьць. По мнению Ягича, последнее образовалось под воздействием формы мьздоимьць (Entst. 364).

В Супр. рук. трижды употреблено слово мытарь, ср.: съ мытари вьзлежаше. и сь любодѣицами живѣаше (474, 1—2; см. также 473, 20; 507, 15). В этой рукописи обнаруживаем еще: мьздодавьць и мьздоотъдавьць, ср. тъı кси богъ крьстиньскъ и надѣжштиимъ сѧ на тѧ мъздоотъдавьцъ кси (163, 9—11); вѣньца полоучимъ вьси. отъ мъздодавьца бога (63, 25—26).

В Син. пс. и Клоц. сб. не встречаются производные от мыто и мьзда.

Наконец, на месте τελώνιον 'таможня' находим мытьница и мьздьница, ср.: видѣ члвѣ на мытьници сѣдѧща (Мф. IX, 9 Мар.), так же в Асс., Сав., Остр., но в Зогр. на мьздьници; Мрк. II, 14 во всех на мытьници; Лук. V, 27 в Мар., Асс., Остр. на мытьніци, но в Зогр. на мьздьници. Характерно,

в Зогр. это место читается: оузърѣ мытарѣ... сѣдѧштѣ на мѣздѣници, а в Остр.: оузърѣ мѣздоимьца... сѣдѧща на мытьници.

Думаем, что не окажется спорным утверждение: мѣздоимьць — вторичное слово на месте мытарь. Мѣздоимьць могло означать (если исходить из значений слова мѣздѧ) 'берущий или получающий награду, плату, сокровище', но не 'пошлину' (мыто). Поэтому надо полагать, что в первичном тексте не могло быть слова мѣздоимьць на месте греч. τελώνες.

Что же касается употребления мѣздѣница на месте греч. τελώνιον, то оно явно звучит здесь фальшиво, так как мытарь мог сидеть только в особом помещении или на специальном месте, которое могло именоваться мытѣница или, как зафиксировал еще И. Срезневский, мытарѣница (см. Мат. II, 218).

Материал показывает, что в памятниках X—XI вв. с характерными чертами восточноболгарской редакции предпочтительнее употребляются слова мѣздѧ, мѣздоимьць, мѣздѣница вместо ожидаемых мыто, мытарь, мытѣница. В первичных переводах могли употребляться оба слова: мыто и мѣздѧ, имеющие свои особые значения. Сомнительно, чтобы в этих переводах были бы мѣздоимьць и мѣздѣница. Последние два слова, как устанавливается, стали появляться в памятниках, переписанных в восточной Болгарии, вместе с тем в таких памятниках вместо мыто стали употреблять мѣздѧ.

Срезневский зафиксировал десятки примеров из памятников X—XV вв. из летописей и грамот, в которых встречается *мыто* в значении 'торговая пошлина'. В этих же памятниках взиматель мыта именуется преимущественно *мытьникъ* (Срезн., Мат. II, 219 и след.). В областных словарях фиксируется еще *мытарь* и глагольные формы от последнего в виде *мытарить* и др. *Мытарь* 'мот', 'расточитель' (олнц.)[1]; 'человек, живущий неправедной корыстью', 'плутоватый'; 'кулак', 'барышник' (см. Даль, II, 956). *Мытарка* 'мотовка' (Даль, II, 957). *Мытарить* 'кое-как перебиваться в жизни' (ряз. Доп. 120), а у Даля без указания местности: 'плутовать', 'обманывать' и т. п. *Мытарничать* 'бегать от дела' (псков., твер. Доп. 120). *Мытарный* 'не добытый трудом' (псков., твер. Доп. 120), 'негодный', 'ненадежный' (твер. Оп. 118).

Областные словари, надо полагать, приводят слова книжного происхождения, проникшие в диалекты. Об этом свидетельствует *мытарь* 'человек, живущий неправедной корыстью, плутоватый', значение которого могло развиться из книжного мытарь 'несправедливо взимающий пошлину'. Другие значения этого слова: 'мот', 'расточитель' также могли возникнуть из предыдущего.

[1] Г. Куликовский Словарь областного олонецкого наречия СПб., 1898, стр. 58.

В диалектах известны еще: *мытить* 'отдавать в наем' (новг.), 'брать землю в наем' (твер. Доп. 121), *мыт* 'аренда' (твер. Оп. 118). *Мыт* в фиксированных примерах связано с понятием 'плата'. Как известно, до сих пор в ряде городов у нас рынки носят название «*мытный двор*» или «*мытный ряд*», даже «*Мытная улица*», например, в Ярославле, Горьком, Москве.

Укр. *мито* 'торговая пошлина' (Гринч. II, 428), *промито* 'высшая пошлина' (Там же, III, 472); польск. myto 'пошлина', mytnik 'сборщик пошлины', mytnica 'таможня'; в чеш. у Гебауера myto 'пошлина', 'платеж', 'дар', 'подарок', mytnik 'сборщик пошлины', mytní 'пошлинный', причем эти слова фиксируются в конце XIII в., в словаре Травничка: myto 'плата за пользование шоссе, мостом', 'плата за помол'; словн. mito, mita 'подарок', 'взятка', mititi, podmititi 'дать взятку', mitar (ц.-сл.); серб.-хорв. mito 'налог', 'пошлина', 'плата', 'дар', 'подарок' и др. (см. «Rječnik hrv. ili srp. jezika», d. VI), в памятниках сербо-хорв. письменности разбираемое слово известно с XIII—XIV вв., совр. серб.: *мито* 'взятка', *митник* 'взяточник', *митити* 'подкупать'; болг. *мито* 'пошлина', *митница* 'таможня', *митар*, *митничар* 'служащий таможни'.

В современном болгарском языке *мито*, *митница*, *митар* — книжные слова. Как показывают такие памятники ст.-слав. письменности восточноболгарской редакции, как Остр., Зогр. и Супр. рук. и др., в XI в. в болгарском языке их не было, поэтому они и заменялись другими: **мьздa**, **мьздьница**, **мьздоимьць**.

Основанием для смешения **мъıто** и **мьздa**, видимо, служило то, что в южных славянских языках оба слова понимали в одном значении 'плата'. Характерно, что в Беседах на евангелие папы Григория римского словом **мъıто** переведены лат. pecunia 'деньги', 'имущество', munus 'вознаграждение', praemium 'награда', а словом **мьздa** — praemium (часто), alternum lucrum 'постоянная прибыль'[2].

Слово **мъıто**, по мнению исследователей, восходит к и.-е. **mēd-* 'мерить', 'измерять', **mēdos-* 'мера'. Признают, что в славянские языки оно перешло из германских языков, ср. др.-в.-нем. muta ср.-в.-нем. Maut[3].

О слове **мьздa**. Хотя в памятниках древнерусской письменности нередки случаи употребления этого слова, но оно там известно преимущественно в значениях 'взятка', 'подкуп'. В этих значениях слово *мзда* встречается позже даже в поговорках и пословицах, ср.: *Мзда глаза дерет; Мздою, что уздою, обратишь*

[2] См.: А. Соболевский. Словарный материал двух памятников чешского происхождения. Сб. ОРЯС, т 88, № 3. СПб , 1910, стр. 67.

[3] См . J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Worterbuch Bern, 1950, стр. 705 и след

судью в твою волю; Мзда глаза слепит [4]; *Мзда не лихва* (Даль. II, 846). В приведенных значениях слово *мзда* в русском языке, надо полагать, книжное, взятое из церковной литературы.

В прямом значении 'плата' слово *мзда* в памятниках древнерусской письменности встречается редко, ср.: *Даша мастеромъ дѣлу мзды 400 рублев дара и добрѣ потчиваху ихъ* (Пск. I лет., 1365 г.).

Это же слово находим в статье второй краткой «Русской Правды» *ожели себе не можешь мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мьзда»* (*лѣтца* < *лѣчьца* 'лекарь').

Возможно, что в этом значении *мьзда* и было восточнославянским словом, но, по всей видимости, рано потеряло свое значение, так как в областных словарях оно совсем не фиксируется; то же наблюдаем в словарях укр. и белр. языков.

В других славянских языках: чеш. mzda 'жалованье', 'зарплата', námezdník 'служащий по найму', námezdný 'наемный', mzdový; польск. (стар.) mzda; словн. mezda 'жалованье', 'доход'. Последнее приведено Миклошичем в «Etymologisches Wörterbuch» с пометой: «употребляется в восточных говорах». Болг. *мзда*, приведено Младеновым в «Етимологически... речник'е» с пометой «стар.», «книжн.». Б. Цонев считает, что др.-венгерское mizda заимствовано из болгарского языка [5]. Славянское **мьзда** имеет индоевропейские соответствия, ср.: др.-инд. midham 'награда за победу, состязание', авест. mizdem 'награда', греч. μισθός 'награда', 'плата', гот. mizdo, осет. mizd 'плата', 'награда'.

В отдельных славянских языках слова, восходящие к и.-е. корню **mizdh-*, по-видимому, стали рано выходить из употребления. Наиболее устойчивым оказалось слово mьzda и производные от него в западных славянских языках и в говорах Паннонии по границе с Моравией.

В первичных переводах памятников старославянской письменности, очевидно, были употреблены **мъито** и **мьзда**, различавшиеся по значению. От первого употреблялись производные **мытарь** и **мытьница**. В восточной Болгарии **мъито**, **мытарь**, **мытьница** стали заменять на **мьзда**, **мьздоимьць** и **мьздьница**.

Наличие в первичном переводе слова **мъито** и **мьзда** свидетельствует о развитой славянской торговой терминологии. Это положение подкрепляется и другими словами, также являющимися торговыми терминами, это: **продати**, **продѣти**, **коупити**, **коупповати**, **коуплѣ**, **коупльныи**, **тръжьникъ**, ср.: **подобаше ти оубо вьдати сребро мое... тръжъникомъ. і пришьдъ аз'ъ**

---

[4] П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. СПб, 1899, стр. 120 и след.

[5] См.: Б. Цонев. История на болгарския език, т. I. София, 1924.

вьзмлъ оубо бимь свое съ лихвоѭ (Мф. XXV, 27), тръжиште, передающее греч. ἀγορά, пѣнѧжьникъ, лихва, вѣнити и т. п., не говоря об упомянутых мыто, мытарь, мытьница. Бросается в глаза то, что среди приведенной терминологии немало слов германского происхождения: мыто, коупити, пѣнязь, лихва с их производными. Не исключено, что слова германского происхождения вошли в памятники старославянской письменности в западнославянских краях. Это тем более вероятно, что явно выделяются такие дублеты, как: сѣребрьникъ и пѣнязь, тръжьникъ и пѣнѧжьникъ и нек. др. Первые преимущественно встречаются, по-видимому, как не до конца вытесненные дублеты в апракосах.

В целом эта проблема требует специальных разысканий.

Натроути напитѣти

«Натроути (τρέφω), — пишет Ягич, — Мф. XXV, 37 в форме натроухомъ (так в Мар., Зогр., Асс., Ник., Хвал., Мирос.л.), так же как и рѣснота, должно быть моравско-паннонским вкладом, который иначе не вытеснялся бы более употребительным словом напитѣти: Мф. V, 26 питѣтъ (вар.: питактъ); Мф. XXV, 37 напитѣхомъ в Сав., -тахомъ в Остр., Трнов.; Лук. IV, 6 въспитѣнъ (вар. въспитанъ), Лук. XII, 24 питѣтъ; так же в Деян. XII, 20 питѣти, посл. Иак. V, 5 оупитасте, в Апокалипс. XII, 6 питѣкть (в испорченном написании), так же XII, 14 пропитѣна (опять испорчено написание). В псалтыри находится глагол натроути, передающий греч. φωμίζω: LXXIX, 6 натровеши в Син., Погод., натроуиши в Болон. (в Соф. и Бух. напитаеши), LXXX, 17 натроу в Син., Погод., Болон.» (Entst. 367—368).

Ягич признает напитѣти самым ранним переводом греч. τρέφω, а натроути относит к словам, внесенным в тексты церковных книг в Моравии или Паннонии взамен первого. В евангелиях старших списков, как и отметил Ягич, глагол натроути встречается всего один раз в предложении: ги когда тѧ видѣхомъ алчѫща і натроухомъ. ли жаждѫща и напоихомъ (Мф. XXV, 37). Так в Мар., Зогр., Асс., а в Сав. и Остр. вместо натроухомъ стоит напитѣ(а)хомъ.

Глагол натроути встречается дважды в Син. пс.: натровеши нъı хлѣба слезьна (LXXIX, 6), в Погод. разбираемое слово читается так же, в Болон. — натроуиши, в Соф. и Бух. — напитаеши. В греч. тексте на месте разбираемого слова находим φωμιεῖς ‘накормишь’. І натроу ѩ отъ тоука пъшенічьна і отъ камені меда насъıті ѩ (LXXX, 17). Речь идет о врагах. Это место в остальных упомянутых списках псалтыри читается

так же. В греч. ἐψώμισειν. В Фрейзинг. отрывках: Onibo laſna natrovuechu (II, 44—45), т. е.: они бо лаѫьна натровѣахѫ.

Лук. IV, 16 во всех упомянутых списках евангелий, кроме Зогр., в котором нет этого места (утерян лист), читаем: приде въ назаретъ въ немьже бѣ въспитѣнъ (в Мар., Сав., Остр.); идеже бѣ въспитѣнъ (в Асс. 112d, 28). В греч. τεθραμμένος. По всей вероятности, в приведенном предложении невозможно было сказать бѣ натровенъ, так как здесь речь идет не только об утолении голода, но о систематическом питании и уходе в процессе роста. Мф. VI, 26 читается: і отць вашь... питѣетъ ѭ (т. е. птиц), так во всех упомянутых списках евангелий. Лук. XII, 24: и бъ питѣетъ ѭ (т. е. — ворон) — так в тетрах, в апракосы не вошло это место.

Приведенные примеры позволяют считать, что в первоначальном переводе различали питание людей и питание птиц, животных, а также детей, потому что в цитированных примерах натроѹти употреблено по отношению к взрослым людям, а питѣти по отношению к птицам, а также к детям. Эти же примеры свидетельствуют о том, что в восточноболгарских редакциях евангелий вместо натроѹти употреблено напитати.

Высказанное предположение, что натроѹти употреблялось только по отношению к взрослым людям, к сожалению, не подкрепляется данными других памятников. Так, в Клоц. сб. читаем: како не богатъı иосіфъ даръ пріімъ пітѣѭштаго і вьсѧ. і вьсѣмі обладаѭшта (945—947). В греч. на месте питѣѭштаго находим τρέφωντα.

Правда, как показывает исследование Вондрака, в Клоц. сб. имеется достаточно данных для отнесения его к восточноболгарской редакции[1], в связи с чем возможно предположение, что в приведенной цитате первоначально могло и не быть питѣѭштаго.

В Син. трб. блговенъ еси ... питѣѭи нъı отъ юности нашеѭ (17а, 2—3), в греч. ὁ τρέφων. В данном примере речь, бесспорно, о людях, но, как видно из приведенного предложения, в нем явно выделяется отъ юности.

В Супр. рук., как памятнике восточноболгарской редакции, греч. τρέφω везде передано словами питати, напитати (заменой ѣ на а в суффиксе), например: васъ питаѥтъ хлѣбъ. а мене слово (19, 13—14); напитани бъıша пать тысѫштъ (428, 25) и т. д.

Приведенный материал не дает каких-либо твердых оснований для решения вопроса о первичности или вторичности слов натроѹти и напитѣти, кроме констатации факта, что памятники восточноболгарской редакции не употребляют первого слова. Эти памятники, как видели, перестали употреблять ряд бесспорно

[1] См «Glagolita Clozův». Vydal Václav Vondrák. Praha, 1893, стр. 7 и след.

первичных слов, как мѧто, женихъ, сапогъ и мн. др., поэтому вытеснение ими слова натроүти отнюдь не является доводом, что оно не первичное. Имеются некоторые основания предполагать, что натроүти в славянских церковных книгах могло быть не вторичным словом. Дело в том, что питѣти с гласным ѣ в суффиксе основы инфинитива относилось к глаголам, употреблявшимся для обозначения состояния, поэтому вполне понятно его употребление по отношению к птицам и детям. В отличие от питѣти глагол натроүти, относящийся к I-му классу, обозначает действие лица, производящего его. И это отличие в значении глаголов питѣти и натроүти могло быть только древним, но отнюдь не поздним. Употребление же памятниками восточноболгарской редакции только слова питати, как показывают приведенные выше примеры, свидетельствует о том, что оно превратилось в глагол, который мог обозначать и действие и состояние, в связи с этим отпала необходимость в употреблении двух глаголов для передачи одного греч. слова τρέφω.

Чтобы приблизиться к более или менее бесспорному решению данного вопроса, нам, видимо, следует рассмотреть каждое слово в отдельности.

Глагол натроүти восходит к общеславянскому корню **troụ-*, который в свою очередь связан с общеиндоевропейским корнем **ter-* в значениях: 'тереть', 'тереть вращением' (движением — тоже)[2]. Корень *troụ-* находится в таких словах славянских языков: русск. *потрава* 'пища', 'кушанье' (западн.), 'заедки' или 'лакомства', 'сласти' (орлов.); *кисель — хорошая потрава* (калж.)[3]; *потравить* 'скормить', ср.: *весь хлеб скотом потравили*, т. е. скормили, уничтожили; *страва* 'пища' (западн., южн.). По свидетельству Даля, в Воронежской и Курской губерниях в его время произносили *стрóва*. Ср. еще: *Соседи наши луга стравили. Мы сухой корм весь в морозы стравили*. В одной сказке рассказывается о том, как молодая женщи́на попала в дом бабы-яги, которая в полночь, наточив зубы, хотела съесть пришедшую, но последняя вместо себя подложила дочку бабы-яги. Утром баба-яга, узнав о случившемся, завопила: *Ох, одные-то нет дочки... стравила мне*[4], т. е. 'скормила'. *Трова* 'пресные сочни': *Закусите тровы-то*[5].

Таким образом, в русском языке слова *трова, строва, страва, потрава* были известны в значении 'пища', *стравить, потравить* 'кормить'. Теоретически вполне вероятно, что в прошлом в рус-

[2] См.: A. Walde, J. Pokorny. Vergleichendes Wortеibuch der indogermanischen Sprachen, Bd. I. Berlin — Leipzig, 1930, стр. 728

[3] Архив РГО, разр. XV, № 60.

[4] Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губ Пг , 1915, стр. 109.

[5] М К Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. СПб , 1910, стр. 36.

ском языке могло быть *натрути* 'накормить', однако ни памятники русской письменности, ни русские диалекты не фиксируют такого слова, которое представляло бы древний неитеративный глагол от корня *troq-*.

Укр. *страва* 'пища', 'кушанье', 'корм'; *стравне* 'кормовые деньги', *стравний* 'съестной', 'съедобный', 'удобоваримый', *стравувати* 'кормить', 'питать' (Гринч. IV, 212), *потрава* 'кушанье', 'блюдо', *потравка* 'род кушанья' (Там же, III, 381). Белр. *страва* 'всякое вареное кушанье', *стравны* 'относящийся к кушаньям', напр.: *стравные припасы*; *стрававацъ* 'содержать на хлебах' (Нос. 616), *патрава* 'любое вареное кушанье', *патравиць* 'скормить скоту' (Там же, 484).

Польск. strawa 'кушанье', 'закуска', 'жир', 'издержки' и др., strawny 'продовольственный', 'съедобный', potrawa 'еда', но truć 'отравить'; чеш. strava 'пища', 'пропитание', strávіti 'проесть', 'потребить', stravovati 'кормить', stravné 'кормовые деньги', potrava 'питание', 'продовольствие', potraviny 'продукты', tráviti 'переваривать пищу', trávení 'пищеварение' и др.

Словари словенского языка не фиксируют слов от этого корня в значениях: 'еда', 'пища', 'кормить'. Миклошич в своем этимологическом словаре не мог привести к ст.-сл. **натроу҃ти** какое-либо слово из словенского языка, кроме natrovuechu Фрейзинг. отр., потому что словн. troviti, trovilo в нем имеют значения 'отравить', 'яд'.

Словари серб. и хорв. языков фиксируют только *травити* 'кормить травой', которое, по всей видимости, — вторичное образование от *трава*. Правда, имеется еще *потра* 'потрава скотом посевов'. Ф. Ивекович и И. Броз фиксируют potravnina 'плата за пастьбу, за выгон'. Болгарский словарь Н. Герова приводит *труя*, *труям* 'ем', 'кушаю', однако без единого примера, подтверждающего употребление этого слова; там же *натровя* уже в значении 'отравить'. В других словарях болгарского языка *труя*, *труям* не приводятся.

Из приведенных данных видно, что в славянских языках слова с корнем *troq-* действительно, обозначали 'снедь', 'пища', причем это значение было не новым, а древнейшим. Однако в южнославянских языках слова с данным корнем, по всей видимости, давно утратили значение 'снедь', закрепившись только в значении 'отрава', 'отравить'. Этим или, как отмечено выше, изменением значения **питѣти** можно объяснить то, что в восточноболгарских редакциях памятников старославянской письменности вместо **натроу҃ти** употребляется **напитати**.

Следует отметить, что греч. τροφή особенно в старославянских памятниках преимущественно передается словом **пища**, реже **ѣдь**, последним же переводится также βρῶμα. Ср.: **ѣко же нъи єсі небєсьскъиꙗ піцꙗ насъитілъ** (Киев. лл. IVб, 3—4); **дастъ имъ** (рабам) . . . **пиштж** (Мф. XXIV, 45); **не дш҃а ли больши**

ѥстъ пиштѧ і тѣло одежда (Мф. VI, 25; Лук. XII, 23). В Клоц. сб. употребляется словосочетание **дх҃овънаѣ пішта** (I, 442, 444, 448). В Син. пс.: **потокомъ ліштїа твоеѧ напоиші ѧ** (людей: XXXV, 9); **і ѣдь акриди и медъ дивии** (Мрк. I, 6); **дашѧ въ ѣдъ мои злъчь** (Син. пс. LXVIII, 22), в греч. в последнем случае βρῶμα.

Таким образом, **пиꙗ** употреблено в значении 'снедь', между тем как **питѣти, напитѣти** в глаголических евангелиях, как видели выше, употреблено только по отношению к птицам и зверям. То же можно сказать об **оупитати**, ср.: **юньци мои и оупитѣнаа исколена** (Мф. XXII, 4), **телецъ оупитѣнъі** (Лук. XV, 23, 27). В Син. трб. также **телець оупитѣнъі** (90б, 21), **юньци мои оупитѣнаа исколена** (106а, 17—18).

Прѣпитѣти встречается только в Син. пс. в предложении **имені твоего ради наставіші мѧ прѣпітѣеші мѧ** (XXX, 4). Словом **наставіші** переведено греч. ὁδηγήσεις, а **прѣпитѣеші** — διαθρέψεις. Διατρέφω имеет в своем значении оттенок не только 'кормить', но и 'воспитывать'. В таком значении, как видели, употребляется и **въспитѣти**.

Не лишне остановиться на тех же примерах поздних памятников, в которых встречается слово **питати** и на которое ссылается Ягич. В Деян. XII, 20 читаем: **бѣ же иродъ гнѣвадсѧ на тирѧны и сідонѧны: иже единодушно прідоша къ немъ и оумолившє власта постелника царева прошахѫ мира, понеже страны ихъ ѿ цр҃ства его питахѫсѧ.** Здесь слово **питахѫсѧ** употреблено в очень широком значении: 'получили содержание из области царства Ирода'. Употребление в этом значении «**питахѫсѧ**» вполне естественно.

В Посл. Иак. V, 5: **возвеселитесѧ на земли, и наслађитесѧ: оупитасте сердца ваша аки въ день заколенїа.** Тут речь идет об ожирении и даже, как видно, упитанное сердце сравнивается с животным, предназначенным к заколению. Таким образом, в данном примере не могло быть употреблено иное слово, кроме **оупитасте**.

В Апокалипсисе XII, 5: **а жена бѣжа въ пѫстыню, идѣже имѣ мѣсто оуготовано ѿ бг҃а, да тамо питаетсѧ днїи тысащь двѣсти шестьдесатъ.** Там же, XII, 14: **и даны быша жѣнѣ два крила орла великаго да паритъ въ пѫстыню в мѣсто свое, идѣже прѣпитана баше тѫ**[6].

В примерах, приведенных из Апокалипсиса, на которые ссылается Ягич, бесспорно, должно быть **питати**, ибо женщина уподобляется птице. Приведенные примеры из Апостолов и Апокалипсиса не могут подтвердить того, что здесь когда-либо могло быть иное слово, кроме **питати**.

Таким образом, **питѣти** (обязательно в приставочном образовании) употребляется по отношению к людям (преимущественно —

[6] Все примеры приведены из поздних канонизированных текстов

к детям), если лицо находится на содержании другого и оно не только получает пищу, но одновременно и воспитывается. В основном питѣти употребляется по отношению к птицам и животным.

В свете сказанного кажется странным употребление существительного пица в значении 'снедь', 'еда', 'кушанье'. Пица, представляющее существительное основы на *-ja* (*pit-ja*), не имеет соответствий в восточнославянских языках, так как в памятниках древнерусской письменности и в современных диалектах русского языка не фиксируется существительное **пича*. Русское литературное *пища* — бесспорный церковнославянизм.

Польск. piса 'корм для скота'; чеш. pícе то же значение; словн. piča 'питание', особенно 'корм для скота', pitati 'откармливать животных', 'давать кушать ребенку или птицам'; серб.-хорв. pića 'питание', особенно 'корм для скота' (напр., сено, солома и т. п.), *питање* 'пища для детей', pitati 'кормить ребенка'; болг., в словарях Н. Герова, А. Дювернуа и др. *пита* 'хлеб' (особенно кислый), 'пирог', 'соты' (пчелиные). Болг. *пита* представляет образование на *-а*, а не на *-ja*, как в других языках. Вполне возможно, что в диалектах болгарского языка было возможно и есть *пишта*, но в существующей литературе по болгарской диалектологии оно не зафиксировано.

У нас отсутствуют какие-либо основания предполагать, что в разбираемом слове первичным могло быть значение 'снедь', 'еда', 'кушанье', а 'корм для животного' — вторичное. Дело могло обстоять как раз наоборот. Об этом свидетельствуют и соответствия к разбираемому слову из других индоевропейских языков, ср. нем. feist 'тучный', 'откормленный' (последнее могло быть только по отношению к животным), греч. ποία 'трава', литов. pieva 'луг' и др. Кроме того, в пользу высказанного предположения служит и тот характерный факт, что pitati в отдельных современных славянских языках известно, как видели, в значении 'откармливать животных' или 'кормить детей'.

Итак, ст.-сл. пица семантически совпадает с болгарским *пита*, но находится в противоречии со значением того же слова в других славянских языках. Едва ли мы имеем право считать, что польск. piса, чеш. pícе, словн. piča, серб.-хорв. pića употреблялись когда-либо в значении 'снедь'. Для этого у нас отсутствуют основания. Что же касается восточнославянских языков, как показывают данные памятников письменности и современных им диалектов, то они вообще, должно быть, не знали слова *пича* из (*pit-ja*).

Видимо, уже в эпоху первых переводов в том южнославянском говоре, на который переводили церковные книги, *pitä* > пиштѣ было известно в значении 'снедь'. В пользу этого свидетельствует употребление піца в том же значении в Киев. лл., переведенных с латинского языка не позднее X в., как пред-

полагают, в западнославянской земле. В Беседах на евангелие папы Григория римского словом **пицл** переведено лат. alimenta. В эти памятники слова **піцл** и **пицл** не могли попасть как западнославянизмы, и они несомненно взяты в указанных значениях из тех памятников старославянской письменности, которые были распространены Константином и Мефодием в Моравии и Паннонии.

Таким образом, наличие **піцл** в Киев. лл., **пицл** — в Беседах на евангелие папы Григория римского является вероятным свидетельством того, что это слово в самых первых переводах было употреблено для передачи греч. τροφή, так как едва ли можно предполагать, что в X в. рукописи памятников старославянской письменности могли попасть в Моравию из восточной Болгарии.

Если Н. Геров занес в свой словарь живое болгарское слово *труя*, то этот факт является свидетельством того, что, несмотря на употребление в Болгарии pitati, pišt'a по отношению к людям, там продолжалось употребление слов с корнем *troj-* в первоначальном их значении.

Изложенное дает право на следующие обобщения:

1. Едва ли соответствует действительности мнение Ягича, что **натроүти** введено в памятники старославянской письменности в Моравии или Паннонии. Это слово в эпоху первых переводов могло быть общеславянским, употреблявшимся специально по отношению к людям.

2. По данным памятников старославянской письменности и данным современных славянских языков, слово **натроүти** первоначально употреблялось только по отношению к людям, а слово **питѣти** — по отношению к птицам, животным, а также, кажется, к детям. И это различие в значениях между приведенными словами могло быть только древнейшим. Первые же переводчики, строго различавшие тончайшие нюансы значений, нередко одно и то же греческое слово передавали двумя и больше словами в зависимости от лексикосемантической специфики того языка, на который переводились церковные книги. В частности, они видели разницу не только в оттенках разбираемых слов, но, как могли убедиться, между **искони** и **испрьва**, **начѧло** и **начѧтъкъ**, **мъıто** и **мьıздѧ**, **моүдити** и **къснѣти** и т. д. Поздние редакторы и переписчики, не чувствуя разницы в значениях подобных приведенных слов, стали употреблять одно вместо другого или оставили только одно из этих многочисленных пар.

3. По имеющимся данным, которые приведены выше, уже в XI в., если не раньше, в восточной Болгарии **напитѣти** употреблялось и по отношению к людям, поэтому в восточноболгарских редакциях памятников старославянской письменности **натроүти** оказалось полностью замененным словом **напитѣти**.

4. Вполне возможно, что слово **пиця** в южномакедонских говорах уже в эпоху первых переводов было известно в значении 'снедь', в связи с чем в нем раньше других славянских языков слово **питѣти** стало употребляться не только по отношению к животным и птицам, но и ко взрослым людям.

Не къ рѧдоу — неврѣдоу

Мф. XXI, 42 в Асс. изложено так: **гла имъ исъ. нѣсте ли уьлі николіже въ кьнигахъ. каменъ егоже не въ рѧдоу сътворішѧ зіжджштеи. сь бъі въ главж жгълоу**. В Сав. вм. **каменъ** читается **камене**, вм. **не въ рѧдоу — не къ рѧдъ**, кроме того, в ней отсутствует слово **зижджштеи**, а вм. **сь** читается **се**. В Мар.: **гла имъ ис. нѣсте ли уьли николиже къ кънигахъ. камень его же невръдоу сътвориша зижджштеи. съ бъістъ въ главж жгълж.** Так же читается это место в Зогр., но здесь текст списка XII в. Таково же чтения в Остр. Арх. и Врач., но в Остр. вместо **зижд-** написано **жижд-**.

В Мар. и Зогр. приведенный текст, начиная со слов **камень**, повторяется Мрк. XII, 10 и Лук. XX, 17 (эти места в апракосы не входили) точно так же, как и Мф. XXI, 42. Один раз этот текст, начиная со слова **камень**, находим и в Син. пс. CXVII, 22 в редакции тетра: **камень іже невръдоу сътвориша зіжджштеі: сь бъістъ въ главж жгълоу**. В греч. приведенной цитате соответствует: λίθον, ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες, οὗτος ἐγενηθη εἰς κεφαλὴν γωνίας.

Ягич по поводу приведенных цитат пишет: «**Невръдоу сътвориша** Мф. XXI, 42, Мрк. XII, 10, Лук. XX, 17 наш (т. е. Мар. ев. — *А. Л.*) и Зогр., в Асс. по недоразумению **не въ рѧдоу** (ἀποδοκιμάζω)» [1]. «**Врѣдъ** в фразе **невръдоу сътворити** (ἀποδοκιμάζω) Мф. XXI. 42, Мрк. XII, 10, Лук. XX, 17, II посл. Петра II, 7 (здесь **невьрѣдоу створише** в Шишов., правильнее в Христин.) позднее приводится как **не брѣшти**, так Трнов. **не брѣгошѫ** Мф. XXI, 42, **негодовашѧ** Мрк. XII, 10 (в Добром. — **не брѣгошѧ**). Вызывающее недоумение в Сав. **не въ рѧдъ** показывает, как рано фраза стала непонятной. Срец. пишет **неключимьстковашѫ**» (Entst. 331).

Не ясно, почему у Ягича вызывало недоумение чтение **не въ рѧдоу сътвориша**, так как греч. ἀπεδοκιμάσαν возможно перевести как **не въ рѧдоу сътвориша** в смысле 'исключить из ряда, из списка', так и **невръдоу сътвориша** в смысле 'отвергать за непригодностью'. Сочетание слов **невръдоу сътвориша** для южных славян, вопреки утверждению Ягича, не могло стать

[1] И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие, стр. 469.

непонятным, потому что слова с корнем vrěd- в значении 'ценность', 'значимость' достаточно употребительны в них до сих пор, ср. болг. *вреден* 'дельный', 'способный', *вредност* 'способность', 'дельность', 'ценность'[2], серб.-хорв. vrijedan, vredan 'достойный', 'стоящий', vrednost 'ценность', 'значимость', словн. vreden то же значение, vrednost 'достоинство', 'стоимость', 'ценность'. По мнению С. Младенова, приведенные южнославянские слова восходят к и.-е **ver-dh-* в значении 'нарастать', 'увеличиваться'[3]. Надо полагать, что Младенов ошибается, потому что от и.-е. корня **ǫer-d-* образованы славянские **врѣдити**, **врѣдъ**[4], которыми переводили греч. βλάβη и ἀδικέω, ср.: **ничьсоже прикмъ врѣда. жтрь съı оу оґнı** (Супр. рук. 23, 4—5); **аще и съмрътьно что испиѭтъ ничътоже ихъ не врѣдитъ** (Мрк. XVI, 18, Мар.). Что же касается **(не)врѣдоу**, то оно, по мнению Ф. Клюге, в южнославянских языках является заимствованием германского Wert 'стоимость', 'ценность'[5], что, надо думать, более достоверно.

При указанных условиях предположение, что чтение **неврѣдоу сътвориша** для южных славян оказалось непонятным, не имеет оснований. Это чтение, как видели, принято для тетра, что вытекает из наличия его не только Мф. XXI, 42, но и Мрк. XII, 10 и Лук. XX, 17, т. е. частей, не входивших в первоначальный апракос. При этом следует отметить, что чтение: **камень егоже неврѣдоу створиша зиждѫштеı сь бъıсть въ главѫ жгълоу** наиболее точно передает соответствующий греческий текст, так как обесцененный строителями камень впоследствии оказывается самым главным.

Из сказанного само собою вытекает другое: чтение **не въ рѧдоу сътвориша**, встречающееся только в апракосах, должно быть самым первичным переводом. При этом приведенное чтение можно было понять двояко: 1) непригодный в ряду оказался годным в углу; 2) исключенный из ряда (списка) поставлен в углу. Чтение же, принятое в тетрах, исключает какую-либо двойственность в понимании и в логическом отношении является безупречным. Говоря иначе, составители тетра, заметив, что чтение Мф. XXI, 42 является неточно передающим соответствующий греческий текст, исправили его и далее новое чтение повторили Мрк. XII, 10 и Лук. XX, 17.

[2] Возможно, что болг. *вреден* не непосредственно из корня *vrěd-*, а *(vъ)rędъ-*, поскольку оно всюду звучит с *е*, а не с *я* (из ѣ). Значение 'ценность' в таком случае возможно объяснить влиянием сербского *вредност*

[3] См.: С. Младенов. Етимологически и правописен речник, на българския книжовен език. София. 1941, стр. 79.

[4] См.: J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Worterbuch, стр. 1151.

[5] См.: F. Kluge, A. Götze. Etymologisches Worterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1951, стр. 872.

Сравнение Мф. XXI, 33—42 Асс. и Мар. убеждает в том, что за некоторыми мелкими исключениями оба текста идентичны. Так, в Асс. **ѵ҃лкъ етеръ бѣ домовитъ** (33), в Остр. **етеръ** заменено словом **нѣкыи**, в Сав. — **единъ**; в Мар. опущено **етеръ**, но в Зогр. (текст XII в.) оно есть. В Асс.: **и созьда стлъпъ** (33) так же и в Остр.; в Мар. **і созъда въ немъ стлъпъ**, т. е. в винограднике; в Зогр. без **въ немъ**. В Асс.: **егда же приде врѣмя плодомъ** (34), в Мар. вм. **приде** более точное: **приближи сѧ**, так в Остр. и Зогр. (в Остр. много случаев правки текста по тетрам)[6]. В Асс. **и емше дѣлателе рабъи его** (35), так же в Остр., а в Мар. начальное **и** опущено, потому что в общем контексте оно лишнее, кроме того тут читается: **емъше же** — такое чтение несомненно лучше и точнее, ср.: **посъла рабъı своѭ къ дѣлателемъ. приѭти плодъı его. емъще же дѣлателе рабъı его овогo бишѧ овогo же оу҃бишѧ. овогo же камениемь побишѧ.** В Асс.: **дѣлателе же ти егда оу҃зьрѣша сн҃ъ рѣшѧ въ себѣ** (38). в Мар. опущено **ти** как лишнее в контексте. В Асс.: **въздадѧтъ емоу҃ плодъ въ врѣмена своѥ** (41), в Мар. — **плодъı**, что опять-таки точнее.

В остальном текст обоих списков евангелий совпадает. Таким образом, сравнение показывает, что чтение тетра в данном месте более точное, которое могло появиться только в результате редакторского исправления апракосного перевода. Употребление же в Асс. слова **етеръ**, грамматических форм **пръвъıихъ**, **извѣсѧ**, **оу҃биѥмо и** (из **обу҃иѥмъ и**), **г҃ь** (**господь**, в Мар. **гнь**) свидетельствует о том, что текст тут старинный, не подвергавшийся обновлению. Текст Сав. значительно обновлен, поскольку здесь читается, например: **ѵ҃лкъ единъ бѣ богатъ; посъла... иматъ вина своего** вм. **приѭти плодъı его** и т. п. Тем не менее зависимость текста Сав. от апракосного перевода очевидна. Так тут читается: **въздадѧтъ емоу҃ плодъ** (а не **плодъı**, как в тетре) **въ врѣмена своѭ** (41); тут находим написание **г҃ь** (а не **гнъ**) **винограда** (39) и т. п.

Словом, приведенные данные позволяют судить о том, что **не въ рядоу҃ сътворішѧ** является первым переводом греч. ἀπεδοκιμάσαν, который при составлении тетра первые же переводчики исправили на **неврѣдоу҃ сътвориша** из-за того, что первичный перевод оказался недостаточно точным.

Непривѣзнь — лѫкавъıи

Ягич пишет: «Мф. VI, 13 в древнейших текстах читается **отъ непривѣзни**, так в нашем тексте, в Зогр., Ник., в Остр. и т. д., но вот уже Асс. текст на этом месте заменил старое слово

[6] См.: А. С. Львов. Особенности в лексиката на Остромировото евангелие. «Български език», 1958, год. VIII, кн. 3, стр. 209 и след.

обыкновенным потом выражением отъ лѫкавааго. Что эта позднейшая поправка, в этом нельзя никак сомневаться, потому что иначе и Асс. ев. пишет непрїѣзнь, напр. Мф. XIII, 38 непрїѣзнини, как все прочие древнейшие тексты»[1].

Позже Ягич заявил безапелляционно: «Непрїѣзнь (ὁ πονηρος) в определенном значении злое существо характерно для самого раннего перевода... Позже непрїѣзнь заменяется лѫкавъıи» (Entst. 369). К. Горалек, присоединившись к мнению Ягича, Мф. VI, 13 Асс. отнес к обновленным текстам[2].

Обратимся пока только к тем местам, на которые ссылается Ягич в приведенной выше первой цитате. и не вьведи насъ въ искоушение нъ избави нъıи ѿ лѫкавааго (Мф. VI, 13, Асс.), так же в Врач., Добрил. и нек. др., но в Сав., Арх., Остр., Зогр., Мар.: отъ непрїѣзни, в греч. ἀπο τοῦ πονεροῦ. ѿвѣщавъ же гь реѣе имъ. въсѣавъı доброе сѣмѧ естъ сн҃ь ч҃лвчь. а село естъ весь миръ. доброе же сѣмѧ сіи сѫтъ снве цр҃ствиѣ. а плѣвели сѫтъ снве непрїѣзніні. а врагъ въсѣавъı ѩ естъ дїаволъ (Мф. XIII, 37—39, Асс.), так же в Остр., Зогр., Мар.; в Сав. нет этого места.

В первой цитате субстантивировавшееся прилагательное лѫкавъıи употреблено в значении 'дьявол', 'нечистая сила'. Во второй цитате все изложено метафорически. Здесь снве непрїѣзнини не в метафорическом, а в прямом значении 'люди, творящие соблазны и беззакония по наущению дьявола'. Такое понимание вытекает из дальнейшего: посьлетъ гь анѣлъı своѧ. и сьберѫтъ ѿ конець ѯемѧ въсѧ съблазнъı. и творѧщіѧѧ беззаконие. и въврѫгѫт ѩ въ пешть огньнѫ (Мф. XIII, 41—42 Асс.). В других рукописях это место читается так же, кроме Сав., в которой оно отсутствует. В Мар. вместо съблазнъı читается сканьдѣлъı. В переносном, метафорическом значении снве непрїѣзніні следует понимать как 'сыны дьявола'. Приведенные цитаты наводят на мысль, что, действительно, в них какое-то слово заменено другим — непрїѣзнь на лѫкавъıи или наоборот, но на основании имеющихся данных этот вопрос решить невозможно.

В Киев. лл. непрїѣзнінъ употреблено в том же значении, что и Мф. XIII, 8, ср.: гі присно нъıи прїемлі: да възможемъ правьдьнаѣ твоѣ наслѣдоваті. і отъ непрїѣзнінъ дѣлъ оуістіті сѧ (5а, 6—10). Тут непрїѣзніна дѣла — 'нечистые (грешные) дела', на совершение которых, по христианской морали, побуждает дьявол. Здесь же л. 5б читаем: (т)ъıи гі отъмі нъıи отъ лѫкавьства нашего: і твоеѭ мілостиѭ обрати нъıи на правьдѫ твоѭ

[1] И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие С примечаниями и приложениями. СПб., 1883, стр. 464.

[2] K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954, стр 84.

(21—24). Перевод латинского: Tu domine semper a nobis omnem remoue prauitatem, et ad tuam nos propitius conuerte iustitiam. Здесь отъ лжкавьства является переводом prauitatem, от pravitas 'искривленность', переносно 'пороки'. Как видно, в данном тексте слово лжкавьство близко к прямому значению 'кривизна' и отличается от выражения Мф. VI; 13 в Асс.: избави нъı ѿ лжкаваго. Рассмотрим каждое слово в отдельности. Мф. VI, 23 читаем: аще лі око твое лжкаво бждетъ. вьсе тѣло твое темно бждетъ (Асс.), в остальных так же, за исключением того, что в Сав. вместо бждетъ читается естъ.

Тут лжкаво 'коварное', 'нечистое', 'несправедливое'. Мф. VII, 9—11: кто естъ отъ васъ ѹ̄лвкъ. егоже аще проситъ сн̄ъ свои хлѣба. еда камень подастъ емоу. ли аще рыбы проситъ. еда змыж подастъ емоу. аще оубо вы лжкавьни сжште. оумѣете даяниѣ благаа даѣти ѹ̄домъ вашимъ (Мар. в Зогр. так же, но в последнем: подаси ли емоу змиж). В апракосы не входило это место. Здесь лжкавьнъ (о человеке) следует понимать как 'злоумышленный', 'криводушный', т. е. делающий, так сказать, бесовские дела.

Мф. XII, 39: родъ лжкавъ. і любодѣи. знамениѣ іштетъ. і знамение не дастъ сѧ емоу (Зогр., Мар.). В апракосы не входило это место. родъ лжкавъ — 'род криводушных, коварных', т. е. опять-таки поступающих наподобие дьявола.

В Мф. XII, 45 говорится о том, что нечистый дух, вышедший из человека, проходит бездные места, ища покоя. Не найдя покоя, нечистый дух решается возвратиться в свой дом, откуда вышел... Захватив с собою еще семь других духов, он вселяется в человека: і бждѫтъ послѣдьниѣ ѹ̄ка того. горьша пръвъıхъ. тако бждетъ і родоу семоу лжкавъноуемоу (Зогр., в Мар. лжкавоуемоу). В апракосы не вошло это место; родъ лжкавънъıи или лжкавъıи. как это вытекает из контекста, — 'действующий коварно, криводушно'.

Мф. XVIII, 32—33: рабе лжкавъı. вьсь длъгъ твои отъпоустихъ тебѣ. понеже оумоли мѧ. не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврѣта твоего. ѣко и азъ тѧ помиловахъ (Мар., в остальных так же, за некоторыми исключениями). Здесь речь о том рабе, которому хозяин простил долги, и этот же раб посадил своего клеврета в тюрьму за то, что тот не мог тут же вернуть ему долг; рабъ лжкавъı тут значит 'нечестный', 'коварный'.

Мф. XX, 15: или нѣстъ ми лѣть. сътворити еже хощѫ къ своихъ ми. аще око твое лжкаво естъ. нъ азъ благъ есмь (Асс., в остальных так же), говорит хозяин виноградника поденщикам, работавшим с утра до вечера и получавшим за это по одному пенязю, так же как и тот, кто, нанявшись позже всех, проработал всего один час, тоже получил один пенязь.

Тут око лжкаво в том же значении, что Мф. VI, 23 или 'завистливое'.

Мф. XXII, 18: разоумѣвъ же и҃с҃ лжкавєствіѣ ихъ рече. оувто мѧ искоушаєте гпокріті (Асс., в других: лжкавьство, а в Остр. — помъıшлєниа). Тут лжкавьствие — 'злое, коварное помышление'; речь идет о тех, кто хотел со злым умыслом узнать от Иисуса, нужно ли платить кесарю подать или нет.

Приведенным исчерпывается количество примеров в евангелиях, в которых встречается слово с корнем лжк- < **lonk-*. Примеры показывают, что слова с этим корнем связаны с понятием 'неправедный' 'нечистый', 'коварный' или даже возможно 'действующий как дьявол или нечистая сила'.

В Син. пс. слова с указанным корнем встречаются 13 раз. Приведем примеры: оуніъжєнъ єстъ прѣдъ німъ лжкавои: боıштеі же сѧ г҃ѣ славıтъ (XIV, 4). В Погод., Болон., Соф. и Бух. так же. Здесь лжкавои несомненно 'дьявол', 'нечистая сила'; ѣко б҃ъ не хотıı безаконьѣ тъı єсі: не пріселітъ сѧ къ тебѣ лж(ка)въı: ни прѣбѫдѫтъ же законопрѣстѫпьніці прѣдъ оуıма твоіма (V, 5—6). В Болон. лжкавноужи, в остальных, как в Син. пс. Хотя в греч. πονηρευόμενος 'дурно поступающий', но по смыслу речь о той же нечистой силе, дьяволе. Сък(р)оуші мъıшъцѫ грѣшънаго і лжкаваго: вьзіштетъ сѧ грѣхъ его і не обрѧщетъ сѧ (IX, 36); в Погод., Болон., Соф. и Бух.: грѣшноумоу и лжкавоумоу, в греч. πονηρός; лжкавъıі тут, должно быть, больше, чем грѣшьнъıі, скорее всего — 'коварный', 'действующий как бес', ср.: постави на нъ грѣшьніка: и дьѣволъ да станетъ о десніѫ его (CVIII, 6). Смысловые отношения между словами: грѣшьника и дьѣволъ, грѣшнаго и лжкаваго — в обоих предложениях одинаковы.

Не прільпе мьнѣ сръдьце лжкаво оукланѣжштаасѧ отъ мене зълаго не знахъ (C, 4), в греч. σκαμβός. В остальных так же. Судя по контексту лжкаво — 'злое', 'коварное'; възненавідѣхъ цр҃ковъ лжкавънъıхъ: и съ неуъстівъıімі не сѧдѫ (XXV, 5), в греч. πονηρευόμενος 'плутов', 'мошенников' по контексту — 'бесовствующих'; в Погод., Болон. и Соф. лжкавъıхъ, в Бух. лжкавноуıщиихъ. — оутвръдишѧ себѣ слово лжкавьно: повѣдѣшѧ съкръı сѣті (LXIII, 6). В остальных списках такое же чтение. слово лжкавьно — 'слово мошенническое': не ревъноуіте лжкавьноуıщиімъ: ни завиди творıщиімъ безаконение (XXXVI, 1); в Погод., Болон., Соф., Бух. лжкавъıимъ. Значение интересующего нас причастия такое же, что и в приведенном выше предложении из XXV, 5. В том же значении см. еще XCI, 12; XXXVI, 8—9; LXXXII, 4; LXXXIII, 3—4; CIV, 15.

Таким образом, в Син. пс. слова с корнем лжк- в семантике совпадают со словами того же корня в евангелиях, если

иметь в виду и употребление Мф. VI, 13 в Асс. лжкавъıи в значении 'дьявол'.

В Син. трб.: поработихъ сѧ окаанъı лжкавънъıмь ограждениемь. іже оугасивъше свѣтъ твои бъıвъшеи въ мнѣ (78а, 21—25) — лжкавъное (ограждение) 'дьявольское', 'нечистой силы'; кто похоть имъı. ілі лжкавъствомь тоужды женж прииме. в лѣ да покаетсѧ а о хлѣбѣ о во (103а, 21—23). Здесь интересующее нас слово в значении 'хитрость', 'коварство'. В том же значении см. еще: 52а, 1—2; 88б, 6—9; і спе всѣмъ үкомъ паүе вѣрънъımъ. не прѣзьрѣвъ үка. отъ непрїѣзнина лжкавъства (23а, 9—12), в греч.: ὁ μὴ παριδὼν τὸν ἄνθρωπον ἐκ τῆς τοῦ διαβόλου πανουργίας. Таким образом, непрїѣзнина лжкавъства значит 'коварство дьявола'. В том же значении см. еще: 23а, 11—14.

В Клоц. сб. лишь 1 раз встречается лжкавьнъ в предложении: не бжді нікътоже сьде іюда съı. нікътоже лжкавенъ. нікътоже ліцемѣръ. нікътоже ѣда імъı. въ срѫдьці съкръвена (I, 407—410)., в греч. μηδεὶς ἔστω πονηρός. Здесь лжкавенъ 'коварен'. В Супр. рук. соответствующее место звучит несколько иначе: не бжди никтоже июдоиж тоу. не бжди никтоже зълъ. не бжди никтоже имѣл ıдъ (420, 10—12). Как видно, в Супр. рук. значительно смягчено содержание и вместо лжкавенъ тут употреблено слово зълъ.

В Супр. рук. слова с корнем лжк- встречаются более 20 раз. Приведем примеры: сь же о себѣ вельмждрова ти побѣди лжкавъıи (522, 11—12). Здесь лжкавъıи в значении 'дьявол', 'бес', который в других местах именуется лжкавъıи бѣсъ, ср.: на оутрьıа прѣжде зорь. нападъ лжкавъıи бѣсъ. оудави үловѣка того (= блудника и пьяницу) (564, 18—19), см. также: 565, 14—16; 556, 4—6; 35, 29; 36, 23—25. Кроме того, слово лжкавъıи встречается в сочетании с существительным доүхъ, ср.: вѣдъı ıако сии дѫхове лжкави сѫтъ (53, 16—17); доүси лжкавьнии прогонимı бъıваіжтъ (479, 20—21; см. также 560, 3—6).

Приведенные примеры дают основание для утверждения, что лжкавъıи в значении 'дьявол', 'нечистая сила' в грамматическом отношении представляет субстантивировавшееся прилагательное, выделившееся из сочетания слов лжкавъıи бѣсъ, лжкавъıи доүхъ и т. д. Подобное явление наблюдаем в русской диалектной речи: *нечистый*, появившееся из *нечистый дух* или *нечистая сила*. Кстати, в Супр. рук. имеется нечистъıи доүхъ в значении 'бес', см. 520, 13.

В следующих примерах лжкавъıи и лжкавьнъıи употребляются в значении 'дьявол', 'бес': онъ же по сжштии вь немь простости. творѣше ки ıже на враү'бж. коүпно же и проказьства лжкавааго вѣдъı и бои сѧ. ıда коли отъ многаго к неи попеченьıа. бесьмрътьнжіж болѣзнь нанесетъ (516, 21—25). Ясно, что

приведенные субстантивировавшиеся прилагательные лжкавъıи и лжкавьнъıи выделялись из сочетания со словом бѣсъ или доухъ.

Такое явление происходило и происходит в живой народной речи, поэтому все случаи употребления субстантивировавшегося прилагательного с корнем лжк- в значении 'дьявол' и 'бес' следует признать вошедшими в переводы церковных книг из живой народной речи.

Так же, как и в других памятниках, в Супр. рук. прилагательное лжкавъıи встречается в значениях 'хитрый', 'злой', 'коварный', ср.: лжкавъ мжжь рече (130, 6); по вьсемоу съказа кмоу. ıавивъши кмоу лжкавьнъıихъ самарѣнъ (517, 14—15); тъı каина братооубиньства бѣлъıм ризъı съвлѣче. и лжкавьствиа оубиению ножъ наостри и того оубити наоучи (389, 8—11) и т. д.

Обратимся к слову непрїѣзнь. Кроме приведенных выше мест из евангелий Мф. VI, 13, где в Асс. лжкавъıи, а в других непрїѣзнь, и Мф. XIII, 38, где во всех непрїѣзнинъ, слово непрїѣзнь встречается еще Ио. XVII, 15: не молж да вьзьмеши ıа о̑ вьсего мі̑ра. нъ да съблюдеши ıа о̑ непрїѣзни (Асс., в других так же, кроме Зогр., в котором нет этого места). Здесь непрїѣзнь в значении 'нечистый дух', 'бес'. Мф. XIII, 19: всѣкъ іже слъıшитъ словеса цр̑ѣ. і не разоумѣваетъ. приходитъ непрїѣзнь. і въсхъıштаетъ сѣанье въ сръдьци его (Зогр., Мар.). В апракосы не входило это место. Мф. V, 37: бжди же слово ваше. еи. еи. і ни. ни. лихое бо сею отъ непрїѣзни естъ (Зогр., Мар.). В апракосы не входило это место. Лук. XI, 4: нъ избави нъı отъ непрїѣзни (Зогр., Мар.). В апракосы не входило это место.

Этим исчерпывается количество примеров в евангелиях, где встречаются лжкавъıи и непрїѣзнь. Из приведенных примеров видно, что в тетрах избегается употребление первого слова в роли существительного и в значении 'нечистый дух', 'бес'. Наоборот, в Син. пс. ни разу не встречается непрїѣзнь, в которой, как видели, употребляется лжкавъıи в разных значениях, в том числе и 'нечистый дух', 'бес'.

В Син. трб. непрїѣзнь встречается более 20 раз. Основное значение его 'нечистый дух', ср.: побѣдитель естъ на всѣкж непрїѣзнь ноцьнъıж. побѣдитель естъ на всѣкж болѣзнь ноцьнъıж (48б, 8—11, то же 29а, 1—10); (приде) видѣти отъ непрїѣзни мжчима рода у̑ıа̑ (4б, 4—6). Тут непрїѣзнь бесспорно в значении 'дьявол', то же 42а, 9—16; призъвавъı оученикъı своıм. дъва на десѧте. і давъ імъ власть и силж. на вса непрїѣзни. і вса неджгъı цѣлити неджжънъıмъ (43б, 19—24). Повторяется та же мысль, что и в Мрк. III, 14—15: і посъıлаетъ ıа проповѣдати. і имѣти область цѣлити неджгъı і изгонити бѣсъı (Зогр.,

Мар., в апракосы не входило это место). Ср. также: і призъва оба на десѧте оученика своѥ дастъ имъ власть. на дс̑ѣхъ нечистыхъ да изгонѧтъ ѩ. іцѣлити вьсѣкъ неджгъ и всѣкѫ болѣзнь (Мф. X, 1 Мар., в других так же).

Таким образом, в Син. трб. слово непрѣзни употреблено в значении доуси нечистии или бѣси других памятников. Последние слова по времени в перевод вошли раньше слова непрѣзнь. Характерно, в Син. трб. встречается доухъ непрѣзнинъ, ср.: съı на распонѣ. въкоусилъ еси. ıꙁ гл̑бъı оцьта. і оупоилъ еси. всѧ ненавидѧщıѧ тебѣ. весь дх̑ъ непр(нѣзн)инъ (42б, 14—19). Здесь находим и силѫ непрѣзнинѫ, ср.: раздроушилъ еси съмрътъ. і всѣ бо болѣзнь оумрътвилъ еси. и всѣ силѫ непрѣзнинѫ (30а, 9—12). Кроме того, прилагательное непрѣзнинъ сочетается с разными существительными, ср.: прѣсѫчилъ еси. всѧ істочьникъı непрѣзнинъı (29а, 21—22); хранѧща дш̑ѫ моѫ и тѣло... отъ всѣкоѧ сѣти непрѣзнинъı (37б, 9—13); і отрѣши и отъ жзъı сеѧ непрѣзнинъı (40а, 18—19); стрѣлъı непрѣзнинъı (94а, 7—8); нашествие непрѣзнино (25б, 5—6) и т. д.

Словом, в Син. трб. слово непрѣзнь и непрѣзнинъ получили широкое употребление в значении 'нечистый дух', 'бес', 'бесовский', 'дьявольский'. Вероятнее всего, что такие сочетания слов, как доухъ непрѣзнинъ, сила непрѣзнина, стрѣлъı непрѣзнинъı, появились взамен лѫкавъıи доухъ, лѫкавѣ или нечистѣ сила и т. д.

В Клоц. сб. лишь 1 раз находим слово непрѣзнь в предложении: да нікъıѣе оубо отъ владъıкъ. отъ непрѣзні обладанъ (I, 146—147). Здесь интересующее нас слово в значении 'дьявол'.

Супр. рук., так же как и Син. трб., употребляет слова непрѣзнь, непрѣзнинъ в самых различных случаях, ср.: радоуи сѧ обрадованаıа господь съ тобоѫ оуже ти непрѣзнь не оудобъıкетъ (251, 1—2), т. е. дьявол не овладеет; пораженъ дх̑омъ непрѣзнинѣмъ. прѣбъı самъ нѣмъ и неподвижимъ (562, 9—10); т. е. поражен духом нечистым, дьяволом (ср. выше: лѫкавъıи бѣсъ, доухъ); непрѣзнина противъства отѧтъ (479, 30). Правда, встречаются и такие примеры, как: сѫштѫѫ блѫдьницѫ не възъва блѫдницеѫ нъ женоѫ. кротъко бесѣдоуѧ съкръı непрѣзнина дѣлесе има (394, 16—18); т. е. злые, неподобные дела, по существу дьявольские. В Фрейзинг отр.: nuúvueki gemu be ſiti bone ſezavuiztiubui nepriazninu uvignan (II, 6—9), т. е.: въ въ вѣкъı кмоу бѣ жити. понеже зависты бъı непрѣꙁнинѫ въıгънанъ; tere nepriiaznina uz nenauvideſſe Aboſiu uzliubiſte (II, 32—34), т. е. тѣ же непрѣꙁнина възненавидѣшѧ а божьѧ възлюбишѧ. В обоих примерах непрѣꙁнинъ 'дьявольский'.

В житии Мефодия: и ѡлѣ оустити начатъ непризнь блазнити многами къзньми члвчьскъıи родъ (гл. I); на вьсѣхъ же поутьхъ въ многъı напасти въпадъше ѡ непризни (гл. XIV). В обоих примерах непризнь 'дьявол', 'нечистый дух'.

В житии Вячеслава: ти зълии врази, призъвавъше болеслава, съвѣтъ творяахѫ непрьıзнинъ съ нимь о братѣ кго вячеславѣ[3]; съвѣтъ непрьıзнинъ — 'совет лукавый, бесовский'; и оутвръдиша съ нимъ тъ непрьıзнинъ съвѣтъ о братрѣ кго[4]. Речь о том же совете, о котором говорится в первом предложении; младьньца же издавиша кго ради, женъı же мъногъı за инъı мѫжа въдаша, слоужителя божьıа изгънаша и вьсѫ непрьıзниность сътвориша[5]. Здесь непрьıзниность 'дьявольское', 'сатанинское'.

Как видно, в западнославянских оригинальных памятниках старославянской письменности в значении 'нечистая сила', 'дьявол' употребляется только одно слово непрѣзнь.

Без отрицательной частицы слово прѣзнь употребляется совсем в ином значении, ср.: оутверъди въ насъ любьвь твоѭ і прѣзнь нашѭ оутверъди. съвъкоупи нъı на благовѣрие (Син. трб. 18а, 2—5). Тут прѣзнь — 'доброжелательство', 'дружелюбие', 'благодушие'; цроу тьлѣньноуоумоу прязнь хранѧште. мъı же за прязнь истовааго црѣ (Супр. рук. 91, 12—13). Здесь прязнь — 'вера', 'доверие', 'верность'. С частицей не слово прязнь должно обозначать 'неприятный', 'недоверчивый'. Оно так и есть, ср.: ѧште ли робъ кси. съ страхомъ си господиноу покори ѧ. словесъı бо прѣпирами ѧ непрязникъ робъ. нъ ѩкѣ сѫпьрникъ (Супр. 328, 13—16); трѡфимъ и еукарпиѡнъ словѣшта при лоутости и при дръзости. и кнѧземь посълана на крьстианъı мѫчитъ. она же небрѣгъша повелѣниа кнѧзъ паче крьстианомъ прияета (Супр. рук. 212, 12—17); прияета — 'доброжелательствовали'; і оставльшмьıа всѣ житиска. і родъ и прѣтела вьслѣдь тебе граджа (Син. трб. 80б, 5—8); прѣтела — 'друзья'.

В последних примерах вполне понятны значения слов с корнем **priā-*, поскольку этот корень является и.-е. в значении 'милый', 'любовь'. Непрѣзнь — в значении 'нечистый дух', 'бес', 'дьявол' совсем не вытекает из состава и значения отдельных частей анализируемого слова. По всей видимости, указанное значение привнесено, так сказать, со стороны. Полагаем, что непрѣзнь в указанном значении является калькой с германского Unhold, известного с др.-в.-н. до сих пор в значениях 'демон',

[3] M. Weingart. Texty ke studiu jazyka a písemnictví starosl ského. Praha, 1949, стр. 195.
[4] Там же, стр. 196.
[5] Там же, стр. 197.

'дьявол', 'сатана', от Hold 'друг', 'приятель'[6]. Эта калька закономерна для Моравии и Паннонии, где немцы по крайней мере с начала IX в. распространяли христианство.

Остатки живого употребления слова nepriaznь фиксировались еще в словацком языке в XVII в. Я. Станислав в судебных записях процессов над ведьмами в г. Купине 1675 и последующих годах обнаружил слова nepraznik, nepriaznik в значении 'дьявол', 'сатана', 'чѐрт'[7]. И эти слова нельзя считать случайными, и думаем, прав Станислав, возводящий их к ст.-сл. непрїѣзнь.

Характерно, в евангелиях в ряде случаев непрїѣзнь употребляется вместо дїѣволъ или сотона. Приведем примеры. Мф. IV, I: въ оно̑ възведенъ бѣи и҃с. дⷯмъ въ поустѣинїж. искоуситъ сѧ о̑ дїѣвола (Асс., так же в Сав. и Остр.), в Зогр.: искоусити сѧ отъ непрїѣзни, в Мар. нет этого места. Примечательно тут то, что в Зогр. супин уже заменен инфинитивом. Мф. IV, 8: паⷦы поⷦтъ і дїѣволъ. на горѫ (Асс., так же Сав. и Остр.), но в Зогр. поⷦтъ его непрїѣзнь. Вместо поⷦтъ и в Зогр. более позднее: поⷦтъ его. Лук. XIII, 16: сиѫ же дъщерь авраⷢмїж сѫщѫ. ѩже съвѧза сотона (Асс., так же в Зогр., Мар.), в Сав.: непрїязнь.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в ряде памятников дїѣволъ и сотона заменялись словом непрїѣзнь. Между прочим, в Зогр. Мф. IV, 10 читается дїѣволе, а в остальных сотоно.

Приведенный материал дает основание для следующих обобщений:

1. Слово лѫкавъıи как субстантивировавшееся прилагательное в значении 'нечистая сила', 'злой дух', 'бес' встречается во всех памятниках, за исключением евангелий-тетр. Лѫкавъıи в указанном значении могло выделиться из сочетаний слов: лѫкавъıи бѣсъ, лѫкавъıи доуⷯъ и т. п., в которых прилагательное должно было иметь значение 'хитрый', 'коварный'. По данным памятников, оно, действительно, употреблялось в этом значении. Возможно, допущение, что субстантивировавшееся прилагательное лѫкавъıи в значении 'бес' из *коварный бес*, *хитрый бес* было табуистическим словом. По современным данным, прилагательное с корнем *lǫk-* до сих пор известно в указанном значении почти всем южным и восточнославянским языкам, ср. серб-хорв. lukav 'хитрый', 'коварный'; словн. lokav то же значение; русск. *лукавый* то же значение (Даль, I, 272); укр. *лукавий* то же знач. (Гринч. II, 380). Не совсем ясен вопрос, яв-

---

[6] См.: F. Kluge, A. Götze. Укав. соч., стр. 882; O. Schnade. Altdeutsches Wörterbuch. Halle, 1872—1882, стр. 1036.

[7] См: J. Stanislav. Slovenské slovo *nepriaznik*, stsl. *nepriaznь* «diabolus». «Slavia», 1956, roč. XXV, seš. 2, стр. 254.

ляется ли болг. *лукав* в тех же значениях заимствованным из русского языка или оно собственно болгарское прилагательное. Судя по написанию *лук-*, как будто следует признать его русским. В частности, такого мнения придерживается Э. Бернекер. Словари западнославянских языков не фиксируют такого прилагательного. Только А. Брюкнер отмечает наличие в польском в прошлом łąkaw в значении 'кривой'[8]. **лжкавъıи**, как субстантивировавшееся прилагательное в упомянутом значении, кроме старославянского языка, известно всем трем восточнославянским языкам, ср. русск. *Ворочает как лукавый в болоте; Вся неправда от лукавого* (Даль, II, 272); *Лукавый попутал* и т. п.; укр.: *Чи ти лукавий, чи ти водяний, чи ти вітровий* (Гринч. II, 338); белр.: *Чего цебе тут лукавый носиць; Лукавый цебе подсунув под руку* (Нос. 738); болг. *лукавният*, по мнению С. Младенова, из русского языка[9]. Серб.-хорв. и словн. словари не фиксируют этого слова в данном значении.

Нельзя считать, например, восточнославянское *лукавый* в значении 'нечистый дух', 'бес' церковнославянизмом, потому что оно до сих пор в русском является только просторечным[10]. В говорах оно нередко употребляется в уменьшительно-ласкательной форме *луканька* (Даль, II, 272).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что значения прилагательного *лукавый* 'хитрый', 'коварный' и субстантивировавшегося прилагательного в значении 'нечистая сила', 'злой дух', 'бес' возникли еще в эпоху южно- и восточнославянского единства, т. е. задолго до начала переводов церковных книг на славянский язык. При этом субстантивировавшееся прилагательное *лукавый* являлся злым духом наряду с лешими, водяными, домовыми и т. д. (ср., кстати, укр. пример, приведенный выше); говоря иначе, это́ был языческий злой дух, бес.

2. Как видели, Ягич придерживался мнения, что **лжкавъıи** в памятниках старославянской письменности является вторичным словом, употребленным взамен слова **непрıѣзнь**. Как отмечено выше, **лжкавъıи** в значении 'злой дух', 'бес' употребляется во всех памятниках, за исключением евангелий-тетр. Примечательно при этом, что в Син. пс. употреблено только это слово и в ней ни разу не встречается **непрıѣзнь**. В других списках псалтыри (Погод., Болон., Соф. и Бух.) также не находим слова **непрıѣзнь**.

Псалтырь должна была быть переведена сразу же после апракоса, потому что без нее не мыслится проведение церков-

[8] См : A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 308.

[9] С. Младенов. Етимологически и правописен речник. . стр. 280.

[10] См.: «Словарь современного русского литературного языка», т. VII М.—Л., 1957, стр. 393.

ной службы. Факт отсутствия слова **непрѣзнь** в псалтыри при указанных условиях делает сомнительным утверждение Ягича о замене первичного слова **непрѣзнь** вторичным **лжкавъıи**. Наоборот, наличие Мф. VI, 13, в Асс. **ѡ лжкавааго**, а также наличие его в псалтыри в значении 'бес', 'злой дух' может быть свидетельством того, что оно могло находиться в самых первых переводах апракоса и псалтыри. Наличие в Асс., Врач., Добрил. слова **лжкавъıи** 'нечистая сила', 'бес' следует рассматривать как реликт до конца незамененного слова. Такие реликты имеются еще в Асс., ср. **жизнь** Мф. XXV, 46.

3. Слово **непрѣзнь** могло быть введено в тексты евангелий первыми же переводчиками взамен **лжкавъıи**. Причиной замены могло явиться либо желание избавиться в тексте евангелий от языческого термина, либо эта замена вынуждалась отсутствием в речи мораван этого слова. Выдержанное употребление в тетрах слова **непрѣзнь** на месте греч. ὁ πονηρός, в частности, в местах, которые не входили в апракосы (Мф. V, 37; XIII, 19; Лук. XI, 4), убеждают в этом. Как известно, в тетрах замены ранее употребленных в апракосах слов другими большей частью проводятся выдержанно, ср. употребление только слов **животъ** на месте **жизнь**, **невръ̀доу** вм. **не въ радоу**, **пропѧти** вм. **распѧти**, **гжгънивъ** вм. **нѣмъ** и т. д.

Как уже указывалось, после составления тетра и апракосы стали редактироваться и исправляться по текстам тетра. Тем не менее в апракосах оставались следы первоначального перевода и словоупотребления, особенно они заметны в Асс. ев. К ним следует относить и **ѡ лжкавааго** (Мф. VI, 13).

В поздних переводах встречаются, если так можно сказать, слова, характерные как апракосам, так и тетрам. Употребление в Син. трб., Клоц. сбр., Супр. рук. и др. **лжкавъıи** и **непрѣзнь** в одном и том же значении является иллюстрацией к сказанному.

4. **Непрѣзнь** (отрицательная форма от **прѣзнь**) относится к словам на **-знь**, образованным (как отметили выше в главе **животъ — жизнь — житие**) от непроизводной глагольной основы **прѣти**, так же как **жизнь** от **жити**, **казнь** от **кати**, **бо̀язнь**, **болѣзнь** и т. п. Все они обозначают состояние или процесс. Употребление же их в роли названия деятеля в общеславянском плане неизвестно. Этот факт укрепляет в мнении, что **непрѣзнь** является калькой с герм. Unhold. Появление его в языке мораван следует объяснять тем, что, по имеющимся данным, в речи мораван отсутствовало слово **лжкавъıи** в значении 'злой дух', 'нечистая сила', 'бес'. Словари западнославянских языков, как видели, не фиксируют последнего слова не только в указанном значении, но даже в значении 'коварный', 'хитрый'.

Поскольку, кроме тетра, слово **непрѣзнь** в значении 'нечистая сила', 'бес' выдержанно употребляют оригинальные па-

мятники, переведенные там же, как например Беседы папы Григория на евангелие (см. лл. 212б, 17—24; 258а, 2—5), имеются основания для утверждения, что это слово введено в памятники старославянской письменности в Моравии вместо лжкавъıи.

Осѣсти — окрочити

Названные слова употреблены в таком тексте: ѣко приджтъ дьнье на тѧ. і обложатъ врази твои острогъ о тебѣ. и обиджтъ тѧ. і осадятъ тѧ въсѣдж. і разбиютъ тѧ и чада твоѣ (Лук. XIX, 43—44 Мар.). В Зогр. вместо осадятъ написано окрочатъ, в остальном тексты обоих памятников идентичны. В апракосы не входило это место. Характерно, что в Беседах на евангелие Григория папы римского это место читается так: и оградатъ тѧ. врази твои. wстрогъмъ и wбидотъ тѧ. и стоужатъ ти wвсюдѣ (301а, 20—23, огра- по описке вм. огра-). В греч. славянскому осѣсти, окрочити соответствует συνέχω, в Вульгате: congusto. Речь тут несомненно идет об осаде войсками противника.

В Син. пс. ѣко обіджмѧ пъсі mnosi: и сънемъ зълобівъıихъ осѣдемѧ (XXI, 16), в греч. συναγωγή πονηρευομένων περιέσχον με. В данном случае, как видно, тот же военный термин осѣсти употреблен переносно в значении 'окружить', 'стеснить'.

Приведенным исчерпываются случаи употребления слова осѣсти в памятниках старославянской письменности старших списков. Употребление же слова окрочити также исчерпывается приведенным примером, за исключением еще одного места из Супр. рук., в котором встречается искрачила, ср.: ...прѣді малъı видѣаше млатъı ковома. и брадкиж тешема. то того нъıнѣ поставилъ кси. и бога и наричеши. не повинж сѧ оубо тебѣ. ни искрачила твоѧ. ни мжкъı твоѧ оустрашатъ мене (161, 28—30, 162, 1—3). По мнению К. Мейера, искрачила является существительным в им. п. мн. ч. ср. р. и означает 'орудие пытки'[1].

По поводу осѣсти Ягич пишет: «Осѣсти (περιέχω), пс. XXI, 17 (сънъмъ осѣдемѧ), вероятно, является первичным, изящным и выразительным переводом, который повторяется во всех старых текстах, в других случаях, правда, глагол περιέχω (в аористе) передается еще через одрьжати, обити и обѧти, первый глагол одрьжати употреблен также в вышеуказанном памятнике, ср. Син. пс. LXVIII» (Entst. 374). По-видимому, здесь опечатка, вм. LXXXVII, где читаем: wбіджмѧ ѣко вода въсь день одрьжаше мѧ къкоупѣ (18). Хотя в греч. и сказано: περιέσχον με ἅμα,

[1] См.: K. H. Meyer. Altkirchenslavische-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt—Hamburg, 1935, стр. 95.

но поскольку речь тут идет не об осаде, а об удержании (в Болон. говорится оудръжашѫ), то переводчик не мог употребить здесь глагола осѣдѫ мѧ.

По мнению Ягича, συνέχω первые переводчики на славянский язык передали глаголом окрочити. По поводу этого он пишет: «Окрочити является одним из многих с чувством выполненных переводов с греческого. Глагол συνέχω (в аористе) окрочѧтъ Лук. XIX, 43 в Зогр.; Мар. вместо него пишет осѧдѫтъ, среднеболгарский текст Цонева — объстѫпѫтъ, Трнов. — объ(и)мѫтъ. В Гал. ев. так же, как в Зогр., остальные русские евангелия (Юрьев, Добрил., Типогр.) пишут так же, как Трнов., объимоуть. Первое слово кажется оригинальнейшим» (Entst. 372).

Осѣсти как военный термин, был широко употребителен, например, в древнерусской письменности. В подтверждение высказанной мысли приведем несколько примеров: *И осѣдаху Ярополка в Роднѣ; и бѣ гладъ великъ в немъ* (Новг. I лет., 960 г.); *И в то же время приде Всеволодъ со всѣмъ пълкомъ своимъ на Новый Търгъ... и осѣдоша город, а сѣдѣша 5 недѣль* (Новг. I лет., 1181 г.); *И князь Святославъ оселъ Городець, Ржевку-Мьстиславъ съ полкы...* (Соф. I лет., 1216 г.).

В современном русском языке этот военный термин известен только в форме *осадить*, *осаждать*. Словари южных и западных славянских языков не фиксируют слова *осѣсти*, *осадити* в значении военных терминов.

Приведенные Ягичем из русских списков евангелий объимоуть, окроуити не могли появиться на почве древнерусского языка, потому что, как отметили, в нем существовали специальные, широко известные термины осѣсти и осадити и не было никакой нужды заменять их другими. Надо полагать, что окрочити и объѧти пришли к нам вместе с южнославянскими оригиналами, с которых на Руси сделали новые списки.

Окрочити ныне находит такие соответствия: серб.-хорв. kročiti 'делать длинные шаги', 'шагнуть', krok 'шаг'; чеш. kročiti 'делать шаг', okročiti (стар.) 'обойти', 'окружить', 'сесть кругом', obkročiti (стар.) то же значение, krok 'шаг'; польск. okroczyć то же значение, что и в чеш., krok 'шаг'.

По мнению Э. Бернекера, все приведенные слова восходят к **kork-*, который сближается с литов. kárka 'плечо', 'передний окорок' (свиней). Эти сближения не объясняют серб.-хорв. krok, kročiti, чеш. krok, okročiti, потому что в этих языках следовало бы ожидать, как и в словн., krak, болг. *крак*. О том же свидетельствует русск. *окорок*[2]. В. Махек считает, что все приведенные слова восходят к общеслав. **krok-*, при этом форму *krak-* признает образованием от основы итеративного глагола.

[2] E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913, стр. 571 и след.

Однако убедительные доводы в пользу высказанного мнения автором не приводятся[3]. Словом, вопрос этот требует еще дополнительных разысканий. На основании же приведенных данных возможно утверждение, что **окрочити** в значении 'осадить', 'окружить' находит соответствие в чешском и польском языках. Этот факт является основанием для допущения, что в Моравии это слово могло быть известным.

Поскольку **осѣсти** в значении военного термина, кроме старославянского, находит соответствие и в древнерусском языке, то можно полагать, что термин был несомненно общим для южных и восточных славян. В восточноболгарских редакциях и списках памятников в значении **осѣсти** употребляются другие — **объстѫпити, обѧти**, и они, в частности, находятся в русских списках южнославянских памятников. В Супр. рук. в значении военного термина осадить употреблено **обѧти**, ср.: **сии сѫтъ обѣмъшии нашѫ странѫ. ѥкоже сѣ сѫнове частии. възбранѣѭште нашествиѥ ратънъıиχъ** (94, 28—22). Все это является показателем того, что в X—XI вв. в восточной Болгарии слово **осѣсти** в значении военного термина не было употребительным.

Материал позволяет констатировать, что **осѣсти**, не **окрочити** было в первичном переводе. Это допущение подкрепляется тем, что **осѣсти** употреблено не только в Мар. ев. Лук. XIX, 43; **окрочити** может свидетельствовать о том, что оно введено сюда взамен **осѣсти** в Моравии. Иные допущения тут едва ли возможны, потому что, по данным болгарского языка и его диалектов, там не было формы от основы *krok-*.

В Зогр. ев. Мрк. IV, 38 имеется еще один моравизм **доχъторъ** на месте **възглавьница**, προσκεφάλιον. Исследование К. Горалека показано, что это слово от корня *dъch-* < **dǫch-*. В совр. чеш. известно duchna 'перина'. Это слово из чеш. заимствовано немецким в виде Duchent, Tuchent[4]. В серб.-хорв. сохранилась основа dachtati (из **dъchъt-*). Суффиксы *-ъt*, *-ot*, а также *-or-* присоединялись преимущественно к звукоподражательным корням, поэтому нет ничего удивительного, что в Моравии рядом с duchъna 'перина', могло быть dъchъtorъ 'подушка'[5]. Употребление слова **доχъторъ** в Малых пророках списка Упыря Лихого (см. Срезнев. Мар. I, 719) — явное свидетельство того, что это слово могло включиться в перевод Малых пророков в Моравии как местное слово.

По мнению И. Курца, исследовавшего Зогр. ев., дошедшая до нас рукопись является третьим списком с недошедшего до нас

---

[3] V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, стр 236.

[4] См.: J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 110

[5] См : K. Horálek Stsl dochъtorъ (*dъchъtorъ). «Slavia», 1947, roč. XVIII, seš 1—2, стр 57 и след.

оригинала, который сначала был просмотрен и переписан в Моравии[6]. Как видно, это утверждение имеет под собою почву Дошедший же до нас список Зогр. носит следы восточноболгарского списка (об этом см. ниже в «Заключении»).

Отокъ — островъ

«Отокъ (νῆσος), — пишет Ягич, — является характерным для старого слоя (лексики. — *А. Л.*) церковнославянского перевода, и этому слою дается предпочтение, так Деян. XIII, 6 отокъ в Шиш., Христ., XXVII, 26 въ отокъ в Шиш. (островъ в Христ.), XXVIII, 1 отокъ в Шиш., островѣ в Христ., XXVIII, 9 въ отокъ в Шиш., въ островѣ в Христ., там же 11 въ отоцѣ в Шиш., въ островѣ в Христ.; также только отокъ в Апокалипс. I, 9; VI, 14; XVI, 20; в псалтыри LXXI, 10 отоци во всех (только в Бух. острови), XCVI, 1 отоци во всех. Достойно внимания написание по описке отока (вм. потока) Ио. XVIII, 1 в Зогр. исправлено на острова» (Entst. 374).

В текстах евангелий не встречается слово νῆσος, но в календаре Остр. ев. от 26 сентября читаем: прѣставлениѥ стаго иоана еуанглиста и бословьца въ отоцѣ патьмѣ (225г, 8—10), в других списках апракоса (Асс., Сав. Арх.) последних двух слов нет. В Син. пс. наличие слова отокъ можно восстановить только сравнительно с греческим текстом и другими славянскими списками псалтыри. Ср.: цѣсарі тарьсьсіціі (греч. θαρσίς. — *А. Л.*) отьці дары прінесѫтъ (LXXI, 10), греч. αἱ νῆσοι. В Погод. и Болон. wтоци, в Бух. wстрови. В Син. XCVI, 1—2: да възвеселѧтъ сѧ оці мнози. wблакъ і мракъ окръстъ его, греч. νῆσοι πολλαί. В Погод. и Болон. отоци.

В Супр. рук. 4 раза употреблено слово островъ и ни разу — отокъ, ср.: сѫпротивномъ вѣтромъ ѧтъ. привръженъ бъıстъ въ островъ нарицаемъıи алсосъ. въ странахъ рѣкъı дънапра (539, 3—5); и на оутръıа повелѣ анѳупатъ стаго прѣдъвести къ елиспонтъскоуоумоу островоу (116, 29—30—117, 1), см. также: 129, 6; 431, 2—3.

В других памятниках старославянской письменности старшего списка не зафиксировано ни отокъ, ни островъ, за исключением старших списков Апостола (см. выше цитату из Ягича).

Примечательно, что в ряде списков жития Константина читается: и послю wтъ нихъ спасенїѧ въ ѩзъıкъı.... къ wтокъ далнаꙗ (гл. XII), но в большинстве списков в указанном месте читается: къ островъı.

[6] J. Kurz. K. Zografskému evangeliu «Slavia» 193. roč XI, seš. 3—4, стр. 385 и след.

В таких памятниках, как Слова Григория Назианзина (см. 61г, 3), Пандекты Антиоха сп. XI в. (см. 298 об.), Изборник Святославов 1073 г. (743) и других восточноболгарских памятников письменности, для перевода греч. νῆσος употребляется только слово **островъ**. Этот факт вместе с данными Супр. рук. является свидетельством того, что в восточной Болгарии не было употребительно слово **отокъ** в упомянутом значении.

Данные же календаря Остр., Син. пс., а также Малых пророков списка Упыря Лихого, употребляющие только слово **отокъ** для перевода греч. νῆσος, свидетельствуют о том, что оно было известно в памятниках довосточноболгарской редакции. При этом трудно решить, вошло ли слово **отокъ** в памятники старославянской письменности в Моравии или еще раньше. Данные современных славянских языков, правда, склоняют к мысли, что **отокъ** было более употребительно в прошлом на территории Паннонии и, по-видимому, в соседних с ней районах Моравии.

Пастꙑрь — пастоу҃хъ

«**Пастꙑрь** (ποιμήν), — пишет Ягич, — в старших текстах является привелигированным перед **пастоу҃хъ**, по крайней мере, Мар. всюду пишет первую форму, Зогр. имеет **пастоу҃хъ** Мф. IX, 36, Мрк. VI, 34, кроме этих везде **пастꙑрь**. Также в Шиш. апост. везде эта форма. В Супр. напротив почти исключительно **пастоу҃хъ**, лишь 203, 23 **пастꙑрь**» (Entst. 291—292).

Добавим, в оглавлении к ев. от Луки в Мар. читается **о стрѣгѫштиихъ пастꙑриихъ**, а в Зогр. — **пастоусѣхъ**. Характерно, Мф. IX, 36 и Мрк. VI, 34, где в Мар. **пастꙑрь**, а в Зогр. **пастоу҃хъ**, в апракосы не входили.

Данные евангелий об употреблении указанных слов таковы:

Название памятника	Формы		Всего
	пастꙑрь	пастоу҃хъ	
Асс.	11	—	11
Сав.	—	11	11
Остр.	6	6	12
Арх.	6	1	7
Врач.	2	2	4
Мар.	16	—	16
Зогр.	13	3	16
Итого	54	23	77

Таким образом, два памятника, Асс. и Мар., знают только форму **пастъирь**, один памятник, Сав., — только **пастоухъ**, остальные употребляют обе формы, при этом в них в целом преобладает употребление первой формы, за исключением Остр. и Врач., в которых, как видно из приведенной таблицы, обе формы употреблены в одинаковом количестве.

В Син. пс. интересующие нас слова не встречаются. В Син. трб. находится только **пастъирь**, употребленный тут 6 раз. В Клоц. сб. употреблено всего 2 раза **пастъирь** в тексте: **пръвіи пастъирі хв҃ое благовѣстъствоуѭтъ рождъство. нъ і пръвии вьсемъ пастъирі. хв҃і оучениці. благовѣстиша хо҃ое із мрътвыхъ порожденье** (894—897). Эта цитата с точностью повторяется в Супр. рук. (452, 1—4), за исключением того, что в ней слово **пастъирі** заменено на **пастоуси**.

В Супр. рук., как отмечено Ягичем, лишь 1 раз употреблено **пастъирь** в предложении: **съвѣдѣтель же добрыи іѡанъ нашъ прѣподобьнъіи пастъирь** (277, 28—29). В остальных 19 случаях в данном памятнике читается **пастоухъ**, из них 1 раз в форме прилагательного **пастоуховъ** (460, 12).

Таковы количественные данные памятников старославянской письменности старшего списка об употреблении форм **пастъирь** и **пастоухъ**, передающих греч. ποιμήν. В евангелиях указанные формы слов от основы **паст-** употреблены только в прямом значении 'пастух' (стада), ср.: **поражѫ пастъирѣ. и разидѫтъ сѧ овець стада** (Мф. XXVI, 31, Асс.); **і вѣаѫ пастъири въ тоижде странѣ. бьдѧще и стрѣгѫще ст(р)ажѫ ноіѫнижѫ о стадѣ своемь** (Лук. II, 8, Мар.); **і бѫдетъ едино стадо и единъ пастъирь** (Ио. X, 16, Мар.); **и разлѫчітъ ѭ дроугъ ѿ дроугѧ. ѣкоже пастъирь. разлѫчает овьцѧ отъ козьліштъ** (Мф. XXV, 32, Асс.) и т. п.

В Син. трб. дважды слово **пастъирь** употреблено, так сказать, метафорически, ср.: **тъı бо еси пастъирь и спасъ дш҃амъ нашимъ** (80б, 16—17, 101а, 3—4). В переносном значении употреблено также слово **пастъирь** в приведенной выше цитате из Клоц. сб., а в Супр. рук. в той же цитате вместо **пастъірі**, как отметили, читается **пастоуси**. В Супр. рук., кроме приведенной выше цитаты (277, 28—29), находим также предложения: **пастоуше словесънъіихъ овецъ. како нъı остави кдинъı** (225, 8—9); **по подражанью истинънаго пастоуха. іс҃ хс҃а** (534, 10—11) и др., в которых слово **пастоухъ** употреблено в переносном значении. Наряду с этим это же слово нередко встречается в этом памятнике и в прямом значении, например: **добрыи пастоухъ пристѫпі къ стадоу** (498, 28—29); **поражѫ пастоухъ и разно поидѫтъ овьцѧ** (478, 10—11); **вѣстъ пастоухъ звѣрѣ** (509, 28) и т. д.

Невозможно установить разницы в значениях между пастъıрь и пастоухъ. По всей видимости, между нами первоначально и не было семантического различия.

Если обратиться к современным данным, то в южнославянских языках обычно pastuch 'жеребец' (надо полагать, значение позднее), а pastir 'пастух'. В западнославянских языках чеш. pastucha и pastiř, польск. pastuch и старое pasturz известны в одинаковых значениях. В восточнославянских языках *пастырь* ныне воспринимается как явно книжное слово в значении 'духовный пастырь'.

К сожалению, все попытки разгадать историю слова pastyrь в славянских языках не имели бесспорного успеха. Возможно, что pastyrь на самом деле древнейшее заимствование романского pastōrē через германское посредство, и эта форма быстро заменилась в суффиксальной части на *-uchъ* ввиду весьма малой распространенности суф. *-yrъ* < *-ūrъ*. Об этом свидетельствует, кажется, наличие основы *past-* в обоих образованиях.

Материал склоняет к мысли, что первые переводчики употребили форму пастъıрь, которая в Моравии не заменялась на форму пастоухъ. Исключительное употребление первой формы Асс. и Мар., не имеющих бесспорных и систематически проведенных следов восточноболгарской редакции, а также Син. трб. и Клоц. сб. как памятников, переведенных в Моравии, к тому — яркое свидетельство. Появление пастоухъ в памятниках с явными следами восточноболгарской редакции (Сав., Остр., Арх. Врач., Зогр. и Супр. рук.) едва ли требует иного вывода, кроме того, что эта форма включена в памятники старославянской письменности в восточной Болгарии взамен первичного пастъıрь. Высказанная мысль подкрепляется еще и тем, что слова пастоухъ, пастоушькъ, пастоушьство и др. более обычны в таких восточноболгарских по происхождению памятниках, как Слова Григория Назианзина, Пандекты Антиоха и др. (см. Срезн. Мат. II, 886).

Правда, выдержанное и исключительное употребление формы пастоухъ в Сав. кн. вызывает некоторые сомнения. Дело в том, что в этом памятнике в других случаях наряду с внесенными в восточной Болгарии словами фигурируют и первичные и моравские слова. Может быть, в данном случае редактору Сав. кн. удалось последовательно заменить первичное пастъıрь вторичным пастоухъ. В Арх. пастоухъ находим в предложении: поражю пастоуха и разидоуть сѧ овьца стадьнъıа (Мф. XXVI, 31). Это место находится в части, написанной 2-ым почерком, где обычны бесспорные восточноболгаризмы в лексике. В Врач. Ио. X, 2 повторяется дважды, причем на л. 280б читается пастоухъ, а на л. 189 — пастiрь.

Как уже отмечали, Зогр. во многих случаях в лексике имеет те же слова-замены, которые внесены в восточной Болгарии. Наличие 3-х кратного употребления в нем слова пастоухъ возможно объяснить только тем, что оно внесено сюда в восточной Болгарии.

Словом, все приведенные данные склоняют к мысли, что форма пастоухъ в передаче греч. ποιμήν в памятниках старославянской письменности — восточноболгаризм, внесенный взамен первичного пастырь.

Понѣвица — плащѣница

Первое слово встречается в Зогр., Син. трб. и Супр. рук., а второе — в Мар., Асс. и Остр., в Син. трб. и Супр. рук.

Таким образом, Зогр. не знает второго слова, а Мар., Асс. и Остр. ев. — первого. Син. трб. и Супр. рук. употребляют оба слова. Син. пс., Киев. лл. и Клоц. сб. не употребили ни того, ни другого слова: должно быть, не требовалось переводимыми оригиналами.

Плащѣница употребляется в таких значениях:

1. 'Саван', 'пелена' (в которую завертывали покойника): и пріемъ тѣло иосифъ. обитъ є плащѣницеѭ чістоѭ и положі є къ новѣмъ своемъ гробѣ. іже исѣче въ камени (Мф. XXVII, 59—60 Асс., то же Мар. и Остр., в последнем написано: плащаницеѭ). В том же значении это слово см. еще Мрк. XV, 45, 46; Лук. XXIII, 52—53. Во всех указанных местах в Зогр. употреблено слово понѣвица. Ср. еще в Супр. рук.: не крильма нъ плаштаницеѭ бога покрывъша (458, 7—8).

2. 'Какая-то накидка', 'покрывало': і оставьше и вьси бѣжашѧ. і единъ юноша етеръ по немь иде. одѣнъ въ плаштаницѫ нагъ. і ѩсѧ и юноша. онъ же оставь плаштаницѫ нагъ бѣжа отъ нихъ (Мрк. XIV, 50—52, Мар.). В Зогр. в обоих случаях читается понѣвица. В апракосы не входило это место. Употребление в данном значении плащѣница едва ли первично. Об этом см. ниже.

3. 'Полотенце': въставъ съ вечерѧ. прѣвивъ сѧ плащаницеѭ. оумъıвъ ногы оученикомъ своимъ (Син. трб., 46б, 19—22). В подобном же по содержанию тексте в Асс., Мар., и Зогр. ев. читается: въста съ вечерѧ и положи ризы. і приемъ лентии прѣпоѣсѧ сѧ. по томь же вълі водѫ въ оумъıвальницѫ. і начатъ оумъıвати ногѣ оученикомъ і отирати лентиемь імъжі бѣ прѣпоѣсанъ (Ио. XIII, 4—5, Мар.), в Сав. леньтии, леньтиемь. В последнем примере непереведенное греч. λεντιον.

Встречается и прилагательное плащаничьныи: рекы петроу. въ съсждѣ плащаничьнѣмъ нечистоумоу и сквръньноумоу чистоу бъıти всемоу. еже ныı водоѭ очистн (Син. трб. 21б, 15—19).

В греч. ’εν τῇ ὀθωνή. Как следует понимать **въ съсѫдѣ плащаничьнѣмь** — не ясно. В Охридском апостоле л. 7 об. читается: **видѣхъ... съсѫдъ единъ ѣко плащаницѫ велиѫ.**

Понѣвица употребляется в значении «1» и «2» в Зогр., не знающем слова **плащѣница**. В значении «2» или близком ему оно встречается и в Супр. рук.: **живъı въ антиохиистѣмъ великѣмъ градѣ. ногами болѧ. въ понѣвици носимъ. ꙗкоже не могъı ни ходити. ни трѣпѣти прилагаѥмааго бъıлиꙗ къ ногама** (564, 21—25).

В значении «1» в Син. трб. употреблено **понѣва: приемъı понѣвѫ отъ рѫкоу̀ чл҃очю. прикръвение тѣлоу̀ своемоу̀. отъ раба твоего иосифа** (38б, 20—22).

В значении «3» **понѣвица** встречается только в церковнославянских текстах, например в Словах Григория Назианзина по сп. XI в.: **и понѣвоѫ прѣпомсавъ сѧ не прѣзьрѣ: ногъı оучеником҃ъ оумъıти** (54в, 9—12), однако в другом месте в таком же предложении вм. **понѣвоѫ** читаем **лентиимь** (см. 158б, 16).

Отметим еще, что Ио. XIX, 40 в значении «1» употреблено **ризꙗ: прiѧсте же тѣло иcо̀. і обiсте є ризамі. съ ароматъı. ѣко же объıчаи естъ июдѣомъ погрѣбатi** (Acc.), в Зогр. и Мар. это место читается так же. В греч. тексте на месте **ризꙗ** стоит ’οθόνιον ‘полотенце’. В Арх.: **обиста ѥ понѣвами съ въконами**; то же в Воскресенской цветной триоди XII в. читается: «Понѣвами и конами обивъ Иосифъ въ гробѣ новѣ положи» (Срезн. Мат. II, 1186). В ев. 1307 г.: понѣвою сѧ конами (Там же). В Добром, в той же фразе **плащаницеѧ** (Entst. 378).

В церковнославянских памятниках **понѣвица** употребляется еще вместо **опона**. Ср.: **і опона цр҃кꙋ̀наѣ раздъра сѧ** (Мрк. XV, 38; но Мф. XXVII, 51 — катапетазма), в Сав. и в последнем месте **опона**. Ср.: **і се понѣвица цр҃кꙋ̀ина раздьра сѧ** (Четвероев. 1144 г., Мф. XVII, 51, см. Срезн. Мат. II, 1186). В приведенных примерах слова **понѣвица** и **плащѣница** употреблены в одних и тех же значениях. Характерно, что один из Азбуковников XVII в. слово *понява* объясняет как *плащаница*[1].

Ягич в одном месте труда по истории возникновения старославянской письменности высказывает мысль, что **понѣвица** относится к словообразовательным типам старого образца (Entst. 274 и след.). В перечне первичных слов, однако, **плащѣница** у него оказывается на первом месте: «**Плаштаница** (σινδών) Мф. XXVII, 59; Мрк. XIV, 51—52 (в этих местах в Зогр. **понѣвицѫ**, но в Ник. **плаштаницоу̀**, также Мрк. XV, 46 и Лук. XXIII, 53, в обоих только что упомянутых местах в Зогр. употреблено слово **понѣвица**, то же в Трнов. Мрк. XV, 46); следует при-

[1] «Алфавит иностранных речей» (рукопись Б-ки АН СССР, XVII в., № 446, л 184 об.).

знать неточностью перевод в Добром. термин ὀθονίοις Ио. XIX, 40 словом плашѣницѣмъ в том месте, где в вышеупомянутых памятниках стоит ризами, потому что ὀθόνιον, как правило, передается словом риза» (Entst. 378).

Обычно Ягич помещал в заголовок то слово, которое он считал первичным. Но в приведенной цитате, кроме противопоставления «в Зогр. понѣницѫ, но Ник. плаштаницоу», нет ничего, подтверждающего, что последнее и есть первичное слово. Ник. было в употреблении у богомилов, последние же, по мнению Ягича, наподобие русских старообрядцев, особенно дорожили старинными текстами и свято охраняли их[2]. Таким образом, эта ссылка и является у Ягича доводом в пользу первичности слова плашѣница.

Опираясь на мнение В. Вондрака о переводе Цветной триоди Климентом в Македонии, Р. Нахтигаль считает, что понѣва — первичное слово, потому что в упомянутом памятнике читается: понавами и воними обивъ. иосифъ въ гробѣ новѣ положи и. При переводе Климент якобы мог пользоваться только теми словами, какими пользовались его учителя, первые переводчики. Помимо того, по мнению Нахтигаля, наличие слова понѣва в Син. трб. подкрепляет его мнение, поскольку этот памятник переведен в Моравии, если не Мефодием, то его ближайшими учениками, в том числе и Климентом. Употребление в Цветной триоди, напечатанной в 1563 г. в Скутари, слова плащаница преимущественно в местах, где говорится о службах на великие пяток и субботу, по мнению Нахтигаля, не может быть свидетельством против первичности слова понѣва[3]. Мнения Ягича и Нахтигаля заслуживают внимания, но, к сожалению, они подкрепляются ссылками только на косвенные свидетельства.

Ст.-сл. плащѣница образовано от плащь по типу: багрѣница, власѣница и т. д., т. е. от прилагательных с суффиксом -ѣн-, типа: власѣнъ (ср.: власѣномъ соукномъ (Супр. рук. 213, 11), дрѣвѣнъ, лѣдѣнъ, льнѣнъ и т. п.; багърѣница встречается в Супр. рук., например: сѥ въ багърѣницѫ облѣченъ сѣждѫ (368, 11; в 485, 5 написано: въ багрѣницѫ); власѣница зафиксировано в Юрьев. 1119 г., Мф. XI, 21; плашть (из **polst-jo*) плаштѣнъ > плаштѣница. Написание плаштаница вполне понятно (переход ѣ > а после шипящих).

Нет никакого сомнения в том, что плаштѣница — южнославянское слово (по формуле tlat). Разбираемое слово зафиксировано в словах южнославянских языков: болг., у Дювернуа *плащеница* со ссылкой на словарь Богорова, у Н. Герова: *пла-*

---

[2] См.: И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие, стр. 464.

[3] См.: «Euchologium sinaiticum starocerkvenoslovanski glagolski spomenik», d. II. Ljubljana, 1942, стр. 90—91, сноска.

щаница 'вязаный плат с изображением на нем положения нашего спасителя в гробу после снятия его с креста' (ч. IV, 41), словн. plaščenica 'длинная лента'.

По всей вероятности, болг. *плащаница* ныне — книжное слово, так же как и соответствующие русское и польское слова. Лишь словн. plaščenica, бесспорно, живое слово. В последнем от plašč образован еще ряд других слов.

Таким образом, живое слово plaščenica находится в языке потомков древнего населения Паннонии — словенцев. Современное его значение 'длинная лента' могло развиться так: 'холстина' > 'узкая холстина' > 'полотенце' > 'лента'. Наличие чеш. plaštenec, plaštenka свидетельствует о том, что в нем могло быть и plaštenica. По-видимому, болг. язык также знал слово *плащеница*. Характерно, что уже в Син. трб. плащѣница отражено в значении 'холстина', 'полотенце'.

Еще Миклошичем было предложено двоякое объяснение этимологии слова понѣва, понѣница: «Высказывают мнение — писал он, — что слово следует сравнивать с опона; другие предполагают, что оно от др.-нем. fano»[4]. Эти два мнения живы до сих пор. Так, например, Селищев сравнивает разбираемое слово с лат. pannus 'кусок материи', гот. fana 'кусок полотна'. Корень *pan-* 'кусок полотна'[5]. А. Вальде и Ю. Покорный категорически заявляют, что корень понѣва не восходит к и.-е. **pan-* 'ткань', а относится к тому, от которого образованы пѣнѧ, пѧти, опона[6].

Обратимся к соответствиям этому слову в современных славянских языках. В диалектах русского языка оно широко употребительно до сих пор. В южнорусских говорах *понява*, *панева* 'завеска', 'род юбки', а в северно-русских говорах значение его более разнообразно: *понява* 'длинное платье' (новг., волгд.), 'всякое просторное платье' (олонц.), 'человек, носящий обвислое платье', 'женский убор', 'повязка' (влад., Оп. 170), 'широкая, долгая одежда не по росту, либо чужая, которая обвисла и волочится' (заонеж.)[7], 'грубая верхняя одежда для грязной работы' (арх.)[8], 'долгая длинная не по росту одежда' (вят.)[9], 'старинная домашняя одежда' (сев. Двин.)[10], 'попона на лошадь', 'женская шуба, крытая крашениной' (яросл.)[11], *понька*

[4] F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 257.

[5] А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II. М., 1952, стр. 75.

[6] A. Walde, J. Pokorny. Указ. соч., т. II, стр. 661.

[7] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 89.

[8] А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. СПб., 1907, стр. 245.

[9] М. Н. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1908, стр. 249.

[10] М. Романов. Указ. соч., доб. 2, стр. 19.

[11] В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора. СПб., 1912, стр. 67.

(каз.) 'нижняя одежда' (Доп. 199) и т. п. Белр. *панева* 'юбка, состоящая из нескольких несшитых в длину пол' (Нос. 391). Словари западнославянских языков не фиксируют этого слова. Словн. ponjava 'полотно', 'простыня', преимущественно — 'полотнище из грубого, толстого полотна', 'полог'. Серб. *поњава* 'грубое одеяло', 'грубая шерстяная ткань', 'ковер', 'одеяло', *поњавица* то же, что *поњава*. Словари болгарского языка не фиксируют этого слова, в них, между прочим, отсутствует и *опона*.

Как указано выше, **понѣва**, **понѣвица** употреблены для передачи греч. σινδών 'тонкая льняная или бумажная ткань', 'тонкое полотенце', но едва ли это употребление верно. Судя по данным живых славянских языков, нужно склоняться к мысли, что ponjava скорее обозначало 'грубое полотно', 'шерстяную ткань'. Однако отсутствие слов **понѣва**, **понѣвица** в словарях отдельных славянских языков затрудняет суждение о точном значении этих слов в прошлом.

Если это слово было известно в IX—XI вв. в том же значении, в каком оно известно сейчас, тогда можно допустить, что им не могли перевести греч. σινδών, **плащѣница** бесспорно точнее соответствовало указанному значению греч. слова.

В Син. трб. **понѣва** встречается в значении 'саван', ср.: **приемъ. понѣвж отъ рѫкоу̑ чл҃чю. прикръвение тѣлоу̑ своемоу̑. отъ раба твоего иосифа** (38б, 20—22). В значении же 'полотенце' здесь находим **плащаница**, что очень близко к употреблению совр. словн. plaščenica и греч. σινδών. Ср. еще: **прѣвивъ сѧ плащаницеж. оу̑мъıвъ ногы оу̑ченикомъ своимъ** (Син. трб. 46б, 20—21). В Супр. рук.: **плаштаницеж бога покръıвъша** (458, 6), но больного носят **на понѣвици** (563, 23).

В Зогр. читаем: **і единъ етеръ по немь іде. одѣнъ въ понѣвицж нагъ. і ѣша і юношж. онъ же оставь понѣвицж. нагъ бѣжа отъ нихъ** (Мрк. XIV, 50—51), 'юноша был одет в какую-то верхнюю одежду или покрыт каким-то покрывалом'. В указанном значении слово **плащѣница** не встречается.

Поскольку еврейским обычаем с древних пор является обвертывание покойника холстинами, то вполне вероятно, что в первоначальном тексте апракоса греч. σινδών было переведено словом **плаштѣница**. Это же слово, собственно, годилось и для перевода греч. λέντιον, но последнее, по всей видимости, в первоначальном тексте апракоса было оставлено без перевода, о чем свидетельствует употребление его без перевода в ряде апракосов.

Слово **плаштѣница**, разумеется, не могло быть употребленным Мрк. XIV, 50—51 для обозначения облачения, во что был одет юноша. Тут могло быть с самого начала употреблено слово **понѣвица**, причем это слово могло включиться в еван-

гельский текст только при составлении тетра (как известно, Мрк. XIV, 50—51 в апракосы не входило).

Употребление этих слов в памятниках, переведенных в Моравии, как, например, Син. трб. одно вместо другого, надо полагать, и явилось основанием для того, чтобы исключить одно из них из текста церковных книг. Так, в Зогр. оказалось исключенным **плаштѣница**, а в Мар., наоборот, — **понѣвица**. Однако путаница употребления этих слов бытовала еще долго (ср. приведенные выше примеры).

Так представляется нам на основании изученного материала история этих слов в анализируемых текстах памятников старославянской письменности.

Потьбѣга — поуштеница

Приведенными словами передается греч. ἀπολελυμένη 'разлученная', 'оставленная', ср.: Мф. V, 32: **азъ же глѣ вамъ. ѣко вьсѣкъ поуштаѥи женѫ своѭ развѣ словесе любодѣинааго. творитъ ѭ прѣлюбы дѣати. і иже подъпѣгѫ поемлетъ прѣлюбы творитъ** (Мар.), в Зогр. так же, за исключением того, что вместо **прѣлюбы творитъ** читается **прѣлюбы дѣетъ**. В апракосах нет этого места. Мф. XIX, 9: **глѣ же вамъ. ѣко іже ѥще поустить женѫ своѭ. развѣ словесе прѣлюбодѣина. творітъ ѭ прѣлюбы твориті. и женѧи сѧ подъвѣгоѭ. прѣлюбы творітъ** (Асс.), так же в Мар., а в Зогр. **подъпѣгоѭ**, причем это место списка XII в. В Остр. — **потьвѣгоѭ**, помимо того, вместо **прѣлюбодѣина** читается **любодѣаньнааго**. в Арх. — **потьвѣгою**, в Врач. — **потьвѣгаѭ**. В Сав. это место читается так: **глѣ же вамъ. иже ѥще поустить женѫ своѭ. не любы дѣавъшѫ. и творитъ ѭ любы створьшѫ. прѣлюбы дѣетъ**. Чтение Сав. расходится с обычным греческим текстом, ср.: λέγω δὲ ὑμῖν ὅτι ὃς ἂν ἀπολύσῃ τὴν γυναῖκα αὐτοῦ, παρεκτὸς λόγου πορνείας, ποιεῖ αὐτὴν μοιχευθῆναι. καὶ ὁ ἀπολελυμένην γαμήσας, μοιχᾶται. Кроме того, кажется, такое чтение Мф. XIX, 9, как Сав., весьма редко находит соответствие в других рукописях. По крайней мере, Л. П. Жуковской, прочитавшей несколько десятков рукописей, удалось заметить подобное Сав. чтение Мф. XIX, 9 только еще в одной рукописи XIV в. «Срезн. I», хранящейся в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде.

Лук. XVI, 18: **вьсѣкъ поуштаѥи женѫ своѭ. и приводѧ инѫ. прѣлюбы дѣатъ і женѧи сѧ поуштеноѭ отъ мѫжа. прѣлюбы творитъ** (Мар.), в Зогр. **поуштеницеѭ**. В апракосы не входило это место.

Приведенными данными исчерпываются примеры с интересующими нас словами, встречающиеся в евангелиях.

В Клоц. сб.: **вьсѣкъ поуштамі женѫ своѭ развѣ словесе любодѣаннаго. творитъ ѭ прѣлюбъı твориті. і вьсѣкъ пріѣплѣшімі сѧ потъпѣзѣ прѣлюбъı дѣетъ** (I, 129—132). Этот текст в первой части полностью совпадает с текстом Мф. V, 32, а вторая часть несколько расходится с евангельским чтением.

В других памятниках старославянской письменности интересующие нас слова не встречаются. Из поздних списков евангелий Срезневский приводит Мф. XIX, 9; **поуцѥноуѭ** (ев. сп. 1355 г.), **потѣга** (ев. сп. 1144 г.), **подѣга** (ев. сп. 1409 г.). В Пандектах Антиоха по списку XI в. в цитате из Мф. 4, 32 читается: **поуштеницеѭ**. В Устюжской кормчей сп. XIII в.: **аще кто вдовоу поиметъ или подъпѣгоу**, а в Ефремовской кормчей в идентичном тексте: **поуштеницю**; в греч. здесь ἐκβεβλημένην 'выброшенную'.

Материал показывает, что в поздних списках церковнославянской литературы **подъпѣга** и **поуштеница** воспринимались как слова с идентичным значением. Пожалуй, то же наблюдаем и в Зогр., ср. тексты, приведенные выше из Матфея и Луки. Правда, Лук. XVI, 18 читается несколько иначе сравнительно с текстами Матфея. Лук. XVI, 18: **женѧи сѧ поуштеноѭ** (или: **поуштеницеѭ**) **отъ мѫжа**, в текстах Мф. V, 32; XIX, 9 отсутствует **отъ мѫжа**, которые вполне возможно обусловлены употреблением **поуштеноѭ**, а не **поуштеницеѭ**.

У славян с древних пор могли существовать два упомянутых термина для обозначения понятия 'разведенная': **потъвѣга** и **поуштеница**. Лук. XVI, 18, первоначально читалось **поуцѥноѭ**, которое позже переписчики заменили **поуштеницеѭ**, последнее и отразилось в Зогр. (Лук. XVI, 18 переводчики не могли написать **подпѣгоѭ отъ мѫжа**, так как управление существительного существительным с предлогом **отъ** неизвестно. По этой же причине здесь не могло быть и **поуцѥницеѭ отъ мѫжа**, а было **поуцѥноѭ отъ мѫжа**). Управление же глаголом **поустити** род. п. с предлогом **отъ** для славянских языков было обычным. Это подтверждается, кроме приведенного ст.-сл. примера, данными памятников древнерусской письменности, ср.: *поустиша... от себе* (Лавр. лет. 1139 г.); *ѡбрѣте мтрь поущеноу ѿ Филипа* (Александрия); *отъ своихъ роукъ поустить* (Поуч. митроп. Фотия, 1416 г.), *поущеная ѿ мужа своего* (Вопросы Кюрика); см. Срезн. Мат. II. 1726 и след.

Ягич отметил: «**Подъпѣга** (ἀπολελυμένη) Мф. V, 32; XIX, 9; Лук. XVI, 18 то же самое греч. слово передает через **поуштеноѭ** или **поуштеницеѭ**. Так как слово **подъпѣга** не могли объяснить, его по народной этимологии стали писать **подѣга** или **отѣга**. В Трнов. вместо **поуштеница** находится **отпоушеница**» (Entst. 380—381).

Этому слову с различными написаниями уделено много внимания и о его составе и значении высказаны самые различ-

ные предположения, вплоть до фантастических. Мы не будем касаться истории изучения слова.

Поуштеница совершенно ясное по составу слово, оно образовано от основы глагола **поустити**, имевшего значение 'разводиться с женой', ср. Мрк. X, 11; **иже аште поуститъ женѫ своѭ і оженитъ сѧ иноѭ**. Изгнанная мужем жена именовалась, как видно, **поущеница** (существ. образовано от причастия **поуштенъ** присоединением суф. **-ица** по типу: **оученица**, **мжченица** и т. д.).

В первоначальном тексте евангелия слово **поущеница** отсутствовало, Лук. XVI, 18 читалось: **женѧи сѧ поуштеноѭ отъ мжжа**. Чтение здесь в Зогр. **поуштеницеѭ** синтаксически неуместно. Само слово **поуштеница**, как показывают приведенные выше примеры, существовало.

В апракосы входило только Мф. XIX, 9, где в Сав. отсутствует слово **потьбѣгл**. в Асс. и Мар. оно читается **подъбѣгоѭ**, в Остр. **потьбѣгоѭ**, в Арх. **потьбѣгою**, а Врач. **потьбѣгаѭ**. Словом, во всех апракосах читается — **бѣгоѭ**. Еще Ф. Буслаев находил, что **бѣга** тут того же порядка, что и чеш. běhna[1]. В славянских языках слова от корня *běg-* по отношению к женщине обозначают 'ушедшая от мужа, из дому' и т. д., ср. чеш. běhna 'праздношатающаяся', 'бродяжка', 'проститутка', польск. biegunka, biegaczka 'бродяжка', 'непоседа', 'всем доступная', серб.-хорв. bjegunica 'убежавшая от мужа', болг. *бегалка* 'девушка, бежавшая из дому с возлюбленным' и т. д.

По указанной причине думаем, что правы Буслаев и Мейе[2], признающие, что данное слово сложное, образованное по типу **людьмила**, **ратьмиръ** и т. п., и в первой части имеют слово **потьь**, восходящее к и.-е. potis 'хозяин', 'супруг'. **Потьбѣга** в отличие от **поущеница** означала 'ушедшая, убежавшая от мужа'. Что в древности различались эти два термина, показывают Суды святительские, где строго различается: *«Аще же поустить боярин жену»...* и *«Аще поидеть жена от своего мужа»...*[3]

Из приведенных примеров видно, Мф. XIX, 9 в апракосах и в части тетров на месте греч. ἀπολελυμένην читается **потьбѣгоѭ** (Остр., Арх., Мстисл., Юрьев., Врач. и нек. др.), то **подьбѣгоѭ** (напр., Макед., но в этой рукописи «ъ» и «ь» путаются), то **подъбѣгоѭ** (Асс., Мар.). Последнее написание, вероятно, появилось в результате восприятия **подь** как предлога **подъ**. Оба варианта, т. е. с произношением potь и podь, дошли до нас, ср. польск. poćbiega, чеш. podběha. Думается, правы В. Иванов и В. Топоров, допускающие, что еще в праславянском языке интересующее нас слово произносилось двояко: ***potį-běga*

[1] См.: Ф. Буслаев. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848, стр. 137.

[2] См.: А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 397, 400.

[3] Цитируем по книге: «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 482 и след.

и **podi̯-bĕga*, последнее произношение подкрепляется наличием чтения podi̯ в слове **гос-подь**[4]. Как показывают чтения Мф. V, 32: **подъпѣгожь** или Мф. XIX, 9 в Зогр. сп. XII в. **подьпѣгожь**, а также чтение Клоц. сб. **потьпѣзѣ**, — это слово сравнительно рано подверглось порче, возможно, в результате контаминации с другим, близким по значению словом *po-tep-ica* или *po-tep-iga*. О наличии этих слов в славянских языках свидетельствуют словн. potepiga, potepica, potepaca, укр. *nominaxa*, *nominaka* и др. со значением 'бродяжка', 'потаскуша'.

Обращает внимание еще такой факт: Мф. XIX, 9 в Асс., Остр., Врач. Мар., Зогр. читается дважды **прѣлюбы дѣетъ**; Мф. V, 32 в Мар. — **творитъ иж прѣлюбы дѣати**, а в другой раз — **прѣлюбы творитъ**; в Зогр. в обоих случаях — **дѣати, дѣетъ**.

Перевод μοιχᾶται сочетанием слов **прѣлюбы дѣетъ** нельзя признать калькой. Из этого и других подобных словосочетаний с наличием **дѣати** еще на праславянской почве образовались сложные слова: **прѣлюбодѣи, любодѣи, зълодѣи, добродѣи** и др., которое во многих случаях в памятниках старославянской письменности не являются кальками с греческого[5].

Возникает законный вопрос: какое из приведенных словосочетаний было в начальном переводе **прѣлюбы дѣетъ** или **творитъ**? Наблюдения над употреблением и значением слов **дѣати** и **творити** в евангелиях приводит к мысли, что первое употреблялось больше в значении 'совершать', ср.: **коуплиж дѣите** (Лук. XIX, 13); **и тоу мтвж дѣаше** (Мрк. I, 35); **пакости емоу дѣахж** (Мф., XXVI, 17). В отличие от **дѣати** глагол **творити** обозначало 'создавать', 'сделать', 'выполнить', ср.: **плодъ творѧтъ** (Лук. VIII, 15); **егда оубо твориτе милостыниж не въстржбитε** (Мф. VI, 2); **какж коуплиж сѫтъ сътворілі** (Лук. XIX, 5) и др.

Все сказанное заставляет признавать, что в первичном переводе могло быть только **прѣлюбы дѣетъ**, так же как и **любодѣи, прѣлюбодѣи, любодѣание, любодѣица** и т. п. В связи с этим следует признать вторичным употребление глагола **творитъ** в сочетании со словом **прѣлюбы**. В этом смысле, например, текст Мф. XIX, 9 в Сав. едва ли относится к вторичным переделкам.

Если исходить из современного состояния славянских языков, то употребление глагола tvoriti в значении 'совершать', а также в сочетании слов, соответствующем ст.-сл. **прѣлюбы творитъ**, более свойственно западнославянским языкам. Яв-

[4] См.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации на V съезде славистов». М., 1963, стр. 140.

[5] См.: Там же, стр. 141 и след.

ляется ли в памятниках старославянской письменности глагол **творитъ** в сочетании с **прѣлюбы** моравизмом, нельзя решить утвердительно без дополнительных специальных разысканий.

Продати вѣнити

Второе слово встречается всего 2 раза в следующих евангельских текстах: **не двѣ ли птици пѣнязоу вѣните сѧ** (Мф. X, 29, Зогр.), в Мар.: **не двѣ ли пьтици на ссарии вѣнимѣ есте**; в Асс. так же, как в Мар., но вместо **ссарии** читается **асаріи**. В Остр. ев. вместо **вѣните сѧ** читается **цѣнимѣ есте**. Лук. XII, 6; **не пать ли пьтиць. вѣнитъ сѧ пѣнязема д'вѣма** (Зогр.); в Мар. так же, кроме отличий в написании отдельных слов — **птицъ, пѣнязема, дъвѣма**. В Асс. и Сав. нет этого места. в Остр. вместо **вѣнитъ сѧ** читается: **цѣнить сѧ**.

По поводу разбираемых слов Ягич пишет: «**Вѣнити сѧ** в страдательном значении πωλέομαι пишется только в Мф. X, 29; Лук. XII, 6, причем и здесь только в несколько очень старых памятниках (Зогр., Мар., Асс., Гал., Карп.), уже в Остр. вместо него **цѣнити сѧ**, другие же пишут **продати сѧ**» (Entst. 335).

Таким образом, слово **вѣнити** Ягич признает первичным, впоследствии при переписке замененным на **цѣнити сѧ, продати сѧ**.

Старшие списки памятников употребляют **цѣна** (τιμή), **цѣнити** (τιμάομαι), **продати — продѣти** (πωλέω). Правда, **цѣнити** встречается только в таком тексте: **и пріѧ сѧ ѣ сѣребрьни: цѣнѫ цѣненаго. его же цѣниша wтъ сновъ изльвь** (Мф. XXVII, 9, Асс.), в других списках евангелий это место читается так же.

Приведем несколько примеров, в которых употребляется **цѣна**: **архиереи же приемъше сѣребро рѣшѧ. не достоино естъ въложити его въ карванѫ. понеже цѣна кръве естъ** (Мф. XXVII, 6); **продастъ люді своѧ бес цѣнъı** (Син. пс. XLIII, 13); **не съмѣвъшаѧ възати. сѣребра цѣнъı его** (Син. трб. 49а, 21—22); **і поставіша емоу дати. ѣ. сѣребрьнікъ. цѣнѫ съвѣшташа кръві не имѫштіи цѣнъı** (Клоц. сб. 230, 231). Последнее повторяется в Супр. рук. (415, 10—12). Срезневский приводит значительное количество примеров из церковных книг на слово **цѣна** в значениях 'плата', 'стоимость', 'платеж' (См. Мат. III, 1458—1459).

Ни в одном памятнике старославянской письменности старшего списка не встречается слово **вѣно** или **вѣна** в том значении, в каком употреблено слово **цѣна**. Правда, в поздних памятниках встречается **вѣно**, которым переводится греч. φερνή 'плата, которая вносилась за невесту', например: **аще кто прельститъ не обѣщаноу і будетъ съ нею, вѣномъ даю вѣнитъ себѣ женѣ** (из Библии сп. XIV в., Срезн. Мат. I, 487). Срезневским приводится еще

такая фраза из Путятиной Минеи сп. XI в.: подвигодавьца великааи твьрдаго вѣна (I, 487). Значение последнего слова здесь неясно.

Употребление **продати — продѣти** в передаче греч. πωλέω в евангельских текстах старшего списка встречается до 20 раз (при двукратном **вѣнити**), а в других памятниках πωλέω передают только глаголом **продати — продѣти**. При этом последние глаголы употребляются по отношению к вещам, птицам и людям, ср.: **іди продаждъ имѣние твое** (Мф. XIX, 21. Мар.); **да продастъ ризж своіж і коупитъ ножь** (Лук. XXII, 36, Зогр); **продастъ люді своіа бес цѣнъı** (Син. пс. XLIII, 13); **испровръже. і сѣдалишта продаіштихъ голжби** (Мф. XXI, 12) и т. п.

Вѣнити восходит к и.-е. корню ***ųesno-*, ср.: др.-инд. vasnas 'продажная цена', vasnajati 'соглашение двоих о цене', греч. ὦνος 'продажная цена', ὠνέομαι 'быть купленным, покупаемым', лат. vēneo 'продаваться', vēndo 'продавать'. Ст.-сл **вѣнити** в значении 'ценить', 'продавать' до сих пор находит соответствия в македонских говорах. К. Мирчев со ссылкой на И. Иванова привел его в таких сочетаниях: *Яз зъ вена*; *Царката мома бъркаша да я вени*[1]. Ср. еще из записи Л. Милетича речи старика: *Напкун вянувам конют яз и одам*[2]. Словари других языков не фиксируют это слово в значении 'ценить', 'оценить' (продаваемую вещь), так русск. *вено* (ряз.) 'приданое', *повенное* 'по венцу данное'[3]; укр. *віно* 'приданое', *вінувати* 'наделять приданым' (Гринч. I, 239); польск. wianować 'дать приданое'; чеш. věno 'приданое', věnovati 'дать приданое', переносно 'отдать даром', 'дарить', 'посвящать'.

Надо думать, что věno, věnovati первоначально означало 'плата', 'оплатить или оценить' (товар), но позже в связи с расширением значения слова **цѣна**, оно сузилось до 'платы (за невесту)'. В македонско-славянских говорах оно сохранилось до сих пор в первоначальном значении.

Цѣна восходит к и.-е. корню ***$k^{w}oi$-na-* < *$k^{w}ei$-** в значении 'месть', ср.: др.-инд. cáyati 'месть', 'штраф', авест. kaēna 'месть', 'возмездие', греч. ποινή 'выкуп', 'пеня', 'наказание', лит. kaine 'стоимость', 'штраф'.

В приведенных выше примерах слово **цѣна** употреблено в значении 'стоимость' с оттенком 'возмездие за (что-то)' ср.: **цѣна кръве, продастъ люді бес цѣнъı** и т. д. **цѣнити** 'воздать возмездие', ср. еще пример, приведенный выше из Мрк. XXVII, 9.

Вполне вероятно, что первые переводчики не могли употреблять **цѣнити** в значении 'определять цену'. Употребление

[1] См.: К. Мирчев. Един мним западнославянизъм и старобългарските паметници. «Slavia occidentalis», t. XII. Poznań, 1933, стр. 135.

[2] См.: «Из Живота на българите в Солунско». Съобщава Л. Милетич. — «Македонски преглед», год. VIII, кн. 1. София, 1932, стр. 86.

[3] Н. М. Макаров. Опыт русского простонародного словотолковника М. 1846—1848, стр. 50.

цѣнити в этом значении в Остр. свидетельствует о том, что в X—XI вв. в восточной Болгарии оно употреблялось, так сказать, в современном значении.

Глагол продати, продѣти с приставкой про- 'сквозь', 'через', 'взамен', надо полагать, сложился в эпоху первоначального натурального обмена товаров; в памятниках старославянской письменности он обозначает процесс продажи и, следовательно, отличается по значению от глагола вѣнити. Если в поздних списках церковных книг продати сѧ употребляется вместо вѣнити сѧ, то, надо полагать, что в говоре редактора и писца слова вѣнити уже не было.

Все три слова вѣнити, цѣнити, продати были в первичном тексте славянских церковных книг, причем вѣнити означало 'оценить предназначенный для продажи товар'; цѣнити 'определять размер возмещения'; продати 'продавать' или первоначально 'обменять'.

Очевидно, нет надобности искать здесь первичные и вторичные слова, а необходимо проследить за изменениями значения цѣнити, которое, расширив свое значение до 'определять цену товара', сделало излишним слово вѣнити; по этой причине последнее оказалось исключенным из поздних текстов церковных книг.

Прѣпрѫдь — багърѣница

Прѣпрѫдь в форме существительного в евангелиях старшего списка встречается только дважды и столько же в форме прилагательного. Приведем примеры. Мрк. XV, 17: и облѣшѧ и въ прѣпрѫдь и възложішѧ на нь съплетъше тръновъ вѣнець (Асс.), в Сав. въ прѣпрѫдъ, в Мар. въ прапрѫдъ, в Зогр. въ прапрѫдѫ, в Врач. въ прѣпрѫднѫѧ, в Остр. въ багърѧницѫ, в Арх. въ багрѧницю; в греч. πορφύραν. Мрк. XV, 20: и егда поржгашѧ сѧ (сѧ) емоу. съвлѣшѧ сь него прѣпрѫдь. и облѣшѧ и въ ризы своѧ (Асс.), в Сав. и Врач. прѣпрѫдѫ. В Зогр. и Мар. прапрѫдъ, в Остр. багърѧницѫ, в Арх. багрѧницю; в греч. τον πορφύραν.

Ио. XIX, 2: и воини съплетъше вѣнець отъ тръніѣ. възложишѧ на главѫ емоу и въ різѫ прѣпрѫдънѫ облѣшѧ и (Асс.), в Сав. прѣпрѫдьнѫ, в Зогр. и Мар. прапрѫдьнѫ, в Остр. въ ризѫ багърѧнѫ, в Арх. также с окончанием оу вместо ѫ, в Врач. багрѣнѧ; в греч. ἱμάτιον πορφυροῦν. Ио. XIX, 5: изиде же исъ вонъ. носѧ тръновъı вѣнець. и прѣпрѫдьнѫѩ ризѫ (Асс. и Сав.), в Зогр. прапрѫдьнѫ ризѫ, в Мар. прапрѫдьнѫѩ ризѫ, в Остр и Арх. багърѧнѫ (в последнем оу вм. ѫ), в Врач. багрѣнѧѧ ризѫ; в греч. τὸ πορφυροῦν ἱμάτιον. Мф. XXVII, 28: и съвлъкъше и. χλαμίδοѫ очръвленоѫ одѣшѧ и (Асс.), в остальных так же, но без

приставки о-: **χламидоѭ чрѣвленоѭ**, а в Сав. **облѣкошѧ** вм. **одѣшѧ**; в греч. χλαμύδα κοκκίνην.

Лук. XVI, 19: **чл҃къ етеръ бѣ богатъ. и облачашѧ сѧ въ порфирѫ и въ вꙋсь** (Acc.), в остальных так же, кроме Зогр., в котором **форф'ирѫ**, если не принять во внимание чтение **единъ, нѣкыи** вместо **етеръ**; в Остр. и Арх. **въ вꙋссъ**, в Сав. **въ оꙋсонъ**, в остальных **вꙋссонь**; в греч. πορφύραν καὶ βύσσον. Примечательно, в Беседах папы Григория в цитате Лук. XVI, 19 читается: **чл҃вѣ етеръ бѣ богатъ иже облачашѧ сѧ въ порфоꙋроу и къ (въ) коусъ** (311 г, 16—18).

Нетрудно догадаться, по какой причине в Лук. XVI, 19 оставлены без перевода πορφύρα и βύσσος; **прѣпрѫдь** представляет собою одежду, в которую облекается человек, выставленный для позора, а в Лук. XVI, 19 **порфира** 'дорогая одежда', которую носят богатые. Показательно еще тут то, что βύσσος в Асс. читается **вꙋсь**, в Остр. — **вꙋссъ**; так же читается это слово в Беседах папы Григория на ев.: **коусъ** (311 г, 18). По-видимому, славяне, живущие в Солуни и его окрестностях, знали названия греческой одежды и произносили ее **висъ**, если не **коусъ**.

Сказанным, думаем, объясняется то, что Лук. XVI, 19 πορφύρα и βύσσος оставлены без перевода. Ягич, не обратив внимания на это, ограничился констатацией факта неперевода πορφύρα в Лук. XIX, 19 и перевода этого слова в других местах (см. Entst. 316).

Наличие форм **прѣпрѫдь** (Асс.), **прѣпрѫда** (Сав., Врач.), **прапрѫдъ** (Зогр., Мар.) свидетельствует о том, что данное слово относилось к разным основам: на *-ī*, *-ā*, *-ŏ*. Более древней, надо полагать, было **прѣпрѫдь** по типу: **прѣльсть, прѣчьсть, прѣисподьнь** и т. д. В этом случае форма **прапрѫдъ** воспринималась как прилагательное по типу **спꙗть** и **спꙗтъ, чꙗсть** и **чꙗстъ** и т. д. В первоначальном переводе **прѣпрѫдь** являлось отглагольным именем с приставкой **прѣ-** < *vper-, так же как и **прѣльсть, прѣꙋьсть, прѣлюбъı, прѣизлиχа** и т. п., в которых приставка **прѣ-** означает усиление степени качества, обозначаемого основой слова. Написание **пра-** вместо **прѣ-** поскольку оно встречается только в тетрах, по всей видимости, появилось в Моравии. В совр. чеш. и словц. *pra-* в значении **прѣ-**, в русск. *пере-* употребляется в прилагательных: pradávný, prahanebný, pralehký и т. п. Выходит, что приставка *pra-*, обычная в славянских языках в таких образованиях, как pradědъ, pramati и т. п., в Моравии очень рано приобрела усилительное значение. Употребление в Мар. и Зогр. формы **прапрѫдъ** указывает, что слово это в Моравии воспринималось как прилагательное.

М. Фасмер считает, что корень разбираемого слова тот же, что и в **прѧдѫ-прясти** (с чередованием *pręd-* / *prǫd-*)[1]. Однако

[1] См. M. Vasmer. Russisches etymologisches Worterbuch, Bd. II Heidelberg, 1955, стр. 425.

такая этимология не объясняет семантики **прѣпрѫдь** 'багровый'. В самом деле, какая же связь между *прясть* и *багровый*? Правдоподобнее осторожно сформулированное мнение А. Преображенского, допускающего, что *prǫd-* тот же корень, что в укр. и белр. *прудити*, *прудиць* 'жарить', 'греть'; польск. prędanie 'паление'[2]. Ср. еще русск. *прудиться* (ряз., орл., калуж.) 'жариться', 'греться у огня' (Даль, III, 529). В этом случае **прѣпрѫдь** должно означать 'цвет пережженного' или то же, что и 'багровый'.

Прѣпрѫдь, -дъ, -да; прѣпрѫдьнъıи могли употребить только первые переводчики и, по-видимому, позже они же при составлении тетра, изменили **прѣ-** на **пра-** с целью сближения значения приставки с местной, моравской речью.

В восточной Болгарии слова **прѣпрѫдь, прѣпрѫдьнъıи** к X—XI вв. или вышли из употребления, или и не было (в последнем случае данные слова могли бы оказаться диалектными македонскими). Этим объясняется, что **прѣпрѫдь** или **прапрѫдъ, прѣпрѫдьнъıи** или **прапрѫдьнъıи** в памятниках восточноболгарской редакции последовательно начинают заменять словами **багърѣница, багърѣнъ**. По этой причине последние слова читаются в Остр., Арх., в Супр. рук., Словах Григория Назианзина, Путятиной минее, Изборнике Святосл. 1073 г. и др.

В Супр. рук., например, как и в Остр., ни разу не встречаются слова **прѣпрѫдь, прѣпрѫдьнъıи**, вместо них всюду читаем **багърѣница, багъръ**, ср.: **и постави м по чиноу. подъстълавъ подъ ногы ихъ багърѣницѫ цѣсарьскѫ** (7, 1—2); **изиде бо имы исоуса вѣньчана. и въ багрѣницѫ облъчена** (435, 4—6, см. также: 368, 11); **носмштоуоумоу вѣньць и баг'ра** (491, 30, см. также: 543, 2); **отъ тъкании же риза нераздърана. отъ морѣ же багъръ одеждънъıи. отъ роудъ же и желѣзнии. лѫшта же и гвоздии** (438, 15—17); **егда младеништь крьвиѫ виѳлеемъ багърим'ъ бѣѣше** (397, 15—16).

В Словах Григория Назиаинзина: **приде же акъı побѣдѣносьць и мъного ти багърѧници** (238в, 9—12); **и багърѧницеѭ красимъ** (267а, 2—4)

Слова с основой *bagъr-* в значении определенного цвета известны только южным и восточным славянским языкам. Обычно корень его возводят к *bag-no*, которое широко известно в западнославянских языках, но его не знают южнославянские языки. По всей видимости неосновательно сближение слов **багъръ** и bagno. Вопрос о происхождении слова bagъrъ требует специального рассмотрения, что не входит в задачу настоящей работы[3].

[2] А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1910—1914, стр. 138.

[3] Впрочем, наше мнение об этимологии слова bagъrъ см.: А. С. Львов. **Багрец**. «Этимологические исследования по русскому языку», вып IV. МГУ, 1963, стр. 66 и след. К сожалению, статья изобилует грубейшими опечатками, почему-то не исправленными после авторской корректуры.

Итак, считаем допустимым следующее:

1) Первые переводчики при переводе церковных книг где-то на юге для передачи греч. πορφύρα употребили слово **прѣпрѫдъ**. В этом слове при составлении тетра была изменена приставка **прѣ-** на **пра-** согласно местной речи морован.

2) В восточной Болгарии в X—XI вв. слово **прѣ(пра)прѫдъ** не было живым, поэтому в церковных книгах всюду его заменили существующим в этих диалектах словом с основой **багър-**.

Распѧти — пропѧти

«**Пропѧти** (σταυρόω), — пишет Ягич, — почти исключительно встречается в Мар., лишь 1 раз здесь **распѧти**, в Зогр. господствует **пропѧти**, но все же наряду с ним тут встречается и **распѧти**, в Остр. **распѧти** — чаще, чем **пропѧти**. В Апостоле Шишоват. **расп-** 4 раза, а **проп-** 6 раз. Трудно сказать, первое или второе слово было предпочтительно когда-то, однако я думаю, что **распѧти** употреблялось раньше на паннонской почве, но с течением времени, как в дошедших до нас текстах, стало преобладать употребление **пропѧти**» (Entst. 293—294).

Таким образом, Ягич склоняется к мнению, что первичной была форма **расп-**, так как для него понятие «паннонское» и «первичное» идентичны.

Данные других памятников об интересующих нас теперь словах таковы: Сав. употребляет только формы от **расп-**; в Син. пс. интересующие нас слова не встречаются, здесь лишь один раз находим итеративную форму глагола **пропинати**, ср.: **пропинаѥми нєбѣ ѣко и кожѫ** (CIII, 2), греч. ἐκτείνων τὸν οὐρανὸν ὡσεὶ δέρριν. Из этого примера ясно, что **пропѧти** — **пропинати** означало 'проколоть', 'пробить'.

В Син. трб. **пропѧти** употреблено 1 раз, **пропинати сѧ** — тоже 1 раз, **распѧти** — 2 раза, **распѧти сѧ** — 2 раза, **распѧтиє** — 6 раз, **распинати сѧ** — 1 раз. Характерно, что в этом памятнике вместо **крьстъ** 11 раз употреблено **распонъ**. Никакой разницы в значениях здесь между **проп-** и **расп-** установить не удается, ср.: **о чѧдо. разоумѣи же крѣпько. отъ настоѩщѧаго дн҃е. пропинати ти сѧ и оумрътвити всємоу мироу** (89б, 20—23); **крс҃тъ и҃свъ на тѣлѣ своємь носити. імьжеємоу вьсь миръ распѧтъ сѧ** (94б, 2—4).

В Клоц. сб. 4 раза употреблено **распѧти** и столько же **распинати**, формы с **проп-** здесь отсутствуют. В Супр. рук. употреблено: 8 раз **пропѧти**, 2 раза **пропинати**, 29 раз — **распѧти**, 5 раз — **распѧтиѥ**.

Приведенные данные склоняют к мысли, что в памятниках восточноболгарской редакции явное предпочтение дается форме **расп-**, а памятники, в которых отсутствуют признаки такой редакции, употребляют исключительно **проп-**.

Корень интересующих нас слов **пѧн-**, восходящий к общеиндоевропейскому ***(s)pen-***, известного в значениях 'тянуть', 'натягивать', 'растягивать'[1]. Приставка **раз-** имела значение распространения действия в разные стороны, ср. примеры: **поражѫ пастырѣ. и овъцѧ разбѣгнѫтъ сѧ** (Мрк. XIV, 27, Мар.); **і опона цркѵнѣ раздъра сѧ на дъвое** (Мрк. XV, 38); **да разидетъ сѧ кожъдо въ своѣ** (Ио. XVI, 32); **видитъ влъка граджшта. і оставлѣетъ овьцѧ і бѣгаетъ. і влъкъ расχытитъ ѭ і распѫдитъ овьцѧ** (Ио. X, 12, Зогр.) и т. д. Приставка **про-** была известна в значении прохождения действия насквозь, ср.: **пробити (главѫ), прозмѣати** (о семени), **прокопати, протесати, провести.**

На основании этих данных можно склоняться к мысли, что в первичных переводах было **пропѧти**, так как **пропѧсѧ и** (Мрк XV, 25) буквально значило 'растягивая, прибили его' (к кресту). Такое мнение разделяли Вондрак, Облак, Ван-Вейк, Курц и др.[2]

Распѧти первоначально могло означать 'тянуть', 'растягивать в разные стороны'. Значение 'пригвоздить' (к кресту) **распѧти** могло получить позже из метафорического употребления данного слова. Поскольку памятники письменности, не носящие на себе признаков восточноболгарской редакции, употребляют только форму **проп-**, на первый взгляд может показаться, что эту форму и следует признать первичной, употребленной первыми переводчиками, а форму **расп-** — введенной в тексты церковных книг в восточной Болгарии. Однако такое заключение было бы поспешным и малообоснованным. Дело в том, что Асс., не носящее на себе явных следов восточноболгарской редакции, знает только форму **расп-**. Более того, Мф. XXVII, 26 в Зогр. читается так же, как и в Асс., Сав., Остр. и Арх., — **распѧнѫтъ**; Мф. XXVII, 44 в Мар. так же, как и Сав., Остр. и Арх., — **распѧта**. Правда, последнего места нет в Асс. и Врач., но наличие его в трех названных выше апракосах показывает, что оно не могло войти в них поздно. Мрк. XV, 27 в Зогр. читается так же, как в Асс., Сав. и Остр., **распѧша**. В Остр. ев. **проп-** встречается 4 раза, притом Ио. XIX, 6: **пропѧни** (219в) и **распѧни** (183б); там же, 15: **пропѧни** (184в) и **распѧни** (220а); там же, 18: **пропѧша** (220а). Мф. XXVI, 2: **на пропѧтиѥ** (152в), **на распѧтиѥ** (155в).

Все это показатель того, что повторяющиеся тексты в Остр. включены из разных источников[3], при этом там, где употребляется **проп-**, должно быть, включены непосредственно из тетра, однако по недосмотру редактора отдельные формы, характерные для тетра, остались без изменения.

[1] См.: J. Holub, F. Kopečný. Указ. соч., стр. 281.
[2] См.: K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 94—95.
[3] А. С. Львов. Особенности в лексиката на Остромировото ев «Български език», 1958, год. VIII, кн. 3.

Наиболее цельные апракосы, как Асс. и Сав., не знают формы с **проп-**. Наличие в Зогр. Мф. XXVII, 26 и Мрк. XV, 27, в Мар. Мф. XXVII, 44 формы **расп-** показывает, что она вошла из апракосов при составлении тетра.

В Моравии форма **расп-** несомненно была чуждой, потому что на западнославянской основе **orz-* > *roz-*. Поэтому имеются основания утверждать, что форма **расп-** употреблялась как южнославянизм еще при первоначальном переводе апракоса. Вот почему в апракосах эта форма встречается либо исключительно, либо с явным преобладанием над **про-**. В тетрах, как видели, преобладает последняя форма.

При составлении тетра первые же переводчики южнославянскую форму **расп-**, по-видимому, решили заменить на **проп-**, как на более понятную мораванам. В целом, ясно, что **расп-** характерна для апракоса, а **проп-** для тетра.

В более поздних переводах, как и в других случаях, наблюдается беспорядочное употребление формы **расп-** и **проп-**, что находим, в частности, в Син. трб., Супр. рук., Словах Гр. Назиан., Ср. в последнем: **распѧта** (79а, 1; 145б, 6), **распѧтоу҃моу** (272б, 21), **пропѧта** (199г, 18); в Путятиной минее: **распѧша** (2 об. 11), **пропѧтие** (13, 3) и др. В восточноболгарских редакциях и переводах преобладает употребление формы **расп-**. Характерно, что в Беседах папы Григория на ев. встречается только форма **проп-**, ср. **пропѧтъ** (19г, 20; 301б, 11), **пропѧтие** (174г, 20).

Последние данные подкрепляют высказанное предположение, что **пропѧти** введено в тексты церковных книг в Моравии взамен **распѧти**, употребленного в первичном переводе апракоса.

Сапогъ чрѣвии оноушта

Греч. ὑπόδημα в евангелиях передано словом **сапогъ**, ср. Мф. III, 11 в Асс.: **грѧдъı же по мнѣ крѣпле҃и мене естъ емоуже нѣсмъ достои сапогоу҃ понести**; в Остр.: **нѣсмь достоинъ сапога понести**; в Зогр. 1-й лист начинается: **сапогоу҃ понести**; в Сав. и Врач. нет этого места; в Арх.: **грѧдъıи же по мнѣ крѣпли҃и мене кєсть. кмоу҃ же нѣсмь достоинъ сапогоу҃ отрѣшити възвоузъı кго** (149 об.—150).

Мрк. I, 7, Асс.: **грѧдетъ крѣпле҃и мене емоуже нѣсмъ достоинъ. поклонсѧ раздрѣшити ремене сапогоу҃ его**; в Сав. **грѧдетъ крѣпли҃ мене вь слѣдъ мене**, далее как в Асс., так же как в Сав. и Остр., и Зогр.; в Мар. вм. **сапогоу҃** читается **чрѣвиемъ**; в Арх. так же, как в Асс., но вместо **сапогоу҃** стоит **обоуви** (150 об.), в Врач. нет этого места.

Лук. III, 16 в Асс.: **грѧдетъ же крѣпле҃и мене. емоуже нѣсмъ достоинъ. отрѣшити ремене сапогоу҃ его**; в Сав. вместо

гражетъ читается идетъ, вм. сапогоу — сапога, в остальном текст совпадает с Асс.; в Остр. ремене сапогъ его; в Арх. идеть в остальном совпадает с Асс., в Зогр. так же, как в Асс., в Мар. как в Остр.

Ио. I, 27, в Асс.: грѧдъı по м' нѣ. ѣко прѣдъ мнѡ̀ѭ естъ. емоу же азъ н ѣсмъ достоинъ. отрѣшіті ремі[1] сапогоу его; Остр.: градъıи по мънѣ. ѣко пьрвѣи мене бѣ. емоу же нѣсмь достоинъ да отрѣшѫ ремень сапогоу кго; в Зогр.: тъ естъ градъıи по мнѣ. іже прѣдъ мъноѭ бъıстъ. азъ нѣсмь достоинъ. да отрѣшѫ ремень сапогоу его. В Сав., Арх., Врач. и Мар. нет этого места.

Кроме того, сапогъ находится Мф. X, 10 только в тетрах; Лук. X, 4; XV, 22; XXII, 35 (последнее отсутствует в апракосах).

Таким образом, слово чрѣвии встречается в евангелиях старшего списка всего один раз Мрк. I, 7 и то только в Мар. По данным Lexicon'a Миклошича, чрѣвии широко употребляется в церковнославянских памятниках.

Мрк. VI, 9 греч. σανδάλιον оставлено без перевода во фразе: обоувени въ сандалиѭ. Однако подобное же место в Шиш. апост. Деян. XVI, 8 читается: въстоупи въ плесньци свои.

Сапогъ дважды встречается в Син. пс.: на идоумѣѭ простърѫ сапогъ мои (LIX, 10); на идоумѣѭ наложѫ сапогъ мои (CVII, 10), в обоих случаях в греч. τὸ ὑπόδημα.

В Син. трб.: бра на сѣ. въстоупаетъ въ плесньци. въ оуготованое евл҃іе мироу (97а, 14—16); а маньтиницѫ одѣние не истълѣнью одѣѭ сѧ. а плесньцема да кротокъ естъ (99а, 12—14); в греч. τοῖς δὲ σανδαλίοις. В этом памятнике слово сапогъ отсутствует.

В одном Новгородском памятнике XIV в. сказано: погрѣбалнаıа сандалıа, сирѣчь плесньца (Срезн. Мат. II, 962). В «Лексиконе славенороссском» П. Берынды: «Плéсница. Подошва. Сандалъ. Черевикъ. Пантофла власне зоветсѧ, и тыж черевик албо чоботъ невѣстѣй, называется и музский»[2].

В Киев. лл. и Клоц. сб. не встречаются интересующие нас слова.

В Супр. рук. греч. ὑπόδημα передается словом оноушта, в этом памятнике сапогъ и плесньць не встречается, ср.: ни жъзла ни оноушта имѣахѫ (442, 10—11), ср. Мф. X, 10: ни сапогъ ни жъзла. — сътвориша кмоу оноуштѫ . . . и обоуша и. и биѫште кго женѣахѫ (17, 18—21).

Как видно, в памятниках старославянской письменности старших списков сапогъ и оноушта передают греч. ὑπόδημα. Возможно, что последнее пришло взамен первого, о чем свидетельствует употребление оноушта в Супр. рук. в одинаковой с евангельским текстом фразе; плесньць же передает греч. σανδάλιον.

[1] Ни в рукописи отсутствует.

[2] «Лексикон славенороськый Памви Беринди». Київ, 1961, стр. 156.

Рассмотрим каждое слово в отдельности.

Слово **сапогъ** ныне является достоянием только русского языка, другие славянские языки, в том числе украинский и белорусский не употребляют этого слова. В русском языке разбираемое слово известно с древних пор. Ср., например: *Рече Добрына Володимеру: съглядахъ колодникъ, оже суть вси в сапозѣхъ; сим дани намъ не даяти, поидемъ искатъ лапотниковъ* (Пов. вр. лет., 985 г.); *Новгородци же, съсѣдавъше съ конь и порты съметавъше, босии, сапоги съметавъше, поскочиша* (Новг. I лет., 1216 г.); *Кожюхъ же оловира грѣцького и кроуживы златыми плоскоми ошитъ и сапози зеленого хъза шити золотомъ* (Ипат. лет., 1251 г.)[3].

Этимология слова **сапогъ** признается спорной, и по этому вопросу высказаны самые различные допущения. Однако в данной работе[4] считаем излишним останавливаться на них. Отметим только, что древний сапог не был похож на современный. Археологические раскопки восточнославянских могил, относящихся к периоду до X в., обнаруживали только полусапожки с голенищами, достигавшими немного выше лодыжек, с широкими отворотами, спускающимися до стопы, и острыми носками. Сапоги эти шились преимущественно из двойной полосы кожи, без набитой подошвы, со швом, проходящим вдоль нижней поверхности. Эти сапожки обязательно привязывались к ногам ремнями или кожаными шнурками[5].

На различных древних изображениях также обнаруживаем эти полусапожки. Так, в фресках лестницы Киевского Софийского собора мужчины изображены в полусапожках описанного типа[6]. На миниатюре Вольфенбюттельского кодекса «убийство св. Вацлава» (конец X в. или нач. XI в.) все люди, изображенные там, в коротких мягких полусапожках, на некоторых ясно видны подвязки, которыми прикреплена эта обувь к ноге[7].

Кроме того, «неизвестный источник, которым пользовались Персидский географ, Гардизи и Ибн-Русте, сообщает о славянах,

[3] Все примеры взяты из кн.: И. И. Срезневский. Материал для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стр. 262.

[4] См.: А. С. Львов. **Сапогъ**. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. IV. МГУ, 1963, стр. 71 и след.

[5] См.: В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. «Материалы по археологии России, издаваемые Археолог. комиссией», № 11. СПб., 1893, стр. 16 и след.; Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1912, стр. 111; Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губ. 1900—1901 г. «Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г.», т. I. М., 1905, стр. 701 и след.; Она же: Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897 и 1898 гг. «Труды XI археологического съезда в Киеве в 1899 г., т. I. М., 1901, стр. 496 и след.; А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 102 и след.

[6] См.: И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV. СПб., 1891, снимки на стр. 148, 150, 152.

[7] См.: L. Niederle. Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953 г., снимок на стр. 237.

что они носят рубахи и низкие сапоги до щиколоток, подобно табаристанским»[8].

Такие же полусапожки носили скифы, сарматы, древние греки и др.[9]

Таким образом, ремни или шнурки являлись обязательной принадлежностью сапог. Итак, греч. τὸν ἱμάντα τῶν ὑποδημάτων αὐτου переведено ремень сапогу его, за исключением Арх., в котором, как было сказано, 1 раз Мф. IV, 11 вместо ремене читается възвоузъı, причем в этом месте в других нет слова ремене. Если здесь не порча писцом текста, то греч. текст Арх. восходит к какой-то особой редакции. Слово *ремень* общеславянское[10], по этой причине заменять его другим не было надобности. Однако възвѣзъ или възвѣзъ зафиксировано не только в Арх., Миклошич приводит его из Реймск. ев., Трнов. ев., Малых пророков Упыря Лихого, Геннад. библии и т. д. (см. Lex. 86), а И. Срезневский из Юрьев. ев. 1119 Лук. III, 16, Мрк. I, 7 и др. (Мат. I, 344). Нам известно это слово из Нового завета митрополита Алексия (XIV в.), в котором ни разу не употребляется ремень по отношению к сапогам. Иначе говоря, это слово известно не только русским спискам памятников церковнославянской письменности, но южнославянским и западнославянским. Не свидетельствует ли все это о том, что в первичном переводе апракоса не было ремене сапогу, а читалось възвѣзъı сапогу. Основанием для такого допущения является тот факт, что завязками древнейшего простонародного сапога едва ли могли быть специальные ремни, они несомненно были простыми шнурками, носящими название възвѣзъı, которые в Словах Григория Назианзина именуются еще прѣвѣзъı (см. ниже).

Възвѣзъ или възвѣзъ — отглагольное имя от възвѣзати, по типу: вѣзати — жзъı или вѣжъı, гребѫ — гробъ и т. п., ср.: отрѣшиша поясъ кмоу власъı кмоу възвѣзаша (Супр. рук. 61, 29—30). В памятниках старославянской письменности обильно представлены глаголы с приставкой въз-, напр.: възалъкати, възбоѣти сѧ, възбоудити, възварити, възвръгъше (ризы своѧ, Лук. XIX, 35); възглаголати, въздати, въздрѣдати, възмѣрити, въсплакати, въспѣти, въспросити, въсхлипати, въсхотѣти и т. п. Немало представлены и имена: възглавьница, въскрилие, въздрастъ, възмѫштение, въсходъ, въстокъ и т. п. възвѣзъ или възвѣзъ находится в этой же продуктивной группе, причем это существительное, надо полагать, было самым обычным в живой народной речи.

[8] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 225.

[9] См.: Б. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 65—66; «Le miniature della Topografia cristiana die Cosma Indicopleuste». Codice Vaticano greco 699. Milano, 1908, миниатюры на л. 59, 75, 144; И. Толстой, Н. Кондаков. Указ. соч., вып. I, стр. 87.

[10] См.: А. Преображенский. Этимологический словарь, т. II, стр. 196; V. Machek. Etymologický slovník..., стр. 433 и след.

Допустимо, что при составлении тетра это слово решили заменить на ремень, потому что по отношению к Иисусу възвязъ звучало слишком, так сказать, простонародно. Иначе было бы трудно объяснить употребление этого слова в ряде памятников вместо ремень. Факт примечателен и в другом отношении. Если в первичном переводе читалось възвязъı сапогоу, это значит, что слово сапогъ могло возникнуть в древнейшее время на почве самих славянских языков. Мы, как это изложено в указанной статье «Сапог», пришли к выводу, что славянское sapogos от корня *sāp-* в значении 'завязка', 'завязать'[11]. Но, как показывают факты, в ряде славянских языков слово sapogъ рано стало выходить из употребления. Замена его в Мар., Мрк. I, 7 на чрѣвии дает некоторое основание для предположения, что сапогъ было утрачено отдельными говорами южных или западных славянских языков уже в X—XI вв. О том же свидетельствует передача греч. ὑπόδημα в Супр. рук. словом оноучта.

Одно все же остается бесспорным: слово сапогъ было в языке первых переводчиков. Ничем иным нельзя объяснить употребление его большинством памятников глаголического письма старших списков. Оноучта до сих пор является общеславянским словом, ср.: русск. *онучи* 'портянки' (шерстяные), 'подвертки' (Даль, II, 1744); укр. *онуча* 'портянка', 'онуча' (Гринч. III, 54); белр. *ануча* (Нос. 364); польск. onuca, чеш. onuce, словн. onuča, серб.-хорв. onuća — в тех же значениях.

Словари болгарского языка не фиксируют этого слова, но едва ли можно сомневаться в том, что оно было в нем и им заменялось слово сапогъ в ряде евангелий Мф. X, 10 (см. Срезн. Мат. II, 763). В Супр. рук. уже вполне сознательно передано греч. ὑπόδημα словом оноучта.

Плесньць или плесьница является производным от плесна, ср. в Син. пс.: изнеможете плеснѣ мої (XVII, 37), греч. ἴχνη. В словарях современных славянских языков не фиксируется ни то, ни другое слово. Ст.-сл. же плесна находит себе такие соответствия: русск. *плесна*, *плюсна* 'ступня', 'нога, от пятки до перстов' (Даль, III, 324); укр. *плесне* то же значение, *плесна* 'плесневые кости' (Гринч. III, 194), белр. *плесна* 'плюсна' (Нос. 418). Слово это, надо полагать, было общеславянским.

Ягич считает: «Сапогъ (ὑπόδημα) почти исключительно употребляется в старших текстах, но в Мар. Мрк. I, 7 читается — чрѣвиемъ, однако в этом месте в Зогр., Асс., Сав., Остр. сапогъ (в форме сапогоу). Также в Деян. VII, 33; XIII, 25 находим сапогъ. Позднейшие заменители этого слова обоучь и обоутель... Для причастия ὑποδεδεμένος уже в евангельских текстах появляется перевод обоученъ Мрк. VI, 9. В отличие от евангельск. текста

[11] Об этом см А. С Львов. Сапогъ, стр. 83 и сле

обоувънъı въ сандалиѭ Деян. XVI, 8 допускает значительную неточность перевода, давая въстоупи въ плесньци свои (Шиш.) для греч. ὑπόδησαι τὰ σανδαλιά σου, последним только в Толст. апост. передается: обоуи сѧ въ сандалиѭ своѭ, в то время как в Карп. совпадает с Шиш. и Гильферд. (Христ.)»... (Entst. 393).

Как видно, Ягич не заметил широкой замены сапогъ в восточной Болгарии словом оноушта. Поздние списки евангелий, в которых преимущественно встречается чрѣвии на месте греч. ὑπόδημα (как свидетельствуют о том данные словарей Миклошича и Срезневского), сапогъ систематически стали заменять словом чрѣвии; чрѣвии до сих пор находит соответствия почти во всех славянских языках. Однако это слово, если исходить из данных глаголических памятников письменности, в языке первых переводчиков не было употребительно.

В современных славянских языках слово, восходящее к **on-u-t-ja*, в основном известно в значении 'портянка', 'подвертка'. Но как показывают примеры, приведенные выше из Супр. рук., в восточной Болгарии в XI в. возможно было употребление оноушта вм. сапогъ в известной евангельской фразе: ни сапогъ ни жъзла (Мф. X, 10). Это место, кроме Супр. рук., с словом оноушта вм. сапогъ читается в ряде евангелий поздних списков (см. Срезн. Мат. II, 673). В Супр. рук. читаем также: они же шьд'ше ѧша стаго василиска. и съказавъше кго сътвориша клоу оноуштж и гвоздиѧ остръı вънозиша въ оноуштж и обоуша и (17, 17—20). В этом примере оноушта — какая-то обувь, в которую можно вбивать даже гвозди: В Словах Григория Назианзина по списку XI в. сказано: оноушта же... да сѧ изоуеть (Срезн. Мат. II. 673); тут оноушта — какая-то обувь. Ср. еще: изоуи оноущю (Там же, Деян. VII, 33 по сп. XIV в.), см. выше в цитате из Ягича в этом месте Деян. сапогъ. В Избор. Святослав. 1073 г.: нагаго есть риза, юже ты хранише въ ковьчезѣхъ, босаго оноушта кесть, кже оу тебе гние (Там же).

Примеры, приведенные выше, свидетельствуют о том, что слово оноушта в значении 'обувь' было известно в XI в. в восточной Болгарии. Характерно, что в упомянутом сочинении Григория Назианзина читаем: что же прѣвѧза оноуштьнаѩ: кѧ же не отърѣшѧеши крьста (14б, 2—5). Выходит, что оноушта, как и сапогъ, имела какие-то завязки. Все это наводит на мысль, что оноушта представляла нечто вроде постол или лаптей.

На основании изложенного мы, действительно, имеем право утверждать, что в памятниках старославянской письменности первичным было сапогъ, которым передавалось греч. ὑπόδημα, в поздних списках сапогъ заменялось на чрѣвии и оноушта. Греч. σανδάλιον в первоначальном переводе было оставлено без перевода, позже греческое слово стали передавать словом плесньць.

Свирати — пискати, свирьць — сопьць

Названные слова встречаются только в евангелиях-тетрах. Мф. XI, 17 в Зогр.: **свирахомъ вамъ. і не плясасте**, в Мар.: **пискахомъ** и далее, как Зогр. Приведенная фраза повторяется в Зогр. Лук. VII, 32 со словом **свирахомъ**, а в Мар. — с **пискахомъ**.

Кроме этого, Мф. IX, 23 в Зогр. читается: **і пришедъ ис̄ въ домъ кънажь. і видѣвъ свир'цѧ. і народъ мльвѧшть. гла імъ**; в Мар., Асс., Остр. и Арх. вместо **свирьцѧ** стоит **сопьцѧ**; в Сав. это место, видимо, испорчено, и оно читается так: **и пришъдъ іс̄ въ храминѫ кънажѫ. и видѣ съпѣцѭ. и народа мльвѧща. и гла имъ**, вместо **свирьцѧ** или **сопьцѧ** здесь находится **съпѣцѭ**, что, должно быть, указывает на то, что тут было **сопьцѧ**.

Приведенными примерами исчерпываются случаи, в которых встречаются интересующие нас слова. Из других памятников лишь в Супр. рук. находим всего один раз **свирѣль**: **на рѣцѣ вавулоньстѣ тоу сѣдохомъ и плакахомъ сѧ поманѫвъше сионъ. на брьвиі посрѣдѣ ѥѧ обѣсихомъ съсѫдъі своѧ. сирѣчь гѫсли свирѣли. цѣвница и прочаа** (418, 20—24). Приведенный текст до слова **сирѣчь** является началом псалма CXXXVI, 1—2, но в Син. пс., Син. трб., Клоц. сб. вместо **съсѫдъі** читается непереведенное греч. **оръгенъі**, ὄργανον 'инструменты'.

Таким образом, в анализируемых памятниках находятся: **свирати, свирьць, свирѣль** и **пискати, сопьць**. Последнее слово встречается в тех текстах, где употребляется именно **пискати**.

Ягич пишет: «**Пискати** (αὐλέω) Мф. XI, 17 в Мар., уже в Зогр. вместо него пишется **свирати**, в Трнов. **свирѣхомъ**, так же Лук. VII, 32, здесь в Зогр. **свирахомъ**, Добр., Трнов. **свирихомъ**, но Мар., Ник. **пискахомъ**. В I посл. к коринф. XIV, 7 τὸ αὐλούμενον передано **пискание** в Шиш. апост. и **пищаль** на месте αὐλός, лишь изредка вместо последнего в языке (Иоанна. — *А. Л.*) экзарха употребляется **свирѣль**... Также встречается еще **сопохомъ, пипеловахомъ, плескахомъ**» (Entst. 377—378).

Из приведенной цитаты видно, что в сербском списке апостола последовательно употреблено **пискати, пискание** и **пищаль**. Однако вместо последнего там же встречается и **свирѣль**. Ягич склоняется к мысли, что первичным является **пискати**, а значит и связанные с ним **пискание, пищаль** и **сопьць**. Отметим попутно, что в Юрьев. ев. 1119 г. и ев. 1307 г. Мф. IX, 23 вместо **сопьць** или **свирьць** употреблено **пищальникъ** (см. Срезн. Мат. II. 946).

В словарях современных славянских языков находим: русск. *свирять*, по всем данным — книжное слово; оно и в прошлом встречается только в цитатах из церковных книг (см. Срезн. Мат. III, 274). У Даля: *свирелить* — глагол вторичного образования от существительного *свирель*; последнее же известно с древних пор как название народного музыкального инструмента.

Неупотребительно ныне в русском языке и *свирец*, но о наличии в древнерусском языке существительного *свирьць* можно догадываться по данным, приведенным в Материалах Срезн. III. 273, от *свирьць* образовано *свирьцѣль* 'птица свиристель'. Укр. *свиріль*, *свирілка*, *свирілочка* (Гринч. IV, 106). Словари западнославянских языков не фиксируют параллелей к разбираемым словам; словн. svirati, у Плетершника с пометой «из хорватского языка»; серб. *свирити*, *свирати* 'играть на флейте', *свирала* 'свирель', 'волынка', *свирач* 'свирельщик', 'волынщик', *свирац* 'волынщик'; болг. *свиря* 'играть на музыкальном инструменте'; 'свистеть', *свирич*, *свирец* 'музыкант'. **Свирати** и **свирьць** ныне, таким образом, находят наибольшее количество соответствий в южнославянских языках, особенно в болгарском, сербском и хорватском.

Разбираемые слова восходят к и.-е. корню **suer-*, **sur-* в значении 'звук', 'издавать звук'. Возможно, что разбираемые слова, восходящие к звукоподражательному корню, имели некогда соответствия во всех славянских языках. В значении музыкального инструмента они, видимо, были известны также издавна. Возможно, что в западнославянских языках, поскольку в них не сохранился упомянутый общеславянский корень, слова svirělь вообще не было, а svirěti, по-видимому, давно вышло из употребления.

Пискати: русск. *пискать*, *пищать* 'издавать писк', переносно 'играть плохо в дудку'; укр. *пискати*, *пищати*, 'пищать'; белр. *пищчаць*; польск. piskać, piszczeć 'пищать', но piszczel 'свирель' (это указывает на то, что piszczeć могло означать 'играть на свирели'); чеш. pískati 'свистеть', 'пищать', píštec 'музыкант' (архаич.), píšťala 'свирель', 'свисток', 'гудок', последние примеры свидетельствуют о том, что pískati также имело в прошлом значение 'играть на свирели' или на каком-нибудь другом музыкальном инструменте; словн. piskati 'играть на музыкальном инструменте', 'пищать', 'свистеть', píščal 'свисток'; серб. *пискати* 'шипеть' и др., болг. *пискам* 'свистеть', 'шипеть' и др., *пискало* 'свисток'. Ст.-сл. **пискати**, αὐλέω 'играть на флейте' совпадают с польск., чеш., словн. Приведенные данные подкрепляют высказанное выше предположение, что в этих языках svirěti рано вышло из употребления, если оно имело значение 'играть на музыкальном инструменте'.

Сопьць находит себе бесспорное соответствие в словн. sopec, в хорв. sopac в значении 'музыкант'; в чеш. известно sopel 'ледяная сосулька', 'пипетка', последнее значение, по мнению Голуба и Копечного, по аналогии с названием музыкального инструмента [1]. Можно предположить, что sopьsь было известно западнославянским языкам, в частности чешскому.

См Holub, F. Kopečný. Указ. соч., стр. 344—345.

Таким образом, **пискати** в значении αὐλέω находит себе соответствия в польск., чеш. и словн. языках, а **свирати** в серб., хорв. и болг. Слово **пискати** и **свирѣти** ныне не имеют различий в значениях. Если такие различия существовали когда-либо, то, очевидно, они очень давно стерлись, потому что, как показывают анализируемые памятники старославянской письменности, уже не позднее XI в. указанные слова употребляются с одинаковым значением. В связи с этим можно считать их не синонимами, а разнодиалектными словами с одинаковым значением, соответствующим греч. αὐλέω.

Поскольку **сопьць** неизменно сопутствует **пискати**, то вероятнее всего оба слова вошли в текст церковных книг вместе из одного диалекта. Однако невозможно дать категорический ответ на вопрос, когда они вошли в текст церковных книг: при первом ли переводе или при последующих редакционных сверках первичных переводов. Если исходить из того, что в Супр. рук. употребляется **свирѣль**, в Трнов. **свирѣхомъ** и — что еще важнее — в Зогр., лексически близком к церковным книгам восточноболгарских редакций, встречаются **свирахомъ** и **свирьца**, — мы можем допустить, что все слова с основой *svir-* могли войти в текст церковных книг в восточной Болгарии. В Словах Григория Назианзина также находим **свирѣль** (см. 3а, 2; 270б, 10—19). Наше предположение подкрепляется еще тем, что в болгарском языке до сих пор являются обычными и общеупотребительными *свиря, свирец* в тех же самых значениях, что и в памятниках старославянской письменности.

Памятники старославянской письменности, не имеющие явных следов восточноболгарской редакции, как Асс. и Мар., знают только **пискати** и **сопьць**.

По современным данным, sopec, sopac употребляются как обычные слова в словенском и сербо-хорватских языках. Так как словарь македонских славян имеет очень много общего с сербохорватским, можно предположить, что sopьcь было известно и в Македонии. Словн. sopec и серб.-хорв. sopac — древние слова, восходящие к sopьcь. Рефлексы ь в слоге *ec* и *ac* показывают, что это слово существовало в серб.-хорв. и словн. языках в то время, когда редуцированные в них были звуками.

Судя по современным данным, **пискати** было употребительно в Моравии, Паннонии, а также в Сербии и Хорватии. Правда, мы не располагаем данными, свидетельствующими о том, что в древнейшее время было такое же словоупотребление. В современных сербском и хорватском языках piskati неизвестно в значениях 'играть на музыкальном инструменте'. Словари словенского языка не фиксируют svirati, зато в них находится piskati 'играть на музыкальном инструменте'. Сербский, видимо, не знает *пискати* в только что указанном значении, но зато в нем есть *свирати* 'играть на флейте', *сопац* 'музыкант'. Данные склоняют

к мысли, что в сербском языке *свирати* — позднее слово. Основанием для такого предположения является тот факт, что *свирати* здесь известно в очень узком значении, тогда как *сопац* в нем же является родовым словом, обозначающим вообще музыканта. Видимо, в более древнее время сербский и хорватский языки знали piskati в значении 'играть на музыкальном инструменте', к такому предположению склоняет нас тот факт, что, как уже отмечали, в древности sopьsь и piskati употребляются рядом.

Изложенное позволяет предполагать, что первые переводчики употребили **пискати** и **сопьць**, которые в восточной Болгарии заменились на **свирати** и **свирьць**.

Скоро — ѭдро

Оба слова передают греч. ταχύ, ταχέως. «ѭдро, — пишет Ягич, — настоящее глаголическое слово, в кирилловских (памятниках — *А. Л.*) вместо него употребляется **скоро**, как напр. 142, 18 (Мф. XXVIII, 8) Асс., Ник., но Остр. здесь **скоро**; надо полагать, под влиянием кирилл. 142, 15 (Мф. XXVIII, 7) уже в Асс. **скоро**, между тем Ник., Мрк. и Мф. везде пишет **кдро**, также Ио. XI, 29, 31 в евангелии Григоровича (т. е. в Мариинском. — *А. Л.*), затем Ник. и Михан. еще **кдро**, но Асс. 118, 23, 32 **скоро**. У нас имеется слово, которое хорошо известно, но не следует его смешивать, как Шафарик, с jedro, (jadro), что значит 'парус'. Первое слово пишется **ѭдро**, второе **ѣдро** — **ѫдро**, восходящее к **ѣд-** (vehi)»[1].

Через 18 лет в статье, посвященной исследованию языка Мариинского евангелия, Ягич замечает, что «**ѭдро** (ταχύ) Мф. XXVIII, 7, 8; Ио. XI, 29 только Мф. V, 25 **скоро** и Мрк. IX, 39 **въскорѣ**, Зогр. уже везде **скоро**, Асс. только один раз **ѭдро**»[2].

В работе, посвященной разбору Синайской псалтыри, читаем: «Глаголическим словом можно назвать **ѭдро** вместо обыкновенного **скоро**: 68, 18; 78, 8; 137, 3, оттуда **оуѭдрити** вм. **оускорити**: 15, 4; 30, 3, 105; 13 и **ѭдропишьць** вм. **скоропишьць** 44, 2; и здесь древность синайской редакции поддерживают болонский, погодинский и отчасти толстовский списки; это слово было известно переводчику Пандектов Антиоха по списку XI в., оно осталось также в глаголических текстах хорватской редакции»[3].

Наконец, 1913 г.: «**ѭдро** (ταχύ, ταχέως) для старых памятников определенной группы является весьма характерным сло-

[1] «Assemanov ili vatikanski evangelistar». Zagreb, 1865, стр. XXVIII.

[2] И. Ягич. Мариинское четвероевангелие. С примечаниями и приложениями. СПб., 1883, стр. 470.

[3] И. В. Ягич. Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884, стр. 44—45.

вом, которому противостоит всегда **скоро** и **въскорѣ**. Мф. XXVIII, 7, 8 в Мар. читается **ѫдро**, но Зогр., Остр., Сав. **скоро**; Асс. на первом месте **скоро**, на втором — **ѫдро**. Трнов. в обоих местах **бръзо**; Лук. XIV, 21: **ѫдро** в Мар., Ник., **скоро** — в Асс., Остр., Сав.; Ио. XI, 29, 31: **ѫдро** в Мар., Ник., во всех других — **скоро**. Однако, Мар. пишет **скоро** Мф. V, 25, Лук. XVI, 6, **въскорѣ** Мрк. IX, 39. В псалтыри читается в XXXVII, 2 **ѫдро** и **скоро**, оба слова встречаются в Син., Погод., Болон., а в Соф. и Бух. только — **скоро**; LXVIII, 18 **ѫдро** в Син., Погод.; **скоро** — в Болон., Соф., Бух.; LXXVIII, 8, CI, 3; CXXXVII, 3 также **ѫдро** в Син., Погод.; **скоро** — в Болон., Соф., Бух.; CXLII, 7 в Погод. и Болон. имеется **ѫдро**, в Соф. и Бух. **скоро**. Эти примеры являются свидетельством того, что псалтырь преимущественно, но не исключительно, употребляет **ѫдро**. Известные Пражские отрывки (I В) знают также слово **ѫдрожѫ**, которое часто встречается в хорватских глаголических текстах. Вместо **оускорити** в старших текстах псалмов читается **оуѫдрити**: XV, 4 **оуѫдриша** (во всех, кроме Мон., в котором **оускорише**), XXX, 3 **оуѫдри** в Син., Погод., Болон., но **оускори** в Соф., Бух., Мон. CV, 13 **оуѫдриша** — в Син., Погод., Болон., но **оускориша** — в Соф., Бух., Мон.» (Entst. 419).

Ягич в вопросе об употреблении слов **ѫдро** и **скоро** в памятниках старославянской письменности ограничивается, как видно из приведенных цитат, констатацией факта, не приводя никаких доказательств в пользу того, почему именно **ѫдро** и есть слово, употребленное первыми переводчиками.

К. Горалек, соглашаясь в данном вопросе с Ягичем, добавляет, что не каждое употребление слова **ѫдро** в памятниках должно быть первичным. В частности, он признает наличие **ѫдро** Лук. XV, 22 в Ник., Хвал. вторичным[4]. Это замечание заслуживает внимания, однако мы склонны считать, что в первоначальном тексте Лук. XV, 22 должно было быть **ѫдро**, а не **скоро** (об этом см. ниже).

Из приведенных цитат видно, что слово **ѫдро** встречается в псалтыри и в отдельных списках евангелий. Формы соответствующего глагола встречаются только в псалтыри. Наконец, отметим наличие разбираемого слова в составе сложных слов: **ѫдропишьца** в Син. пс.; Болон. **ѫдропишѫца** (в Погод. — **скорописца**), ср.: **ѫзъкъ мои тръстъ къніжъника ѫдропішьца** (Син. пс. XLIV, 2).

Таким образом, Зогр., Остр. ев., Сав. кн., Клоц. сб., Син. трб. и Супр. рук. не знают слова **ѫдро**, в них только: **скоро**, **въскорѣ**, **скорѣе**.

Из памятников старославянской письменности старшего списка только Мар. и Асс. ев. и Син. пс. употребляют слово

---

[4] K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954, стр. 111.

ѭдро, в последнем памятнике, как отмечено, известно еще оуѭдрити и ѭдропишьць. Ни один из трех последних памятников письменности не употребляет исключительно слово ѭдро, в Асс. ев. оно употреблено только один раз в предложении: и ишедъші ѭдро отъ гроба. съ страхомъ и радостіѭ велиѣѭ тѣсте възвѣститъ оученікомъ его (Мф. XXVIII, 8). Это место так же читается в Мар., но Зогр., Остр. и Сав. вместо ѭдро стоит скоро. Здесь ѭдро можно истолковать в значении 'тотчас', 'немедленно'.

В Асс. Мф. XXVIII, 7 читаем: и скоро шедъші рьцѣта оученикомъ его. В этом месте и в остальных списках скоро, кроме Мар., в котором: і ѭдро шьдъши... В данном примере скоро значит 'быстро', а не 'тотчас', потому что, если слова ѭдро и скоро различались по значению, то в Мар. не должно бы тут находиться первое слово.

В Мар., Лук. XIV, 21: изиди ѭдро на рспѫтиѣ и стъгнъі града. і ништѧѧ и бѣдънъіѧ и хромъіѧ и слѣпъіѧ въведи сѣмо. В остальных списках: изиди скоро... Если исходить из контекста, в котором повествуется, что званные на пир отказались прийти, то слово ѭдро вполне возможно истолковать не в значении 'быстро', а 'немедленно', 'тотчас'. Желая устроить пир, хозяин требует от слуги, чтобы тот немедленно собрал нищих, хромых и т. д. Лук. XV, 22 по смыслу текста так же должно быть ѭдро, ср.: скоро ізнесѣте одежду пръвѫѭ і облѣцѣте і (Зогр., в Мар. без скоро); речь о вернувшемся блудном сыне, которого отец, несомненно, желает одеть немедленно.

Ио. XI, 29, в Мар.: она же ѣко оуслъша (что ее зовет учитель. — *А. Л.*) въста ѭдро и иде къ немоу, в остальных: скоро. В этом примере, действительно, подчеркнуто, что она, Мария, встала тут же, немедленно. Ио. XI, 31, в Мар.: іюдеи же... видѣвъше мариѭ ѣко ѭдро въста і изиде. по неи идѫ глѩще. ѣко идетъ на гробъ. да плачетъ сѧ тоу, в остальных: скоро. И здесь ѭдро употреблено в значении 'быстро', точнее — 'поспешно', 'немедленно'.

Нами приведены все примеры из анализируемых евангелий, в который встречается слово ѭдро. Очевидно, что ѭдро отличалось по значению от скоро: первое обозначало 'тотчас', 'немедленно', второе — 'быстро', точнее 'в недалеком будущем', причем лишь в Мар. сохранилось более или менее последовательное различение указанных значений.

Мф. V, 25, во всех списках: бѫди оувѣщаѧ сѧ съ сѫпьремь своимь скоро. доньдеже еси на пѫти съ нимь. Лук. XVI, 6, в Мар. и Зогр.: і рече емоу. приими боукъві твоѭ. і сѣдъ скоро напиши пать десѧтъ. Ио. XIII, 27, во всех списках: гла емоу (июдѣ — *А. Л.*) ис еже твориши сътвори скоро, в Зогр. твори вм. сътвори. В последних примерах речь идет просто

о быстроте действия, а не его моментальности, поэтому, должно быть, ни в одном списке здесь не употребляется ѩдро вм. скоро.

Встречается еще форма въскорѣ, например: никтоже... възможеть въскорѣ зълословити мѧ (Мрк. IX, 39), сътворитъ месть ихъ въскорѣ (Лук. XVIII, 8) — приведенные места читаются так во всех списках. В этих примерах наречием въскорѣ передано понятие 'так быстро'.

Всего ѩдро употреблено в Асс. один раз, а в Мар. 5 раз, скоро и въскорѣ в последнем — 4 раза. В Син. пс. ѩдро употреблено 5 раз, а скоро — один раз, въскорѣ — 2 раза. Кроме того, здесь же находим оуѩдрити 3 раза и ѩдропишьць — один раз. Ср.: не завиди творѧщимъ безаконие. зане ѣко трѣва ѩдро исъшѫтъ и ѣко зелие злака скоро отъпадѫтъ (XXXVI, 2). В данном примере ѩдро, по-видимому, значит 'очень быстро', 'моментально', а скоро — 'быстро' или 'в недалеком будущем'. Иначе говоря, здесь можно усмотреть разницу в значениях между ѩдро и скоро. — Не помѣни нашихъ безаконенiй пръвыихъ. ѩдро варѧтъ ны мiлости твоѧ гі (LXXVIII, 8). Здесь ѩдро 'моментально', 'очень быстро'. Въ нъже денъ прiзовѫ тѧ. ѩдро оуслъши мѧ (CI, 3); ѣко скръбѫ ѩдро оуслъши мѧ (LXVIII, 18); въ нъже день ѣште прiзовѫ тѧ. ѩдро оуслъши мѧ (CXXXVII, 3). И в этих примерах словом ѩдро обозначается моментальность действия, так как просящему важно, чтобы его мольба была услышана немедленно, тотчас же, безотлагательно. оумножишѧ сѧ немошти iхъ по сiхъ оуѩдрiшѧ сѧ (XV, 4); Здесь оуѩдрiшѧ сѧ следует толковать в значении 'укрепились', хотя в греч. ἐτάχυναν.

Оуѩдрити употреблено в значениях: 1) 'укрепить', 2) 'поспешить'. Прiклонi ко мнѣ оухо твое оуѩдрi изѧти мѧ (XXX, 3). Тут оуѩдрi 'поспеши'; оуѩдрiшѧ забъшѧ дѣл(ѣл)а его. не съхранiшѧ съвѣта его (CV, 13) 'поспешили' (забыть)....

Ѩзъкъ мои тръстъ кънiжьника ѩдропишьца (XLIV, 2), в Погод. скорописца, в Болон. ѫдропишѫща. В житии Мефодия по списку XII в., бесспорно составленного одним из его учеников, читаем: посажь дъва попы скорописьца зѣло, прѣложi въ бръзѣ вьса книгы испълнь, в других памятниках чаще встречается скорописьць, передающее греч. ὀξύγραφος.

Форма ѩдропишьць странная, во-первых, потому, что ѩдро с его значением 'моментально', 'очень быстро' здесь неуместно, так как, надо полагать, писец может быть быстро пишущим, но едва ли пишущим сверх быстро; во-вторых, тем, что вместо ожидаемого письць здесь находим пишьць. Последнее, вероятно, представляет образование типа южнославянского ruški, sloveški и т. п. В основе слов, к которым присоединяется -ьць не обнаруживаем йотации, что бы сделало законным форму пишьць,

ср слѣпьць: по немь идете дьва слѣпьца (Мф. IX, 27); чадьць: чадьца еще мало съ вами есмь (Ио. XIII, 33); ловьць: і сътворѭвъı бъıти ловьца чк҃омъ (Мрк. I, 17) и т. п. Все это свидетельствует о том, что форма ѭдропишьць — поздняя, не первичная. Кроме того, следует обратить внимание, что для слова ѭдро не характерно в сочетании с писати. Например, в притче об оклеветанном управляющем читаем: колицѣмь длъженъ еси господиноу моемоу. онъ же рече сътомь мѣръ отъ олѣа. і рече емоу. приими боукъви твоѭ і сѣдъ скоро напиши пать десатъ (Лук. XVI, 5—6). Так читается в Мар., в котором, как видели, употребление слова ѭдро — явление не редкое. Таким образом, имеются основания полагать, что в Син. пс. словом ѭдропишьць заменено более раннее скорописьць.

Отметим, что не знаем, как следует объяснять сочетание слов сѣло вьскорѣ в Син. пс. в предложении: възвратıатъ сѧ и оустъıдıатъ сѧ сѣло вьскорѣ (VI, 11).

В остальных памятниках — в Клоц. сб., Син. трб. и Супр. рук. встречается только скоро. В Клоц. сб. в тексте: ръци мі семоу лі та наоучи оучітель. въ т(о)ліко врѣма тако лі скоро забъı. частое оученье (II, 101—104) следовало бы ожидать на месте скоро наречие ѭдро. Ср. в том же памятнике поздѣ вѣровавъ. а скоро іспов҃ѣдѣвъ (I, 712—713), здесь в греч. ταχεως.

Однако в этом памятнике моментальность и быстрота переданы одним словом скоро. То же наблюдаем и в Супр. рук. Словом, в памятниках восточноболгарской редакции слово ѭдро не встречается.

Скоро восходит к и.-е. корню **sker-* в значении 'быстрое, проворное движение', ср.: литов. skẽrùs 'кузнечик', 'кобылка', греч. σκαίρω 'скакать', 'танцевать', др.-в.-нем. sceron 'резвиться' и т. д.

Слова с этим корнем употребительны и поныне. Лишь в серб.-хорв. оно изменило свое значение, так как в них *скоро*, *скорице*, *скорашњи* значат: 'недавно', 'недавний'. Словн. skoro 'вдруг' (bald), 'вскоре', 'почти'. Иначе говоря, серб.-хорв. и словн. skoro ныне в своем значении разошлись с ст.-сл. скоро. Помимо этого, в словн. известно jadern, а в серб.-хорв. (диалектное) jedar в значении 'скоро', 'быстро'.

По мнению Бернекера, ѭдро, ѭдръ в значении 'скоро', 'быстро' развилось из значения 'твердый' того же слова. В доказательство Бернекер ссылается на подобного рода изменение значения нем. bald, развившегося из первоначального 'смелый' (см. Slav. etym. Wörterbuch, 455). Значение же 'твердый' слова ѭдро — общеславянское. В этом случае значение 'моментально', 'вдруг' в слове ѭдро едва ли могло быть общеславянским. Несомненно, что оно было известно словен., серб. и хорв., по-видимому, и македонским славянским говорам. Значение 'быстро',

'моментально' могло развиться из 'сильно', так как в словн. jedro известно и в этом значении.

Сколько позволяют судить данные дошедших до нас памятников, в первоначальном переводе ѩдро употреблялось в отличие от скоро в значении 'моментально', 'тотчас', а скоро в значении 'быстро' или 'в недалеком будущем'. Однако в дошедших до нас списках памятников старославянской письменности ѩдро в употреблении часто смешивается с скоро. В таких памятниках, как Зогр., первое полностью вытеснено последним. В памятниках бесспорно восточноболгарской редакции, как Остр., Сав. и Супр. рук., также не встречается слово ѩдро, очевидно, в восточноболгарских говорах оно не было известно в том значении, в котором употребляется в Мар., Асс. и Син. пс. Отсутствие слова ѩдро в Зогр. сближает рукопись с памятниками восточноболгарской редакции.

Утверждение Ягича относительно первичности и вторичности слова скоро едва ли соответствует действительности, поскольку приведенный выше материал скорее всего свидетельствует о том, что оба эти слова могли быть принадлежностью первичных периодов. Конечно, первые переводчики не могли не употреблять общеславянского скоро, но они отличали его от слова ѩдро, которое в отличие от скоро означало не вообще быстрое действие, а сверхбыстрое, моментальное. Данные памятников показывают, что оба слова были известны южнославянским языкам, видимо, кроме восточноболгарских говоров. Редакторы, работавшие в восточной Болгарии, устранили из текстов церковных книг показавшееся им лишним ѩдро. Однако вытеснение слова ѩдро произошло не вдруг: сначала употреблялись оба слова, причем часто одно вместо другого, как это видели выше на примерах, а потом ѩдро оказалось устраненным из церковных книг, как лишний дублет слова скоро.

Сънѣмъ съборъ

Этими словами передается греч. συνέδριον. Употребление их в памятниках старославянской письменности старшего списка таково: В Мар. слово сънѣмъ встречается 6 раз в различных написаниях: сънемъ, сънемъ, сонъмъ, сънмъ, см. Мф. X, 17; XXVI, 59; Мрк. XIV, 55; XV, 1; Лук. XXII, 66; Ио. XI, 47. В Зогр. — сънѣмъ, сънѣмъ употреблено 4 раза и 2 раза съборъ Лук. XXII, 66; Ио. XI, 47. В Асс. 2 раза: сънемъ, сънмъи Мф. X, 17, 33; VI, 59 и один раз: Ио. XI, 47 написано съ ними. В Сав. один раз: Мф. XXVI, 59 написано сънѣмъ (3), другой раз в этом же тексте — съборъ (97б). В Остр. 2 раза:

Мрк. XIV, 55 написано **сънѣмъ** и 2 раза **сънѣмище** (Мф. X, 17; XXVI, 59) и 59 раз — **съборъ**.

В Клоц. сб. всего один раз: **сънѣмі прокллі сѧтъ** (I, 108). В Син. трб. встречается такой текст: **исправи... къімъ пѫть творѧщемъ. іли сънимъ въхождение. і исхождение ихъ** (18б, 5—11). Фрчек, издавший этот памятник, **сънимъ** восстанавливает как **сънѣмъ**[1]; Ст. Слоньский сомневается в справедливости реконструкции Фрчека[2]; Р. Нахтигаль делает ссылку на предыдущих авторов, не высказывая своего отношения к этим мнениям[3]. Контекст как будто делает справедливым предположительное чтение Фрчека. По-видимому, писец, не поняв слова **сънѣмъ**, испортил его в написании, приняв за местоимение. Подобный случай, как отметили, имеется и в Асс. Ио. XI, 47, где написано: **сѣвѣрашѧ же сѧ архиереи і фарисеи і съ ними на ис̄а** (26а, 19), в Мар. здесь: **сънемъ**, да и в греч. συνέδριον.

Если верна догадка Фрчека, то для писца Син. трб. слово **сънѣмъ** было непонятно. В остальных случаях в этом памятнике συνέδριον передано словом **съборъ**, см.: 40а, 3,11; 40б, 4, 11. Ср.: **гі̄... възъвлѣзъі къ съборѣ. сълѫкжѫ і възложѣ рѫцѣ свои на нѭ** (40а, 1—4). Приведенный текст является конспективным пересказом следующего места из Лук. XIII, 10—13: **на єдіномъ отъ сонѣмищь...и се жена... бѣ слѫкл... ис̄ъ пріглаєі и рече ей. жено. ѿпоущена єсі ѿтъ недѫгл твоего. и вьзложі на нѭ рѫцѣ** (Асс.). В Син. трб., как увидим ниже, употребляются существительное **сънѧтие** и глагол **снѧти сѧ**, свидетельствующие, что в нем было и слово **сънѣмъ**.

В Син. пс. 12 раз употреблено **сънемъ**, **сонъмъ** и ни одного раза — **съборъ**. Ср.: **и сънемъ людеі обідетъ тѧ** (VII. 8); **не сѣдъ съ сонъмомъ соүетънымъ** (XXV, 4) и т. п.

В Супр. рук. всего 2 раза встречается **сънѣмъ**, ср.: **сънелъ сваштенъ** (96, 27); **сънѣмѣхъ** (135, 27) и более 40 раз **съборъ**.

Таким образом, Мар. и Асс., Клоц. сб., Син. пс. знают только слова **сънѣмъ**, Сав. 1 раз **сънѣмъ**, но в этом памятнике встречается и слово **съборъ**, употребление которого явно возобладало в Остр., Син. трб. и Супр. рук.

Греч. συναγωγή передается либо словом **сънѣмиште**, либо **събориште**, причем в Зогр. и Мар. употребляется только первое слово (36 раз), то же в Асс. (25 раз) и Сав. (13 раз), в Остр. всего 2 раза — **сънѣмище** и 24 раза — **съборище**. Один раз **сънѣмище** встречается в Син. пс. (CV, 17).

Слово **сънѣмище** употребляется в таких значениях:

[1] См.: J. Frček. Euchologium sinaiticum. «Patrologia orientalis» t. XXIV, fasc. 5. Paris, 1933, стр. 690.

[2] St. Słonski. Index verborum do Euchologium sinaiticum. Warszawa, 1934, стр. 130.

[3] «Euchologium sinaiticum»..., d. II, стр. 42.

1. 'Собрание': оучѧще ѭ. на сънѣмиштихъ ихъ (Мф. XIII, 53, Мар.); приде на сънъмиште іхъ (Мф. XII, 9, Зогр.).

2. 'Судилище': ѣко гнѣваѭі сѧ на брата спѣти. повиненъ естъ сѫдоу. іжь бо речетъ братоу своемоу. рак'ка. повиненъ естъ сънъмиштю (Мф. V, 22, Зогр.).

3. 'Здание, где происходят собрания': (сътѣникъ) любитъ бо ѩзкъ нашъ. і сънѣмиште тъ сѫзѫда намъ (Лук. VII, 5, Мар.).

Мрк. XIII, 9, в Зогр. и Мар. один раз греч. συνέδριον передано существительным сънатие: прѣдадѧтъ бо въі сънатиѣ. і на сънъмицихъ бѣени бѫдете. Мф. X, 17 этот же текст читается так: прѣдадѧтъ бо въі на сонъмъі. і на сънѣмицихъ вашихъ оубиѭтъ въі. Как видно, сънатие и сънѣмъ были близки по значению.

Сънатие в значении 'схождение', 'сход' встречается дважды в Син. трб., ср.: се же дховъно сънатие... ізвѣстьно нъі естъ. по... кънигамъ (95б, 3—6); поспѣшилъ еси. сънатью... ѣко обновилъ еси рабъ твои сь (101а, 24 и далее).

Употребительны и формы глагола, от основы которых образованы приведенные выше существительные, ср.: ідеже тѣло тоу орьли сънемлѭтъ сѧ (Лук. XVII, 36, Мар.); нъінѣ мъі сънасомъ сѧ вси въкоупѣ (Син. трб. 87б, 26); егда сънъмѭтъ сѧ людье вькоупѣ (Син. пс. CI, 23), в Болон. пс. в этом же тексте: съберѫтъ сѧ; азъ вьсегда оучихъ на сьнѣмиштихъ и въ цркважъ идеже въси июдеи сънемлѭтъ сѧ (Ио. XVIII, 20, Асс.). В Сав. здесь: .... на сънѣмицихъ.... идеже ... събираѭ сѧ, в Остр.: съборици идеже. събираѭтъ сѧ.

Материал свидетельствует о замещении сънимати сѧ на събирати сѧ. Ср.: еще: съвъраша же архиереі і фарисеи сънемъ на ісѫ (Ио. XI, 47, Мар.), в Зогр. — съборъ, в Асс. порча — сьними. Супр. рук. весьма редко употребляет глагол сънати сѧ (11 раз), зато съвьрати сѧ здесь встречается более 50 раз.

Все это показатель замены одного слова другим. По мнению Ягича, первичными являлись сънѣмъ, сънѣмиште, сънати сѧ, которые позднее заменились на съборъ, съборище, събирати сѧ (Entst. 401—402). В качестве доказательства Ягич ссылался на то, что вторая группа слов более употребительна в поздних списках церковных книг.

Среди старших памятников старославянской письменности, в которых употреблено съборъ, выделяется Зогр., в нем, как было отмечено, это слово встречается 2 раза в следующих местах: съвъраша сѧ старьци людьсции. і архиереі і кънижъници. і вѣсь і на съборъ свои (Лук. XXII, 66), в Мар. в этом месте: сънмь; — съвъраша же архиереі. і фарисѣи съборъ (Ио. XI, 47, Зогр.), в Мар. и здесь: сънемъ.

Сѣборъ и **сънѣмъ** являются общественно-политическими терминами. Эти термины легче всего могли заменяться привычным термином того языка, представителем которого был редактор или переписчик. Посмотрим, какова употребительность этих слов в отдельных славянских языках. Болг. *събор* 'съезд', 'собрание', *сборище* 'место сбора, встречи', 'толпа', 'сборище', серб. *збор* 'собрание', 'беседа', 'разговор; *зборишта* 'место собрания', 'сборище'; употребительно: *збор зборити*; словн. zbor 'собрание', 'совет', sborišče 'сборище', zbornica 'конференц-зал'; чеш. sbor 'собрание', 'совет'; польск. zbiór, zbór 'сбор', 'собрание'. Словари западнославянских языков не фиксируют форму sborište. Русск. *сбор* 'собирание чего-либо': *сбор ягод, денежный сбор* и т. п., *сбор* 'ярмарка' (ярсл., Оп. 198). В значении 'собрание' в древнерусском языке слово *соборъ* и *сборъ* употребительны только в книжных оборотах речи, вроде: *поиде... въ Римъ на осмои сборъ* (Ерм. лет., 1437 г.), в других списках здесь *соборъ*, ср. еще: *Стоглавый соборъ*. Что же касается *сборище*, то Словарь Академии Российской писал: «*зборище от словенского сборище, сонмище, сходбище, собрание*» (ч. I, СПб., 1789, стр. 141), и эта характеристика целиком справедлива. Укр. *збір* 'собрание': *збір людей* (Гринч. I, 124). Совр. литер. *збори* 'общее собрание' — послереволюционный неологизм, так как у Гринченко *збор* отмечено только в значении 'сборки'. Белр. *збор* 1) 'собрание разных предметов', 2) 'доход', 3) 'толпа', 4) 'церковный сбор' (Нос. 196).

Таким образом, *сбор, сборище* как общественно-политические термины употребительны преимущественно в южнославянских, частично и в западнославянских языках.

Если исходить из положения, что **съборъ**, **съборище** в памятниках старославянской письменности не являются первичными словами, то замену **сънѣмъ** на **съборъ**, **сънѣмище** на **съборище** нельзя относить ни к Моравии, ни к Паннонии. Дело в том, что в западнославянских языках с древних пор и поныне известно слово sněm. Так, в польск. яз. в XIX в. и в настоящее время употребляются sejm и sniem[4]. В чеш. и ныне sněm 'сейм', 'парламент', sňatek 'соединение', 'связь'. Словн. senjem 'базар', 'ярмарка'; это значение могло развиться из первоначального 'соединяться', 'сообщаться'. При указанных условиях в Моравии не было нужды заменять **сънѣмъ**, **сънѣмиште** на **съборъ**, **съборище**. Кроме этого, следует иметь в виду еще то, что хотя в таких памятниках, как Мар. и Син. пс., имеются написания типа **розъства** (Мф. XIV, 6, Мар.), **небѣзъство** (Син. пс. XXIV, 7), **осѣмц(еньѥ) домоу** (Там же, XXIX, 1), свидетельствующие о том, что эти рукописи были в употреб-

[4] См. A. Brückner. Указ. соч., стр. 484.

лении и на территории Моравии, — тем не менее, эти памятники не знают слов **съборъ** и **съборище**.

Остр. наряду со словом **съборъ** особенно часто употребляет **съборище**. Предположение, что эти слова могли войти в памятник при переписке его в древней Руси, было бы ошибочным, потому что в древнерусском языке слова *съборъ, съборище* в значении 'общее собрание', 'сход', 'съезд' были книжными; в указанных значениях в нем употреблялись обычно *съньмъ, сънѧти сѧ, сънимати сѧ*, ср.: *Вабить ны Святополкъ на снемъ* (Ипат. лет., 1097 г.); *А на другое лѣто снемъ створиша князи Святополкъ, Володимир, Давыдъ и Олег* (Там же); *Слышавъ бо то князь Юрьи и призва ихъ на снемъ и исправиша нелюбие межи собою.* (Ник. лет., 1229 г.).

Летописец, рассказывая о битве с немцами в 1268 г., сообщает, что: *бывшю бо великому тому снятию... господь... отвратн ярость свою на насъ* (Новг. I лет., 1268 г.). Здесь *снятие* 'боевая схватка', 'бой'; *Мьстиславъ... сняся съ новгородьци* (Новг. I лет., 1211 г.); *Съньмъшемъся всѣмъ на исадѣхъ на порядѣ: Изяславъ, Кюръ Михаилъ... позва я к себе, яко на чьсть пирения, въ свои шатьръ...* (Новг. I лет. 1218 г.); *И съняша сѧ на рубежи и положиша межи собою любъвь, яко на зиму всѣмъ сняти сѧ любо на Литву, любо на Чюдь* (Там же, 1191 г.); *И бысть... въ полоутъра какъ торгъ снимается, нѣкто... Дудко поведе кобылицу... напоити ю на Волзѣ воды* (Рог. лет., 1296 г.). В диалектах: *суёмъ* (твер.) 'собрание', 'сход' (Оп. 220); *сойма* (калуж.) 'сходка' (Там же, 210); *соймище* (псков., твер.) 'сборище' (Доп. 250); *сняться* (ярсл.) 'связываться': *Не рад, что и снялся с ним. Нашел ты с кем сняться*[5]. *Сняться* (новг., твер.) 'схватиться с кем-либо', напр., в драку; 'связаться', 'начать иметь дело' (Оп. 209) и т. п.

Приведенный материал показывает, что древнерусские *снемъ, снятие, снятися, сниматися* — не книжные, а исконные восточнославянские слова. Этот же материал отводит предположение о замене **съньмъ** и **съньмище** на **съборъ** и **съборище** писцом Остр. дьяконом Григорием. Эти слова могут восходить к тексту южнославянского оригинала, с которого дьякон Григорий делал список.

Остается одно вероятное допущение, что слова **съборъ** и **съборище** могли войти в тексты церковных книг в Болгарии после 885 г. Поскольку в таких памятниках, как Остр. и Супр. рук., преобладает употребление **съборъ** и **съборище**, а также **събирати сѧ**, то надо полагать, что в X—XI вв. в Болгарии, как и ныне, слова **съньмъ**, **съньмище**, **сънѧти сѧ**, **сънимати**

[5] В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора СПб, 1902, стр. 87.

сѧ не были общеупотребительными, поэтому они и заменялись на **съборъ**, **събориште** и т. д.

Что **сънѣмъ** и другие заменялись на **съборъ** свидетельствует тот факт, что в ряде памятников, в которых уже имеются **съборъ** и др., сохраняются еще **сънатие**, **сънати сѧ**. Характерны в этом отношении данные Син. трб., который лишь в одном месте и то в испорченном виде сохранил слово **сънѣмъ**, в остальных заменив все на **съборъ**, но вместе с тем в нем остались **сънатие** и **сънати сѧ**, свидетельствующие, что в первичном тексте этого памятника вместо **съборъ** читалось **сънѣмъ**.

По мнению Н. С. Державина, дошедший до нас болгарский список этого памятника восходит к 80-м годам X столетия. К сожалению, из работы Державина не видно, является ли дошедший до нас список оригиналом указанного времени[6].

Итак, возможно констатировать, что в первичном переводе были употреблены слова **сънѣмъ**, **сънѣмиште**, **сънати сѧ**, **сънимати сѧ**, которые позже в восточной Болгарии заменились на **съборъ**, **съборище** и **събирати сѧ**.

В памятниках старославянской письменности встречается глагол **събирати**, который невозможно относить к заменителям **сънимати**, например: **і събираѭ ждоуже не расточиѫ̀ѣ** (Мф. XXV, 26); **ізвръжетъ сѧ вонъ ѣко же розга и ісъшетъ. і събираѭтъ ѭ и въ огнь вълагаѭтъ и съгараатъ** (Ио. XX, 6); **ѣко бо оубо събираѭтъ плѣвелъı і огнемь съжизаѭтъ** (Мф. XIII, 40) и т. п. В возвратной форме: **народомъ же събираѭштемъ сѧ начатъ глати** (Лук. XI, 29); **исса вѣсѧ къ каиѣфѣ... ідеже кънижьници и старьци събьрашѧ сѧ** (Мф. XXVI, 57). В последних случаях чаще: **і сънѣмаѫ̀ѧ сѧ народи мьноѕи. слъıшати и цѣлити сѧ отъ него** (Лук. V, 15, Мар.).

В приведенных примерах **събирати** употребляется по отношению к предметам. Так и должно быть, поскольку **бьрати** значит 'схватывать'. Если этот глагол (преимущественно в возвратной форме) употреблен по отношению к людям, то в этом случае он обозначает вообще стечение людей в одно место. Кроме приведенных примеров, ср. еще: **і пакъı начатъ при морн оучити. і събъра сѧ къ немоу народъ мъногъ** (Мрк. IV, 1); **і прѣѣвъшю исви въ кораби пакъı на онъ полъ. събъра сѧ народъ мъногъ о немь. і бѣ при мори** (Мрк. V, 21). Для обозначения же сбора людей с какой-либо определенной целью употребляется глагол от основы **сънѣм-**, имеющий значение 'соединять'.

В качестве общественно-политических терминов могли выступать **сънѣмъ** и **сънѣмище**, а **съборъ** и **съборище** могли упо-

[6] См: Н. С. Державин. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941, стр. 217 и след.

требляться только в том же значении, в каком они известны поныне в русском языке. Сказанное дает право признавать **съборъ** и **съборище** — вторичными словами, введенными в тексты церковных книг в восточной Болгарии вместо употребленных ранее **съньмъ** и **съньмище**.

Характерно, что и тут Зогр. ев. имеет общее с текстами восточноболгарской редакции.

Тьлѣ — моль

Первое слово встречается всего 3 раза в евангелиях старшего списка: **сътворіте себѣ... съкровище неоскждѣющее на нб҃сѣхъ идеже тать не пріближаетъ сѧ. ни тьлѣ тьлитъ** (Лук. XII, 33, Асс.). Так же читается приведенное место в Мар. и Остр., но в Зогр. после **тьлѣ тьлитъ** добавлено **ни чрѣвь**, а в Сав. ... **идеже тать не приближаетъ сѧ ни чрѣвь гризетъ. ни тьлѣ тьлитъ**. Ср. греч. ὅπου κλέπτης οὐκ ἐγγίζει, οὐδὲ σὴς διαφθείρει, т. е. 'куда вор не приближается, где моль не портит'. Как видно, устойчивое сочетание слов **тьлѣ тьлитъ** не представляет собой дословный перевод, а оно соответствует греческому только по смыслу. Отметим, что Зогр. **чрѣвь**, Сав. **ни чрѣвь гризетъ** в греческом тексте не имеют соответствий; **не съкрꙑвайте себѣ съкровишта на земи идеже чрѣвъ и тьлѣ тьлитъ** (Мф. VI, 19, Мар.), в остальных это место читается так же, но в Зогр. оно списка XII в. В греч. Μὴ θησαυρίζετε ὑμῖν θησαυροὺς ἐπὶ γῆς, ὅπου σὴς καὶ βρῶσις ἀφανίζει. Греч. σής в приведенном тексте Мф. VI, 19 передано словом **чрѣвь**, а βρῶσις — **тьлѣ**.

Съкрꙑвайте себѣ съкровишта на нб҃се. ідеже ни чрѣвь ни тьлѣ тьлитъ. ідеже ни татие подкопаѭтъ ни краджтъ (Мф. VI, 20, Зогр.), в Мар. и Асс. так же, в Сав. — **идеже чрѣвь ни тьлѣ тьлитъ**. Греч. οὔτε σὴς οὔτε βρῶσις ἀφανίζει. Здесь опять βρῶσις переведено словом **тьлѣ**.

Приведенными исчерпываются примеры, в которых встречается слово **тьлѣ**, причем последнее все время выступает в сочетании со словом **тьлитъ** и, видимо, представляет устойчивое сочетание слов. Миклошич в Lexicon'е приводит слово **тлѣ** в значении φθορά из памятников списка XIII—XV вв., λύμη 'вред' из поздних памятников XVI—XVII вв., σής из Пандектов Антиоха сп. XIV в., βρῶσις — из Остр. Характерно, Супр. рук. греч. φθορά передает словом **тьлѣникъ**, ср.: **и въ бестьлѣнъıихъ мѣсто. тьлѣникъ приобраштж** (164, 30). Срезневский слово **тьлѣ** в значении 'моль' приводит из Остр. Кроме того, в значении 'тлен', 'тление', 'развращение', 'грех' это слово приведено из многих поздних церковных книг. В Син. трб. в значении 'развращение' употреблено слово **тьлитель**, ср.: **і оукоренити сѧ въ нихъ начинаетъ. тьлитель дш̃ъ** (91б, 23—24).

Как отмечает Ягич, в русских списках евангелий — Юрьев., Мстисл., Типогр. и Добрил. Лук. XII, 33; Мф. VI, 19—20 — вместо **тлѣ** употреблено **моль** (Entst. 407). Миклошич слово **моль** приводит из Шиш. апост., Панд. Ант. XI в., Григ. Назианз. XI в. (см. Lexicon. 380).

Ягич часто ссылается на русские списки церковных книг. Однако остается невыясненным, производилась ли на Руси сверка церковных книг русскими редакторами. Остр., например, имеет мало специфических древнерусских слов, за исключением явных описок дьякона Григория, употреблявшего кое-где русские формы слов вместо старославянских, например: **вьрьвьно**, **вълкъ**, **вьрхъ**, **гоуба** вм. **гжба**, **држже** вм. **дроужє**, **дължьнъ**, **дьржати**, **дьрьзнжвъ**, **зьрьно**, **перегънжвъ**, **рожъство**, **троужати сѧ** и т. п. (этот вопрос в литературе освещен достаточно), но они — только описки писца? Употребление же слова **моль** в русских списках церковных книг еще не означает, что оно включено в них русскими редакторами, потому что это же слово находится и в южнославянских списках.

В поздних памятниках церковнославянской письменности слово **тлѣ** не употребляется в значении насекомого 'моль', а оно представляет имя, образованное от глагола **тлѣти**, для перевода греч. ἀφανίζω и διαφθείρω.

Таким образом, в поздних памятниках **тлѣ** в значении σής или βρῶσις заменяется словом **моль**; если в этих памятниках встречается слово **тлѣ**, то оно соответствует слову **тлѣнъ**, **тлѣникъ**, греч. φθορά. А это является свидетельством, что слово **тлѣ** в значении насекомого уже в XI в. не было известно ряду славянских языков. Должно быть, на это же указывает присоединение слова **чрьвь** к слову **тлѣ** там, где оно не должно быть (см. выше примеры из Зогр. и Сав.). По крайней мере, данный факт — свидетельство того, что слово **тлѣ** было необычным в восточной Болгарии в X—XI вв.

Слово **моль**, которым заменяется **тлѣ**, — общеславянское, ср.: русск. *моль: Моль одежу тлит, а печаль — сердце* (Даль II, 897); укр. *міль: А я лежу, валяюсь порохнею, одежою, що міль попроідала* (Гринч. II, 431); белр. *моля: Моля шубу зъела* (Нос. 289); польск. mol; чеш. mol; словн. molj, серб. *мољац*, болг. *молец*. Значение у всех одинаковое, совпадающее с восточнославянским. Первые переводчики словом **тлѣ** передавали греч. σής и βρῶσις. Ст.-сл. **тлѣ** ныне находит соответствия в следующих языках: русск. *тля* 'моль', 'истлевшая вещь' и нек. др., ср.: *Тля одежу тлит, а худые обычаи — душу* (Даль, IV, 772); укр. *тля* 'насекомое Psylla' (Гринч. IV, 268), белр. *тля* 'моль', 'мелкие черви': *Пшанічную муку тля стала тачиць, треба прасушіць ее на сонце* (Нос. 635) и другие значения. Все наличные словари западных и южных славянских языков не фиксируют слова tl'a. Вероятно, что **тлѣ** (**тлы**) является существитель-

ным с основой на *-ja*, образованным от корня глагола **тлѣти**, так же как **пьрѣ** (**пьря**) от **пьрѣти**; **капля** от **капати**, **канѫти**; **воля** от **велѣти** и т. д. Ст.-сл. глагол **тлѣти** находит соответствия во всех славянских языках, ср.: русск. *тлеть: сырые дрова не горят, а тлеют; Вдруг сотлела молодецкая покрутушка*[1]; укр. *тліти* 'тлеть', 'гореть без пламени'; 'гнить' (Гринч. IV, 268); белр. *тлiць* 'превратиться в прах' (Нос. 634); польск. tlić się 'медленно гореть', zatlić; чеш. tlíti 'тлеть', 'гнить'; словн. tleti 'гореть без пламени'; серб. *затљати* 'задремать' (едва ли относится сюда); болг. *тлея* 'гореть без пламени', 'гнить'.

Словари западных и южных славянских языков не фиксируют сущ. tlěnъ, являющегося образованием от глагольной основы *tlě-* плюс суффикс *-nъ*, ср.: русск. *тлен* (волгд., перм.) 'трут из тряпиц для высекания огня' (Оп. 229); у Даля: *тлен, тля* 'все тлеющее, гниющее' (IV, 772); укр. *тлiнь* (Гринч. IV, 268); белр. *тлень* 'гниль': *Уся адзежа тлению набралась;* 'тленность', 'ничтожность' (Нос. 635). Фиксируемое словарями польского языка последних лет tlen является неологизмом и, видимо, вошло в употребление не без влияния русского языка. Если болгарское *тленен* не является книжным словом, то оно указывает на наличие в прошлом существительного *тлен*, то же можно сказать о чеш. tlenina, tlení (Brückner, Słownik, стр. 571).

В Супр. рук. зафиксировано: **чловѣкоу тлѣньноу** (258, 10); **цр҃оу тлѣньноуоумоу** (91, 12); **къзлюбиша ... паче тлѣнъныхъ нетлѣньнаа** (55, 6), в последнем примере прилагательные субстантивировались. Примеры фиксируют наличие в ст.-сл. прилагательного от сущ. **тлѣнъ**.

Таким образом, в памятниках старославянской письменности старших списков слово **тлѣ** порою поясняется словом **чрѣвь** (см. примеры, приведенные выше), впоследствии **тлѣ** заменяется словом **моль**. Этот факт является свидетельством того, что не позднее X—XI вв. в восточной Болгарии вышло из употребления слово **тлѣ**. Наличие в поздних списках памятников слова **моль** на месте **тлѣ** в более старших списках наряду с другими специфическими лексическими данными является одним из признаков того, что рукопись восточноболгарской редакции.

Тьма — несъвѣда

Первое слово употребляется во всех памятниках старославянской письменности старших списков на месте греч. μυριάς, μύριοι. Причем Зогр., Мар., Асс., Остр., Сав., Син. пс. и Син.

[1] Е. В Барсов Причитания северного края I М., 1872, стр. 105.

трб., Клоц. сб. знают только это слово, а Супр. рук., кроме него, в том же значении употребляет еще несъвѣда, несъвѣдънъи, ср.: привѣсѧ емоу длъжъникъ единъ. тъмоиж талантъ (Мф. XVIII, 24, Мар., в Зогр. и Сав. читается: тьмѣ талантъ, а после единъ следует слово длъженъ, в остальном как и Мар.); і блви стадо се. і оумъножи є на тысѧщѧ и на тъмы (Син. трб. 15а, 13—14); колесніца бжьѣ тъмами тьмъ: тысѧщьма гобьзоуѭщихъ (Син. пс. LXVII, 18); тъмж імамъ добрыхъ дѣлъ (Клоц. сб. 537—538); козы овьца многы тъмами пасомы къ горахъ (Супр. рук. 43, 1—2); и несъвѣдами покмла плѣнникы (Супр. рук. 291, 29—30); вєденъ бысть въ тьмницѫ. иже несъвѣдънъими аггла орѫженосьствоукмъ (Супр. рук. 431, 28—30). Из учеников Константина и Мефодия Иоанн экзарх употребляет несвѣда, ср.: несвѣдами имена приклъ; несвѣд'нал различьи (Срезн. Мат. II, 428).

Миклошич возводил слово тьма в значении μυριάς 'десять тысяч' к тюрк. tuman. Такого же мнения придерживается и М. Фасмер[1]. Однако ст.-сл. тьма не тюрк., а от монг. tümen и, надо полагать, это заимствование едва ли непосредственное, а, по-видимому, вошедшее в славянские языки через какой-то язык-посредник. При прямом заимствовании следовало бы ожидать чтение тъма, чего нет. Ср., кстати, тохар. A. tmám, тохар. B. tumane, tmāne 'десять тысяч', а также др.-инд. túmras 'многочисленный'[2]. Фасмер думает, что тохарское делает ясным славянское. Ныне же ст.-сл. тьма находит следующие соответствия: русск. *тьма* 'несчетное множество' (Даль, IV, 887); *груда* и *тьма* 'множество' (пенз. АГО XXVIII, 18); *кма* (вят.) 'тьма', 'множество' (Оп. 85)[3] и т. п.; укр. *тьма*, *тьма-темрява* 'несметное количество' (Гринч. IV, 299); белр. *цьма* 'множество' (Нос. 692), Старопол. *ćma* 'десять тысяч', 'легион', словен. tema 'неисчислимое множество'.

Поскольку в Супр. рук. наряду с тьма в том же значении употребляется еще несъвѣда, законно допущение, что в восточной Болгарии уже в X—XI вв. тьма не было общеупотребительным словом. Этим же следует объяснять замену его другим словом несъвѣда. Употребление Иоанном экзархом болгарским последнего слова дает право предполагать, что оно вошло в Супр. рук. именно в восточной Болгарии.

Правда, при более строгом подходе можно установить разницу в значениях между тьма 'десять тысяч' или 'тысячи' и

[1] См.: M. Vasmer. Указ. соч., Bd. III, стр. 162.

[2] См.: А. И. Попов. Из истории лексики языков восточной Европы. Л., 1957, стр. 41.

[3] О диалектной замене *т* на *к* см.: А. И. Соболевский Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр 133.

несъвѣда 'неисчислимое количество'. Даже при этих условиях последнее слово невозможно причислять к первичным, потому что оно ни разу не встречается в евангелиях. А это дает право считать, что оно вышло в памятники старославянской письменности в восточной Болгарии взамен слова тьма.

Оупъвати — надѣати сѧ

Приведенными словами и производными от них переданы греческие ἐλπίζω 'надеяться' и πέποιθα 'убеждение'. Первое слово один раз встречается в Киев. лл.: моліτвѫ нашѫ оуслъиші. да оупъваніе (въ)ньмемъ дѣлъ своіхъ (2б, 21). В евангелиях оупъвати встречается 5 раз. Мф. XII, 21 во всех привлеченных для анализа списках читается: і на имѧ ѩзъци оупъваѭтъ, в греч. ἐλπιοῦσι. Мф. XXVII, 43: оупъва на бг̃а да ізбавитъı — и нънѣ. аште хощетъ емоу, в греч. πέποιθεν. Мрк. X, 24: гл̃а ілі. чѧда. ѣко не оудобь естъ оупъваѭштіімъ на богатьство. въ цр̃сие бж̃ие вънити, в греч. πεποιθότας. Лук. XI, 21—22: егда крѣпькъı въоржѫ сѧ хранитъ. своі дворъ. въ мирѣ сѫтъ ілѣньѣ его. а понеже крѣплиі его нашьдъ побѣдитъ і. вьсѣ оржьѣ его отъмѣтъ. на неже оупъваашє. і користь его раздаѣтъ, в греч. ἐπεποίθει. Ио IV, 45: на въı гл̃тъ моси. на негоже въı оупъваєте, в греч. ἠλπίκατε.

Надѣати сѧ в евангелиях встречается всего 3 раза, причем в ев. от Луки: Лук. XVIII, 9: рече же і къ етеромъ. надѣѭштеімъ сѧ на сѧ. ѣко сѫтъ правьдьници. і оуничьжаѭштемъ. прочаѭ, в греч. πεποιθότας. В Остр. иначе: рече къ дроугъıимъ оупъваѭщимъ собоѭ... Лук. XXIII, 8—9: іродъ... надѣаше сѧ знаменье етеро видѣти. отъ него бъıваємо. въпрашаашє же і словесъı многъı. онъ же ничьсоже не отъвѣштаваашє емоу, в греч. ἠλπίσα. Лук. XXIV, 21: мъı же надѣахомъ сѧ (так в Зогр.; в Мар. надѣємъ сѧ) ѣко сь естъ хотѧі ізбавити ілѣ, в греч. ηλπίσαμεν.

Поскольку оба разбираемых слова передают то ἐλπίζω, то πέποιθα, на первый взгляд может сложиться впечатление, что одно употреблено вместо другого. Однако приведенные примеры воспринимаются так, что оупъвати встречается там, где выражена твердая уверенность, убежденность, чаще всего, где речь идет о надежде на бога; надѣати сѧ употребляется для обозначения, так сказать, обычных ожиданий, чаяний.

В Син. пс. указанная разница в оттенках значения между оупъвати и надѣати сѧ более ощутима. Первое слово в абсолютном большинстве случаев здесь употреблено с дополнением к нему на бг̃а, ср.: бъ моі оупъваѭ на нь, т. е. 'твердо полагать' (XC, 2); ѣште въстанетъ на мѧ бранъ на нь азъ оупъваѭ

(XXVI, 3), то же значение; на б�given оуповаⷯ не оубоⷯ сѧ что створитъ мнѣ плотъ (LV, 5), то же значение; оупѣвашѧ на гⷭ (CXIII, 19), то же значение и т. д.

Показательны примеры, в которых встречается параллельное употребление оупѣвати и надѣати сѧ, ср.: добро есть надѣѣти сѧ гⷭ. . . неже оупѣвати на кънѧзѧ (CXVII, 8—9), т. е. 'лучше ожидать, чаять от бога, чем полагаться на князя'. В других списках в первом предложении на гⷣ, согласно греч. ἐπὶ κύριον. Идоли ѧзⷭкъ съребрѣни і злати. . . оуста іⷨтъ і не възглаголⷨтъ. очи іⷨтъ і не видѧтъ. . . подобьни імъ да бѫдⷮ творѧштеі ѧ. і вьси надѣѭштиі сѧ на нѧ. домъ іилевъ оупѣва на гⷭ. помощьникъ і заштітьникъ. імъ естъ (CXIII, 12—19, а также CXXXIV, 18). Хотя в греч. на месте надѣѭштиі сѧ стоит οἱ πεποιθότες, а на месте оупѣва — ἠλπισεν, переводчики не могли употребить оупѣвати по отношению к идолам и надѣати сѧ по отношению к богу, так как подобное словоупотребление исказило бы сущность догматов христианской религии. Помилоуі мѧ бⷞе помілоуі мѧ. ѣко на тѧ оупьва дша моѣ. и на сѣнѣ крілоу твоею надѣѭ сѧ доіже прѣідетъ безаконенье (LVI, 2). В греч. первом: ἐπὶ σοί πέποιθεν и во втором — σοῦ ἐλπιῶ. Слово надѣѭ сѧ здесъ имеѣт значение 'полагаться', а оупѣва доверяться' или 'быть убежденным'. В последнем значении упо-'треблено оупѣвати еще в следующих предложениях: се чⷦкъ іже не положі б�given помощьніка себѣ. нъ оупѣва на множьство богатъства своего (LI, 9); отъ соуетъı въкоупѣ не оупьваіте на непрàвъдѭ (LXI, 11). В значении 'доверяться' употреблено надѣати сѧ в таких предложениях: блаженіі вьси надѣѭщіі сѧ на нъ (II, 12); надѣѭштеі сѧ на гⷭ ѣко гора сіонъ: не подвіжитъ сѧ въ вѣкъ живъıиі въ іимѣ (CXXIV, 1); сⷨві же чⷭстіи на кровъ крілоу твоею надѣѭтъ сѧ (XXXV, 8).

Таким образом, в Син. пс. оупѣвати в основном употребляется в значениях 'быть убежденным', 'полагаться твердо', 'доверять', а надѣати сѧ 'полагаться', 'ожидать', 'быть в надежде'.

Однако разбираемые слова встречаются в одинаковых словосочетаниях, например, в Син. пс.: надѣѭщіі сѧ на нъ (II, 12) и оупѣваѭщіеи на нь (XXXIII, 23); надѣѭштеісѧ на гⷭ (CXXIV, 1) и оупѣваѭштеі на гⷣ (XXX, 25).

Эти факты указывают, вероятно, и на разнодиалектный характер этих слов. Син. трб. вообще предпочитает оупѣвати, которое употреблено 7 раз, и оупѣваніе — 13 раз, тогда как надѣати сѧ и надежда здесь встречаются всего по одному разу, причем надѣаги сѧ в цитате из псалтыри XII, 6, ср.: ѧзъ же на

милость твоѭ надѣахъ сѧ (74а, 5), но в другом месте: оупъкаѭтъ на милость твоѭ (64б, 23). Наоборот, Супр. рук. предпочитает слово надежда, которое здесь встречается 20 раз, надѣати сѧ — 27 раз, тогда как оуп'вати (здесь в таком написании) — 13 раз, оуп'ваниѥ — 10 раз. Такие примеры, как оуп'ваѭ на нь (70, 22), здесь редки, встречаются, например: не на сѧ надѣѥмъ сѧ. нъ на... бг̑а (522, 24—25); надеждѫ имамъ къ богоу (153, 12); въ хр̑с̑а имавѣ надеждѫ (181, 14); имѫштиимъ на нь надеждѫ (483, 20) и т. д.

Таким образом, как будто возможно констатировать наличие разницы в значениях между оупъвати и надѣати сѧ, что позволяет предполагать, что оба слова могли быть в первых переводах. В более поздних списках ясны следы употребления одного вместо другого, а также явное предпочтение одного из разбираемых слов.

Ягич пришел к такому заключению: «Оупъвати (ἐλπίζω, πέποιθα) является синонимом к надѣати сѧ: Лук. XVIII, 9 в Мар. и Зогр. пишется надѣѭштемъ сѧ; в Остр. оупъваѭщиимъ; последнее слово старше первого, оно употребляется чаще в основном тексте Апостола, а в комментариях заменяется на надѣати сѧ, ср.: Апост. 75. Таково же отношение между оупъвание и надежда: в Шишоват. находится всегда оупъвание, но в I посл. к коринф. VIII, 13 надежда, далее в Толстов. апост. пишется надежда (и рус. форма надежа); к римл. IV, 18; V, 2, 4, 5; VIII, 20, 24; XII, 12; XV, 4, 13 и в других частях послания к римлянам встречается это слово» (Entst. 410).

Оупъвати восходит к общеславянскому корню **pъv-*. В Супр. рук. употреблен данный глагол без приставки оу-, например: вьниде же и стъıи кодратъ. ако нѣкоторъıи добии воинъ пъваи своеѭ силоѭ (105, 10—12); обоѥ бо то пагоубьно и пъвати и отъчаѭти сѧ (409, 27); си оубо прельстиѭ своеѭ пъваѭште. небрѣгѫтъ никогоже (269, 28—30). Встречаются и именные формы, ср.: аште бо и накажемъı то сь мнозѣмь нъı оубо пъваниимъ на сѫдиштѣ поставитъ (382, 15—16); и глаахѫ съ пъваниемъ дроугъ къ дроугоу блюдѣте сѧ братиѥ. не отъверьзѣмъ сѧ господа (175, 10—13); пъвати, пъвание зафиксировано в ряде поздних памятников (Срезн. Мат. II, 1745 и след.).

Первоначальное значение корня *pъv-*, по всей видимости, было 'полагаться'; оупъвати — образование типа: оукрѣпити, оумрьтвити, оумалъкнѫти, оумѫчити и т. д., в которых приставка оу- придает глаголу оттенок значения 'предел совершаемого действия', т. е. оупъвати 'полагаться до предела', иначе 'быть убежденным'. В этом значении, как видели выше, и находим оупъвати в анализируемых евангелиях и псалтыри. Приставка оу- в слове оупъвати, лексикализуясь, по-видимому, рано слилась с корнем, став неотъемлемой его частью. В этом

убеждают нас данные современных славянских языков, в которых нет образований от корня *ръv-* без начального *и*. Однако в XI в., как это отражено в Супр. рук., были известны такие образования от корня *ръv-*. В старопольском языке и Флорианской псалтыри зафиксировано pwa, а в Пуловской псалтыри и pwać. Ныне подобные слова уже неизвестны ни одному из славянских языков.

В русском языке слово *уповать* встречается с давних пор исключительно в книжных фразах, вроде *уповать на бога*; в диалектах русского языка это слово известно только в таком же сочетании. Все это служит основанием признать, что слово *уповать* в русском языке книжное. После падения редуцированных слабое *ъ* в этом слове не исчезло. Этот факт указывает на то, что слово *уповать* сохраняется в русском языке в искусственно книжном произношении. Кроме того, приведенное слово не имеет производных, за исключением явно книжного *упование*. Укр. *упование, уповатися* 'надеяться', 'быть в надежде', *не вповати* 'не обращать внимания' (Гринч. IV, 345—346) — по форме также книжные слова. Возможно, что в укр. слова: *певнити* 'исполнять', *певний* 'верный', 'надежный', 'уверенный', 'известный', 'определенный', *певність, певно, запевняти, запевнити, запевне, упевнити, упевняти* и т. п., — полонизмы. То же, видимо, следует сказать о белр. *певниць, упевниць* 'удостоверять', 'уверять', *спевниць* 'исполнить'; *певнасць, певный* (Нос. 395); *запевняць* 'заверять', *запевный* 'несомненный', *запевно* (Там же, 78); *упевняць, упевнение, упевненный* и т. д. (Там же, 660). Вполне законно переход *ръш-* в *рew-* в польском. Кроме того, ни укр., ни белр. не употребляют основы *рew-*, в них, как и в западнославянских, известна только основа прилагательного *pewn-*.

Польск. pwa (стар.), pwać (стар.), pewny 'определенный', 'надежный', ufać 'надеяться', ufny, ufność, zaufać, zaufany, poufaly, poufalość, poufny. Чеш. pevný 'определенный', 'известный', 'прочный', pevnost, pevniti 'крепить', 'укреплять'; ufati (стар.), doufati 'надеяться', у Гебауера еще: doufajný, doufalý, doufaní и т. п. Словн. up 'надежда', 'кредит'; upati 'надеяться', 'верить', 'кредитовать'; upanje 'надежда', 'кредит'. Серб. и хорв. *уфање* 'надежда', *уфати се* 'надеяться', ufanie 'надежда', ufati se 'надеяться'. Болг. *уповавам се: Не трябва да се уповавам на ласкателите* (А. Дювернуа, Словарь болг. яз., 2432); *Уповая, уповавам се, упование* (Геров, Речн. V, 445). Последние примеры приводит и Младенов в своем этимологическом словаре, добавляя, что у банатских болгар известно употребление ufam se. Болг. *уповая, уповавам се, уповане,* по всей видимости, книжные слова, как и русские *уповать, упование.* Банат. ufam se, по-видимому, из серб. или хорв. языков.

Большинство исследователей считает, что форма ufati закономерно развилась после падения редуцированных из *uръ-*

vati > upfati > ufati. Словн. upati также из upъvati > upfati > upati. Однако З. Штибер сомневается в этом и полагает, что, например, польск. ufać возможно из нем. hoffen или upъvati под влиянием указанного немецкого слова стало произноситься как ufać [1].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что слова upъvati, upъvanie в своих новых формах закрепились в польск., чеш., слов., серб. и хорв. языках. Наоборот, болгарский язык ныне не располагает данными, свидетельствующими о широком употреблении в нем в прошлом upъvati, upъvanie. Кроме того, приведенные данные подкрепляют высказанную выше мысль о том, что приставка *u-* рано слилась в единое целое с корнем *pъv-*. Этим объясняется тот факт, что во всех упомянутых языках, в которых сохранилось слово от корня *pъv-*, оно известно обязательно с начальным *u-*.

Надѣати сѧ восходит к общеславянскому корню *dě-*, который в свою очередь возводится к и.-е. корню **dhē-* в значениях: 'ставить', 'поставить', 'класть', 'положить', причем **надѣати сѧ** — итеративный глагол. По образованию он принадлежит к такому же типу, как **напалѣти, написати, нарицати сѧ, наплънити, населѣти** и т. п., в которых приставка **на-** обозначает полноту действия **дѣати**. В памятниках старославянской письменности этот глагол без приставки известен в следующих значениях:

1. 'Совершать', 'исполнять': **азъ же молитво дѣахъ** (Син. пс. CVIII, 4); **молитвѫ дѣаше** (Мрк. I, 35); **даждь имъ всегда. пооучати сѧ заповѣдемъ твоимъ. і оугодънаа твоѣ дѣѣти** (Син. трб., 8а, 1); **прѣлюбъı дѣати** (Мф. V, 32); **коупляѫ дѣите** (Лук. XIX, 13).

2. 'Делать', 'распространяться': **чьто дѣета отрѣшаѫшта жрѣбьць** (Мрк. XI, 6); **иоанъ. въскресе отъ мрътвъıхъ. і сего ради силъı дѣѭтъ сѧ о немь** (Мф. XIV, 2).

3. 'Устроить (собрать)': **о немь же за оутра съвѣтъ дѣашѧ. старѣишинъı и попове жидовисци. і старьци іюдѣисции** (Син. трб. 49а, 10—12).

Древнейшим является первое значение, а второе и третье — переносные (см. еще главу **потъѣга—поуштеница**).

Надѣати сѧ 'положиться', 'доверяться' представляет дальнейшее развитие первого значения, если не более раннего значения 'класть', от которого, бесспорно, **надежда**, ср.: **одежда, одеждѫ**, при **одѣти, одѣати**. Как видно, **надѣати сѧ** прибли-

---

[1] См.: L. Stieber. Jeszcze o polskim *ufać*. «Poradnik językowy». Warszawa, 1960, № 3, стр. 110 и след. — О родстве слав. upъvati с нем. hoffen писал еще Г. Павский, см.: Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье. СПб., 1850, стр. 45 и след.

жалось по значению к оу҃пъѣати, отличаясь лишь тем, что в нем отсутствовал оттенок предельной, крайней степени действия.

В современных славянских языках: русск. *надежа* — так с древних пор до сего времени (см. Срезн. Мат. II. 276), отсюда *надежный*, ср.: *надежный человек*, *надежное средство* и т. п.; *надеяться* 'верить', 'быть уверенным', отсюда: *надея*, *надеюшка* (Даль, II, 1076); укр. *надія*, *надіенька*, *надіятися* (Гринч. II, 483); белр. *надежа*, *надзея*, *надзеяцца* (Нос. 305).

Польск. nadzieja, beznadziejny, устар. nadziewać się 'spodziewać się' было и nadzież (как kradzież), nadzieżny kon' «у Кохановского 'pewny', „czas nienadzieżnej ('nienadzianej, niespodziewanej') potrzeby" у Рея, который совсем не знает руссизмов», — читаем у Брюкнера (Słown. etym., 353). Этот факт примечателен в том отношении, что формы слов с основой *nadziej-* в польском языке ныне воспринимаются как книжные или заимствованные из русского языка. В чеш. Гебауер зафиксировал собственное имя Nadej, написанное в документе 1143 г. Им приведены также: naděje 'надежда'; ст.-сл. надѣи 'надежда', рядом с надєжда — с XIII в., nadíti se 'надеяться' (doufati): ст.-сл. надѣѩти сѧ (см. Slovník staročeský, II, 446, 447). В Slovník'e Ф. Травничка: nadíti se, // nadáti se, *-deje | -dam...*, *-deje*, *-dejic*, *-dav*, *-dav*, *-dal*, *-dan(i)*. Nadeje распростр. в народной речи // поэт. nadejný (*-ně*, *-nost*) как в русском (podle ruština). Следует отметить, что у Гебауера слова с указанной основой приведены из церковных книг. Ян Гус, наоборот, употребляет только doufati. Словн. nadeja 'надежда', nadejanje то же значение., nadejati se 'надеяться', 'запасаться'. Неясно, развилось ли nadeja < *nadedja или в этом слове *-ja* является суффиксом. Серб. и хорв.: у Караджича находим только *надати се* 'надеяться', с ссылкой на *уфати се*; в Rječnik'e hrv. ili spr. jezika, d. VII: nadati se, sperare, ufati se, nadejan, nadežba (с 15), nadežda (ц.-сл., стр. 262).

В болгарском у Дювернуа зафиксировано только *надам се* 'надеюсь', с одним примером из повести И. Блъскова, у Младенова: *надежь // надежба*, *надежда*, *надежбица*, *надежбичка*, *надеждица*, *надеждичка*, *надежден* (Етим. речн. 322), *надев*, обл., *надевание* 'надежда', *надевам се*, *надея се* (Там же, 325).

Бесспорным, таким образом, оказывается одно положение: слова ufati, upati (из upъvati) ныне известны и употребительны в западнославянских и в отдельных южнославянских языках. В этих же языках слова с основой *nadej-* малопродуктивны, а в западнославянских языках воспринимаются уже как книжные слова. В словарях хорватского и сербского языков не приводятся формы существительных и прилагательных от основы *nadej-*, а словенский язык не зафиксировал прилагательных от этой же основы. Все это наводит на мысль: не является ли ufati < upъvati в указанных языках действительно посторон-

ним наслоением, вытесняющим исконные слова с основой *nadej-*?

На основании изложенного можно констатировать:

1. Едва ли основательно мнение о первичности **оупъвати** и вторичности **надѣати сѧ**, потому что оба слова, имеющие разницу в значениях, могли быть употреблены первыми переводчиками. В противном случае остается допустить, что **оупъвати** — моравизм, вытеснявший исконно славянское **надѣати сѧ**. Однако едва ли это так, поскольку в анализируемых памятниках, так или иначе, прослеживаются семантические различия этих слов.

2. Однако в ряде славянских стран не различали по значениям **оупъвати** и **надѣати сѧ**. Этим только можно объяснять предпочтение в западнославянских краях слова **оупъвати**, а в восточной Болгарии — второго.

3. Отметим еще, что иногда греч. ἐλπίζω передается словом **чаати**, например: **і аште въ заимъ даате отъ нихъ же чаате въсприяти** (Лук. VI, 34, Мар.), а греч. ἐλπίζετε. Это делается только в тех случаях, когда в значении переводимого слова имеется оттенок не только надежды, но еще и ожидания.

Храмъ — домъ

Оба слова употребляются для передачи греч. οἰκία, οἶκος. «**Домъ** (οἰκία, οἶκος), — пишет Ягич, — обычный перевод, лишь в виде исключения Мф. VIII, 8 словом **домъ** передано στέγη в Мар., Зогр. и Асс.; перевод этого места в Остр. **подъ кровъ** выглядит, как исправление, так же в Ник. В тождественном тексте Лук. VII, 6, впрочем, читается **кровъ** в Мар. и Зогр.; напротив, Мрк. II, 4 στέγη во всех списках передано словом **покровъ**. Для передачи οἶκος, οἰκία употребляется еще **храмъ**, **храмина**. Например, Мф. XII, 4; XXI, 13 οἶκος переведено словом **храмъ**, так же Мрк. II, 26; XI, 17; Лук. XI, 51; XIX, 46, — во всех перечисленных местах речь идет о божьем доме. Однако слово **храмъ** употребляется даже в менее торжественном значении, например, Мф. XXIV, 34 οἰκοδεσπότης — **господинъ храма** и там же οἰκία **храмъ** (в Трнов. в последнем случае **клѣть**, Срецк. **храмина**), то же Мф. XXIV, 17 **храмъ** οἰκία в значении 'собственный дом', в этом месте в Асс. и Трнов. **домъ**, в Остр. — **храмина**; Лук. VIII, 27 в Сав., Срецк. **храмъ** заменено на **храмина**, в Мф. XIX, 29 **храмина** читается в Асс. Кроме этого, **храмина** противопоставляется **храмъ** в обычных выражениях с клятвенным значением. На самом деле, **храмина** передает точно οἰκία в Мф. II, 11; V, 15; VII, 24 (в Сав. в последнем **храмъ**); VII, 25, 26, 27; Лук. VI, 48, 49; VII, 37; XV, 8 (в последнем в Трнов. **храмъ**); Лук. XII, 39 οἰκοδεσπότης пере-

дано выражением господинъ храминъı; Лук. V, 19 τὸ δῶμα в Мар., Зогр., Асс., Остр. передано словом храмъ, а в Трнов. клѣть. Οἰκοδεσπότης в Мф. XIII, 52; XX, 1 во всех старших текстах передано оригинальным словом домовитъ, Мф. XXIV, 45 греч. οἰκετεία (вариант οἰκία) передано словом домъ... В поздних списках памятников граница в значениях (между храмъ и домъ: — *А. Л.*) нарушается, примеры см. у Амфилохия под словом храмъ. Так, например, Лук. XII, 3 вместо въ таилищихъ (так в Мар., Зогр., Асс.) в Срецк. Юрьев., Добрил., Мстисл., Типогр. читается въ храмѣхъ» (Entst. 340),

«Храмъ (δῶμα) Лук. V, 19 в Трнов. передано словом клѣть, последнее известно памятникам старших списков, но им там переводится ταμεῖον Мф. VI, 6 (в Панд. Ант. — храмъ). Δῶμα передается на кровѣ, на кровѣхъ — Мф. X, 27; XXIV, 17; Мрк. XIII, 15; Лук. XII, 3; XVII, 31, и эти выражения лучше и нагляднее передают указанное слово; Деян. X, 9 δῶμα передано словом горьница» (Entst. 413).

Разбираемые слова встречаются во всех памятниках, привлеченных к разбору, за исключением Киев. лл., в которых нет ни слов храмъ, храмина, ни слова домъ, и Клоц. сб., в котором отсутствует храмъ и храмина, а слово домъ употреблено для передачи τὸ ἅγιον (1, 12) и οἰκία (1, 262).

В приведенных цитатах Ягич склоняется к мысли, что храмъ передает понятие торжественное: 'божий дом', хотя он не отрицает того очевидного факта, что разбираемым словом передается и самое обычное понятие 'жилище'. Мнение, что слово храмъ употребляется для передачи возвышенного понятия, основано на таких примерах: вьниде въ храмъ бжии (Мф. XII, 4; Мрк. II, 26); погыбъшааго междю олтаремь и храмомъ (Лук. XI, 51); храмъ мои храмъ молитвѣ наречетъ сѧ (Мф. XXI, 13; Мрк. XI, 17; Лук. XIX, 46); въ храмѣ бжьı ходѧховѣ іномъıшленьемъ (Син. пс. LIV, 14); наставлѣж въ стъı молитвьнъı твои храмъ (Син. трб. 26б, 4—6).

На основании этих примеров делать вывод, что слово храмъ употреблялось для обозначения торжественных понятий, едва ли основательно.

В предложениях подобного или близкого содержания употребляется и слово домъ, ср.: не творите домоу отъца моего домоу коупльнааго (Ио. II, 16); стоѧштеі въ храмѣ гні: въ дворѣ домоу ба нашего (Син. пс. CXXXIII, 1; CXXXIV, 2); хвалиж тѧ гі бжѣ нашъ. въшедъшааго мѧ въ храмъ домоу твоего (Син. трб. 36а, 16—18) Кроме того, слово храмъ употребляется в предложениях, не имеющих никакого отношения к чему-то возвышенному, ср.: иже ни града ни вьси. ни храма ни обитѣли рода имать (Супр. рук. 455, 4—5); аще би вѣдѣлъ

гнъ храма. въ кѫ стражѫ тать придетъ. не би оставилъ подъръти храма своего (Мф. XXIV, 43).

Храмъ во всех приведенных примерах соответствует современному русскому 'здание', 'строение', 'помещение'. Характерно, что писец Син. пс. в фразе: да бѫдетъ ѥко трѣва на зъданиіхъ (CXXVIII, 6) на полях к последнему слову привел глоссу на храмѣхъ. По этой причине, когда речь шла вообще о жилище, переводчики передавали это понятие словом храмъ, например: сърѣте и мѫжъ... іже... въ храмѣ не живѣаше. нъ въ гробѣхъ (Лук. VIII, 27, Мар.); вьзмти еже естъ въ храмѣ его (Мф. XXIV, 17, Мар.).

Храмина же употребляется в двух значениях:

1. 'Конкретное здание': вьзлѣзоша на храминѫ тъмничьнѫѭ (Супр. рук. 184, 7); созъда храминѫ (Мф. VII, 24).

2. 'Жилье', 'комната': храмина же исплъни сѧ отъ вонѧ хризмънъныѧ (Ио. XII, 3, Мар.); и въшедъше въ храмінѫ. и вѣшѧ (вм. видѣша. — *А. Л.*) отрочѧ (Мф. II, 11, Асс.); помететъ храминъı (Лук. XV, 8); пътіца обрѣте себѣ храмінѫ (Син. пс. LXXXIII, 4).

Словом домъ обозначается конкретное 'жилище с хозяйством', поэтому и пишется: пришедъ въ домъ кънѧжь (Мф. IX, 23); домъ иѣковль (Клоц. сб. I, 13); домъ левьгінъ (Син. пс. CXXXIV, 20). Этим же словом обозначается и 'род', ср.: домъ іилевъ оупъва на гѣ (Син. пс. CXIII, 17); да речетъ нынѣ домъ аарон ѥко благъ (Там же, CXVII, 3); въ вѣчьнъıхъ твоихъ съкровищихъ. съподоби положити. даѫ имъ земънъıхъ твоихъ благъ. нескѫдъно со всѣмь домомь твоимь (Син. трб. 13б, 12—16).

Однако в памятниках, которые привлечены к анализу, редакторы или писцы, по всей видимости, не разбирались в разнице значений храмъ и домъ. Этим следует объяснять то, что в ряде случаев одно заменяется другим. Вот несколько примеров, иллюстрирующих высказанное положение. Мф. XXIV, 17: вьзмти еже естъ въ храмѣ его (Мар.), в Асс.: въ домоу; Мрк. II, 26 в Мар., Зогр., Остр.: вънидѣ въ храмъ бжіи, в Асс. въ дом бжіи; Лук. XIV, 23: да напълънитъ сѧ домъ мои (Мар., Зогр., Асс., Остр.), в Сав.: храмъ; Мф. XXIV, 43: не би оставилъ подъръти храма своего (во всех списках), в Син. трб.: аще кто оукраде ... іли домъ подъкопае (102б, 5—6).

Отдельные писцы, кажется, не видели разницы в значениях слов храмъ и храмина, поэтому одно употребляли вместо другого. Напр., Мф. XIX, 29 в Мар., Зогр., Остр.: иже оставитъ... храмъı..., в Асс. — храминъı; Мф. XXIV, 43 в Мар., Зогр., Асс., Остр.: гнъ храма, в Сав. — храминѣ; Лук. V, 19:

възлѣзъше на храмъ, в Супр. рук.: **възлѣзоша на храминѫ** (184, 7). И приведенный разнобой употребления **храмъ**, **храмина** и **домъ** все же не затемняет еще полностью разницы в значениях между **храмъ** и **домъ**, **храмъ** и **храмина**. Можно с уверенностью утверждать, что **храмъ** и **домъ** были в первых переводах и употреблялись каждое с собственным значением.

Поскольку со словом **домъ** связано понятие хозяйство, семья, род, по смыслу переводимого οἰκοδεσπότης, в Мф. XIII, 52 могло быть передано словом **домовитъ**, ср.: **подобенъ естъ чл҃вкоу̀ домовитоу̀. іже износитъ отъ съкровища своего нова и ветъха** (Мар.) **чл҃къ бѣ домовитъ. іже насади виноградъ** (Мф. XXI, 33). Не исключено, что **домъ**, **домовитъ** были общеславянскими словами, хотя ныне они находят соответствия только в восточнославянских, польском, чешском и болгарском.

Слово **домъ** в ряде славянских языков и поныне сохраняет указанные выше два значения: 'изба' и 'семья и род', так в русском, польском, старочешском, словенском, сербском и хорватском, болгарском языках.

Что же касается слова **храмъ**, то оно находит ныне следующие соответствия: русск. *хорома* 'большой дом' или 'хорошо устроенное помещение для жилья'[1], *хоромы* 'большой и красивый крестьянский жилой дом'[2], *хоромина* 'постройка', 'дом', а также 'комната', 'покой'[3]; укр. *хором* 'здание', 'дом', *хороми* 'большой дом', *хоромина* 'дом' (Гринч. IV. 410); польск. chromina, по мнению Брюкнера, заимствовано Стрыйковским из русск. яз. с переделкой на польский лад[4]; чеш, chram 'хранилище', 'церковь', 'костел' Травничком характеризуется как слово «библейское»[5]; словн. hram 1) 'здание', 'жилое помещение', 'изба', 2) 'комната', hramina 'здание', 'строение', hramec 'маленький винный погребец'; хорв. hram 'церковь', 'праздник'; серб. *храм* 'церковь', болг. *храм* 'церковь'.

Слово, восходящее к ***chorm-*, в отдельных языках очень рано вышло из употребления. По-видимому, уже в X—XI вв. оно не было употребительно в ряде славянских языков. Этим, надо полагать, следует объяснять случаи употребления **домъ** вм. **храмъ**, смешение значений **храмъ** и **храмина**.

На основании материалов, которыми мы располагаем, трудно сказать, в каких конкретно странах имела место указанная путаница в употреблении слов **храмъ**, **храмина** и **домъ**.

[1] М. Н Васнецов Материалы для объяснительного словаря Вятского говора Вятка, 1907, стр. 336.

[2] П Дилакторский. Словарь областного вологодского наречия, л. 75 об. (рукопись) Хранится в Институте русского яз. АН СССР.

[3] Там же

[4] A Bruckner Указ соч., стр. 183

[5] F Trávníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 517.

Заметим, что этимология слова **храмъ** все еще остается неясной[6], и это вносит дополнительные трудности в рассмотрение истории этого слова.

Часъ — година

В 1865 г. Ягич писал: «**Година** — обычный перевод греч. ὡρα вместо кирилловского **часъ**, например, в Асс. 25, 27 (Ио. IV, 52). **Годинъı — въ кжіж годинѫ**, в Остр. **годинъı, въ кыи часъ**; 66, 29 (Мф. XXIV, 36). **О годинѣ** (Ник. ев.), в Остр. **о часѣ**; 113, 3, 14 (Мф. XXIV, 36, 42), 119, 24 (Мф. XXVI, 45), 151, 17 и т. д. — в глаголических рукописях хорватского типа, постарше из которых употребляют исключительно **година**, в новых встречается и **часъ**. У нас (т. е. в хорватском языке. — *А. Л.*) изредка еще встречается слово godina в значении tempus или tempostas (время), на основании чего можно с правом допускать, что наподобие греч. ὡρα оно (година) только позже стало означать annus (год) и hora (час)». (Assem ili vatik. ev., стр. XIX—XX). В приведенной цитате не находим анализа употребления интересующих автора слов в большинстве памятников старославянской письменности. Мнение Ягича о том, что глаголические рукописи старших списков употребляют исключительно **година**, как увидим ниже, не соответствует действительности.

Позже, в 1883 г., в словоуказателе в Мар. ев. Ягич писал: «В евангелии от Иоанна, если исключить один пример 395, 9 (т. е. Ио. XIX, 27. — *А. Л.*), греческое ὥρα передается только славянским **година** или **годъ**, о чем я считаю нужным напомнить» (стр. 502).

В 1913 г. он пишет: «**Година** (ὡρα) заметно предпочитается в старых текстах перед **часъ**. Однако количество примеров с **часъ** довольно велико во фразе **въ тъ часъ**. Слово **година** господствует почти исключительно в евангелии от Иоанна. Иное замечается в Мф. XXVI, 45 в Мар. и Зогр. **година**, в Остр., Трнов. **часъ**: Лук. XII, 45 **въ годинѫ** в Мар. и Ник.; **часъ** в Зогр.» (Entst. 336).

Смысл приведенных цитат сводится к тому, что в старых текстах господствовало слово **година** для передачи греч. ὡρα, а отсюда логически должно вытекать положение: слово **часъ** в передаче упомянутого греческого слова могло быть поздним.

В Мар., Зогр., Асс., Остр. и Сав. слова **година** и **часъ** встречаются в ев. от Мф.: первое 8 раз, второе 12 раз, соответственно от Марка: 8 и 8, Луки: 6 и 9, Иоанна: 20 и 1, итого:

[6] См. по поводу этимологии слова **Храмъ**: M. Vasmer. Указ. соч., Bd. III, стр. 263; F. Sławski Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1952—1956, стр. 78 и др.

година — 42 раза, часъ — 30 раз. Наблюдаются случаи, когда в отдельных списках вместо година читается часъ: Мф. XXIV, 36 в Мар., Зогр. и Асс. о годинѣ, в Сав. это место повторяется дважды, причем на л. 47 об. написано о часѣ, а на л. 88 — о годинѣ; в Остр. на л. 83 о годинѣ, а на л. 146 об. о часѣ; Мф. XXIV, 42 в Остр. часъ, в остальных — година; Мф. XXVI, 45 в Остр. часъ, в остальных — година; Лук. XII, 46 в Мар., Сав. и Остр. въ годинѫ, а в Зогр. — въ часъ (в Асс. нет этого места); там же IV, 21, 23 в Мар., Асс. и Остр. годинѣı, в Зогр. часа, там же IV, 53 в Мар., Асс. и Остр. година, в Зогр. часъ, там же XI, 9 в Мар., Асс., Сав. и Остр. годинѣ, в Зогр. — часа, там же XII, 27 в Мар., Асс., Сав. и Остр. отъ годинъı, в Зогр. отъ часа, там же XII, 23, в Мар., Асс. и Остр. година, в Зогр. часъ, там же XVII, 1 в Мар., Асс., Сав. (л. 107) и Остр. (л. 173 об.) година, в Зогр., Сав. (л. 25 об.) часъ.

Таким образом, в отдельных списках евангелия дается предпочтение слову часъ, причем явление это, по-видимому, отражает диалектные особенности языка редактора или писца. По крайней мере редактор или писцы Зогр. по всем данным не чувствовали разницы в значениях между година и часъ.

Мф. XIV, 15 в Сав. употреблено слово годъ вм. година других списков. Впрочем, слово годъ находим Лук. I, 10 во всех списках. Кроме того, Лук. XIV, 17 в Мар., Асс., Сав. и Остр. читается въ годъ, а в Зогр. — въ годинѫ, Ио. VII, 30 в Мар. и Зогр. годъ, а в Асс. и Остр. — година (в Сав. нет этого места), Ио. XVI, 21 в Мар. и Зогр. годъ, а в Сав. и Остр. година (в Асс. нет этого места). Выходит, что в отдельных случаях писцы не чувствовали разницы в значениях между словами годъ и година.

К. Горалек, перечисляя некоторые из приведенных фактов, пишет. «В этой смене Мар. сходно с Асс. и поздним Ник.; Остр. и Зогр. одинаково выделяются преимущественным употреблением часъ вм. година (Остр. в отличие от старших рукописей употребляет часъ в Мф. XXVI, 45, Зогр. в Лук. XII, 46; Ио. XII, 23, см. Ягич. Entst. 330). Едва ли правдоподобно, чтобы такие дублеты встречались параллельно уже в первых переводах; вероятнее всего тут сказывается результат невнимательной поздней правки, но, очевидно, произведенной еще на великоморавской почве, и такие правки, не отражающие живую речь, все же сохранились»[1].

На основании приведенных данных едва ли еще возможны выводы, какое из разбираемых слов употребляли первые переводчики.

Година образовано от годъ с помощью суффикса -ина по типу: глѫбина, коньчина, χъızина, χрамина и т. д. В корне

[1] K. Horálek Evangeliáře a ctveroevangelia, стр. 35.

годъ восходит к и.-е. **ghedh-*, **ghodh-* в значении 'объединить', 'соединить' или 'тесно соединить', а также 'подходить друг к другу' или 'вместе держать'[2]. Таким образом, первоначально приведенный корень был известен в пространственном значении, употребление его во временном значении, должно быть, вторичным, естественно обозначавшим 'известный круг времени', 'пора'.

В упомянутых списках евангелий година преимущественно встречается в значении современного русского *'час'*, ср.: і ишедъ въ третиѭ годинѭ. видѣ инъı на тръжици стоѩштѧ праздънъı (Мф. XX, 3, Мар., в других так же); бѣ же година трѣтиѣа. і пропѧсѧ и (Мрк. XV, 25, Мар., в других так же); бъıвъши же годинѣ шестѣи. тъма бъıстъ по вьсеи земи до девѧтъıѭ годинъı (Мрк. XV, 33, так во всех списках); і мимо шедъши ѣко годинѣ единои. інъ етеръ крѣплѣаше сѧ... (Лук. XXII, 59, Мар., в других списках так же, кроме Асс., в котором нет этого места); въчера въ годинѭ седмѫѭ остави и огнь (Ио. IV, 52, Мар., в остальных так же, кроме Зогр., где — въ часъ...); не дъвѣ ли на десѧте годинѣ есте въ дьни (Ио. XI, 9, в Зогр. — часа).

Имеются примеры, в которых година употребляется не в сочетании с числительными, например: поустo естъ мѣсто. і година минѫ юже отъпоусти народъı (Мф. XIV, 15, в Сав. здесь — годъ). Здесь отмечена определенная пора, которая прошла; приближи сѧ година. і снъ чскъı прѣдаетъ сѧ въ рѫцѣ грѣшьникомъ (Мф. XXVI, 45, Зогр., в остальных так же, кроме Остр., где часъ). И здесь речь о наступлении определенной поры; і оуготоваете пасха. і егда бъıстъ година възлеже (Лук. XXII, 13, 14), т. е. 'когда настала пора'; да егда придетъ година. поминаете си (Ио. XVI, 4); придетъ година. да вьсѣкъ іже оубиетъ въı. мьнитъ си слоужьбѫ приносити бви (Ио. XVI, 2 Зогр., в Сав. л. 27 читается: приде врѣма, л. 104 об. — придетъ година).

Таким образом, в приведенных примерах слово година употребляется в двух близких друг к другу значениях: 1) 'час' или '24-я часть суток', 2) 'определенная пора', 'срок'. С этой точки зрения правильным будет чтение: и посъла рабъ свои въ годъ вечерѧ. решти зъванъımъ градѣте (Лук. XIV, 17, Мар., Асс., Сав. и Остр.), так как здесь речь идет о поре, сроке, когда следует приступить к вечере, а не о конкретно назначенном часе. В этом месте чтение в Зогр. въ годинѫ вм. въ годъ следует считать вторичным. Ср. также: і вьсе мъножьство людии бѣ молитвѫ дѣıѧ вънѣ въ годъ темьѣна (Лук. I, 10, так во всех списках, только в Зогр. тьмиѣна, в Ас.. тимiѣна, в Остр. оумиана). И в данном примере речь идет о наступлении времени (поры) каждения, или жертвоприношения.

[2] См.: J. Pokorny Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1954, стр. 423.

Итак, годъ 'определенное время' или 'круг времени', а година 'определенный час' или 'определенный срок, пора'.

Слово часъ восходит к и.-е. корню *$k^{w}ē(i)$- в значении 'на что обращать внимание', 'замечать' и т. п.[3]; часъ < *$k^{w}ē(i)$-so. Первоначально корень разбираемого слова обозначал 'точечное восприятие'. Лук. IV, 5 читается: і възведе и дїаволъ на горѫ высокѫ. показа емоу вьсѣка цр҃ствиѣ вьселенъıа въ чѣсѣ врѣменьнѣ. Словами въ часѣ врѣменьнѣ переведено греч. στιγή χρόνου 'миг', 'мгновение', т. е. показал ему всякие государства на земле в один миг (в одно мгновение). Кроме этого, слово часъ, как было отмечено Ягичем, часто употребляется в сочетании слов въ тъ часъ, ср.: і исцѣлѣ отрокъ въ тъ часъ. і възкрашть сѧ сотьникъ къ домъ свои въ тъ часъ обрѣте и съдравъ (Мф. VIII, 13); жена... прикоснѫ сѧ ризъı его... і спс҃на бъıстъ жена отъ часа того (Мф. IX, 20—22), т. е. 'женщина исцелилась в тот самый момент, когда прикоснулась к поле одежды'; обаче о семь ...радоуіте сѧ. ѣко імена ваша написана на нс҃хъ. къ тъ часъ къздрадова сѧ дх҃омь и҃с (Лук. I, 20—21), т. е. 'обрадовался в тот момент, когда говорил'; къ тъ часъ пристѫпишѧ оученици къ и҃с҃ гл҃ште. кто оубо бо болеи въ ц҃ртви нєбсцѣемь (Мф. XVIII, 1); і҃с же видѣвъ матерь. і оученика стоѩшта егоже люблѣаше. гл҃а матери. жено. се сн҃ъ твои. потомь же оученикоу҃ се мати твоѣ. і отъ того часа поѩтъ ѩ оученикъ въ своѣ си (Ио. XIX, 26—27), т. е. 'взял женщину к себе тут же, как услышал слова Иисуса, обращенные к нему'.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что слово часъ имело иное, отличное от година значение. Первое употреблялось не для обозначения определенного времени, срока, поры, а для того, чтобы обозначить момент происшествия, мгновенность того или иного явления. Вполне понятно поэтому употребление слова часъ в следующих примерах: би вѣдѣлъ гн҃ъ храминъı. въ къı часъ тать придетъ бьдѣлъ оубо би (Лук. XII, 39). Здесь речь не об определенном часе, а о том, в какой момент может прийти вор. Ср. еще: придетъ гн҃ъ раба того. въ день ньже не чаетъ. і въ часъ въ ньже не вѣстъ (Мф. XXIV, 50); сего ради и въı бѫдѣте готови. ѣко въ ньже не мьните часъ. сн҃ чскъı придетъ (Мф. XXIV, 44); приспѣ коньчина приде часъ. се прѣдаатъ сѧ сн҃ъ члвчскъı въ рѫцѣ грѣшьникомъ (Мрк. XIV, 41), т. е. 'наступил момент, когда предается...' Хотя слова година и часъ и употреблялись для перевода одного и того же греч. слова ὥρα, но, как видели, они отличались друг от друга по значению.

---

[3] См J. Pokorn Указ. соч., стр. 635 и след

В других памятниках старославянской письменности: в Киев. лл., Клоц. сб. и Син. пс. година и часъ не встречаются. В Син. трб. один раз употреблено годъ: и да бѫдете очи твои отвръстѣ. і оуши твои вънемѩщи гла мотвъı его. ѣко да въ всѣкъ годъ лицю (101б, 11—14), в греч. ὥρα. Значение разбираемого слова здесь не совсем ясно. Можно понять только то, что речь идет о какой-то поре.

В том же значении в этом памятнике употреблено и година: и съ врѣменемь етеромь. прѣвраща сѧ. или на оутрънѩѭ. или на полоудне. или полоуноци. или без годинъı етеръı. ли за оутра (54а, 23—26), в греч. ἢ ἀωρίας τινος 'не вовремя случившееся'. Встречается година и в другом значении, совпадающем со значением слова годъ: съхрани і мѧ отъ (блѫда. — *А. Л.*)... въ годинѫ стꙑни твоеи. на спѣхъ спѣнью дши і тѣлеси моемоу (37а, 13—17). Однако в этом памятнике сохранились следы употребления слова година в том его значении, в каком оно употребляется в евангелиях тех списков, из которых были приведены выше примеры, ср.: творѧщѩ клъчетъ зѫбъı его. притѫжающи дши его. въ болѣзни сеи. всѣхъ часъ въ таиноемьнъıхъ. всѣхъ же годинъ, і всѣхъ врѣменъ възбрани еи (45а, 2—7). Подобный же текст с таким употреблением слов часъ — година — врѣмѧ встречается еще 46а, 7—11.

В приведенном примере, как это вытекает из контекста, часъ меньше годинъı, а последнее — врѣмене, что дает право для допущения, что часъ здесь употреблено в том же значении, что и в евангелиях анализируемых списков или, в крайнем случае, в значении година в смысле совр. русск. *час*.

Часъ же здесь употребляется в значении година. Ср.: и да въкоуси брашъ въ третьи ча. мало (47б, 9—11); мо на трясомо въ. ѕ часъ (49б, 13); і пригвоздиша и на распонѣ. въ деватъи часъ. і раздѣлиша себѣ ризъı его (50а, 17—19); распенъı сѧ на распонѣ въ третьиі часъ (50а, 24—25); биетъ тѧ трисавице гъ. часънаа. емѩщиѥ въ ѕ часъ (49б, 14—16). Вместе с тем здесь встречаются и такие примеры: і рече въ тъ часъ мо сиѫ (37а, 3—4); не вѣсте дьни і часа. въ нъıже придетъ коньчина (70б, 23—25). В этих примерах, как видно, часъ употреблено в старом его значении. В следующем примере часъ по значению уже близко к годъ или врѣмѧ: избави нъı и сѣ. отъ насильѣ иноплеменьникъ. і отъ всего часа. съмрътнаго съблюди ѥ (15а, 15—17).

Таким образом, в Син. трб. слова часъ и година употреблены в основном в иных значениях сравнительно с теми же словами в евангелиях. По-видимому, здесь отражается другая диалектная среда, а также более поздний перевод этого памятника сравнительно с евангелиями.

В Супр. рук. всего один раз встречается такой пример: **съмотрите же како кстъ люто. съмотривъ же кстъство том земьм. ико стоудень велика кстъ въ нен. и година врѣмене ико зимна** (89, 2—5). В данном примере **година** употреблено в значении 'время года' (расширение значения 'определенная пора', 'срок'). Словом **годъ** переданы греч. χρόνος, καιρός, εὔκαιρον. В евангелиях последние греческие слова передаются обычно словом **врѣмм**, ср.: **нъıнѣ же въ годъ кръста. прьваı съпасаѥтъ сѧ жена** (428, 16—17), в греч. χρόνος; **подобак. събрати масло да оноудѣ потрѣбъно бѫдетъ. ѥгда годъ насъ зоветъ** (373, 25—27), в греч. καιρός; **годъ же се и блаженаго паула...** (356, 5—6), в греч. εὔκαιρον.

В этом памятнике **часъ** употреблено 49 раз, причем в основном в том значении, в котором употребляется слово **година** в евангелиях, ср.: **да ако часъ третии приде** (62, 17—18); **въ часъ же прьвъıи ношти** (76, 20); **къ шестоуоумоу часоу ношти. и гласъ бъıстъ к' нимъ** (75, 22—23); **часома же двѣма минжвъшема. расхождаше сѧ по малоу тъма** (110, 25—27); **мѣсаца марта вı. дьнь сѫбота часъ ı** (142, 14—15) и т. п. Правда, **часъ** здесь встречается и в старом значении, ср.: **и въставъ въ тъ часъ иде** (296, 12); **како ли раздрѣши мѫж отъ рода хромоуоумоу. томъ часѣ нозѣ кмоу оутвръдивъ** (358, 10—12); **обличи о мьнѣ силѫ... твоѥго въ сь часъ** (22, 9—10) и т. д.

Современные славянские языки дают любопытный материал. В русск. *год* утвердилось в основном значении 'промежуток времени, соответствующий периоду обращения земли вокруг солнца'. В этом значении слово *годъ* известно уже в XIV—XV вв. Что же касается слова *година*, то оно ныне находится за пределами наиболее употребительного словаря и встречается в ограниченном кругу устойчивых словосочетаний, вроде: *лихая година, година бедствий* и т. п. Слово же *час* известно в различных значениях: 1) 'время', 'пора', 'момент'; 2) 'срок времени в 60 мин.': *с восьми часов утра, в два часа ночи* и т. п.; 3) *часы* 'механизм, служащий для измерения времени', и т. п. Из древних **въ тъ часъ, въ сь часъ** в русском образовались наречия *тотчас* 'сразу', 'без промедления', *сейчас* 'очень скоро', 'сразу'. Кроме того, в диалектах: *часом* 'теперь', 'сию минуту', 'тотчас', 'мигом' (Оп. 254). В укр. *год*, видимо, употребляется редко как книжное слово без перехода *о* в *і* в закрытом слоге. В значении русского 'год', как известно, в укр. употребляется *рік, року. Година* известно в значениях: 1) 'час': *о другій годині, о першої годині* и т. д., 2) 'время', 'пора', 3) 'хорошая погода', 'ведро'). *Годинник* 'часы'. *Час* 'время', 'пора' (Гринч. IV, 445). В белр.: *гадзіна* 'час', 'короткое время', 'время вообще' (Нос. 115). Однако по преимуществу это слово употребляется в значении 'час', ср.: *у дзве гадзіны, а першай гадзіне* и т. д. *Час* 'время вообще' (Нос. 696).

В польск. god 'время', 'пора', однако слово это ныне употребляется редко. Godzina 'час', не говоря о различных переносных значениях 'время', 'момент' и т. п. В значении 'час' godzina в польск. известно с XIV в. Čas 'время', 'пора' и др. В чеш. hod 'время' (старое), ныне оно известно в значениях 'церковный праздник', 'пиршество', hodina 'час', 'короткое время', hodiny 'часы', čas 'время'. В словн. god 'определенное время', 'зрелость', godina 'год'; 'праздник', 'торжество'; 'дождь'. Čas 'время', 'определенное время', 'момент'. В серб. и хорв. god ныне известно в значении 'погода', godina 'год', 'время' (последнее только в диалектах, например в Дубровнике); 'дождь; čas 'весьма короткое время' (der Augenblick). В болг. *год* (областное) 'погода', *година* 'год', *час*, 'час', 'время'.

Эти данные позволяют констатировать, что общеславянское godina сохранилось в своем древнем значении в западнославянских языках, видимо, не без влияния последних оно в том же значении употребляется в укр. и белр. языках. В русск. яз. это слово, можно сказать, вышло из употребления. Во всех южнославянских языках данное слово получило расширенное значение 'год', кроме того — 'дождь'. Такое значение слово godina приобрело в южнославянских языках рано, о чем можно догадаться по данным Син. трб., в котором оно известно уже в значении 'время', 'пора'.

Слово же god, собственно, ныне употребительно только в русском языке. В западнославянских языках оно перестало употребляться в значении 'время', в связи с тем, что в них сохранилось слово godzina, hodina в древнем его значении, а в значении 'год' стало употребляться rok.

Общеславянское časъ, первоначально обозначавшее 'весьма короткое время', 'момент', сохранилось в том же значении в серб. и хорв. языках, частично еще в русском языке. В западнославянских языках, а также в восточнославянских (в укр. и белр. языках) оно расширило свое значение и стало обозначать в основном 'время вообще'. В болг. и русск. языках разбираемое слово стало обозначать в основном '24-я часть суток'.

Как показывают Супр. рук. и Син. трб., а также частично Остр. ев. и Сав. кн., слово časъ в Болгарии, точнее — в восточной Болгарии, уже в XI в. употреблялось в современном значении, поэтому-то им заменялось старинное годинa. Эта тенденция отражена, как было показано, и в Зогр.

Обобщая сказанное выше, мы считаем возможным фиксировать следующее:

1. Ягич был неправ, склоняясь к мысли, что годинa могло быть первичным словом, а часъ — вторичным в текстах памятников старославянской письменности. Свое предположение сначала он высказал в 1865 г. под влиянием взглядов П. Шафа-

рика, как известно, считавшего, что глаголические памятники, как отражающие первичный перевод, характерны одним словарным составом, а кирилловские другим[4]. От этих взглядов Ягич не освободился и в последующих трудах.

2. Анализ текстов памятников старославянской письменности показывает, что в евангелиях слова **година** и **часъ** употребляются в разных значениях. Вероятно, что первые переводчики могли различать **година** и **часъ** и оба эти слова употреблять для перевода греч. ὥρα, оттеняя различные нюансы в значениях последнего при передаче его на славянский язык.

3. В ходе исторического развития в различных славянских языках анализируемые слова изменяли значения по-разному. В южнославянских литературных языках слово godina приобрело в основном современное значение 'год', не считая диалектных 'дождь', 'погода', 'ненастье' и др., а čas — современное 'час' (последнее особенно в болгарском языке). В связи с этим вместо **година** в отдельных памятниках, без сомнения, болгарского списка, стали употреблять **часъ**, заменяя им первое слово. Этот процесс отражен уже в Зогр., Остр. и Сав. Такой памятник, как Супр. рук., вместо **година** последовательно употребляет **часъ**, что является убедительным свидетельством того, что в восточной Болгарии уже в XI в. **година** перестала употребляться в своем древнем значении.

4. Таким образом, в отношении слов **година** и **часъ** не возникает проблемы первичности и вторичности. Суть вопроса здесь заключается в том, чтобы выяснить, как шло замещение одного слова другим в поздних памятниках.

Чрѣжденіе пиръ

По поводу приведенных слов Ягич пишет: «**Чрѣжденіе** (δοχή) Лук. V, 25 в Мар., Зогр., Асс., Остр., но в Трнов. заменено на **гощеніе**. Однако уже в собственно старших текстах Лук. XIV, 13 греч. слово δοχή переведено словом **пиръ**. Надо полагать, что уже в первых переводах существовала указанная разница; причем нельзя не отметить, что место, где находится **пиръ**, отсутствует в апракосах старшего списка, поэтому последнего слова нет в Асс. и Остр. ев.» (Entst. 416).

Возникает вопрос, для чего одно греч. слово переведено двумя славянскими словами. Лук. V, 27—29 читаем: **і по сихъ ізиде. і оузрѣ мытарѣ. іменемь левѣиж. сѣдѧшть на мьздьници. і рече емоу іди по мнѣ. і оставь в'сѣ. въставъ вь слѣдъ его іде.**

[4] См.: П. И. Шафарик. О происхождении и родине глаголитизма. «Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Московском ун-те», кн. 4. М., 1864.

і сътвори чрѣжденье велико. леґѣнї емоу. въ домоу своемь (Зогр.). В Мар., Асс., Остр. на мытьници, в Сав. нет этого места. В Словах Григория Назианзина: а прѣжде. питиа же и чрѣждениа. ѥже прѣдъ напивааше и отъ напиванна. прѣжде пріимаше (270б, 16—21); ѥсть же ѧже и трапезоѫ. оучрѣжаѧ. и мѣного ѥже подроужениѥ прѣпиваѧ (269б, 10—14); ни патыѫ хлѣбъ чрѣдити тъсѫщь (53г, 20—21; 54а, 1). Последние примеры показывают, что чрѣждениѥ является отглагольным существительным, образованным присоединением суффикса -иѥ к основе причастия чрѣжден-.

Лук. XIV, 13: ѥгда твориши пиръ. зови ништѧѧ маломошти. хромы слѣпы (Мар.), в Зогр. так же, в апракосы, как указано Ягичем, не вошло это место. Кроме этих примеров, слово пиръ встречается 2 раза в Супр. рук., ср.: богатъ нѣкто. пиръ великъ гостемъ своимъ оуготовивъ. и посълавъ по зъванъѧ имъ. изъходаште зъвании къждо и своего домоу. вѣдатъ извѣстьнѣ ако идѫтъ на веселие. и съ оусрьдиемъ на пиръ приходатъ (267, 3—8). В греч. на месте пиръ ἄριστον, которое в этой же рукописи в других местах, а также в евангелиях передано словом обѣдъ, напр.: зъванъ на обѣдъ робомъ своимъ (391, 1); ѥгда твориши обѣдъ ли вечеръ. не зови дроугъ твоихъ (Лук. XIV, 12, Мар., в Зогр. так же).

Слово чрѣждениѥ одного корня со словом чрѣда, восходящего к *kerda, ср. литов. kerdžus 'пастух', др.-прус. kerdan (вин. п.) 'время', гот. haírda 'скот', haírdeis 'пастух' и т. д.[1] Чрѣда в памятниках старославянской письменности известно в таких значениях:

1) 'Очередь': бъістъ же слоужаштоу емоу. (Захарию. — *А. Л.*) въ чиноу чрѣды своеѧ (Лук. I, 8).

2) 'Рогатый скот': чловѣкъ нѣкто бѣ богатъ. имѣѧ скоты и чрѣды (Супр. рук. 359, 27—28), слово чрѣды здесь передает греч. βουκόλιον.

3) 'Стадо': богатыи бо штада своѧ чрѣды. поустивъ пом телицѫ ништаѧго и закла ѭ (Там же, 360, 4—7).

Ныне слово известно: русск. *череда*, *черед*, *чередь* 'очередь', 'последовательно'; 'стадо' (южн.), 'одна голова скота' (влад.), 'название растения' (Даль, IV, 1309); укр. *череда* 'стадо рогатого скота'; 'название растения'; 'просо разных сортов'; белр. *чередзь*, *чередовка* 'очередь', 'порядок', *череда* 'стадо рогатого скота' (Нос. 697); польск. trzoda 'стадо', 'скот'; чеш. střída, třída 'порядок', 'очередь', 'смена'; словц. črieda 'очередь', 'порядок', čriednik 'пастух, нанятый общиной'; серб. и хорв. črieda 'очередь', 'порядок' 'чередование', 'стадо'; болг. *чреда*, *чръда* 'стадо крупного рогатого скота'. Таким образом, во всех славянских языках

[1] E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913, стр. 144.

имеются соответствия со ст.-сл. **чрѣда** и значения их во многих случаях совпадают.

От **чрѣда** образован глагол **чрѣдити**, так же как от **снѣгъ — снѣжити, дъждь — дъждити, прахъ — прашити** и т. д. Глагол **чрѣдити** встречается в Златоструе, в Словах Григория Назианзина, Житии Константина философа и т. д. со значением 'насытить', 'принять', 'угостить'. **Чрѣдити** находит ныне соответствия в следующих языках: русск. *чередить, чередовать* 'устанавливать очередь, порядок', 'перемежаться поочередно': *Дождь чередит со снегом*; 'наблюдать', 'ухаживать' (за скотиной), 'чистить', 'потрошить' (арх.), 'очищать' (псков.), 'угощать', 'потчевать', 'чествовать' (тамб.), 'бранить' (новг.) и т. д. (Даль, IV, 1310); словн. črediti 'приводить в порядок', črediti se (в песнях) 'прибираться', 'наряжаться'. Словари других языков не фиксируют форму глагола от čreda.

Слово **чрѣжденіе**, как отмечено выше, образовано от глагола **чрѣдити**, собственно от незафиксированного причастия **чрѣжденъ**, так же как существительные: **въселеніе, застѫпленіе, лишеніе, моленіе, наслажденіе, прошеніе, плѣненіе, рожденіе, рѫженіе, слоужженіе** и т. п., в значительном количестве встречающиеся в разбираемых памятниках. Значение существительного **чрѣжденіе**, как это видно из приведенного выше примера, 'угощение', 'чествование пришедшего гостя'. В словарях современных славянских языков не фиксируются слова, соответствующие ст.-сл. **чрѣжденіе**.

В отличие от **чрѣжденіѣ** словом **пиръ** (от корня слова piti), как показывают приведенные примеры, обозначалось 'заранее задуманное угощение гостей, приглашенных на пир'. Это значение слова *пир* до сих пор, например, живо в русском языке, поэтому словари подчеркивают: *пир*... 'большой званый обед или ужин'. Ср. еще: словн. piг 'свадьба', 'пиршество'; серб. *пир* 'свадьба', 'ежегодный цеховой праздник'; болг. *пир* С. Младенов приводит с пометой «книжн.», в македонских говорах ему соответствует *брак*. Словари западнославянских языков не фиксируют слова piг.

Переводчик или переводчики евангелия, безусловно, знали значение слова **пиръ**, поэтому не могли передать им греч. δοχή в Лук. V, 29, так как здесь речь не о пире, а всего-навсего об угощении Левгием напросившегося к нему Иисуса. Ягич недоумевал, для чего переводчики употребили для передачи греч. δοχή два слова: **пиръ** и **чрѣжденіе**, а между тем, как показывают факты, они были крайне необходимы для точности перевода.

Замена же слова **чрѣжденіе** на **гощеніе** показывает, что первое слово было непонятно в отдельных славянских языках, поэтому требовалось заменять его другим, понятным в данной местности словом. Если **чрѣжденіе** было общеславянским, то, очевидно, рано вышло из употребления. Кстати, в Словах

Григория Назианзина читаем: **гоуденик стоудже горько** (3г, 5—6); **симъ нынѣ гоцю моа дроугъı** (237в, 6—7). Наличие в Трнов. Лук. V, 29 слова **гоцение** на месте **чрѣждение** старших списков евангелий вместе с данными Слов Григория Назианзина свидетельствует, что замена последнего первым произошла в восточной Болгарии.

Шюи — лѣвъıи

Оба слова передают греч. εὐώνυμος; для передачи греч. ἡ ἀριστερά во всех без исключения евангельских текстах старшего списка употреблено **шюица** в таком контексте: **да не чюетъ шюица твоѣ чьто творитъ десница твоѣ** (Мф. VI, 3).

В Мар.: **да сѧдете сьѣ снъı моѣ. единъ о деснѫѭ тебе и единъ о шюѭ тебе** (Мф. XX, 21), так же читается это место в Зогр., но там оно представляет позднюю вставку (XII в.); то же в Мф. XX, 23; в апракосах приведенных мест нет. Мф. XXV, 33: **і поставитъ овьцѧ о деснѫѭ себе. а козьлицѧ о шюѭ** (Мар. и Асс.); в Сав. **о шюѭѣ**; в Зогр. и Остр. **о лѣвѫѭ**, Мф. XXV, 41: Асс. и Зогр. **о шюѭ**, Мар. **ошѫшѫѭ** (по описке), Сав. **о шюѭѣ**, Остр. **о лѣвѫѭ**. Мф. XXVII, 38: Асс. **о шюѭ**, Зогр. **о шюѭѣ**, Мар. **о шѫѭѣ**, Сав., Остр. **о лѣвѫѭ**. Мрк. X, 37, 40: Асс., Мар. **о шюѭ**, Зогр., Сав., Остр. **о лѣвѫѭ**. Мрк. XV, 27: Зогр., Мар., Асс. **о шюѭ**, Сав., Остр. **о лѣвѫѭ**. Лук. XXIII, 33: Асс. **о шюѭ**, Мар. **о шѫѭѣ**, Зогр., Сав., Остр. **о лѣвѫѭ**.

Таким образом, в Мар. и Асс. употребляется исключительно **шюи**, в Зогр., если не считать поздней вставки, 3 раза **шюи**, 4 раза — **лѣвъıи**, в Сав. 2 раза **шюи**, 5 — **лѣвъıи**, в Остр. — 7 раз **лѣвъıи**.

Ягич на основании приведенных данных делает следующее заключение: «Благодаря таким двум старым памятникам, как Мар. и Асс., употребляющим исключительно **шюи**, подтверждается приоритет этого слова» (Entst. 417).

Син. пс. и Клоц. сб. не употребляют ни того, ни другого слова: текст этого не требует. В Син. трб. всего один раз встречается **шюѭѣ**: **распата бъıсте разбоиника. единъ о деснѫѭ а дроугъı о шюѭѣ** (50а, 21—23). В Супр. рук. 5 раз употреблено **лѣвъıи** и ни одного разу **шюи**, например: **шви же сѧ... о деснѫѭ дръжа мечь. о лѣвѫѭ же змии** (76, 4—6), см. еще: 141, 12; 162, 18; 516, 13; 521, 12.

Приведенные факты свидетельствуют о замене одного слова другим. Другое предположение, что в первоначальном тексте могли быть оба слова, которые различались по значению, едва ли возможно подкрепить чем-либо. По мнению Ягича, **шюи** заменялось на **лѣвъıи**. Если исходить из того, что Мф. VI, 3 во всех списках евангелий осталось неизменным **шюица**, то точку

зрения Ягича можно признать обоснованной. Кроме того, в глаголических списках евангелий либо употребляется только шюи, либо шюи и лѣвъи.

По данным словарей, десница, деснынъ до сих пор являются живыми в южнославянских языках, ср.: болг. *десница*, *десен*; серб. *десница*, *десни*; словн. desnica, desen. Словари западнославянских языков не фиксируют этих слов. Из восточнославянских словарей: укр. *десна* 'правая рука', *десний* 'правый' (Гринч. I, 372), *десница* (поэт., устар.); русск. *десница* (церк.-книжн., устар.). В совр. укр. и русск. языках разбираемые слова книжные; в древнерусской письменности, они по-видимому, являлись отражением народных слов, о чем можно догадаться по таким данным: *Святополк же, и Володимеръ, и Ростиславъ исполчившеся пойдоша: идоша по десной сторонѣ Святополк, и по шюѣ Володимеръ, а посередь Ростиславъ, минувше Треполь, проидоша валъ* (Ипат. лет., 1093 г.). Такие примеры в памятниках древнерусской письменности не единичны. Поскольку интересующие нас слова имеют и.-е. параллели[1], надо полагать, что *десьнъ*, *десьница* могли быть когда-то и общеславянскими.

В памятниках старославянской письменности деснынъ ни разу не заменяется словом правъ. Последнее, например, в евангелиях употребляется только в значении εὐθύς 'прямой', 'справедливый', ορθῶς 'справедливо', ср.: оуготоваите пѫть гнѣ. правы творите стьзѧ его (Мрк. I, 3, Мар.); правѣ сѫдилъ еси (Лук. VII, 43). Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в период IX—XI вв. десьнъ, десьница были еще общеславянскими словами. Вероятно, раньше всех эти слова стали выходить из употребления в западнославянских языках, а затем и в восточнославянских языках.

Что касается слова лѣвъи, то оно является общеславянским и ныне, имеющим соответствия в других индоевропейских языках, ср. лат. laevus, греч. λαῖος (из λαιϝος). Слово лѣвица вместо шюица взято Срезневским (Мат. II, 69) из Пандектов Никона Черногорца (неизвестно, по какому списку, но не ранее XII в.) и из книги Пророков по списку XIV в. (со списка Упыря Лихого 1047 г.). На основании этих и других данных можно предполагать, что слово лѣвица было уже в употреблении в XI в., причем в памятниках восточноболгарской редакции.

Итак, в памятниках старославянской письменности старшего списка это слово еще не встречается.

Шюи ныне имеет такие параллели: словн. šuj, šuja, šujca[2] 'левая рука', 'левша'; серб. *шувак*, *шувака* (из šujak) с заменой *j*

[1] См.: E. Berneker. Указ. соч., стр. 187.

[2] M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894, d. II, стр. 649; однако другие словари этих слов не фиксируют; см.: J. Jurančič. Srbohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1955; J. Kotnik. Slovensko-rusky slovar. Ljubljana, 1950 и др.

на *v* 'левая рука', 'левша'; укр. *шульга* (из šujga) (Гринч. IV, 518); русс. *шульга* (перм.) 'левая рука', *шулепа* то же знач. (Оп. 263), *шульгач* (твер.) 'левша' (Доп. 309), *шульга* (вологд.), *шуяк*, *шуйство* (стар.) 'ложь' и т. п. Ср. еще: *Оуязвиша Игоря в роукоу и оумртвиша шюицю его* (Ипат. лет., 1105 г.), сюда же пример, приведенный выше при разборе *десница*. Миклошич относит сюда польск. szuja 'негодяй'.

Разбираемое старославянское слово имеет параллели в др.-инд. suvyás, авест. havja. Характерно, что литов., латш. и прус. не зафиксировали соответствия к разбираемому слову, этот факт, видимо, следует понимать в том смысле, что уже в балтийско-славянскую пору единства слово было диалектным. Как видно из приведенных данных, в X—XV вв. слово **шюи** не являлось общеславянским, поэтому вместо него вольно или невольно редакторы и писцы могли употреблять **лѣвъıи**.

Зогр., Сав. носят явные следы того, что переписчиком их был болгарин. Остр. ев., как известно, списано с текста, привезенного из восточной Болгарии. Супр. рук., несомненно, — памятник восточноболгарской редакции. Поскольку словари, а также труды по диалектологии болгарского языка не фиксируют следов употребления в нем слова *шуй*, *шуя* или производных от них, видимо, будет не слишком смелым допущение, что впервые слово **лѣвъıи** вошло в тексты церковных книг при редактировании и переписке их в восточной Болгарии. Между прочим, *левица* употребительно в болгарском и сербском языках, так же как и в западнославянских языках.

Допущение же, что слово **лѣвъıи** могло войти в текст в Моравии, не может быть подкреплено фактами, так как, например, Мар., имеющее следы западнославянизмов в виде **розьство** (Мф. XIV, 6), **визжь** (Ио. XX, 27), **единъ** вм. **етеръ** и др., не употребляет ни разу **лѣвъıи**. Отсутствие же в Мар. слова **лѣвъıи** позволяет предполагать, что последнее вошло в текст церковных книг не в Моравии. О Паннонии нечего и говорить, потому что, судя по данным современных словн., хорв. и серб. языков в эпоху IX—XI вв. там, бесспорно, господствовало употребление šuj, šujca.

Таким образом, первичное **шюи**, **шюица** стало заменяться на **лѣвъıи** в восточной Болгарии. Основания в пользу такóго предположения приведены выше. Характерно, что в данном случае Зогр. примыкает к памятникам восточноболгарской редакции.

Можно считать, что šuj и lěvyj были общеславянскими словами и имели какую-то разницу в значениях, иначе бы они не удержались в праславянском языке. Однако к IX в., возможно и ранее, значения их совпали, вследствие чего одно из них стало выпадать из словарного состава. Как показывают современные данные, šuj ныне удержалось в словн. и частично

в серб.-хорв. языках. В остальных славянских языках оно вышло из употребления, оставив следы своего былого существования, вроде русск. и укр. *шульга, шулепа* и т. п. По-видимому, раньше всех šuj вышло из употребления в восточноболгарских говорах, о чем ярко свидетельствует Супр. рук., в которой нет ни одного примера с этим словом.

Ѫтроба- чрѣво

«**Ѫтроба** (χοιλία) и **чрѣво** (χοιλία), — пишет Ягич, — уже в старших текстах употребляются друг возле друга, однако в них определенно преобладает **чрѣво**, которое в Мар. встречается 12 раз, а **ѫтроба** — только 2 раза (Лук. I, 42, 44) и только в этих двух местах, а во всех остальных старших текстах евангелий здесь употребляется только **чрѣво**. Ио. III, 4 и Лук. XI, 27 в Мар., Асс., Трнов. читается **чрѣво**, а в Зогр., Остр., Добр. — **ѫтроба**. В Сав. Ио. III, 4 нет, а Лук. XI, 27 — **ѫтроба**, далее Ио. VII, 38 во всех **отъ чрѣва**, кроме Сав., где — **отъ ребръ**. В Асс. обыкновенно **чрѣво**, но Лук. I, 42, 44 — **въ чрѣвѣ**, и только Лук. I, 41 — **въ ѫтробѣ**; в Трнов., Добр., Лук, I, 42, 44 употреблено **чрѣво**. Так же во всех старших списках Апостола, как, например, в Шишов., повсюду читается **чрѣво** (Деян. III, 2; XIV, 8; к римл. XVI, 18; I посл. к коринф. VI, 13; к галат. I, 15; филип. III, 19), но к галат. I, 15 в Струм. апост. находится **изъ ѫтробъı**. Для передачи γαστήρ равным образом употребляется **чрѣво**, причем тонкостью языкового чутья переводчика следует объяснить вольную передачу ἡ ἐν γαστρί ἔχουσα прилагательным **непраздьнъ** (Мф. XXIV, 19; Мрк. XIII, 17; Лук. XXI, 23), но в I посл. к фессал. V, 3 указанный греч. текст передан **имоуци въ чрѣвѣ** в Шиш., Христин. и в Апокалипс. XII, 2; **въ чрѣвѣ имоуци** в Хвал., Венск. Так же в псалтыри χοιλία XXI, 11 передано **чрѣво** (**ис чрѣва**) в Син., Соф., Бух., Мон., а γαστήρ в псалтыри чаще передается словом **ѫтроба**: XXX, 10; XLIII, 26; LXX, 6; CXXXVIII, 13, однако в XXI, 9; LVII, 4; CIX, 3; CXXVI, 3 находим **чрѣво**. Полагаю, что **чрѣво** является первоначальным, а слово **ѫтроба**, хоть оно встречается уже в старших текстах, получено только из вторых рук» (Entst. 421). Добавим, в Син. пс. и Супр. рук. **ѫтроба** употреблено для передачи греч. νεφροί и ἔγκατα.

Приведенные Ягичем данные об употреблении в памятниках старославянской письменности слов **ѫтроба** и **чрѣво** едва ли могут быть еще основанием для определенных выводов. Бросается в глаза то, что в евангелиях слово **чрѣво** преимущественно употреблено по отношению к беременной женщине. Ср.: Мф. I, 18: **прѣжде даже не сънасте сѧ. обрѣте сѧ имѫщі къ чрѣвѣ** (Асс., Сав., Остр.), в Зогр. и Мар. нет этого места. Сло-

вами имѫщь въ чрѣвѣ передано греч. ’εν γαστρὶ ἔχουσα; Мф. I, 23: се дѣва въ чрѣвѣ приметъ. и родитъ сна и нарекѫтъ има емоу емлиноуиль (Асс., Сав., Остр.). Это место отсутствует в Мар. и Зогр. (утеряны соответствующие листы), в греч. ἐν γαστρὶ.

Как замечено Ягичем, Мф. XXIV, 19; Мрк. XIII, 17 и Лук. XXI, 23 ἐν γαστρὶ ἔχουσα передано словом непраздьнъıимъ в предложении: горе же непраздънъıимъ и доıштимъ въ тъı дьни (Мар., так и в других, но в Сав.: въ тъ дьнь); Мф. XIX, 12: сѫтъ бо каженици иже и-чрѣва мнѣ родиша сѧ тако (Мар.), так и в других, но в Сав.: ис чрѣва мтерѣ бъıша таци; в греч. κοιλίας; Лук. XXIII, 29: блаженъı неплодъви и чрѣва ѣже не родиша. і сьсъци иже не доиша (Мар., так и Зогр.). В апракосы не входило это место; Лук. II, 21: нарѣша іма емоу ис.... прѣжде даже не зачатъ сѧ въ чрѣвѣ (Зогр., так и в остальных), но в Мар. без не, в греч. κοιλία; Лук. XI, 27: блаженое чрѣво ношъше тѧ. і сьсъца ѣже еси сьсалъ (Мар., так в Зогр. и Остр.). В Асс. нет этого места, а в Сав. — ѫтроба; Лук. I, 41: възигра сѧ младьнъць радоштами въ чрѣвѣ еѧ (Зогр., в Мар. так же, но без слова радоштами). В Сав. и Остр., как в Зогр., а в Асс. — въ ѫтробѣ. Лук. I, 44 в подобном же тексте в Зогр., Асс., Остр. — въ чрѣвѣ, а в Мар. и Сав. въ ѫтробѣ; Лук. I, 42: і възъпи гласомь велѣемь і рече. блгвна тъı въ женахъ. і блгсвенъ плодъ чрѣва твоего (Зогр., так же в Асс., Сав., Остр., но в Мар. ѫтробъı); Лук. I, 15: и вина и сикера не иматъ пити... еште и-чрѣва матере своеѧ (Мар., в остальных так же); Ио. III, 4: како можетъ члвкъ родити сѧ (ѧ) старъ съı. еда можетъ въторицеж въ чрѣво вълѣсти матере своеѧ и родити сѧ (Мар., так же в Асс.), но в Зогр. и Остр. — въ ѫтробѫ, в Сав. нет этого места.

Как видно из приведенных примеров, в отдельных случаях вместо чрѣво употребляется ѫтроба. Создается впечатление, что последнее могло войти в текст взамен первичного чрѣво.

Мф. XII, 40: бѣ иона въ чрѣвѣ китовѣ. три дьни и три ношти (Мар. и Зогр.). В апракосы не вошло это место; Мф. XV, 17: не ли разоумѣваате ѣко вьсѣко еже въходитъ въ оуста. въ чрѣво въмѣщаатъ сѧ. і афедрономъ исходитъ (Мар., в Зогр. так же, но там вм. афедрономъ читается афредомь). В апракосы не входило это место; Мрк. VII, 18—19: ѣко всѣко еже із вьноу въходитъ въ чка. не можетъ его оскврънити ѣко не въходитъ емоу въ сръдьце. нъ въ чрѣво. і сквозѣ афредонъ исходитъ. істрѣблѣеѧ вьсѣ брашьна (Зогр. и Мар.). В апракосы не входило это место; Лук. XV, 16: і желаше насъıтити чрѣво свое отъ рожецъ ѭже ѣдѣахѫ свинии. и никтоже не даѣше емоу (Мар., Асс., Остр., в Сав. вм. желаше написано: жлаше насъı-

тити сѧ, в Зогр. тот же текст, но без слова чрѣво); Ио. VII, 38: отъ чрѣва его истекѫтъ водъı (Мар., Зогр., Остр., в Асс. потекѫтъ, а в Сав. отъ ребръ), в греч. κοιλίας.

Мы исчерпали примеры из привлеченных к анализу евангелий, в которых встречаются интересующие нас слова. В последней группе примеров словом чрѣво передается понятие 'желудок', а в первой группе — 'женская утроба'.

В Син. пс. чрѣво встречается 6 раз, из них 5 раз оно употреблено в значении 'женская утроба', ср.: ѣко т-ъı-сръгоі мѩ ıштрѣва... отъ сосьцю матерı моеѩ (XXI, 10), в греч. ἐκ γαστρός; оутоуждені бъıшѧ... отъ ложеснъ: забл҃ждıшѧ отъ чрѣва глашѧ лъжѫ (LVII, 4): і чрѣва прѣжде деньницѧ родихъ тѧ (CIX, 3); і не отъвръжетъ сѧ его: отъ плода чрѣва твоего (CXXXI, 11); на тѧ оутвръдıхъ сѧ отъ ѫтробъı і чрѣва матери моеѩ (LXX, 6). Словом ѫтроба здесь передано греч. γαστήρ, а словом чрѣво — κοιλία.

Прилагательное чрѣвьнъıи, употребленное всего один раз, образовано от существительного чрѣво в значении 'женская утроба', ср.: сѣ достоѣние гнѣ снѣе: мъзда плода чрѣвьнаго (CXXVI, 3). Всего один раз чрѣво употреблено в неопределенном значении 'внутренности вообще': бъıстъ сръдъце моѣ ѣко воскъ таѩ посрѣдѣ чрѣва (XXI, 15). В этом же памятнике 4 раза находим слово ѫтроба для передачи греч. νεφροί 'почки'. Ср.: да съко[н]чаетъ сѧ зълоба грѣшьнъıхъ испра[ви]ші праведьнаго: іспъıтаıı сръдца і ѫтробѫ (VII, 10); благословештѫ гѣ въразоумъшаго мѩ: пакъı же и до ношті показа мѩ ѫтроба моѣ (XV, 7). К слову ѫтроба писец привел глоссу: истѣсѣ лѩдвеінѣи согласно с греч. οἱ νεφροι μου; искоусі мѩ гі і тъı тѩжі мѩ: раждъзі ѫтробѫ моѭ и сръдъце моѣ (XXV, 2); ѣко разгорѣ сѧ сръдьце моѣ ѫтроба моѣ ızмѣтъ сѧ (LXXII, 21), в других списках псалтыри ızмѣни сѧ. Помимо этого, еще три раза словом ѫтроба в Син. сп. передано греч. γαστηρ. Ср.: и сокръвенъıхъ твоіхъ ıсплъні сѧ ѫтроба іхъ: насъıтишѧ сѧ снѣвъ. и оставішѧ одълѣкъ младенъцемъ своімъ (XVI, 14); съмıлте сѧ отъ ѣрости око моѣ: дша моѣ и ѫтроба моѣ (XXX, 10); ѣко съмѣри сѧ въ пръстъ дша наша. прılьпе земі ѫтроба наша (XLIII, 26). Этим же словом передается и греч. ἔγκατα 'внутренности': и вьніде ѣко вода вь ѫтробѫ его: и ѣко олѣі вь кости его (CVIII, 18); сръдце чісто съзіжді въ мнѣ... і дхъ правъ обнові въ ѫтробѣ моеі (L, 12). Наконец, всего один раз ѫтроба употреблено для передачи греч. κοιλίας: къ тебѣ прівръженъ есмъ из ложезнъ: отъ (р)ѫтробъı матері моѩ бъ моі есі тъı (XXI, 11). В последнем примере ѫтроба употреблено для передачи значения 'женская утроба', которое в этом же памятнике, как видели, преимущественно передается словом чрѣво.

В целом в Син. пс. чрѣво употребляется в двух значениях: 1) 'женская утроба' и 2) 'желудок', а жтроба, хотя и употреблено для передачи трех греческих слов, обозначает понятие 'внутренности'. Лишь один раз чрѣво встречается в том значении, в котором употребляется жтроба, а последнее также один раз употреблено в значении 'женская утроба'.

В Клоц. сб. чрѣво встречается всего 2 раза, притом в значении 'желудок': пішта бо естъ дх҃вънаѣ. стаѣ жрътва. ѣкоже і тѣлесънаѣ пішта. егда въ чрѣво вънідетъ. імѫштее зълѫ болѣзнь. боліи неджгъ творітъ. не своеѭ сілоѭ. нъ неджгомь сѫштімь въ чрѣвѣ (I, 442—447). В первом и втором случае чрѣво передает здесь греч. γαστηρ; жтроба здесь встречается только в предложении: відімъ жтробоу гробоу (I, 746), надо полагать, передано понятие 'внутренности' (могилы), а словом чрѣво — 'желудок'.

В Син. трб. читаем: і зѣницѫ очью и чрѣва ослѣплѣнѣ. бръноѭ слѣпоумоу просвѣщьшемь (53а, 18—20), в греч. ἀπο μητρας 'из ложесн, матки'; въстави хромааго въ имя твое. і оутвръдити нозѣ его. сѫща хрома отъ чрѣва матери своеѩ (44а, 1—4). Прилагательное чрѣвьнъıи, встречающееся один раз в предложении: не дадите с҃таго моего пъсомъ. тѣмьже не порабощаимъ сѧ. чрѣвънъımъ похотемъ. нъ д҃шевънъıѩ подвигъı (69а, 18—19), — передает греч. δουλεύοντες ἐπιθυμίαις 'порабощаться влечениями', В цитате из пс. XXI, 11 в Син. трб. один раз зафиксировано жтроба в значении 'женская утроба', ср.: къ тебѣ привръженъ есмъ из ложеснъ. отъ жтробъı матери нашеѩ (62а, 19—21). В остальных четырех случаях разбираемое слово употреблено в значении 'внутренности': і иждени із него вс҃ь дх҃ъ твораціеи жаждѫ. і всѭ ѩзѫ жегощѭ плъть его і жтробѫ его (29б, 19—22); въпро҃. можеши ли авити о҃чѭ отробѫ вь немь. wтъвѣ могѫ... (83а, 10—12), в греч. τὰ σπλάγχνα; ави же вь немь о҃чѭ жтробѫ. и ни въ единоже позьри его (83а, 23—24); отврзаѩи прѣчистѫѭ жтробѫ. неицисльнѭѭ благость си (92б, 3—5), в греч. τα σπλάγχνα. В последних трех примерах разбираемое слово, по-видимому, означает 'дух', 'душа', 'душевное состояние'.

Итак, в Син. трб., так же как и в других памятниках, чрѣво употреблено в значении 'материнская утроба', а жтроба 'внутренности', а также 'душевное состояние'.

В Супр. рук. чрѣво употреблено в следующих значениях:

1. 'Ложесна', 'женская утроба': како та вьмѣститъ чрѣво дѣвиче (250, 10—11), в греч, μήτρα; се дѣвица вь чрѣвѣ зачьнетъ и родитъ сн҃ъ (245, 26—27), в греч. γαστήρ; нагъ изидохъ и-чрѣва матере моеѩ (64, 13—14), в греч. κοιλία; вьзлегъıи въ гробѣ ѩкоже вь чрѣвѣ (472, 28) и нек. др.

2. 'Живот': **съвлъкъше и соугровами жилами биите и по чрѣвоу** (156, 16—17); **повелѣ свѣштѧ въжегше принести ... и подъпалити кмоу чрѣво и ребра** (152, 28—153, 1).

3. 'Желудок и кишки': **повѣсивъ же и повелѣ дърати. желѣзны ногъты дондеже чрѣва начѧжтъ χътѣти извалити ѧ на земыж** (114, 1—2), в греч. τὰ ἔγκατα.

4. Переносно: 'внутренняя часть' чего-либо: **ѧдово чрѣво** (498, 24); **и чрѣва ѧдова въпль мои оуслъша гласъ мои** (461, 20—21); **тоу въ чрѣвѣ ѧдьстѣмъ лежитъ ιѡна** (461, 2—3). В первом и третьем примерах словом **чрѣво** передано греч. γαστήρ, а во втором — κοιλία.

Прилагательное от разбираемого слова встречается всего один раз в сочетании слов: **чрѣвьнаѧ съгость** (279, 20—21).

В этом памятнике **жтроба**, передающее греч. μήτρα, κοιλία, большей частью употребляется в значении 'женская утроба', ср.: **и сиротоѫ дѣтишть не бѫдетъ. и из жтробы твоѥѧ изидетъ** (237, 16—17), в греч. μήτρα; **чии сынъ се. иже въ моѥѧ жтробы постели играѥ** (242, 14—15), в греч. κοιλία; **из жтробы матере моѥѧ кръстиѧнъ ѥсмъ** (117, 28) и т. п. Употреблено оно в значении 'живот': **марiѣ... многы ризы на жтробѣ полагаѫшти. ιѡсифа гонезѫти χотѣаше** (239, 29—30); [Иосиф] **изница възираѧ дѣвичѫ жтробѫ съмотрѣше** (240, 4—5). Наконец, **жтроба** здесь употреблено в значении 'внутренности': **огнь възгорѣ ѧ въ жтробѣ кго** (191, 12—13), в греч. τὰ ἔγκατα. Сюда же: **ѩко брашьно плътьноѥ кгда въ жтробѫ слоуꙁь имѣѫштоу зьлѣ въпадетъ. паче продлъжитъ неджгъ** (421, 13—16).

Таким образом, в Супр. рук. разница в значениях между **чрѣво** и **жтроба**, которая еще наблюдается в других памятниках, стерта, поэтому одно слово употребляется вместо другого. Надо полагать, что в тех случаях, когда в отдельных списках евангелий употребляется **жтроба** вместо **чрѣво**, отражается говор редактора или писца, в котором разница в значениях между этими словами не ощущалась.

На основании приведенных выше данных можно констатировать, что в то время, когда впервые переводились на славянский язык греческие церковные книги, в речи переводчиков разбираемые слова употреблялись в отличных друг от друга значениях, поэтому нельзя утверждать, что в языке первых переводчиков было только слово **чрѣво**, а **жтроба** включилось в церковные книги позже. Оба разбираемых слова являются общеславянскими; **жтроба**, образованное от **жтрь**, восходящего к и.-е. **enter-*, **ǵter-* 'между', 'внутрь', 'внутренний'[1], имеет такие соответствия в современных славянских языках: русск. *утроба* 'внутренность' (книжн. устар.), 'живот', 'брюхо', *утробистый* 'толстый', 'тучный', 'с большим животом'. В диалектах

[1] См J. Pokorny. Указ. соч., стр. 314—315

русского языка встречается форма *ятреба*, восходящая к ѧтрєба **ent(e)r + eba*, ср.: *Лопни моя ятреба* (южн.), *ятреб* (орл.) 'требуха' (Даль, IV, 1587), *ятреб* (брян.) 'живот', 'утроба': *Штоб твой ятреб лопнул* (бранно)[2], *ятреба* 'желудок', 'живот'[3]; укр. *утроба* 1) 'утроба', 'живот', 2) 'дитя в зародыше', 3) 'понос' (Гринч. IV, 366); белр. *вантроба* 'утроба', 'брюхо', *вантробы* 'кишки', *вантробки* 'потроха', 'внутренности мелкого животного', *вантробистый* 'толстобрюхий', 'пузатый' (надо полагать, все в полонизированной форме; Нос. 66); польск. wątroba 'желчный пузырь', 'легкие', 'внутренности'; чеш. útroba, обычно во мн. числе útroby 'внутренности'; словн. otroba, votroba 'внутренности', 'женская утроба'; серб.-хорв.: *утроба* 'внутренности', 'потроха', *утробица* (в юго-западн. краях) = *цигерица*: *црна цигерица* 'печень', *бијела цигерица* 'легкие'; болг. *утроба* 'внутренности', *утробен* 'утробный'.

Разбираемое слово в значении 'внутренности' ныне употребляется в немногих языках, и оно приобрело значение 'живот', 'потроха' и даже 'женская утроба'. На основании этого мы не в состоянии судить о том, в какой славянской стране стали путать при переписке ѧтроба и чрѣво; лишь данные Супр. рук. дают основание предполагать, что это происходило в восточной Болгарии. Однако слово ѧтроба — несомненно общеславянское.

Чрѣво ныне находит следующие соответствия: русск. *черево* 'брюхо', 'живот'; 'сын либо дочь'; *черева* 'кишки', 'потроха'; *черево* (реки) 'излучина' (арханг., волгд.) и т. п. (Даль, IV, 1309). Не лишне отметить, что в былинах *черево* употребляется в значении vulva, ср.: .

Да умее Катерина как ответ держать:
Да ласковой мой хозяйнушко!
Да болит у мня буйная голова,
Опущалась болесница ниже пупа и до пояса,
Да во те ли во нижнии *черева*,
Не могу хорошо я обрядитися[4].

Встречается слово *черево* в значении 'дитя в утробе', ср.:

Тут Настасья ему смолилася:
Ай же, Дунаюшка Иванович!
А лучше ты мне-ка пригрози три грозы...
А третью грозу мне-ка пригрози:
Голодом мори, овсом корми,

[2] П. Тиханов. Брянский говор. СПб., 1904, стр. 95.
[3] Ф. И. Покровский, Е. П. Яценко. Второе дополнение к Опыту областного великорусского словаря (рукопись). Хранится в словарном секторе Ин-та русск. яз. АН СССР, № 78, стр. 51.
[4] «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом». СПб., 1873, стр. 1067.

А держи меня ровно три месяца,
А дай мне-ка *черево* повыносити,
Дай мне младенца поотродити
Свои хоть семена на свет спустить [5]

Вместе с тем в русском языке *черево* в значении 'брюхо', 'живот' известно с давних пор, ср.: *В то же лѣто паде снѣгъ великъ въ Киевьскои сторони коневи до черева на великъ дн҃ь* (Ипат. лет. 1144 г.). Укр. *черево* 1) 'брюхо', 'живот', 2) 'часть рыболовного снаряда', 3) 'утолщенная часть веретена'; *черевань* 'человек с большим животом', *череватий* то же значение, *череватая* 'беременная', *череватіти* 'приобрести большой живот', 'забеременеть' (Гринч. IV, 454—455); белр. *черева* 'брюхо', *черевы* то же значение, а также 'собственные дети' (Нос. 697); польск. trzewo, strzewo (стар.) 'кишки', 'потроха'; чеш. střevo 'кишка', střevní 'кишечный', střeva 'кишечник', 'брюшина', 'внутренности'; словн. črevo 'кишка', 'брюхо', 'живот'; серб.-хорв. *црийо* (зап.), *црийево* (южн.) 'кишка'; болг. *черво*, *черево* 'кишка'; *черва*, *черева* 'кишки'.

Приведенные данные не позволяют определить точно первичное значение разбираемого слова. Уже в старославянском разбираемое слово употреблялось в значениях 'живот', 'брюхо', а также, видимо, и vulva, если иметь в виду перевод анализируемым словом греч. μήτρα (примеры см. выше). Хотя значение 'кишка' — общеславянское, древнее, но едва ли оно первичное. Значение 'брюхо', 'живот', должно быть, рано перестало осознаваться в отдельных южнославянских языках. Если принять во внимание то, что в Супр. рук. **чрѣво** и **ѫтроба** не различаются в значениях, можно полагать, что уже в XI в. в южнославянских, в частности в восточноболгарских говорах, **чрѣво** перестало ощущаться в своем древнейшем значении.

Этимология слова **чрѣво** с бесспорностью не выяснена. Его возводят с оговоркой к и.-е. корню **sk^{w}er-*, **k^{w}er-* в значении 'резать' [6], но трудно представить, чтобы из этого значения могли развиться значения 'женская утроба', 'брюхо', 'живот'. В доказательство вероятности такой этимологии Бернекер представил значительный материал, но тем не менее этот вопрос остается неясным. Невозможно, например, связать *черево* 'изгиб', 'излучина реки' (см. кроме Даля, Оп. 256) со значением 'резать'. Совсем уже непонятен переход от 'резать' к значению vulva, а также ст.-сл. **плодъ чрѣва**. Не исключено, что славянское **ker-vo* восходит к и.-е. корню **k^{w}er-*, обычно встречающемуся в словах, обозначающих выпуклые или полые предметы и т. п.[7] По Бернекеру,

[5] «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. I. М., 1910, стр. 184—185
[6] См.: E. Berneker. Указ. соч., стр. 150—151; M. Vasmer Russisches etymologisches Wörterbuch, t. III, стр. 319.
[7] См.: J. Pokorny. Указ. соч., стр. 642.

к этой же группе относится: русск. *чара*, *чарка*; укр. *чарка*; польск. czara, восходящие к **kēr-a*[8]. **Чрѣво**, как отмечено, образовано с помощью суффикса *-vo*, присоединившегося к **ker-*, ср. **дрѣво**, **пиво** и т. п.

Слова с и.-е. корнем **k*^{w}*er-* обозначают: 'котел', 'кувшин', 'миска', 'блюдо', 'череп' и т. д. Что же их объединяет? Должно быть, обозначение какой-то полости или выпуклости и *červo < *kervo первоначально получило свое название по этому признаку. Характерно, что в «Песне песней» живот сравнивается со стогом (по форме): чрево твое ꙗко стогъ пшеницы, ѡграженъ въ крінахъ (VII, 2). По всей видимости, в основе названия *черево* (реки) также лежит признак выпуклости излучины. По-видимому, *брюхо*, *живот* были названы также по этому признаку. Словом, с точки зрения фонетической и семантической отсутствуют особые препятствия для возведения **чрѣво** к **ker-vo*.

Итак, на основании изложенного следует признать:

1. В памятниках старославянской письменности слова **чрѣво** и **ѫтроба** были употреблены первыми переводчиками, и каждое со своим собственным значением: **чрѣво** 'живот', 'брюхо', особенно 'женская утроба', а **ѫтроба** 'внутренности'. В евангелиях последнее употреблялось мало, так как в них отсутствует соответствующий текст. В других памятниках, в которых была необходимость в обозначении понятия 'внутренности', употреблено слово **ѫтроба**.

2. Впоследствии в списках церковных книг, относящихся к XI в., встречаются случаи употребления одного слова вместо другого. В Син. пс., Син. трб. это отмечено редко. В Супр. рук. редактор или писцы уже не различали по значению **чрѣво** от **ѫтроба**, поэтому одно употребляется вместо другого или оба слова употребляются в одних и тех же значениях.

Этот факт свидетельствует о том, что к XI в. в южнославянских языках črěvo утеряло свое древнее значение, зафиксированное в более ранних памятниках старославянской письменности.

3. Этимология *čěrvo окончательно не выяснена. Существующие объяснения этимологии этого слова исключительно спорны и натянуты. Нам кажется, что разбираемое слово можно выводить из и.-е. **k*^{w}*er-*, видимо, первоначально имевшего значение 'выпуклый' или 'полый'.

4. Необходимо отметить, что первые переводчики в данном случае старались не передавать дословно значение различных греческих слов, а руководствовались тем, что соответствует греческому слову в славянском языке, поэтому, например, κοιλία, γαστήρ, μήτρα передаются словом **чрѣво**, γαστήρ, κοιλία, τὰ ἔγκατα, τὰ σπλάγχνα — словом **ѫтроба**.

[8] См.: E. Berneker. Указ. соч., стр. 147.

Заключение и выводы

Наличие большого количества лексических вариантов, отличающих одни рукописи старославянской письменности от других, является свидетельством того, что текст первичного перевода позже подвергался сознательным изменениям. Приписывать эти изменения только писцам или переписчикам рукописей, как полагали многие, едва ли возможно, так как если писец и был достаточно эрудированным в вопросах текстов церковных книг и их отношении к греческому или латинскому оригиналу, то и в этом случае он не мог внести изменения в существующие славянские тексты, не согласовав вопроса с церковной иерархией. В противном случае такой писец оказался бы лицом, вносящим произвол в наличные и принятые в данной стране или местности тексты для церковной службы. Едва ли это было возможно [1]. Отнюдь не являются случайными многочисленные послесловия в рукописях, в которых писец просит не клясть его за невольные ошибки, но исправив их, пользоваться книгой, переписанной им. Как можно судить на основании тех же послесловий, переписывание книги считалось делом священным, и писец, удостоенный этой чести, принимался за дело, считая его особым подвигом. Труд писца, по всей видимости, нередко проходил под контролем, о чем мы можем судить на основании приписок-инструкций в различных рукописях. Ср., например, приписку в Словах Григория Назианзина **чьгъле кривыа главо пиши право** (л. 101 об. снизу) [2], по почерку отличающуюся от почерка писца.

Если мы желаем правильно понять историю старославянского языка, то нам, видимо, необходимо отказаться от взгляда, что писец по своему усмотрению мог внести в переписываемую

[1] По крайней мере, существование церковной иерархии в Моравии и восточной Болгарии несомненно. Поскольку у нас идет речь только о редакциях памятников в указанных славянских областях, думаем, что наше рассуждение соответствует действительности.

[2] Цитируем по рукописи, хранящейся в Публичной б-ке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифром Q. п. I, № 16.

рукопись существенные изменения. Разумеется, писец мог вносить в рукопись изменения. Они были двух видов:

1. Изменения, которые исходили от церковной иерархии или по крайней мере делались по согласованию с последней. В таком случае изменения, вносимые писцом, принимали систематизированный характер, как, например, систематическое написание ж на месте праславянского **dj*; оу и ю на месте ж и ѭ; ѧ и ѩ на месте ѧ и т. д. древнерусскими писцами. Выдержанное написание членных прилагательных и причастий в стяженной форме, употребление форм **небесьскъ**, **земльскъ**, передачу праславянских **dj* и **tj* буквами ꙁ и ц и т. п. на чешско-моравской почве. Более или менее последовательное исключение l-epentheticum, выдержанное употребление аористов типа **падохъ**, **несохъ**, **рекохъ** вместо архаических **падъ**, **нѣсъ**, **рѣхъ**, и т. п. в восточноболгарских рукописях.

2. Изменения, которые внесены писцом независимо от собственной воли, а под влиянием своего говора. Такие изменения, не принимающие систематизированного характера, обычно приобретают характер описки или невольной ошибки. Например, в Зогр. Мф. XXV, 20 читаем: **приобрѣтъхъ** (в Мар.: **приобрѣтъ**), Мрк. V, 15 — **приджша** (в Мар.: **придж**). Эти написания свидетельствуют о том, что в языке писца не было простого аориста, по этой причине, написав **приобрѣтъ** и **придж**, писец механически добавил -**хъ** и -**ша** по норме собственного произношения и словоупотребления. Многочисленные написания в Зогр.: **придоша**, **ізидоша**, **вънидоша**, **възлегоша**; **обрѣтосте**, **развръзосте**, **придосте**, **сърѣтосте**, **рекоста**, **придохъ** и т. п.[3] полностью подкрепляют высказанное предположение, что в языке писца не было простого и старого сигматического аористов, поэтому они, как и в других рукописях восточноболгарской редакции, исключаются из рукописи и заменяются тем, что привычно в языке писца. Так как писцу весьма трудно запомнить все случаи переделки, порою он, забывая, оставляет, даже в значительном количестве, то, что подлежало замене. В таком случае рукопись становится пестрой, где старое, так сказать, перемежается новым.

Таким же образом писец Мар. ев. не мог изменить всюду по своей инициативе написание **собота** вм. **сѫбота** в других рукописях, а писец Зогр. ев. за исключением одного раза в остальных 15 случаях писать **лъкати**, **възлъкати** вм. **алъкати**, **възалъкати**, как это наблюдаем во всех упомянутых апракосах и Мар. ев. Тем более тот или иной писец не мог отважиться систематически заменять одно слово другим, не рискуя понести за это суровое наказание. Поскольку словарные замены одинакового типа распространяются на целую группу рукописей, то подобные замены

[3] См.: Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 309 и след.

могут характеризоваться как тип определенной редакции текстов, принятых вполне сознательно церковной иерархией той или иной страны или края.

Старославянская письменность, по всей вероятности, возникла в середине IX в. в результате желания группы лиц перевести греческие церковные книги на язык одной славянской этнической группы, которым они владели. Где это происходило, точно мы не знаем, потому что, как показали наши наблюдения, свидетельства житий Константина (Кирилла) и Мефодия об изобретении Константином азбуки и начале перевода (по житию — написания) им евангелия-апракоса в обоих житиях оказались поздней вставкой (интерполяцией)[4].

Перевод греческих церковных книг выполнен на какой-то весьма архаический южнославянский диалект, в котором строго различались редуцированные ъ и ь, были три носовых гласных ѧ, ѩ, ѫ, три «и» ѳ, ѕ, ѵ[5], два «у»: ѹ, ꙋ собственно *u* и *ü*, последовательно произносился «губной + l'» (из «губн. + j»), имелись особые звуки, передаваемые буквами ѣ и ѥ, несомненно отличные от е и ѧ; отсутствовало стяжение гласных, поэтому членные прилагательные и причастия сохраняли произношение: *bĕly-jь*, *bĕla-jego*, *bĕlu-jemu* и т. д. В склонении имен в данном говоре несомненно еще были живы различия изменения по падежам в зависимости от основ; в нем отсутствовало особое слово для обозначения 3 л. личного местоимения[6]; притяжательные прилагательные типа отьчь, кънажь, человѣчь, авраамль и т. п. образовались с помощью суфф. *-jь*; в числительных было живо слово инъ, которое в отдельных памятниках встречается не только в составе слова иночадъ, инокость, иностань и др., но и в самостоятельном употреблении. В глагольных основах были живы древние классы значений; последовательно различались по образованию и употреблению простые, сигматические на *-sъ* (с удлиненным коренным гласным) аористы. В определенных условиях эти аористы в 2 и 3 л. ед. числа употреблялись с одним окончанием *-tъ*, причем это окончание никак нельзя считать поздним, как полагают иные, наоборот, оно является весьма древним, поскольку находит точное соответствие в хетт-

[4] См. об этом: А. С. Львов. Някои въпроси от Кирило-Методиевската проблематика. «Български език», 1960, год. X, кн. 4, стр. 297 и след.

[5] К таким выводам пришли отдельные исследователи. См. М. К. Грунський. Вступ до слов'янського мовознавства. Київ — Львів, 1946, стр. 62 и след.; V. Tkadlčík. Trojí hlaholské *i* v Kyjevských listech. «Slavia», 1956, roč. XXV, seš. 2, стр. 200 и след.; L. Moszyn'ski. Warstwy językowe w Kodeksie Zografskim. «Z polskich studiów slawistycznych», seria druga. Warszawa, 1963, стр. 241 и след.

[6] См.: J. Kurz. K otázce nominativu třetí osoby v slovanštině. «Slavica pragensia», II, Praha, 1960, стр. 43 и след.

ском языке[7]. Для образования условно-сослагательного наклонения существовал особый вспомогательный глагол бимь... бѫ. Имперфект, являющийся особой формой прошедшего относительного времени, употреблялся только в нестяженной форме[8]. Причастия прош. вр. от основ на *-i* образовались с помощью суфф. *-us*, типа хвалъ, оучь сѧ, оставль, приставль и т. п. Говор этот отличался собственными лексическими особенностями, в целом — богатым словарным составом[9]. Тем не менее в нем недоставало слов для передачи ряда христианских терминов, поэтому переводчики вынужденно включали в переводимые тексты греческие слова: аминь, ангелъ, архиереи, архитриклинъ, класимиѣ, ипокритъ, фарисѣи и т. п. Наличие в нем таких слов, как аеръ, корабль, кѵсъ, сѫбота и т. п., свидетельствует о том, что носители этого диалекта жили где-то рядом с греческим населением. В переводе оказалось какое-то количество калек (сколько и какие они, пока в точности не выяснено)[10].

Как свидетельствуют рукописи с чертами восточноболгарской редакции, диалект, на который переводились впервые церковные книги, сильно отличался от наречия восточной Болгарии. В подтверждение высказанной мысли достаточно сослаться на такие факты: самые ранние рукописи, написанные кириллицей или даже глаголицей, вероятно, до введения кириллицы, как Зогр., не отражают четкого различения редуцированных «ъ» и «ь», не свидетельствуют о наличии трех «и» и трех носовых гласных, более того, в них почти систематически путают в употреблении ѫ и ѧ, а также в них не находим последовательного употребления l-epentheticum. В восточноболгарском наречии, если судить по данным Зогр., уже в X в. широко распространилось стяжение гласных. В этом наречии уже к началу X в.

---

[7] См. об этом: В. Н. Топоров. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола. «Вопр. славянского языкознания», вып. 5. М., 1961, стр. 35 и след.; Ю. В. Откупщиков. О старославянском сигматическом аористе. «Уч. записки Ин-та славяноведения», 1963, т. XXVII, стр. 154 и след.

[8] Этот вопрос, правда, относится к спорным, но если исходить из точки зрения Е. Куриловича на происхождение славянского имперфекта, то так называемые нестяженные формы должны быть признаны древнейшими. См.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 156 и след.; П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961, стр. 110 и след.

[9] Ср.: «...говор, на который опирался этот письменный язык, содержал в себе множество архаических черт, и, за исключением небольшого числа диалектных особенностей, язык этих текстов тождествен в значительной мере тому, чем был общеславянский язык, если бы он был вафиксирован в письменности» (А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 7).

[10] Из последних работ на эту тему см: K. Schumann. Die griechischen Lehnbildung und Bedeutungen im altbulgarischen. Berlin, 1958. — В этой работе, насыщенной достаточным фактическим материалом, немало и спорного.

все формы архаических аористов заменились новообразованиями типа идохъ, несохъ, рекохъ и т. д.; в Зогр. фиксируются бишѧ (Мф. VI, 6; X, 16; XI, 21, 23; Мрк. XIV, 40; Лук. IV, 11; X, 13 и т. п.), бъишѧ (Мф. XI, 23; Лук. XIII, 2 и др.) на месте бѫ; в говоре его последнего писца вышли из употребления причастия типа хвалѣ, пристѫпль и проч., ср., например, Мрк. X, 12: поустивъши (Зогр.) и поуштьши (Мар.); Лук. XX, 12: оуѣзвивъше (Зогр.), оуѣзвьше (Мар.) и т. п. Старые типы склонений имен в зависимости от основы тут заметно сблизились и смешались. В восточноболгарском наречии происходил и целый ряд других изменений[11].

Если бы восточноболгарское наречие середины IX в. было идентичным с тем говором, на который впервые перевели церковные книги, то оно к X—XI вв. не могло изменить свой словарный состав в такой степени, чтобы потребовалось большое количество слов заменять другими, как это наблюдается в рукописях восточноболгарской редакции, ср. замены: прѣпрѫдь на багърѣница, година на часъ, шюи на лѣвъи, сапогъ на оноуща, женихъ на зать и невѣстьникъ, искрьнии на ближьнии и подроугъ, ближьнии (в пространственном значении) на окрьстьнъи, пастъирь на пастоухъ, гоумьно на токъ, отокъ на островъ, въслѣпати на истѣкати и скакати, вълати сѧ на погрѫжати сѧ и влъняти сѧ, етеръ на нѣкъи, инъ на единъ (ср. иночѧдъ, единочѧдъ), тьма на несъвѣда, тьлѣ на моль, мъито на мьзда, мъитарь на мьздоимьць, съньмъ на съборъ, ѧдро на скоро, вѣнити на цѣнити и продати, натроути на напитѣти и напитати, пискати на свирати, сопьць на свирьць, въними на вълѣсти, подъгорие на горьница и мн. др.

Словом, хотя между архаическим южнославянским говором, на который переводились впервые церковные книги, и восточноболгарским наречием имеются некоторые общие черты, если иметь в виду наличие в дошедших до нас списках старших памятников жд $<$ **dj*, шт $<$ **tj/kt*, но едва ли они первичны. По

---

[11] Этот вопрос давно привлекает внимание исследователей, однако он до сих пор окончательно не решен. Последние исследования показывают, что отдельные характерные черты современного болгарского языка обнаруживаются в памятниках старославянской письменности восточноболгарской редакции уже в XI—XII вв. Рассмотрение этого вопроса не может входить в задачу данной работы, но ясно, что без отделения того южнославянского весьма архаического диалекта, на который впервые переводились церковные книги, от восточноболгарского наречия, мы едва ли будем в состоянии понять многое в истории развития языка, в частности лексики памятников старославянской письменности. Обозрение литературы и состояние изучения этого вопроса см.: С. Б. Бернштейн. Разыскания в области болгарско-исторической диалектологии. М.—Л., 1948, стр. 357 и след.; К. Мирчев. Днешното състояние на проучванията върху историята на българския език у нас. «Български език», 1958, год. VIII, кн. 4—5, стр. 409 и след.

крайней мере, более четверти века этот вопрос привлекает внимание исследователей, и все больше и больше они склоняются к мысли, что вся фонологическая система, отраженная глаголицей, свидетельствует о том, что праславянские **dj*, **tj/kt* в старославянском — или, как выражается Н. Трубецкой, в прастаославянском — произносились еще как *d'*, *t'*, а написания жд, шт появились только в восточноболгарских редакциях памятников старославянской письменности так же, как в Моравии они, т. е. *d'*, *t'*, заменялись на местные рефлексы ʒ, ц [12].

Что касается произношения ѣ как а, то это явление с исторической точки зрения нет необходимости считать только болгарским явлением. В языке первичных переводов церковных книг ѣ мог быть характерной чертой древнейшего состояния и произношения этого звука в праславянском. Как показывают более ранние финские заимствования из восточнославянских, в последних ѣ в более древнее время также произносился как а [13]. В целом отождествление диалекта, на который переводились впервые греческие церковные книги, с восточноболгарским наречием едва ли правомочно. Этот вопрос требует специальной проверки.

* *

Наблюдения над лексическими вариантами, передающими одно и то же греческое слово, дают основания для суждения, в каких направлениях произведены изменения лексики первичного перевода в дошедших до нас редакциях и списках памятников старославянской письменности. Возможно выделить следующие группы лексики, пережившие те или иные изменения.

[12] См.: Н. Дурново. Мысли и предложения о происхождении языка и славянских алфавитов. «Bysantinoslavica», roč. I. Praha, 1929, стр. 48 и след.; N. Trubectzkoj. Die altkirchenslavische Vertretung der urslav.* *tj*,**dj*. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XIII. Leipzig, 1936, стр. 88 и след.; V. F. Mareš. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty. «Slavia», 1956, roč. XXV, seš. 4, стр. 471 и след.; Он же. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве. — ВЯ, 1961, № 2, стр. 12 и след; K. Horálek, J. Kurz, A. Dostál. Základy staroslověnštiny. Praha, 1961, стр. 34 и след., примечание на стр. 50—51; M. Pavlović. Znak ѧ i njegove glasovne vrednosti. «Slovo», 6—8. Zagreb, 1957, стр. 278 и след.; V. Tkadlčík. Dvě reformy hlaholského písemnictví. «Slavia», 1963, seš. 3, roč. XXXII, стр. 34, след. и мн. др.

[13] См. выступление В. И. Лыткина на IV Международном съезде славистов («IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», II. М., 1962, стр. 147—148), а также его рецензию на книгу В. Г. Орловой «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров» («Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1961, т. XX, вып. 1, стр. 82 и след.).

1

Используя наличный словарный запас того диалекта, который знали первые переводчики и на который они переводили греческие церковные книги, одно и то же греческое слово в зависимости от лексико-семантических особенностей, а также специфики словоупотребления того славянского диалекта, на который переводились церковные книги, передавалось двумя, порою и несколькими словами. К таким относится, например, перевод греч. ὥρα словами **година** и **часъ**; βάλλω — **врѣшти** — **връгж**, **въсадити**, **вълагати**, **вълиѥати**, **осъıпати**; οἰκία, οἶκος — **домъ** и **храмъ**; ζωή — **животъ**, **жизнь**, **житиѥ**; ἀπ' ἀρχῆς, ἐν ἀρχῇ — **искони** и **испрьва**; πηγή — **кладѧзь** и **источьникъ**, τρέφω — **натроүти** и **напитѣти**; ἐξουσία — **власть** и **областъ**, πορφύρα — **прѣпржды** и **порфѵра**; πτωχός — **оүбогъ** и **ништь**; δοχή — **чрѣждениѥ** и **пиръ**; ταχύ, ταχέως — **ѩдро** и **скоро**; κοιλία — **чрѣво** и **жтроба**, πειρασμός — **искоүшениѥ** и **напасть** и т. д.

К этой группе можно отнести также перевод отдельных греческих слов несколькими славянскими словами, близкими по значению, например, таких, как перевод греч. πηγή **кладѧзь** (Ио. IV, 6), а φρέαρ — **стоүденьць** (Ио. IV, 11—12; Лук. XIV, 5); χρονίζω — **къснѣти**, βραδύς — **моүдьнъ**; ἐλπίζω и πέποιθα — то **оүпъıати**, то **надѣıати сѧ** и др.

Сколько позволяют судить рассмотренные материалы, уже в Моравии при составлении тетра, а также, надо полагать, при редакционном пересмотре первичного перевода псалтыри из трех семантически различающихся слов **жизнь**, **животъ** и **житиѥ** исключили совсем первое, а третье в тетрах употребили в ином, новом значении, передавая им греч. οἱ μαμωνᾶς. Затем произвели такое же изменение и в апракосах. То же сделано по отношению **искони** и **испрьва**. Последнее в тетрах исключено и взамен его почти всюду употреблено первое.

Подобного рода изменения продолжались позже в восточной Болгарии, где, например, совсем исключили слова: **натроүти**, **прѣпржды**, **ѩдро** и т. п., вместо **искони** стали употреблять **испрьва**, вм. **година** — **часъ**, вм. **чрѣво** — **жтроба** и т. д. В таких случаях нередко оставались оба слова, но они перепутались в значениях и употреблении.

Восстановление всех подобных указанных синонимов, употребленных в первоначальном переводе, приблизило бы нас к тому, каким был первичный перевод в словарном отношении. Возможно, что и не удастся восстановить во всех деталях эту синонимику, но поскольку абсолютное большинство их так или иначе сохранилось (порою, правда, только в виде реликтов в отдельных рукописях не только в самых старших списках, но и в более поздних), то возможности продолжения разысканий в этой области не исключаются.

2

Пожалуй, В. Вондрак первый пытался объяснить отличия апракосных чтений от тетра тем, что не входившие в апракос части тетра переводились другими лицами. При этом он исходил из того факта, что апракос переведен Константином, а комплекторные части тетра, вероятно, Мефодием вместе с учениками. Это утверждение Вондрака едва ли соответствует действительности. Участие Константина в переводах, как отметили выше, сомнительно и требует еще дополнительной проверки. Что касается Мефодия, то, по утверждению его жития: пьсалтырь бо бѣ тъкъмо и еванглие съ апльмь и избьранъими слоужьбами цр҃квьнъими съ философъмь прѣложилъ пьрьвѣк. тьгда же и номоканонъ, рекъше законоу правило, и оч҃ьскъіа книгы прѣложи (глава XV)[14]. Выше в этой же главе жития сообщается о переводе им в последние годы жизни всего старого завета. Правдоподобно то, что все доморавские переводы, а также переводы, произведенные в Моравии при жизни Мефодия, проводились при его участии и руководстве. Между тем факт остается фактом: апракосы и тетры в словарном отношении отличаются, не говоря о других сторонах языка перевода.

К. Горалек, исследовав сравнительно апракосы и тетры, пришел к выводу, что в тетрах качество перевода лучше, в них чаще те или иные греческие слова и обороты речи переведены более свободно, по смыслу, а не в рабской зависимости от греческого оригинала. По этой причине он считает, что в тетрах до нас дошло высокое качество переводческой практики Константина[15]. В утверждении Горалека имеются спорные места. В частности, им совершенно не учитывается, что апракосы позже редактировались на основании текста тетра... Но что в процессе составления тетра в Моравии те его части, которые входили в апракос, не переводились заново, а существующий перевод целиком включили в отдельные места тетра, не подлежит сомнению. При этом даже отличные чтения начала отдельных глав апракоса от тетра частью оказывались неисправленными[16]. Тем не менее, как убеждают наблюдения, при включении в состав тетра существовавшие его части в апракосах были заново просмотрены и отредактированы. В этом нетрудно

---

[14] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 77. — По-видимому, здесь съ философъмь — поздняя вставка.

[15] См.: K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954, стр. 265 и след.

[16] См.: J. Vrana. O tipovima, redakcijama i međusobnom odnosu staroslovjenskih evandelja. «Slavia», 1960, roc. XXIX, seš. 4, стр. 559 и след.; L. Moszyn'ski. Указ. соч., стр. 237—265.

убедиться при сличении того текста апракоса, который позже не подведен и отредактирован на основании текста тетра.

В подтверждение сказанного еще раз сошлемся на некоторые факты, приведенные выше в соответствующих главах. Так, в Асс. и Остр. Мрк. VII, 32 на месте греч. μογιλάλος читается **нѣмъ**, а в Сав., Арх. и Врач. и в тетрах — **гѫгънивъ**. Наблюдения показывают, что в первичном переводе было первое слово **нѣмъ**, которое при составлении тетра, на основании контекста **и раздрѣши сѧ жза ѩзка его**, заменено более точно согласующимся с приведенным контекстом **гѫгънивъ**. В более поздних списках, как в Карп. ев., оба слова поставили рядом: **нѣма гѫгънива**, что привело к бессмыслице, так как немой не может быть гугнивым, т. е. заикой, картавым, гнусавым.

Ягич особенно недоумевал, что в Асс. и Сав. Мф. XXI, 42 на месте греч. ἀπεδοκίμασαν читается **каменъ егоже не въ рѧдоу сътвориша зіжджштеи. сь бъı въ главж жгьлоу** (Асс., в Сав.: **не въ рѧдъ**), а в остальных **невръдоу**. Как показал анализ, греч. ἀποδοκιμάζω возможно переводить и **не въ рѧдоу**... Однако чтение **не въ рѧдоу** вносит некоторую двусмысленность. По всей видимости, при составлении тетра первое чтение, введенное в первичный перевод апракоса, исправлено на точное **невръдоу**...

Мрк. II, 2 в Асс. читаем: **абие. съвьрашѧ сѧ mnosi. ѣко къ томоу не вьмѣщаті сѧ ни прі двьрехъ**, в Арх. **не въмѣстити сѧ. ни прѣдь двьрми**. В Зогр., Мар., Сав., Остр. и др. вторая часть читается: **ѣко къ томоу не въмѣштаахж сѧ ни прѣдъ двѣрьми**, в греч. και ’ευθέως συνήχθησαν πολλοὶ ὥστε μηκέτι χωρεῖν μηδὲ τὰ τὴν θύραν.

По мнению Горалека, в чтении типа Асс. произошла грецизация перевода[17]. С точки зрения выражения мысли по-славянски в Асс. наблюдается неточность, потому что **прі двьрѣхъ** обозначает неопределенность места, лишь **прѣдъ двьрьми** ясно показывает, что в комнате и перед ее дверями не вмещался народ. Кроме того, **не въмѣщаті сѧ** также неточно, поскольку здесь возможно понимать как неопределенно допустимое, ср., например, русск.: *народу здесь не вместиться* и *народ не вмещался*.

Как известно, грецизация текстов старославянской письменности происходила в восточной Болгарии. Поскольку Асс. ев. не имеет явных и систематически проведенных следов восточноболгарской редакции, то невозможно и тут в Мрк. II, 2 усмотреть эту редакцию. Кроме того, если сравнить текст Мрк. II, 1—12 Асс. и Зогр., Мар. и др., то следует констатировать, что при совпадении их все же в тетрах чувствуется улучшение содержания, ср. 4: **и не могжште пріступити къ немоу. народомъ**

---

[17] См.: K Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 63.

(Асс., Сав., Врач.), за народъ (Зогр., Мар., Арх.); народа ради (Остр.). В первых употребление тв. причины несомненно более древняя черта в сравнении с передачей этой же мысли вин. с предлогом за или род. с предл. ради. Там же, 5: и видѣвъ и҃съ вѣрж и҃хъ. гл҃а ослабленоу҃моу҃ (Асс.); и видѣвъ же... (Зогр., Мар.). Употребление частицы же усиливает убежденность Иисуса. Далее, 6: бѣахж же етери о҃ кънижьникъ. сѣдѧщіе и помышлѣяжіе въ ср҃дцихъ своихъ (Асс.), в тетрах после слова отъ кънижьникъ добавлено тоу҃, что уточняет их местонахождение.

Словом, приведенные и другие подобные факты ясно свидетельствуют о том, что в тетрах улучшен, уточнен или несколько изменен предыдущий перевод, поэтому не может быть сомнения, что в Асс. в большинстве случаев находится текст первичного перевода, а не позднейшее грецизированное чтение. Улучшенный текст тетра проник в такие апракосы, как Сав., Остр., Врач. и нек. др.

Кстати сказать, подобного рода редакторские поправки в сторону улучшений апракосных чтений в тетрах встречаются нередко. При этом характерно то, что во многих случаях подведение текста апракоса к тексту тетра проводилось непоследовательно. Так, в Остр. Мрк. VII, 32 читается глоу҃ха и нѣма, как и в Асс., но там же, 33: въложи пръстъі своѧ въ оуши кго, как в тетрах, а не въдѣ, как бы следовало ожидать, исходя из Асс. и из данных южнославянских языков. В Мрк. II, 2: не въмѣстити сѧ (как в Асс., только в последнем не въмѣщаті сѧ) ни прѣдь двьрми (как в тетрах), а не ні прі двьрєхъ (как в Асс.). Мрк. II, 4 в Асс., Сав., Врач.: не могжште пріст҃жпити народомъ, тогда как остальной текст Мрк. II, 1—12 в Сав. и Врач. читается как в тетрах. (Об этом же см. еще ниже при рассмотрении употребления слов искоушение и напасть). Кроме того, подобные примеры приводились и выше, см. главы дрьколь — жрьдь, жаль — гробиште и др. Подобные факты, по всей видимости, объясняются тем, что апракосы содержали текст, отличный от текста комплекторных частей тетра, и что тексты апракосов позже, хотя порою и непоследовательно, но, действительно, подводились под тексты тетров.

Выявление всех подобных особенностей разночтений в одинаковых местах в апракосах и тетрах является другим способом восстановления текста первичного перевода апракоса, вместе с тем и выявления лексических особенностей того архаического южнославянского говора, на который переведен впервые апракос.

3

Кроме исправлений неточностей первичного перевода апракосного текста, при составлении тетра произведены другие лексические замены. В отдельных случаях в тетрах чувствуется

(как это отметил в свое врема Вондрак)[18] сознательное употребление другого слова вместо того, которое находилось в первичном переводе апракоса, или же изменение формы (состава) апракосного слова. Внимательный и сравнительный анализ текстов апракоса и тетра выявил, например, следующие лексические разночтения: **въдѣ пръстъи своѭ въ оуши его** (Асс.), **въложи...** (Мар., Зогр.). Как отмечено выше, первое и поныне соответствует способам передачи мысли на южных и восточных славянских языках, а второе — на западнославянских. Ср. далее соответственную разницу в чтениях апракосов и тетр (первое слово известно преимущественно апракосам, а второе тетрам): **блюдо — миса, братъ — братръ** (имеем в виду только формы им. и зв. падежей), **врачь — балии, етеръ — единъ, жалъ — гробиште, жизнь — животъ, затворити — заклепати, истина — рѣснота, коуръ — кокотъ, кънигъı — боукъви, кънигъчии — кънижьникъ, лажѧ — кокошь, лжкавъıи — непривѣзнь, небесьнъ — небеськъ, осѣсти — окрочити, оставити (грѣхъı) — отъпоустити и отъдати (грѣхъı), печатьлѣти — знаменати, подъръıти (храмъ, домъ) — подъкопати, посохъ — дръколь, прѣжде — древле, прѣпрѫдь — прапрѫдъ, распѧти — пропѧти, сапогъ — чрѣвии, цѣсарьство — цѣсарьствие, чловѣчь — чловѣчьскъ, шьдъı — кратъı** (в словах типа **дъвашьдъı — дъвакратъı**) и т. п.

Слова, приведенные и неприведенные тут как слова характерные для тетров, позже, при сближении текстов тетра и апракоса, проникли и в последние. Таким образом, выделение слов, характерных только для тетра, в отдельных случаях требует, так сказать, большого искусства и сноровки. При установлении слова, находившегося в первичном переводе апракоса, основной гарантией служит его наличие, хотя бы в виде реликтов, в апракосах или в апракосных чтениях тетров и в основном отсутствие его, так сказать, в чистом виде в комплекторных частях тетра. Чтобы подкрепить сказанное, сошлемся еще на один пример. На месте греч. πειρασμός в ев., пс. и др. памятниках читается то **искоушение**, то **напасть**. Поскольку первое слово встречается в Зогр. 1 раз, а в Мар. 2 раза: Лук. IV, 13 и XI, 4, а второе — 7 раз: Мф. VI, 13; XXVI, 41; Мрк. XIV, 38; Лук. VIII, 13; XXII, 28, 40, 46, то на основании этих данных Ягич пришел к выводу, что **искоушение** могло появиться поздно под влиянием соответствующего глагола или греческого слова. Слово **напасть** им признается оригинальным, а, стало быть, и первичным (см. Entst. 351—352).

К этому мнению присоединился В. Вондрак, ссылаясь на то, что **искоушение** находится только в текстах тетра, не входивших

[18] См.: V. Vondrák. O cksl. překladu evangelia v jeho dvou různých částech a jak se nám zachoval v hlavnejších rukopisech. «Даничићев зборник». Београд—Љубљана, 1925, стр. 9 и след.

в апракосы[19]. При этом и Ягич, и Вондрак не принимают во внимание, что в Асс. и Врач. Мф. VI, 13 в том же тексте, что и Лук. XI, 4 в Мар. и Зогр., читается искоушение.

Хотя в свое время Э. Бернекер констатировал наличие разницы в значениях между искоушение и напасть[20], но К. Горалек, придерживаясь мнений Ягича и Вондрака, считает, что чтение (не въведи насъ) въ искоушение в молитве «Отче наш» в Мф. VI, 13 в Асс. и Врач., бесспорно, непервичным[21].

Таким образом установилось мнение, что по крайней мере в текстах евангелий передача словом искоушение греч. πειρασμός является вторичным и что в первичном переводе апракоса вместо него находилось напасть.

Лук. IV, 13 в Мар. читается так: і съконьчавъ вьсѣко искоушение дїаволъ. отиде отъ него до врѣмене. В апракосы не входило это место, в Зогр. оно отсутствует из-за утери листа. Если исходить из контекста Лук. IV, 1—13 в целом, несомненным оказывается то, что слово искоушение употреблено тут в значении 'соблазн', 'совращение'. Почти в том же значении в ев. употреблены и глаголы, ср. Мф. XXII, 35—36: законьникъ етеръ. пріде къ и҃с҃у искоушаꙗ и и гл҃м. оучителю. катѣ заповѣдъ больші въ законѣ естъ (Асс., в других так же); Мф. XIX, 3: пр҃істжпіша фарісеи кь и҃сви. искоушающе и. и гл҃ще. аще достоитъ ч҃к҃оу поустити женж своіж по вьсѣкои вінѣ (Асс., в других так же, в Зогр. текст сп. XII в. и без слов по вьсѣкои винѣ); Мф. IV, 3 в апракосах сам дьявол назван искоуситель, ср.: и пр҃істжпль искоуситель рече емоу. аще сн҃ъ еси бж҃іи. рьци да каменне се хлѣби бждж (Асс., в других апракосах так же; в Зогр. уже вм. искоуситель находится дїаволъ, в Мар. нет этого места). Помимо того, Мрк. I, 12: і бѣ въ поустъıни дьнии ·к· искоушаемъ дїаволомь (Зогр. и Мар.); этот текст повторяется Лук. IV, 2; Мрк. X, 2: і пристжпьше фарисѣі въпрашаахж і. аште достоітъ мжжю женж поуштати. окоушаюште и (Зогр. и Мар.); Мрк. XII, 15: онъ же ведъı іхъ лицѣмѣрье. рече імъ. чьто мя окоушаете (Зогр. и Мар.). В этих примерах окоушати 'испытывать', точнее 'соблазнять', 'коварно испытывать'. Все эти данные убеждают, что в апракосах искоушение находится в группе слов искоушати, искоуситель, а также окоушати с одинаковой семантикой.

Слово же напасть употреблено в значении 'несчастье', 'беда', 'злополучие', ср. Лук. VIII, 13: іже въ врѣмя вѣржт емлюттъ. і въ врѣмя напасти остжпаюттъ (Мар., в др. так же, только в Сав. вместо въ врѣмя в обоих случаях читается въ часѣ);

---

[19] См.: V. Vondrák. O cksl. překladu evangelia. . ., стр. 18.

[20] См.: E. Berneker. Kyrills Übersetzungskunst. «Indogermanische Forschungen», Bd. 31. Berlin, 1912—1913, стр. 409.

[21] См.: K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 84.

Мф. XXVI, 41, а также Мрк. XIV, 37: **бъдіте и мтѣ сѧ. да не вънідете въ напасть** (Асс., в др. так же); Лук. XXII, 28: **вы же есте пребывъшеи съ мъноѭ въ напастехъ моихъ** (Мар. и Зогр., в апракосах нет этого места). Так говорит Иисус своим ученикам перед тем, как его схватили архиерейские слуги. Конечно, речь идет тут о житейских напастях, т. е. о бедах, злополучиях Иисуса, а не об искушениях дьявола.

Таким образом, бесспорно наличие разницы в значениях между **искоушение** и **напасть**, причем разница в значениях между этими словами наблюдается и в других памятниках, ср. например: **по дьни іскоушенитѣ въ поустыні. іже іскоусішѧ мѧ оц҃і ваші** (Син. пс. XCIV, 8—9); **ѣко тобоѭ избавъѭ сѧ отъ напасті: і бс҃ѣ моемъ прѣлѣзѭ стѣнѫ** (Там же, XVII, 30).

В Асс. Мф. VI, 12—13 читается так: **и остави нам длъгы наша. ѣко и мъи оставлѣемъ длъжьникомъ нашімъ. и не вьведі насъ въ искоушение. нъ избакі ны ѿ лѫкавааго**, так же читается это место в Врач., но с заменой глаголов **остави, оставлѣемъ** на **ѿпѹсти, ѿпоущаемь**. В Сав., Остр., Арх. текст совпадает с Асс., но вместо **въ искоушение** в них читается **въ напасть**, вм. **ѿ лѫкавааго — отъ непріѣзни**. В Мар. и Зогр. в отличие от Асс. употреблены: **отъпоусти, отъпоуштаемъ, въ напасть, отъ непріѣзни.**

Лук. XI, 4 текст этой молитвы в Зогр. и Мар. читается с заменой слова **длъгы** на **грѣхы**, но со словами **остави, оставлѣемъ, въ іскоушение**, но **отъ непріѣзни**. В Асс. и Врач. нет этого места. В Сав. и Арх. текст такой же, что в Мар. и Зогр., но вм. **въ іскоушение** находится **въ напасть**, в Остр. как в Сав., но вм. **грѣхы** стоит **дълъгы**.

Итак, в Мф. VI, 12—13 имеется 2 варианта текста молитвы «Отче наш»: один в Асс., другой в Зогр. и Мар. В других апракосах, а также в тетрах Лук. XI, 4 непоследовательно, по частям совмещаются оба варианта. В греч. интересующее нас место читается так: καὶ μὴ εἰσενέγκῃς ἡμᾶς εἰς πειρασμόν. ἀλλὰ ῥῦσαι ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ πονηροῦ. Славянский перевод этого места калькированный, дословный. Наличие μὴ в первой части и ἀλλὰ во второй части предложения позволяет толковать смысл предложения так: 'и не только..., но и...', т. е. 'и не только не вводи нас в искушение (соблазн, совращение), но и избави от лукавого', по типу: μὴ ὅτι ἰδιώτης, ἀλλὰ οʿ μέγας βασιλεῦς. Говоря иначе, тут наблюдается, так сказать, постепенное возрастание просьбы (требования). Если же **въ искоушение** заменить на **въ напасть** в том значении, в каком употреблено последнее слово в приведенных выше примерах, то тем самым нарушится указанная логическая стройность, так как *напасть*, т. е. *беда, несчастье, злополучие* не есть *искушение* (соблазн, совращение). В этом случае на месте ἀλλὰ следовало бы, пожалуй, ожидать

употребление вторичного καὶ в смысле: 'и не вводи нас в напасть, и избави нас от лукавого'.

Сказанное приводит к заключению, что в первичном переводе молитвы «Отче наш» не могло быть слова **напасть**, поскольку весь смысл греческого текста требует тут слова **искоусение**, строго отличавшегося в первичном переводе по значению от слова **напасть**.

Искоусение, несомненно, южнославянское слово с характерной для него приставкой из-; оно образовано, так же как и **избавление**, **изволение**, **изгънание**, **измѣнение**, **исплънение**, **исправление** и т. п., присоединением **-ие** к основе причастия. По образованию близки к нему чеш. zkoušený, словц. skúsený, но они известны только в значениях 'испытанный', 'испробованный', в тех же только значениях употребляются в них и глаголы, ср. чеш. zkusiti, словц. skúsit'. Глагол **искоусити** в ев. встречается и в этом значении, ср. Лук. XIV, 19: **и другъı рече емоу. сѫпрѫгъ воловънъıихъ коупихъ пıать. и грѣдѫ искоуситъ ихъ** (Асс, так же в Мар. и Зогр., в Сав. вм. **грѣдѫ** стоит **идѫ**, вм. **искоуситъ — искоушатъ**; в Остр. вм. **грѣдѫ** читается **χοιμῶ**; в Арх. как в Асс., но супин заменен инфинитивом).

Значение **искоусити** 'испытать', 'испробовать' является первичным, а 'соблазнять', 'совращать' — вторичным. Последнее значение фиксируется только в памятниках старославянской письменности, откуда оно вошло в русск. и болг., возможно, что польск. skusić наряду с pokusić из восточнославянских языков. Не исключено, что ст.-сл. **искоусити**, **искоусение**, **искоуситель** в значениях 'соблазнять', 'совращать' — кальки или по крайней мере необычное употребление слов.

В целом не может быть сомнения в том, что слово **искоусение** в переводе πειρασμός — первичное, поскольку оно характерно именно только памятникам старославянской письменности и встречается в апракосах.

Слово **напасть** вместо **искоусение** могли включить в Моравии, поскольку ст.-чеш. nápast известно в значениях 'западня', 'ловушка', 'приманка'[22], т. е. в близких по семантике к ст.-сл. **искоусение**, а последнего же, как видели, чеш. и словц. не знали и не знают в значении 'соблазн', 'совращение'.

Оставити также южнославянское слово с характерным для него до сих пор значением 'простить', 'прощать'. В этом значе-

[22] См. J. Gebauer. Slovník staročeský, d. II. Praha, 1914, стр. 479; «Příruční slovník jazyka českého», d. III. Praha, 1938—1940, стр. 161; F. Trávníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 988; V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 318.

нии чеш. и словц. языки и поныне употребляют odpouštěti, odpustit'[23].

В целом создается более или менее твердое мнение, что в первоначальном переводе строго различались по значению **искоушение** и **напасть**, поэтому последнее не могло употребляться вместо первого.

В этом же переводе молитвы «Отче наш» должны были быть **остави, оставлѣемъ**, которые в Моравии при составлении тетра заменили на **отпоусти, отъпоуштаемъ**, как и **въ искоушение** на **въ напасть**, **лѫкавъıи** на **непривѣзнь**. Следовательно, апракосы и здесь, как и в других местах, подводились к текстам тетра непоследовательно.

Так представляется нам проблема **искоушение** и **напасть** на месте греч. πειρασμός, вытекающая из анализа данных памятников.

Эти новые слова или старые же слова в другом значении или морфологическом оформлении, кроме того, находятся в памятниках чехо-моравского перевода или оригинального происхождения после 885 г.[24], а также в Фрейзингенских отрывках, западное происхождение которых несомненно. По указанным причинам в моравском происхождении указанных слов и форм едва ли возможно сомневаться, поскольку в большинстве случаев они подтверждаются данными западнославянских, в частности, чешского и словацкого языков. Все это можно объяснять только тем, что при переводе текст комплекторных частей в лексическом отношении сознательно подведен к речи мораван. Эти новые слова, как могли не раз убеждаться, позже получили в той или иной степени распространение и в апракосах, псалтыри, апостоле и т. д. А этот факт возможно объяснить тем, что в Моравии не только производились переводы новых памятников, но вместе с тем проводился и редакционный пересмотр старых переводов, выполненных где-то на юге, по всей видимости, на территории Византии, с целью, так сказать, унификации всех церковных книг по языку, в частности, и по лексике.

В псалтыри **жизнь, животъ** и **житие** передано одним словом **животъ**, которое в связи с этим стало весьма полисемичным. В нее включены слова **блнии** и **рѣснота** (в Син. пс.) и нек. др. моравизмы, но вместе с тем **лѫкавъıи** в значении ὁ πονηρός не заменено словом **непривѣзнь**, соответственно **небесьнъ — небесьскъ**,

[23] Примечательно, Лук. I, 77 в Зогр. читается: **дати разоумъ спнѣ людемъ его въ оставлении въ отъпоуштенье грѣхъ нашихъ**, в Мар. **въ отъпоуштении грѣховъ їхъ**. В первом по недосмотру осталось южнославянское **въ оставлении**, при этом с архаичной формой род. п. мн. ч. **грѣхъ**. Как показывает Мар., здесь произошла замена **въ оставлении** на **въ отъпоуштении**.

[24] См.: M. Weingart. Československý typ cirkevnej slovančiny. Bratislava, 1949.

осѣсти — окрочити и т. п. Изменение в псалтыри в цитате из Мф. XXI, 42 не въ рѧдоу, ἀποδοκιμάζω на неврѣдоу следует понимать так, что редактирование ее в Моравии, по всей видимости, происходило после составления тетра, но как при этом остались в ней лжкавъıи, небесьнъ, осѣсти и т. п., не совсем ясно.

Примечательно, что так называемая безымянная проповедь, не имеющая соответствующего греческого оригинала, находящаяся в Клоц. сб. (лл. 1б—3а), считается сочинением Мефодия, написанным и обращенным моравскому князю Святополку[25]. В этой проповеди находим братра (Клоц. сб. I, 81), братрьıѫ (Там же, 83) рядом с братьѣ (Там же, 108), отъ непрiѣзнi (147), цр҃ствiе бж҃iе (117), невѣѫдъствью (151), владъıчьствiе (II, 15), рачьшѫѫ (iмѣти) (I, 143) и т. д., т. е. слова и формы, характеризуемые как моравизмы. Вместе с тем в этом сочинении находим слово житиѥ: зачiнаемъ блаженое житиѥ (I, 64) в старом значении, етеръ (3 раза: I, 94; 149; 150), велье (I, 156), бесъвѣдѣтель (I, 72—73), (ст҃ъıѫ) книгъı (II, 6), а не боукъви или писанiѣ, т. е. слова, характерные для первичных переводов.

Если автором этой проповеди в самом деле является Мефодий, то все приведенное есть несомненный показатель того, что сам Мефодий усвоил моравизмы и пользовался ими. В этом случае допустимо, что в комплекторные части тетра моравизмы включены с согласия Мефодия как архиепископа Моравии. Другое предположение, видимо, исключено, поскольку трудно представить, чтобы составление тетра проходило без участия и согласования с архиепископом[26].

Приспособление лексики памятников старославянской письменности к местной моравской речи шло, во-первых, путем изменения формы однокоренных слов, в связи с чем и появились такие образования слов, которые ошибочно были приняты за слова, включенные в первичные византийские переводы, как: братръ (в форме им. и зв. п.), небесьскъ, кънижьникъ и т. п., а также прапржда, пропати, цр҃ствиѥ и др. Во-вторых, вместо

---

25 См.: «Clozianus codex palaeoslovenicus glagoliticus tridentinus oenipontanus». Ed. A. Dostál. Pragae, 1959, стр. 127 и след.

26 Следует отметить, что Законъ соудьнъıи людемъ признается переводом Мефодия, и в этом памятнике И. Вашица обнаружил ряд моравизмов. — См.: I. Vašica. Jazyková povaha zakona sudného ljudem. «Slavia», 1958, roč. XXVII, seš. 4, стр. 521 и след. — Думается, что нет ничего удивительного в том, что Мефодий за период не менее 20-летнего пребывания в Моравии мог хорошо усвоить местную речь. Мнение С. В. Троицкого, что упомянутый памятник переведен Мефодием в области Стримон в то время, когда он был правителем этой славянской области, неправдоподобно, так как при этом оказываются необъяснимыми моравизмы в этом памятнике, причем не только лексические, но синтаксические и др. См.: «Богословские труды», сб. 2. М., 1961, стр. 83 и след.

многих, по-видимому, неизвестных мораванам слов, употреблены другие, как **въложити** вм. **въдѣти**, **балии** вм. **врачь**, **единъ** вм. **етеръ** и т. д. (см. приведенный выше список). Некоторые из этих слов ныне неизвестны западнославянским языкам, в том числе чешскому и словацкому. В частности, **балии** не находит соответствия ни в старых памятниках письменности, ни в современных говорах чешского и словацкого языков. Это слово вышло из употребления, не оставив, так сказать, следов о себе. Такие явления наблюдаются. Например, в современных южнославянских языках отсутствует слово glagoliti, glagol, тогда как памятники старославянской письменности свидетельствуют о наличии их там в прошлом в значениях 'говорить', 'слово', 'речь'. Эти слова возможно объяснить только на южнославянской почве, так как сохранившиеся в чеш. и словц. hlahol, hlaholiti до сих пор известны в древнейшем значении 'звук', 'звон', 'звучать', 'звенеть' (разбираемые слова с редуплицированным корнем от и.-е. звукоподражательного **ghol-*). Говоря иначе, в западнославянских языках эти слова в своем значении не оторвались от звукоподражательной семантики. Как только в южнославянских языках govorъ, govoriti (от звукоподражательного же корня **gou-* 'крик', 'зов') приобрели значение 'речь', 'говорить', то glagolъ и glagoliti бесследно были вытеснены первыми из речи всех южных славян. Таким же образом, надо полагать, в западнославянских языках древнее balij бесследно вытеснено словом lěkarь, ср. чеш. lékař, словц. lekár.

Итак, наблюдения над лексическими вариантами памятников старославянской письменности приводят к мысли, что в Моравии происходило сознательное изменение лексики славянских церковных книг. Надо полагать, этот процесс в какой-то степени коснулся и грамматики, но язык памятников старославянской письменности в этом плане не изучался. В частности, в отношении грамматическом моравские тексты, как об этом свидетельствуют данные Киев. лл., Клоц. сб. и др., характеризуются употреблением всех архаических форм аориста, но в то же время эти тексты характерны употреблением стяженных форм прилагательных, причастий и имперфекта, не говоря о других особенностях. Правда, по отношению к памятникам чехо-моравского происхождения после 885 г. такая работа проделана в незавершенном труде М. Вайнгарта «Československý typ cirkevnej slovančiny», посмертно изданном Я. Станиславом.

Достойно внимания то, что внесенная из речи мораван лексика в фонетическом отношении приспособлялась к южнославянской фонетической системе. Так, пожалуй, несомненно, что в первичном переводе греч. πλοῖον всюду и последовательно передавалось словом **корабль**, πλοιάριον — **корабиць**. Такие апракосы, как Асс., Сав., Остр., Арх., Врач., не знают другого слова на месте указанных греч. πλοῖον, πλοιάριον. В Мар. и Зогр.

Мрк. I, 19, 20; III, 9; IV, 36, 37; V, 18 находим ладии и ладиица. Эти места в апракосы не входили. Ио. VI, 17 в Асс., Остр. и Врач. къ корабль (Сав. и Арх. нет этих мест), а в Зогр. и Мар. — къ ладиж (в изд. Ягича в Зогр. здесь ошибочно къ галиж, в рукописи же — ѧ҃ѧ҃ѧ҃ѕ҃ѳ҃є).

Таким образом, в комплекторных частях тетра, переведенных в Моравии, более вероятна замена непонятного для западных славян корабль словом ладии, притом 1 раз Мрк. I, 19 в Зогр. читается даже къ ал'дии. Кроме того, Ио. VI, 17 в тетрах опять находим замену корабль на ладии. При этом последнее слово не написано по западнославянскому звучанию *lod-*, а приспособлено к южнославянской фонетической системе *lad-*.

В. Ф. Мареш считает, что недѣлы цвѣтьныѧ вошло в памятники старославянской письменности из речи мораван, но и это выражение звучит по-южнославянски, а не по-западнославянски května [27].

Приведенные факты следует истолковать так, что первые переводчики нормой для старославянского языка признавали южнославянское фонетическое оформление слов, поэтому и моравизмы подводили под это звучание.

Для нас сейчас неясно, насколько и в каком объеме изменена лексика первоначальных переводов апракоса, псалтыри и апостола в Моравии, хотя сам факт такого изменения как будто не подлежит сомнению. Для выявления в основном всей лексики, внесенной в памятники старославянской письменности в Моравии, потребуется исследование всех лексических вариантов в памятниках старославянской письменности. Характерно, однако, что в памятниках, перевод которых признается произведенным в Моравии, наряду со словами, введенными в Моравии, употребляются и те слова, взамен которых они были включены в церковные книги. Этот факт делает, например, лексику Син. трб. весьма пестрой по составу. Даже такой памятник, как Супр. рук., в своем лексическом составе, наряду с большим количеством восточноболгаризмов, содержит в каком-то количестве и моравизмы.

4

Надо полагать, что принесенные после 885 г. в Болгарию памятники старославянской письменности были моравской редакции. Ученики Константина и Мефодия, продолжая моравскую традицию, видимо, согласились подвергнуть принесенные

[27] См.: F. V. Mareš. Недѣлы цвѣтьныѧ... «Slavia, 1956 roč, XXV, seš. 2, стр. 258—259; K. Horálek. K otázce lexikálních bohemismů v staroslověnských památkách. «Slovanské studie. Vajsův sborník». Praha, 1948, стр. 118 и след.

книги новой, восточноболгарской редакции [28]. Ничем иным нельзя объяснить то, что такой глаголический памятник, как Зогр. ев., несет в себе явные следы восточноболгарской редакции. Пожалуй, этот памятник можно назвать первичной восточноболгарской редакцией, еще не проведенной последовательно, проявившейся в лексике в основном спорадическими заменами одних слов другими, вроде употребления невыдержанно часъ вм. година, скоро вм. ѭдро, съборъ вм. сънѣмъ, подроугъ вм. искрьнии, пастоухъ вм. пастъирь, лѣкъи вм. шюи, единочадъ вм. иночадъ, хоуление вм. власфимиѣ (Мрк. VII, 22) кръѵагомъ (Мрк. VII, 8) в Мар. ѵъваномъ (в апракосах нет этого места) [29], мьздоимьць вм. мытарь, ничьтоже вм. ничесоже (Лук. IV, 2) и нек. др. По-видимому, в Зогр. не случайны такие чтения, как Мрк. X, 46: і исходѧштю емоу въ ерихона, в Мар. отъ ерихона; Мрк. XIV, 12: къде хоштеши. шьдъше оуготовѧемъ ти да ѣси пасха, в Мар. пасхѫ; Лук. XII, 26: чьто въ прочиіхъ печете сѧ, в Мар. о прочиихъ...; Мф. IV, 13: вьсели сѧ въ капернаоумъ на поморие [30], в Мар., Асс., Сав., Остр.: въ помирие; Мрк. XIII, 28: отъ смоковьница же навъкнѣте притъчи, в Мар. притъчѫ; Лук. XI, 39: вънѣштьнѧѧ стъклѣница. і блюдомъ очиштаете в Мар. вънѣштьнее стъкльници и мисѣ; Мрк. X, 12: жена поустивьши мѫжа си посагнетъ, в Мар. ... поуштьши мѫжа посагнетъ; Лук. XV, 16: і никътоже даѧше моу, в Мар. не даѣше емоу и нек. др. Можно ли считать приведенные факты, свидетельствующие о неумении употреблять нужные падежные формы, об употреблении так называемого двойного дополнения: мѫжа си, об употреблении формы моу вм. емоу, притом весьма нередко, и т. п., — случайностями? Думается, что нет, поскольку они находятся в ряду неумения употреблять правильно ь и ъ, ѫ и ѧ и таких написаний, как пристѫпь, -ьше; оставь, -ьша, -ьше, ставьши вм. ставльши; авьша сѧ, приставенье и т. д., явно показывающих, что в речи писца отсутствовал l-epentheticum.

Что касается глагольных форм, то нет сомнения, что, например, в языке редактора и писца Зогр. ев. отсутствовали

[28] Об этом имеется и прямое свидетельство. Так, в пространном житии Климента Величского утверждается, что Климент, потрудившись в продолжение 7 лет, дал болгарам церковные книги, «обработанные на болгарском языке». — См. Н. Л. Туницкий. Материалы для истории жизни и деятельности учеников св. Кирилла и Мефодия, вып. 1. Сергиев-Посад, 1918, стр. 127.

[29] Кръѵагъ, как полагают, — тюркизм, едва ли мог войти в перевод комплекторных частей тетра в Моравии. По этой причине это слово следует рассматривать как замену ѵъваньъ в восточной Болгарии.

[30] В рукописи предлог на дописан тем же почерком над словом. Это значит, что первоначально предлог был пропущен, потом при сверке писец дописал его так, как говорится в его речи.

простые и сигматические на -sъ аористы, причастия типа: **поүшть**, **оүѣзвль**, **хвалъ**, и т. п.[31]

Возможно, что Зогр. ев. явится основанием для характеристики восточноболгарского наречия X—XI вв. в том же плане, как и Остр. — для характеристики древнерусского языка. В связи с этим утверждение Ягича, что «между всеми до сих пор известными памятниками первое место занимает Зографское евангелие, подходя лучше всех к идеальному церковнославянскому или старославянскому языку...», что отступления от него других памятников следует признавать как отступление от «вернейшего зеркала старославянского языка»[32], следует считать сильно преувеличенным. Кстати, против этого утверждения Ягича в свое время справедливые возражения высказал Н. К. Грунский[33].

По всей видимости, когда в Болгарии в Симеоновскую пору была составлена и принята взамен глаголицы кириллица, то редакционная работа стала принимать более широкие размеры вплоть до изменения текстов моравской редакции или даже первичных переводов с целью дословной передачи греческих текстов. Это и называет Вондрак погромом работы прежних переводчиков[34].

Как показывают проведенные наблюдения, лексика памятников старославянской письменности, принесенных в Болгарию после 885 г., значительно отличалась от лексики местной болгарской речи. Там оказались непонятными многие слова памятников, поэтому они заменялись другими, туземными. По этой причине вместо **лшють** и **спъти** в памятниках и появились **безоүма** и **бездобь**, слово **тоүне** стало употребляться реже (напр., в Супр. рук. оно встречается всего 2 раза) и нередко неправильно. **Дрьколь** здесь систематически заменяли словом **жрьдь**. Если допустить, что в первичном апракосе греч. ξύλον и δορύ было передано словом **посохъ**, о чем можно судить на основании данных ряда памятников (об этом см. еще ниже), почему же тогда в восточной Болгарии не восстановили это слово вместо предполагаемого западнославянского **дрьколь**? **Съвѣдѣтельство**, **съвѣдѣтельствовати** заменяли на **послоүшьство**, **послоүшьствовати**; вместо **кънити** писали **кълѣсти**; вм. **клепати** — **знаменати**, вм. **кънигъ** в значении 'буква', 'знак письма' в восточной Болгарии широко вошло в употребление **писмо** — **писмена**, в значении 'проповедь', 'священное писание' — **писание**; **власвимиѣ**

---

[31] По-видимому, Зогр. ев., как глаголический памятник, могло редактироваться в восточной Болгарии еще до массового введения там кириллицы взамен глаголицы, т. е. не позднее начала X в.

[32] И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие, стр. 423.

[33] См.: Н. К. Грунский. К Зографскому евангелию. «Сб. ОРЯС», т. XXXIII, № 3. СПб., 1907.

[34] См.: V. Vondrák. O cksl. překladu evangelia..., стр. 27.

заменяли словом — хоула; чрѣжденіе — гоненіе; деръ — въздоухъ; жалъ и гробиште — гробъ; иночадъ — единочадъ и многое другое (см. еще список, приведенный выше на стр. 284)[35].

Характерно еще то, что в памятниках старославянской письменности в восточноболгарской редакции во многом нарушено словоупотребление, которое наблюдается в тех же памятниках без явных черт этой редакции. В памятниках восточноболгарской редакции путают употребление слов: ложе и одръ, тети и бити, искони и испрьва, жизнь и животъ, храмъ и домъ, власть и область, чрѣво и жтроба и т. д. Все это крайне затрудняет изучение лексических вариантов.

В восточной Болгарии не ограничилось дело только вытеснением западнославянизмов в лексике, как полагает В. Погорелов[36], этот процесс зашел далеко вглубь; тут исключены и заменены многие первичные слова, которые в моравских редакциях памятников старославянской письменности остались большей частью нетронутыми, вроде: лшютъ, спѣти, прѣпрѫдь, шюи, тьма (μυριάς), съвѣдѣтельство, натроути, сапогъ, женихъ, съньмъ и т. п.

Все сказанное дает повод утверждать, что восточноболгарская лексика заметно отличалась от лексики того южнославянского говора, на который были впервые переведены с греческого языка церковные книги. Полное выявление восточноболгарских лексических замен даст ценнейший материал для характеристики староболгарской лексики сравнительно со старославянской лексикой, понимая под последней словарный состав того южнославянского архаического диалекта, на который были переведены впервые церковные книги в середине IX в.

* * *

Таковы основные изменения лексики, происшедшие в памятниках старославянской письменности в результате неоднократных редакционных правок, проведенных в Моравии и восточной Болгарии. При этом характерно то, что разные рукописи носят в себе следы различной степени редакционной правки, особенно это касается восточноболгарских редакций памятников. Так, Зогр. носит явные следы восточноболгарской редакционной правки в виде изменений блии на врачь в комплекторных частях, то же мисл на блюдо, година на часъ, искрьнии на подроугъ, съньмъ на съборъ, шюи на лѣвъи, пискати на свирати, последние не только в комплекторных частях. В сравнении с Зогр. в Сав. эти редакционные замены одних слов другими

[35] См.: А. С. Львов. Особенности в лексиката на Остромировото евангелие. «Български език», 1958, год. VIII, кн. 3.

[36] См.: В. Погорелов. Опыт изучения текста Саввиной книги. «Sborník filosofické faculty University Komenského, roč. V. Bratislava, 1927, стр. 77.

приняли более систематический характер, тут уже вместо дрьколь читаем жрьдь, вм. етеръ — нѣкъи и единъ, вм. съвѣдѣтель — послоухъ (Мф. XVIII, 16), вм. гпокритъ — лицемѣръ, вм. въ ближьнѣмь градѣцѣ (Мар., Зогр., Асс.) — въ окрьстѣнѣмь вси, вм. пастъирь — пастоухъ, вм. клеврѣтъ — подроугъ, вм. зѣлъ (плодъ) — прахнѣнъ (Мф. XII, 33)[37], вм. плодъ — агода и т. д. Сравнивая Сав. с Остр., В. Погорелов пришел к выводу, что в последнем редакционная правка и изменения проведены еще более систематически[38].

Редакторы, по-видимому, по недосмотру в отдельных местах оставляли те или иные слова, которые в других заменяли новыми словами. Таким образом, например, в Асс., Мф. VI, 13 читается ѡ лѫкавааго, но Ио. XVII, 15: ѿ непрiѣзни; Мф. VI, 2: гпокрiтi, но там же, 5: лiцемѣрi; Ио. VI, 17: кълѣзьше, там же, 22: вънидѫ, там же, 24 опять вълѣзѫ (во всех случаях: въ корабль); Ио. XXI, 15: пасi агньцѧ, там же, 17: пci овцѧ; Мф. XXII, 18: разоумѣвъ же иc лѫкавествiѣ ихъ рече, а Лук. V, 22: разоумѣвъ же иc помъышленiѣ ихъ; Мф. XXIV, 43: не бi оставилъ подъръıти храмiнъıи своѭ, то же Лук. XII, 39 (в тетрах тут: подъкопати), Мф. VI, 19 и 20 и в Асс. подкопаваѭтъ; Мрк. XV, 23: и дѣахѫ емоу пiтi. озмърено вiно; Мф. XXVII, 34: да емоу пiтi оцетъ съ зълъчiѭ размѣшенъ. Таким образом, в Мф. XXIII, 37 в Асс. осталось лѫжѣ; Мф. VIII, 28 в Мар. и Арх. жѧль (μνημεῖον), в Арх., Мрк. 1, 7 възкѫзъı вм. ремене в других памятниках и т. п.

В результате всех подобных изменений в лексике одной и той же рукописи образовался разнобой, причем в одних рукописях в меньшей, а в других — в большей степени. Кроме всего этого, как было показано во введении, апракосы нередко составлялись из разных рукописей, каждая часть которой имела характерные лексические и грамматические особенности.

Все эти лексические замены несомненно разрушали единую, стройную диалектную основу словаря первичного перевода, тем самым язык рукописей становился сборным, порою искусственным. Тот же процесс пережила и грамматика. Теперь одна и та же рукопись стала носителем нескольких диалектных слов или особенностей языка вообще. Сошлемся на несколько примеров. Так, в Асс. находим первичное жизнь (Ио. VI, 40) и западнославянское животъ в остальных местах; лѫкавъıи (первичное) и непрiѣзнь (западнославянское), кънигъчии (Мф. XXIII, 34, первичное) и кънижьникъ (введенное взамен первого в Моравии), съньмъ (первичное всюду, за исключением восточно-

[37] Ф. Гривец считает, что прахнѣнъ в Сав. — моравизм. См.: F. Grivec. Cyrillo-Methodiana. «Slovo», 6—8. Zagreb, 1957, стр. 27 и след.

[38] См.: В. Погорелов, Указ. соч., стр. 115 и след.

болгаризма **съборъ** в календаре л. 118б, 23), **кънигы** (первичное всюду, за исключением восточноболгаризма **писание**) вм. **кънигы** (Ио. XIX, 37), **братъ** (первичное) и 1 раз **братръ** (западнославянское, имеем в виду только форму им. п. ед. ч.) и т. д. В Сав. читается то **етеръ** (первичное), то **единъ** (западнославянское), то **нѣкыи** (восточноболгарское); **небесьнъ** (первичное), **небесьскъ** (западнославянское); **дрьколь** (западнославянское), **жрьдь** (восточноболгарское); **съньмъ** (первичное), **съборъ** (восточноболгарское); **жизнь вѣчнаа** (7 раз, первичное), **животъ вѣчьныи** (западнослав., несколько раз) и т. д.

Если сравнить Асс. и Сав. кн., то в последней, несомненно, восточноболгаризмов больше и они выступают как бы более систематично. Да и сам текст Сав. кн. во многих местах сближен с тетрами, кроме того, в ней же немало мест, свидетельствующих о рабском сближении текста с канонизированным греческим оригиналом.

Говоря иначе, одни тексты больше сохраняют первичные слова, другие — меньше. В одних памятниках, как Мар. ев. или первая часть Арх. ев., почти не ощущается наличие восточноболгаризмов, но зато в них, особенно в Мар. ев., пожалуй, более отчетливо заметна струя западнославянизмов. Супр. рук. в лексике наряду с восточноболгаризмами имеет явные следы западнославянизмов, а также порою в ней отчетливо ощущается и первичная лексика.

Итак, смешанный характер лексики, особенно в разночтениях, или употребление одних и тех же слов в разных значениях как в пределах одного, так и в разных памятниках — несомненен. Истоки этой смешанности прежде всего следует искать в разнодиалектной среде: то ли это первичные слова, т. е. слова того южнославянского диалекта, на который перевели впервые церковные книги и которым переводчики владели; то ли это моравизмы, включенные, по-видимому, сначала в перевод комплекторных частей тетра, а затем в процессе редакционного пересмотра и в более ранние переводы; то ли это восточноболгаризмы, введенные после 885 г. (точнее, видимо, уже в X в.), при новом редакционном пересмотре с целью сближения текста церковных книг с греческими канонизированными текстами, с одной стороны, и с живой болгарской речью — с другой.

Вопрос, проводилась ли редакционная правка принесенных рукописей из Болгарии на Русь, в этом плане не рассматривался. В самых старых списках евангелий, как Остр. и Арх., словарные замены в смысле сознательного включения восточнославянских слов вместо южнославянских почти не выявляются, но вместе с тем текст их поступательно приспособлялся к древнерусскому произношению. В связи с этим у нас памятники старославянской письменности были включены как источники изуче-

ния исторической фонетики и грамматики русского языка. Мысль Г. Воскресенского о русской редакции полных апракосов требует специальной проверки[39]. Весьма подробная рецензия М. Н. Сперанского на труды Воскресенского убеждает, что Воскресенский свои выводы должным образом не сумел обосновать[40]. К. Горалек заметил, что нередко в так называемых русских редакциях, а также в богомильских текстах памятников старославянской письменности безусловные архаизмы в лексике подчас сохранились лучше, чем в подобных же памятниках восточноболгарских списков[41]. В частности, в Арх. находим **кладязь** на месте греч. πηγή (Ио. IV, 6); **жаль** на месте греч. μνημεῖον; **възвязъı** на месте греч. ἱμάς; **посохъ** ξύλον; **онъсица** ὁ δεῖνα, которые признать за вторичные затруднительно. В самом деле, **кладязь** на месте πηγή, кроме Син. трб. (21а, 16), употребляют многие другие памятники (см. Miklosich, Lex., стр. 268). Кроме того, оно по значению соответствует греч. πηγή. **Възвязъı** встречается и в Трнов. ев., никогда не бывшем на Руси. Поскольку **посохъ** широко употребительно в древнерусской письменности как название оружия (см. Срезн. Мат. II, 1252), можно подумать, что в Арх., Юрьев. ев. 1119 г., четвероев. 1144 г. и др. оно включено русскими грамотеями вместо **дрьколь** или **жрьдь**. Поскольку же **посохъ** в том же значении ξύλον находится в Патерике сп. XIV в. сербского списка, в Трнов. ев. болгарского списка и т. д. (Lex. 637), то вопрос о русизме слова **посохъ** в восточноболгарских списках книг само собою отпадает. Мф. XXVI, 18 в греч. читается ὁ δὲ εἶπεν. Ὑπάγετε εἰς τὴν πόλιν πρὸς τὸν δεῖνα, καὶ εἴπαιτε αὐτῷ, в ст.-сл.: **онъ же рече. идѣте въ градъ къ онъсици** (Арх.); **къ дінѣ** (Асс.); **к кдиномоу** (Остр.); **къ некомоу** (Сав.); **къ етероу** (Зогр., Мар., Врач.) **и рьцѣте емоу**... Таким образом, во всех списках текст один и тот же, причем точно соответствующий греческому, за исключением передачи πρὸς τὸν δεῖνα. Как известно, Мф. XXVI идет речь о подготовке к пасхе. Иисус и посылает учеников в город, судя по греческому тексту, к какому-то, должно быть, ему известному, но неизвестному ученикам человеку, т. е. посылает «к такому-то». Это понятие, несомненно, точно передает славянское **къ онъсици** буквально 'к тому-такому' (далее, видимо, подразумеваются определенные признаки этого 'того-такого')[42].

[39] См.: Г. Воскресенский, Характеристические черты четырех редакций славянского перевода ев. от Марка по 112 рукописям XI—XVI вв. М., 1896, стр. 33 и след.

[40] См.: «Записки Академии наук по историко-филологическому отделению», т. III, № 5. СПб., 1899.

[41] См.: K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 265 и след.

[42] Мрк. XIV, 13, собственно, названы эти признаки, ср.: **идѣта въ градъ и сърѣщетета въı улкъ. къ скѫдѣльницѣ водѫ носѧ** (в апракосы не входило это место); то же Лук. XXII, 10: **се въшедъшема вама къ градъ. сърѣщетѣтъ въı улкъ. къ скѫдѣльницѣ водѫ носѧ** (и это место не входило в апракосы).

Слова къ ѥтероу, греч. τις, ѥдиномоу и нѣкомоу указанного значения не передают (о чем уже говорилось в главе ѥтеръ — нѣкыи — ѥдинъ). Полагать, что в первичном переводе было къ дынѣ, означало бы, что первые переводчики греч. δεῖνα приняли за собственное имя. Подобное допущение едва ли возможно и обоснованно.

К. Горалек пришел к выводу, что такие апракосы, как Асс. и Остр., сравнительно с тетрами Зогр. и Мар. более привязаны к греческому тексту. В Асс. и Остр., по его мнению, устранены разные характерные обороты, перифразы и сокращения, в них увеличилось число синтаксических калек. В Зогр. и Мар. больше свободного перевода. Горалек считает, что из апракосов в Сав. сохранилось больше всего от первичного перевода, поскольку этот памятник ближе к Зогр. и Мар. Действительно, как могли не раз убедиться, в Сав., в отличие от Асс. и Остр., больше совпадений текстов с Мар. и Зогр.[43], но зато в Сав. больше распространены моравизмы. Так, в ней в значительном количестве употребляется ѥдинъ вместо ѥтеръ, небесьскъ вм. небесьнъ, кратъı вм. шьдъı и т. п. Все это, по данным, следует истолковать так, что текст Сав. кн. подвергался более или менее тщательному редакционному пересмотру в Моравии, в процессе чего редакторы могли ее текст большей частью точнее согласовать с принятой в Моравии редакцией тетров. В процессе редактирования в лексику Сав. кн. и внесли западнославянизмы.

Горалек, как уже сказано (см. «Введение»), делает другой вывод: первичный перевод сохранился в Зогр. и Мар.[44] Такое заключение, по нашему мнению, не соответствует действительности. Вполне естественно, что в первичном переводе должна чувствоваться большая привязанность славянского текста к греческому оригиналу. Поскольку улучшение текста переводов в тетрах не подлежит сомнению, то и вопрос должен решаться иначе, т. е., например, перевод Ио. IV, 6 πηγή не по смыслу, а дословно словом кладазь; δεῖνα словом онъсица, ἱμάς — възжзъı и т. д. может относиться к первичному переводу.

Представление, что Константин-философ, как высоко образованный человек, сразу мог дать лучший образец перевода, который позже только портили, ни на чем серьезном не основано. Факты свидетельствуют об обратном: при составлении тетра прежний перевод апракоса исправляли в лучшую сторону. И это естественно. Кроме того, приспособление лексики прежних переводов к языку мораван — факт бесспорный, свидетельствующий о понимании переводческого дела и назначении его

[43] См.: K. Horálek. Význam Savviny knigy pro rekonstrukci stsl překladu evangelia. Praha, 1948.

[44] См.: K. Horálek. Evangeliáře a čtveroev. . ., стр. 291 и след

теми, кто работал на этом поприще в Моравии. Как указано выше, участие же в переводах Константина-философа даже проблематично.

Задача заключается, таким образом, в том, чтобы, используя все возможности, привлекая большое количество памятников, выявить лексику первичных переводов, а также установить дальнейшие изменения этой лексики в Моравии и в восточной Болгарии. Это же касается и других сторон языка старославянских переводных памятников — фонетики, морфологии и синтаксиса.

В целом было и остается ясным, что в дошедших до нас списках памятников старославянской письменности не сохранился тот оригинал, каким он вышел из рук первых переводчиков. В процессе последующих правок, редакционных сверок с греческим оригиналом различных редакций, а также изменений текста с целью приспособления языка памятников к языку тех, среди которых проводилась церковная служба, дошедшие до нас старшие списки славянских церковных книг, восходящих, по-видимому, через несколько списков к первичным переводам, представляют результат неоднократных изменений лексики и грамматики. Этот факт обязывает рассматривать наличные памятники старославянской письменности не как единое целое по языку, а как тот или иной тип приспособления текста первичных переводов к местной речи мораван, болгар, русских и т. д. Об этом более 30 лет назад писал еще Н. Дурново[45]. Тем не менее исследование языка памятников старославянской письменности не приняло такое направление.

Говоря иначе, мы должны исходить из того положения, что для нас в целом лексика первичных переводов, отражающая живой словарь того весьма архаического южнославянского диалекта, является искомой величиной. Язык того диалекта, условно называемый старославянским, действительно, уже для середины IX в. был старым, архаическим диалектом, и этот говор в основных чертах отражал состояние праславянского языка поздней поры. Кроме того, этот диалект был славянским, но отнюдь не моравским и не болгарским середины IX в.

Существующие методы изучения лексических вариантов в памятниках старославянской письменности требуют улучшения и частичного пересмотра. Не только следует учитывать наличие лексических вариантов и констатировать их употребление в определенном кругу памятников, как это делается в основном до сих

[45] См.: Н. Дурново. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. «Byzantinoslavica», roč. I. Praha, 1929, стр. 48 и след.; A. Dostál. Staroslověnsky jazyk, jebo strukturná charakteristika a lokalní typy. «Československé přednaški pro V. Mezínarodni sjezd slavistů v Sofii». Praha, 1963, стр. 11 и след.

пор, но необходимо всесторонне изучать их в тексте, выявляя значение и роль в динамике, сравнивать их с данными живых славянских языков, учитывая исторические изменения этих данных, и т. д.[46] Лишь такой всесторонний анализ предоставит те данные, на основании которых возможны соответствующие и обоснованные обобщения.

Даже такое всестороннее изучение лексических вариантов порою приводит к гипотетическим выводам. На первых порах, видимо, полезны и такие выводы, вызывающие спор и необходимость дальнейших разысканий.

* * *

Проведенные наблюдения требуют уточнения в употреблении терминов «первичная» и «вторичная» лексика. До сих пор под первичной понимали ту лексику, которая употреблена первыми переводчиками (под ними разумеют Константина и Мефодия с их помощниками). То, что внесено взамен этой лексики, именуется вторичной. В практике исследования употребление этих терминов вызывает затруднения. По всей видимости, апракос, псалтырь и апостол переведены первыми переводчиками где-то на территории Византийской империи, притом едва ли в Константинополе[47].

Перевод этих памятников, как отмечено, выполнен на весьма архаический славяно-македонский диалект, в лексическом отношении во многом не совпадавший с восточноболгарским наречием.

Лексику упомянутых памятников в первоначальной редакции можно назвать первичной не в генетическом плане, а только в плане фиксации ее в письменности.

Однако лексику комплекторных частей тетра и других памятников, переведенных в Моравии, во многом совпадающей со словарем первоначально переведенных памятников и в то же время отличающейся от них, нет оснований относить ко вто-

[46] Например, если исходить из данных словарей болгарского языка, в нем находим *мито*, *митар*, *митница*. Однако памятники старославянской письменности восточноболгарской редакции, бесспорно, свидетельствуют о том, что этих слов в восточноболгарском наречии X—XI вв. не было. На основании словарей чешского языка можно подумать, что слова písmeno и kniha в нем существуют издавна. Но данные «Slovník'a staročeský» Гебауера свидетельствуют о том, что в нем в прошлом в значении 'буква' употреблялось četna, а в значении 'книга' — buk, bukev. Странная форма písmeno (видимо, ед. ч. образовано от мн. ч. písmena), по данным материалов старочешского словаря, в памятниках чешской письменности фиксируется только с XVIII в.

[47] Дело в том, что сличительное изучение Асс., Остр. приводило исследователей к выводу, что они отражают не греческий канонизированный текст, а близкий к другим (александрийским) текстам. Вполне понятно, что в Константинополе переводчики не могли ориентироваться не на греческие канонизированные тексты.

ричной. Эти памятники, по всей видимости, переводились при участии тех же лиц, которые переводили апракос, псалтырь и апостол, но в переводах новых памятников в Моравии могли участвовать и те лица, которые для этого дела были подготовлены миссионерами из туземцев Моравии. С помощью этих лиц в новых переводах вместо слов южнославянского диалекта, оказавшихся в первичном переводе, но непонятных мораванам, сознательно употреблялись местные слова, подводя их под южнославянское произношение. Подобные моравизмы по отношению памятников, переведенных в Моравии, несомненно являются первичными, потому что до этого времени в других переводах данные памятники не существовали.

Поскольку моравизмами заменялись слова того южнославянского диалекта, на язык которого были переведены апракос, псалтырь и апостол, то в последних памятниках новые слова, включенные взамен так называемых старых, едва ли удобно относить и называть первичной лексикой. Эта лексика в смысле употребления их в одних и тех же памятниках, несомненно, является вторичной.

Выходит, что в зависимости от характера памятника и их списков одни и те же слова приходится относить то к первичным, то к вторичным. Конкретно, в комплекторных частях тетра **братръ**, **дрьколь**, **небесьскъ**, **непрѣзнь**, **напасть** (последнее в значении 'соблазн', 'искушение') и т. п. являются первичными, но в списках апракосов их уже следует относить к вторичным.

В восточноболгарских редакциях в указанном же плане одни слова следует именовать вторичной лексикой, а другие третичной. Например: **съборъ** вм. **сънѣмъ**, **лѣвъıи** вм. **шюи**, **пастоухъ** вм. **пастъıрь** и т. д. являются вторичными, а **жрьдь** вм. **дрьколь** (если последнее вм. первичного **посохъ**) пришлось бы считать третичной. В памятниках письменности, переведенных впервые в восточной Болгарии, вся местная, восточноболгарская лексика, является первичной, поскольку вместо них другая лексика не употреблялась.

Кроме того, термины «первичная» и «вторичная» лексика постоянно воспринимаются в плане генетическом, и не в этом плане они в употреблении теряют свое прямое и точное значение. Так, **животъ**, по всем данным, в генетическом плане старше формы слова **жизнь**, имевшего распространение только в южных и восточнославянских языках. В плане изучения лексики памятников старославянской письменности **жизнь** приходится признавать первичным словом, например, в обороте речи **жизнь вѣчьнаıа**, а **животъ** там же — вторичным.

В результате всего этого термины «первичная» и «вторичная» лексика теряют свое устойчивое моносемантическое значение, что для научного термина недопустимо. По этой причине необходима замена их другими, более точно передающими

то научное понятие, которое вкладывается в них. Как будто следует считать лучшими введение в употребление таких терминов, как: южномакедонизм, моравизм и восточноболгаризм.

Употребление этих новых терминов вместо «первичное слово» и «вторичное слово» выгодно прежде всего потому, что они, т. е. вновь предлагаемые термины, подчеркивают диалектный и географический характер слова и не увязываются с проблемой генезиса слова. При этом в плане развития старославянской письменности и литературы под южномакедонизмами будет подразумеваться та лексика, которая употреблялась при первоначальном переводе апракоса, псалтыри и апостола. Эта лексика по происхождению может быть и общеславянской, и только местной, принадлежавшей либо только тому архаическому диалекту, на который впервые переводились церковные книги, либо общей, например, для части южных и восточных славян. Конкретно, к последней, по-видимому, следует относить слова типа **кладѧзь**, **лѫкавъıи**, **посохъ**, **сапогъ** и т. д. Эти слова неизвестны западнославянским языкам. Слово **онъсица**, по имеющимся данным, преимущественно было известно только македонским славянским говорам.

Термин «моравизм» будет характеризовать ту местную западнославянскую лексику, которая была употреблена в местной моравской речи и вместо которой в южномакедонских говорах были известны другие лексические элементы. Конкретно в Моравии не знали и не употребляли слова **кладѧзь**, **лѫкавъıи**, **небесьнъıи**, **посохъ**, **сапогъ** и т. д. По этой причине, чтобы памятники стали понятны местному населению, переводчики и редакторы употребляли **стоуденьць**, **непрѣзнь**, **небесьскъ**, **дрьколь**, **урѣвии** и пр.

Восточноболгарское наречие по своему лексическому составу отличалось как от того архаического южномакедонского диалекта, на который впервые переведены церковные книги, так и от моравского западнославянского диалекта. Это отличие, по-видимому, было весьма ощутимым. Только этим можно объяснить бросающийся в глаза в памятниках старославянской письменности значительный слой более или менее легко выделяющейся восточноболгарской лексики.

Наконец, употребление вновь предлагаемых терминов выгодно еще в том отношении, что они более явно показывают смешанный характер лексики памятников старославянской письменности, а также процесс превращения старославянского языка в общеславянский литературный язык.

Однако достоинство и недостатки вновь предлагаемых терминов взамен употреблявшихся до сих пор «первичное» и «вторичное» слово, их точность может быть проверена практикой дальнейших исследований.

Словоуказатель

авне 37, 142, 288
авраамль 282
агода 301
аеръ 283, 300
акридъ 186
алъкание 12
алъкати 281
алъчѫщь 182
ал'дні 297
амінь 117, 283
анъгелъ 283
архиереи 283
архитриклінъ 283
ашютъ 21
ашютъ 3, 13, 17, 20—38, 164, 289, 300

багъръ 222
багърѣнъ 121, 200
багърѣница 121, 211, 220, 222, 284
бални 3, 39—48, 98, 167, 294, 300
ьалинскъ 44
ьалованье 39, 40, 43, 47
ьальство 40—43, 45, 47, 48
ьездобь 18, 24, 39, 299
безоѹма 18, 20—39, 164, 299
безоѹмьнъ 10
береско 156
бесъвѣдѣтель 295
бесѣдовати 12
бимь — бѫ 283
бисьръ 12
бити 166, 300
благовеличити 10
благоличити 10
близъ 9, 48—52
ьлизь 29, 48, 52, 58
ближии 56
ьлижика 12, 49, 52, 56, 57
ближьнии 48, 49, 51—53, 56—58, 120, 284, 301
ближьникъ 56
блюдо 3, 9, 58—65, 98, 167, 290, 300
блюдъ 59
блюдъка 59
болѣзнь 13, 70, 195, 196
болѫщии 39
боѣзнь 107
ьракъ 46
братолюбьство 66
братоѹбиство 66
братъ 65—67, 290, 302
братръ 8, 65—67, 290, 295, 302, 307
братрьнь 66
братинѣ 65—67, 251 295
братринѣ 65—67, 295
братъство 66
брачьнъын 103
бръсель 156
боукарь 157
боукъвьи 3, 14, 153—157, 162, 236, 238, 290, 295
боукъвьница 157
бъчела 89
бѣлъ 10
бѣсъ 195, 196, 199

варовати 12
варовьнъ 12
варъ 13
велье 295
велѣти 12, 247
веселие 10
всело 131
вечерѣ 267
видѣти 10, 182
вижь 61, 62
вино 8, 301
виноградъ 95
владычьство 295
власвнимиа, власенимѣ 43, 89, 121, 283, 298, 299
власожельць 5
власть 69—71, 128, 196, 286, 300
властьница 211

влащь 12
влѣна 74
влѣноватн 75
влѣноватн сѧ 75
влѣнити 75
влѣнѣти 75
влѣнѣти сѧ 284
влѣнѧштнн 73
влькъ 224
вода 9, 76, 209, 303
волѣ 247
врачебьнъ 40
врачебьнъи 40
врачевати 40, 47
врачевъ 39
врачевьнъ 40
врачевьскъи 40
врачь 3, 39—48, 89, 98, 167, 290, 296
врачьба 40, 195
врачьство 40—42
врѣдити 190
врѣдъ 190
врѣменьнъ 262
врѣмѧ 261, 263, 291
врѣшти 8, 286
въврѣшти 8, 72, 89
въдѣти 6, 71—72, 289, 296
възалъкати 281
възвратити 9
възвѣзда 225, 228, 229, 301, 303
възглавьница 204, 228
въздоуҳъ 143, 300
въздѣти 71, 73
възлакати 281
вѣзлѣшти 281
възлѣти 9
възлюбити 43
възѧти 88, 89
въпагати 8, 286
въпати сѧ 73—75, 284
въпаюмо 73
въпивати 8, 286
въложити 6, 8, 71—72, 83, 289, 290, 296
въпѣсти 43, 284, 299, 301
въмѣтати 8
вънити 13, 43, 49, 281, 284, 299, 301
вънъзити 9
вънѫтрь 13
въплъчение 150
въсадити 8, 114, 286
вьскорѣ 234, 235, 237
въслѣпати 76—78, 139, 284
въспитѣти 182, 183, 186
въсоуе 20, 21, 24, 25, 38
вътъште 21, 25
въходити 76, 78
въходити 76—78
вьсь миръ 13, 120, 196
въвръшти 26
въгънати 12, 26
въпазити 12
въпѣсти 12
въписти 26
въринѫти 26
въспрь 29
въходити 12
въше 37
въшьнии 56
вѣдѣние 12
вѣкъ 111
вѣнити 182, 218—220, 284
вѣнити сѧ 218—220
вѣно 218
вѣньць 103
вѣсть 12
вѣчьпъи 106—112
всѣ 221, 283

гадии вм. ладии 297
гета 167
глоуҳъ 71, 94, 289
глѫбина 260
гнои 8
говѧдо 82
година 3, 6, 9, 13, 18, 22, 70, 126, 259—266, 284, 286, 298, 300
годъ 259—264
горни 13
горьница 284
господа 78, 80, 81
гостина 79
гостинникъ 80
гостиница 79
гостинъ 79
гостиньникъ 78—80
гостиньница 78—80
гостиньнъи 79
гостиньнъ 78
гостити 269
гостьникъ 78, 80
гощение 266, 268—269
градьць 13, 301
гребните 98—100
гризъ 12
гристи 245
гробните 3, 44, 98—100, 289, 290, 300
гробъ 82, 98—100, 257, 275, 300
грозьнь 13
грѣҳъ 14, 290, 292
грѣшьникъ 167
грѣшьнъ 167
гоумьно 81—82, 284
гѫзьникъ 17, 71, 72, 82—84, 201, 288
гѫсли 231

даръ 176, 177, 183
двьрь 13, 22, 49, 113, 288, 289
дебрь 145
десница 269, 270
деснаиѧ 270
деснъıи 269, 270
дина 90, 303, 304
диѣволъ 192, 194, 291
длъжьникъ 80, 167
добродѣтельнъıи 108
добытъкъ 131
долѣ 12
домовитъ 256, 258
домъ 26, 70, 168, 171, 255—258, 262, 267, 290, 300
доχъторъ 204
древле 13, 120, 130, 133—135, 290
древльнии 134
древьнии 134
дроугъ 55, 56, 82, 104, 267
дроугъıи 92, 93, 96, 97, 269
дрьколь 3, 13, 84—88, 164, 289, 290, 299, 302, 303, 308
доуχъ 195—197
дъска 156, 165
дѣати 214, 215, 217, 253
дѣва 104, 147
дѣвица 103, 149, 275
дѣвьствьнъıи 147
дѣло 131

сда 13
єдасчо 12
єдеръ 91
єдиниже 120
єдиночадъ 43, 96, 284, 298, 300
єдинъ 81, 90—99, 269, 271, 284, 290, 296, 302—304
єдинъıи 96—97
єтерии 95, 97
єтеръ 6, 81, 91—98, 120, 164, 191, 261, 263, 271, 284, 289, 290, 296, 301—304

жаль 44, 98—103, 120, 142, 289, 300, 303
желати 13
жена 214—216
жениχъ 103—106, 164, 284, 300
животолюбьца 107
животъ 13, 106—112, 167, 201, 286, 290, 294, 300—302
животъıнъ 106, 107
животъıнъıи 108
жизнь 13, 106—112, 167, 201, 286, 290, 300—302
жизньıнъıи 107
житне 106—112, 132, 286, 294
житнискъ 106, 107
жрьдь 3, 84—88, 164, 289, 299, 302, 303, 307
жьзлъ 45, 104
жьрьць 144
жѧждѧщь 182

завѣса 7
заклеѧти 112—117
заклепати 112, 114, 148, 290
заклепати сѧ 113, 114
заклепъ 113
заклопити 113
заключити 112—117, 148
заключити сѧ 112
законьникъ 12
закъснити 173
замоудити 175
запечатлѣти 148—150
заповѣдати 13
затварѣти 114
затворити 112—114, 116—118, 290
затворити сѧ 112, 117
зачало 132, 133
зачати 132
зачатие 132
зачати сѧ 273
заштицати 150
заıикливъ 82
зеленъ 144
земльнъ 119, 123, 124
земльскъ 119, 123, 124
земьнъ 119, 123—125
земьнъıи 123, 124
земьскъ 119, 123, 124
земьство 124
зиждѧштии 189
злакъ 46
злъчь 186, 301
змьѣ 193
знаемъıи 57
знаменати 121, 146—150, 290, 299
знамение 148
зракъ 46
зъдание 257
зълодѣи 217
зълъ 301
зьрѣти 10, 57
зять 103—106, 284

игета 161
избытъкъ 131
изволити 12
изврачоующмъ 40
изврѣшти 26
изıѧти 26
изити 281
имѣние 110, 249
инокость 282

иностань 282
иночадъ 43, 120, 282, 284, 298, 300
инъ 92, 282, 284
нота 161
исказити 13
искони 9, 22, 94, 125—130, 134, 135, 176, 188, 286, 300
исконьнъ 125
исконьнъи 125
исконьчавати 73
искрь 9, 48—51, 58
искрьнии 48—58, 120, 284, 298, 300
искоуситель 291, 293
искоусити 274, 291
искоушати 194, 291
искоушение 192, 290—294
испълнити см 118
исполинъ 13
испрьва 9, 22, 94, 125—130, 134—135, 176, 188, 286, 298
испрьвъи 125
испъти 24
истина 135—137, 290
истиньнъ 135
истиньнъи 137
источити 138
источьникъ 9, 76, 138, 139, 145, 286
истѣкати 76, 284
исцѣленье 40, 42
исцѣлити 40—42, 47, 48
и(с)цѣлѣти 39, 48, 197
исцѣлѣти см 39
исъхнѫти 9
исъпати см 8
исѫкнѫти 9, 138
ити 267

казати 12
казнь 107
камень 148, 189, 288, 291
канѫти 247
капати 247
капль 247
катапетазма 210
каѣзнь 107
каѣние 12
кладеньць 139
кладѧжьнъ 139
кладѧзьнъ 139
кладѧзь 3, 9, 90, 94, 137—142, 145, 286, 303, 304, 308
клеврѣтъ 55, 301
клеплѧ (клепати) 120, 146—150, 299
клѣтъка 153
клѣть 114, 255, 256
ключьнъ 12
козьлиште 207
кокотоглашение 151
кокотъ 61, 98, 150—153, 290
кокошь 151—153, 167, 290
колъ 86
колѣно 124
конобъ 5
конь, отъ конн 129
коньць 128
коньчина 260
копье 86, 97
корабиць 296
корабль 283, 296, 297, 301
короуна 5
котъка 153
кошь 120
кратъı 290, 304
крижь 7
кринъ сельнъи 120
кровъ 255, 256
кроужилица 5
кроуна 5
крѣкь 9, 32
крѣмъчии 165
крѣчагъ 149, 298
крьстъ 7
коумиръ 5
коумирьскъи 128
коупити 181
коуплънъи 181
коуплѣ 181, 217
коуповати 181
коупьць 144
коурии 150
коурица 150
коуроглашение 150
коуръ 61, 98, 150—153, 290
коурѧ 150
коуцыı 63
ѣзнь 107
ѣнигъчии 163—168, 290, 301
ѣнигъı 3, 6, 14, 43, 153—155, 157—162, 165, 189, 287, 290, 295, 299
ѣнижьникъ 63, 97, 160, 163—167, 235, 237, 289, 290, 301
ѣнижьнъ 167
ѣнижьнъи 160
ѣнѧжь 282
ѣнѧзь 7, 92, 93
ѣснѣти 61, 94, 103, 172—176, 188, 286
ѣзнь 107

ладии 269
ладиница 269
лакати 281
лачьнъ 183
леньтии 88, 209, 210
леньтионъ 88
лихва 176, 182

лицѣмѣрье 291
лицемѣръ 301
ловьць 144, 238
ловьчии 165
ложе 168—172, 300
ложесна 274, 275
лскъва 8, 146
лѣвица 270
лѣвъи 121, 269—271, 284, 298, 300, 307
любодѣи 217
любодѣание 217
любодѣинъ 214
любодѣица 217
любъı 214
лядвенинъи 274
лжажѣ 150, 152, 153, 167, 290
лжажька 152, 153
лжакавъ 193, 194
лжакавъи 17, 103, 167, 191—202, 290, 292 294, 295, 301, 308
лжакавьıити 194
лжакавьнъ 193, 195
лжьавьнъи 193, 195, 196
лжакавьствие 194, 301
лжакавьство 193, 195
лжъ 86

мальчькъ 12
мамона 106, 110
медъ 182, 186
мечь 86, 89
миса 3, 9, 58—65, 98, 290, 300
младеньць 144, 274
молитвьница 12
молити 13
моль 245—247, 284
мошьна 14
мракъ 46
мрѣзити 13
мрьтвьць 144
моудити 61, 94, 103, 172—176, 188
моудьнъ 172, 173, 175, 176, 290
мьдьлнъ 175
мытарь 178, 179, 181, 182, 266, 284, 306
мытарьница 179
мыто 176—182, 188, 284
мытонмьць 178
мытьница 78, 178, 179, 182
мьзда 176—182, 188, 284
мьздодавьць 178
мьздоимьць 178—182, 284, 306
мьздоотъдавьць 178
мьзданица 178—181, 266
мужь 196, 214, 215

надежда 250, 251, 253, 254
надѣати сѧ 249—251, 253, 255, 286
надѣıа 254
назнаменовати 146, 148
наѧцати 13
намѣстие 12
напасть 286, 289—294, 307
напитати 183, 185, 284
напитѣти 3, 182, 183, 188, 284, 286
наплънити сѧ 118
напонти 177, 186
насладити сѧ 186
насъıтити 182, 185, 273—274
натроути 3, 182—185, 188, 284, 286, 300
наурѣтати 160
начало 125, 130—133, 135, 188
начальникъ 132
начальнъ 132
начальнъıи 132
начати 126
начатъкъ 125, 131, 135, 188
небесьнъ 119—122, 125, 284, 290, 294, 295, 304
небесьнъıи 103, 120—122, 125, 177
небесьскъ 119—122, 125, 284, 290, 294, 295, 304, 307, 308
небесьскъıи 121, 122, 185
невѣдение 26
невѣждьство 26
невѣждьствие 92, 295
невѣрьство 26, 242
неврѣдоу 189—191, 288, 295
не въ рядоу 189—191, 288, 295
невѣста 103
невѣстьникъ 103—106, 164, 284
недѣла цвѣтьнаıа 297
неджгъ 13, 39, 70, 196, 197, 275, 276
неджжьнъıи 39, 48, 196
немощь 169
неправьдьнъ 106
непраздьнъıи 273
непринѣзниость 198
непринѣзнинъ 191, 192, 196—201
непринѣзнь 17, 103, 167, 191—202, 290, 292, 294, 295, 301, 308
непрнязнивъ 198
несмъıслънъ 10
нести 281, 284
несъвѣда 248, 284
несъвѣдъıи 248
нс оубѣдѣ 6
нечистъıи 195, 197
не чю 6
нижьнии 56
никоторъıи 118
никъıи 118
ничесоже 298
ничьтоже 298
ништии 236, 267

ништъ 286
ножь 86
ножьница 86
ноудити 172
нѣкоторъıи 92
нѣкъто 92, 95, 267
нѣкъıи 6, 90—96, 164, 284, 302, 303
нѣмость 83
нѣмъ 17, 71, 72, 82, 83, 94, 197, 201, 288

обити 202, 240
обитѣль 256
область 69—71, 196, 280, 300
обложити 202
окрѣсти 281
окоувенъ 229, 230
оковъ 229
окоути 226
окоути сѧ 230
обѣстжпити 203, 204
обѣдъ 267
обѧти 203, 204
овьца 207, 208, 224, 301
одръ 168—171, 300
озмѣрьнъ 301
окрышьлъ 8
окрочити 202—204, 290, 295
окрьстъ 142
окрьстьнии 52, 57, 284, 301
окоушати 291
олътарь 7, 49, 156, 256
оноушта 226, 229, 230, 284
оноуштънъıи 230
онъсица 90, 303, 308
опона 6, 64, 210, 212, 224
оржжие 84, 86, 87
освѧц(ение) 26, 242
освѧщение 26
оскрѣдъ 13
осклждѣти 245
осла 29
ослабити 168, 171
оставити 43, 57, 88, 283, 284, 292, 293, 294
оставление 88, 294
оставлѣти 14
острокъ 205, 206, 284
осъıпати 8, 286
осѣсти 202—204, 290, 295
отверъзати 117
отврѣсти 117
отѣжчены 6
отокъ 5, 205, 206, 284
отрокъ 13
отъдати 290
отъпоустити 14, 240, 290, 292, 294
отъпоуштение 88, 294
отъпоущенница 215
отьчь 282
отьчьство 118
отмѧчены 6
отмѧчалъ 90
оцьтъ 301
очрьвленъ 220
ошоути 25
ошоутъ 22, 24, 25, 30

пагжба 20, 28
падати 281
палица 13
паропсида 63
пасти 301
пастоухъ 206—209, 284, 298, 301, 307
пастоушькъ 208
пастоушьство 208
пастъıрь 13, 206—209, 284, 298, 301, 307
печа 12
печать 147, 165
печатлѣти 149, 150, 158, 162, 165, 290
пира 14
пиръ 266—268, 286
пиѣница 172
писальникъ 160
писание 6, 43, 153, 154, 156, 159, 162, 295, 299, 302
писатель 160
писательникъ 160
письание 231
пискати 231—234, 284
писменьнъ 160, 161
писменьнъıи 160
писма 156, 160, 161, 162, 299
питати 184
питѣти 182—189
пица 185, 188
пишта (пища) 186—189, 275
пищаль 231
пищальникъ 231
плаштѣница 18, 209—214
плащаничьнъıи 209
плесна 229
плесньць 226, 229, 230
плодъ 191, 217, 274, 278, 301
плѧсати 231
побѣда 113
побѣдитель 196
побѣдити 249
повѣсть 162
погржжати 73
погржжати сѧ 73—75, 284
погржзти 73, 74
подроугъ 48, 53—55, 58, 284, 298, 301
подроужение 267

подъѣѕга 214, 216
подъгорне 284
подъкопати 290, 301
подъпѣга 214—217
подърыти 290, 301
пожда 5
поконь 126, 130
покровъ 255
полагати 8
положити 71, 72
польза 39
помъшление 301
помѣтати 8
поневаже 12
понѣва 212, 213
понѣница 18, 209—214
попона 88
понъ 7, 237
порфѵра 221, 286
послоуҳъ 301
послоушьство 43, 299
послоушьствовати 299
посоҳъ 84, 86—88, 90, 290, 299, 303, 307, 308
постелѣ 168, 172, 276
постъ 7
посъпити 8
потокъ 138, 205
потъѣѕга 155, 214—216
потъпѣга 215, 217
потърѣти 160
похрѣпало 142
похрѣпальникъ 142
право 117, 280
правъ 270
правъи 156, 264, 270
правьда 21, 192
правьдьникъ 167, 249
правьдьнъ 32, 110
правьдьнъи 106, 110, 132, 192, 274
прапржда 220
прапржда 220—223, 290, 295
прапрждьнъ 220
прапрждьнъи 220
прахнѣнъ 301
пронобрѣсти 281
приставьникъ 64
пристжпити 163, 164, 283, 284, 291, 298
притворъ 13
прити 23, 24, 172, 281, 291
пришьлыць 144
прнѣзнь 107, 198
прнѣтель 198
прнѣти 198
прнязнинность 198
прнѧти 40, 88, 89, 160, 176, 177, 183, 209
продати 181, 218—220, 284
продѣти 181, 218—220
продѧти сѧ 220
прозѧбати 123
прокажень 13, 23
проказьство 195
пропинати 223
пропитѣти 182
пропѧти 44, 70, 201, 223—225, 261, 290, 295
пропѧтие 224, 225
просити 13
прострѣти 71, 73
пръкъи 154, 193
пръкѣньць 144
прѣкѣжда 228, 230
прѣди 82
прѣжде 82, 133, 134, 267, 272, 290
прѣлюбодѣи 147, 217
прѣлюбѣденинъ 214
прѣлюбъı 214, 215, 253
прѣпитѣти 186
прѣпоѣсѣти 209, 210
прѣпржда 220
прѣпрждь 220—223, 284, 286, 290, 300
прѣпрждьнъи 220, 222
прѧсти 221
поуетити 214, 215, 284, 291, 298
поуштати 214—215, 291
поущеница 155, 214—216
поуштенаѧ 214, 215
пъваниe 251
пъвати 251
пътеньць 144
пѣвьць 49, 50
пѣнѧжьникъ 182
пѣнязь 13, 53, 78, 177, 182, 218
пѣтель 150
пѣтельглашение 150
пьклъ 104
пьрѣ 247
пьрѣти 247
пьсание 154, 159, 161
пьшеница 81
пьшеничьнъи 81, 96, 182
пѧти 212
пѧть 98, 102, 198, 270

радость 10
радошта 273
разврѣсти 281
распачати сѧ 12
распонъ 197
распѧти 44, 70, 201, 223—225, 261, 290
распѧти сѧ 96, 223
рачити 12
ребро 272, 274, 276
ремень 225, 226, 228, 229, 301

рєшти 87, 92, 94, 95, 127, 133, 143, 147, 149, 154, 160, 172, 191, 196, 218, 236, 249, 261, 266, 273, 281, 284, 291
риза 64, 209—211, 220, 222, 230, 262
ровьникъ 138, 145, 146
рождьство 159
розьство 26, 44, 61, 62, 242, 271
роуда 161
рѣвеникъ 145, 146
рѣба 89, 193
рѣка 76, 146
рѣсноватъıи 136
рѣснота 135—137, 290, 294
рѣснотиие 136
рѣснотиєъ 135
рѣснотиkъıи 135
рѣснотиьнъ 135
рѣснотиьнъıи 135—137
рѣсъıи 136, 137
рѣчь 34
рядъ 189, 191
ржгъ 55

сандалии 226, 230
сапогъ 225—230, 284, 290, 300, 308
свиньць 5
свирати 231, 232, 284
свирѣль 231, 233
свирѣти 231, 233
свирьць 231—234, 284
свобода 126
свѣтило 104
свѣтильникъ 103
свѣтъ 107, 108, 143, 147, 195
серенъ 10
скакати 76, 284
скоро 9, 22, 43, 234—239, 284, 286, 298
скорописьць 234, 235, 237, 238
скотъ 267
скочити 76
скъдельница 303
слово 21, 26, 42, 162, 196
слоуга 158
слоужитель 198
слоужити 96, 267
слоужьба 261
слѣпьць 144, 238
снага 12
снажънъ 12
собота 44, 281
сокачии 165
сопьць 120, 231—234, 284
сотона 199
соха 88
спъıти 3, 17, 20—26, 30—36, 38, 39, 164, 299, 300
спъıтъно 32, 33
спъıтъıи 34, 35
стадо 207
стадьıи 208
старьць 144
стлъпъ 191
строусъ 12
стрѣла 86, 197
стрѣшти—стрѣгж 206, 207
стоуденъ 144
стоуденъıи 144
стоудень 143
стоуденьць 3, 9, 13, 90, 94, 137—142, 145, 286, 308
стоудъ 143
стъклѣница 62, 63, 64, 298
соуе 24, 38, 39
соунъ 5
съвезначално 131, 132
съборище 118, 166, 167, 240—245
съборъ 33, 89, 121, 167, 239—245, 284, 298, 300, 302, 307
събирати 152
събирати сѧ 241, 243, 244
съвитъкъ 131, 160
съвѣдѣние 128
съвѣдѣтель 301
съвѣдѣтелъство 89, 160, 299, 300
съвѣдѣтелъствовати 43, 299
съдравъıи 39
съниматн сѧ 241, 243
сънити 13
сънъмище 118, 120, 166, 167, 240—245
сънъмъ 13, 33, 89, 120, 167, 239—245, 284, 298, 300, 302, 307
сънатие 240, 241, 244
сънати сѧ 241, 243, 272
съпъıти 33
съпъıтъно 32, 33, 34
сърєбро 164, 181, 218
сърєбрьникъ 23, 78, 80, 182, 218
сърєбрънъıи 63
сърѣтение 13
съсждъ 63, 209, 210, 231
сътвориті 33, 52, 127, 161, 189, 190, 191, 214, 236
сътрѣбити 83
сътъ 89
сѣчиво 86
сѫбота 281, 283
сѫдии 21, 45
сѫдъ 23, 70

таланътъ 248
татъ 245, 257, 262
татъба 177

творити 70, 160, 176, 194, 214, 215, 217, 218, 236, 237, 256
тєти 166, 167, 300
титлъ 156
тєкъ 5, 81, 82, 284
тєльвєка 12
тлъкнѫти 24
тръжиште 261
тръжьникъ 181
тръсть 164
тръзвьць 86
тоукъ 182
тоуне 3, 20, 22—26, 32, 36—39, 299
тъкань 222
тълъ 45
тълити 245
тълитель 245
тълѣ 245—247, 284
тълѣние 74, 245, 246
тълѣнъ 247
тълѣньнъıн 198, 247
тълѣти 246, 247
тъма 248, 249, 284
тъмьница 53, 114, 115, 118
тъмьничьнъıн 257

оубаловати 39—43, 45, 47, 48
оубаловати сѧ 39, 43, 48
оубиство 32, 33
оубити 70, 89, 166, 191, 196
оубогъ 286
оубоусъ 64
оувračєвати 41
оувѣдѣти 128
оукъснити 175
оуморити 89
оумочити 172
оумоудити 173
оумѣти 13, 158
оуне 37
оунъıшии 160
оупитати 182
оупитънъıн 186
оупитѣти 186
оупонти 55
оупъıание 249, 250, 251
оупъıвати 249—251, 255, 286
оускорити 234, 235
оусниѣнъ 13
оусъхнѫти 9
оутєти 166
оученикъ 52, 96, 113, 197, 209, 262
оученица 216
оучитель 94, 97, 163, 164, 291
оучити 160, 241, 244
оучити сѧ 158, 283
оучрѣдити 267
оучєсити 284, 299
оучьдрити 234—237

фарисѣи 62, 63, 114, 283, 291
фарисѣискъ 92
философъ 287

хвалити 283, 284, 299
хламида 221
хлѣвъ 49, 182, 183, 195
храмина 255—258, 260, 301
храмъ 255—258, 286, 290, 300
хрѣбетъ 13
хоула 43, 89, 120, 300
хоуление 298
хъıзина 260

црькъı 7, 118, 166, 194
цѣвьница 231
цѣлєньє 41
цѣлитель 47
цѣлити 40, 42, 48, 70, 196
цѣлити сѧ 244
цѣлъ бъıти 48
цѣна 164, 218, 219
цѣнити 218—220, 284
цѣсарь 7, 44, 49, 124
цѣсарьствие 89, 103, 114, 117, 121, 122, 177, 192, 249, 262, 290, 295
цѣсарьство 23, 121, 122, 123, 290
цѣста 8

чаати 255, 262
часъ 3, 6, 9, 18, 22, 87, 259—266, 284, 286, 300
чаша 89
чловѣчь 88, 90, 148, 149, 192, 196, 290
чловѣчьскъ 148, 250, 262, 290
чловѣчьскъıн 88, 198, 261
чрата 96, 161
чрътати 165
чрътогъ 103, 105
чрѣвии 225, 226, 229, 230, 290, 308
чрѣво 272—279, 286, 300
чрѣвънъıн 177, 274, 275, 276
чрѣда 267, 268
чрѣдити 267, 268
чрѣждение 266—269, 286, 300
чрьвенъ 144
чрьвь 245—247
чрьница 144
чьванъ 298
чьтьць 50
чѧдо 70, 143, 249
чѧдь 155

чѧдьць 238
шаръ 165
шаръчни 165
шюи 97, 120, 269—271, 284, 298, 300
шюница 269
шьвьць 144—271
-шьдъı 290, 304

жгълъ 189, 190, 288
жзлъ 45, 104

жтрока 172, 272—279, 286, 300
жтрь 29, 276

ьдро 9, 22, 43, 234—239, 284, 286, 298
ьдропшьць 164, 234, 235, 237, 238
ьзъıкъ 71, 72, 205
ьтрека 277

гпокрнтъ 63, 163, 283, 301

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Оглавление

Стр.

Предисловие 3
Введение 5
Ѥшють — спѣти — тоуне 20
Балии — врачь 39
Близъ — искрь 48
Блюдо — миса 58
Братъ — братръ 65
Власть — область 69
Вѣдѣти — вѣложити 71
Вѣлати сѧ — погрѫжати сѧ 73
Вѣслѣпати — вѣходити 76
Гостиньница — господа 78
Гоумьно — токъ 81
Гжгънивъ — нѣмъ 82
Дрѣколь — жрѣдь — посохъ 84
Єтеръ — нѣкъин, єдинъ 90
Жаль — гробиште 98
Женихъ — невѣстьникъ — зать 103
Животъ — жизнь — житие 106
Заклеѭти, заклепати — заключити — затворити 112
Земьскъ, небесьскъ — земьнъ, небесьнъ 119
Исконн — испрьва 125
Истина — рѣспота 135
Кладязь — стоуденьць — рѣвепикъ — источьникъ 137
Клеплѧ — знаменаѭ 146
Коуръ — кокотъ — лажѣ 150
Кънигы — боукъви — писма 153
Кънигъчии — кънижьникъ 163
Ложе — одръ 168
Моудити — къснѣти 172
Мъито — мъзда 176
Натроутн — напитѣти 182
Не въ рѧдоу — непрѣдоу 189

Непрѣзнь — лжкавъıи 191
Осѣсти — окрочити 202
Отокъ — островъ 205
Пастъıрь — пастоухъ 206
Понѣкица — плаштѣкница 209
Потъкѣга — поуштекница 214
Продати — вѣкити 218
Прѣпржды — багърѣкница 220
Распати — пропати 223
Сапогъ — чрѣвии — оноушта 225
Свирати — пискати, свирьць — сопьць 231
Скоро — ыдро 234
Съпькмъ — съборъ 239
Тълѣ — моль 245
Тъма — несъвѣда 247
Оупъвати — надѣати сѧ 249
Храмъ — домъ 255
Часъ — година 259
Чрѣжденіе — пиръ 266
Шюи — лѣвъıи 269
Жтроба — чрѣво 272
Заключение и выводы 280
Словоуказатель 309

Андрей Степанович Львов

**Очерки по лексике
памятников старославянской письменности**

*Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР*

Редактор *Л. М. Гаврилова*. Технический редактор *Т. И. Анурова*
Художник *А. А. Люминарский*

Сдано в набор 12/XI 1965 г. Подписано к печати 18/IV 1966 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Печ. л. 20. Уч.-изд. л. 21.3. Тираж 2000 экз. Изд. № 687/66. Тип. зак. № 719.
Цена 1 р. 38 коп.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
3	4 сн.	спъіiти	спъıти
4	9 св.	1961	1963
32	23 св.	недосказанным	недоказанным
33	7 св.	съцѣство	съцѣство
38	14 и 15 св.	ε῎ιχῆ	ε'ιχῆ
49	14 сн.	просимь	проснмъ
50	11 сн.	терб.	серб.
72	7 сн.	вѣврѣшти	въврѣшти
81	3 св.	восточнославянские	восточноболгарские
125	22 св.	'εν ἀβχῆ	ἐν ἀρχῆ
144	3 св.	стоудиж	стоудиж
173	12 »	помышътънікъ	помоштънікъ
200	23 »	и	из
205	5 сн.	штокъ	штокъı
221	16 сн.	*vрег-	*рег-
293	18 и 19 св.	гръждж	грьадж
307	6 сн.	вѣчьнаıа	вѣчьнаıа

1 р. 38 к.